

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ
ГКУ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР им. Е.И. КРУПНОВА»

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Выпуск VI

Назрань
2018

УДК 902/904
ББК 63.4
В38

Рецензент:
кандидат исторических наук Д.Ю. Чахкиев

Редактор:
У.Б. Гадиев

Статьи печатаются в авторской редакции. Авторы опубликованных статей несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений, а также за корректность и этичность обосновываемых ими положений и выводов.

Вестник Археологического центра. Выпуск VI. – Назрань: ООО «КЕП», 2018. – 254 с.
В38

ISBN 978-5-906177-98-8

ISBN 978-5-906177-99-5

УДК 9
ББК 6

© Коллектив авторов, 2018.
© ГКУ «Археологический центр» им. Е.И. Крупнова
© ООО «НШЦ «Эврика», 2018.

Г.Е. Афанасьев

(г. Москва, Институт археологии РАН)

**О ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА
И ХАЗАРСКОГО «ДОМЕНА» В IX ВЕКЕ**

Решение многих исторических проблем, связанных с изучением памятников салтовомаяцкой культуры как структурных поселенческих и фортификационных звеньев в системе расселения различных этнических групп, входивших в состав Хазарского каганата, основывается на понимании того, где именно в тот или иной период времени своей истории располагалось интересующее нас государственное образование, какие археологические объекты или антропологический материал и на каком основании могут быть с ним связаны. Ответ на этот вопрос важен и для детального изучения этнополитических и этнокультурных процессов, проходивших в I тыс. н.э. на юге Восточной Европы [Ващенко, 2000. С. 1-196]. При этом необходимо различать три самостоятельных вопроса. Во-первых, это проблема этнической территории хазар (иногда её называют «хазарский «домен»»), маркируемой их могилами. Во-вторых, проблема ограждённой системой фортификационных сооружений территории Хазарского каганата в целом, занятой, кроме хазар, их донскими аланскими «конфедератами», потомками оногуро-булгарского населения, а также потомками местных славянских и финно-угорских племен дохазарского времени – псевдобулгар. В-третьих, проблема соседних с Хазарским каганатом территорий, которые находились под его эпизодическим протекторатом, или кондоминиумом.

Представления историков о размерах и локализации Хазарии главным образом базируются на различных трактовках информации средневековых арабских, армянских, византийских, грузинских, древнерусских, персидских, хазарско-еврейских и других письменных источников. В одних исторических моделях занятая хазарами территория принимает обширные размеры от Арала до Киева [Толстов, 1948. С. 228, 229. Карта 3; Brook, 1999. P. 27-44; Петрухин, 2013. С. 107-133] и от Куры до Камы. В других – ограничивается скромными по площади землями Волго-Донского [Рыбаков, 1953. С. 128-150; Гумилёв, 1966. С. 9-182; Golden, 1992. P. 232, 282, Map. VII, VIII; Галкина, 2006. С. 132-145] или Волго-Терского междуречья [Семёнов, 2009. С. 289-314]. Наконец, некоторые авторы особо оговаривают, что этот вопрос остаётся открытым ввиду недостаточной изученности именно археологического источника [Голб, Прицак, 1997. Аниотация к карте]*.

В последние десятилетия в научной литературе обсуждаются две гипотезы, размещающие территорию хазарского «домена» и место его столицы в IX в. Первая заключается в том, что центр Хазарии располагался в низовьях Волги. Она основывается на убеждении, что название реки Атель/Итиль [Фасмер, 1986. С. 336, 337], где, согласно письменным источникам, находилась хазарская столица, связано исключительно с Волгой [Dunlop, 1967. P. 50, 88; Заходер, 1967. С. 167-202; Golden, 1980. P. 224-229; Новосельцев, 1990. С. 128-131; Калинина, 2007. С. 106-117; Семёнов, 2009. С. 294, 295; Крюков, 2013. С. 28-35], но допускается, что на каком-то историческом этапе так мог называться и Терек [Мудрак, 2010. С. 374-377]. Вторая гипотеза базируется на предположении, что гидроним «Атель/Итиль» имел более широкое применение. По этой причине хазарский «домен» и его столица вполне могут быть локализованы к западу от Волги [Гадло, 1979. С. 190], в бассейне Дона, нижнее течение которого воспринималось античными и средневековыми информаторами как параллельное русло Волги [Чичуров, 1975. С. 73, 74; Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов, 2007. С. 13-250]. Отсюда делается вывод, что название «Атель/Итиль» распространялось, кроме главного русла Волги, и на участок Дона от переволоки до его устья. В

последнем случае в качестве этнической территории хазар и места расположения их столицы в IX в. очерчивается бассейн Нижнего Дона [Катунин, 2000. С. 119, 120; Чердниченко, Ефанов, 2011. С. 67-70].

Дискуссионным остаётся и намеченный вариант северо-западного рубежа Хазарского каганата. Историки первой половины XX в. следовали историографической традиции XIX века, согласно которой население «дикого поля» к югу от современного Воронежа и Харькова и далее к Волге, Крыму и Кавказскому хребту в IX в. считалось хазарским [Веселовский, 1866. С. 3; Вейнберг, 1885. С. 7-11; он же, 1891. С. 59-72; Ефименко, 1906. С. 15; Грушевский, 1911. С. 273-280; Багалей, 1914. С. 188-190]. Показательно, что когда воронежский священник С.Е. Зверев задал научному сообществу вопрос, кто же обитал на Маяцком городище, то Д.Я. Самоквасов без колебаний, но и без каких-либо аргументов ответил – хазары [Захарова, 2010. С. 13-22].

Археологи второй половины XX века, за редким исключением или с некоторыми оговорками, придерживались взглядов М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой о том, что лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, носителем которого, в их представлении, было болгаро-хазаро-аланское население, маркирует северо-западные рубежи Хазарского каганата [Красильников, 2012. С. 32-41; Сидоренко, 2014. С. 117-120]. Никаких доказательств в пользу этой гипотезы высказано не было, на что обращал внимание ещё И.И. Ляпушкин [1958. С. 140], но, как показывает отечественная историография, вплоть до последнего времени многими исследователями она воспринималась в качестве аксиомы [Галкина, 2001. С. 88-111; Талашов, 2005. С. 3-277]. В какой степени археологический источник соответствует той или иной гипотезе о локализации хазарского «домена» в IX в.? Ответ на этот вопрос состоит в проверке предложенных исторических реконструкций. Задача заключается в экспертной оценке археологического, антропологического и генетического материала салтово-маяцкой культуры** на предмет поиска в нём этнокультурной, популяционной и генетической специфики с определением плотности соответствующих артефактов, признаков и маркёров.

Археологи XX в., чьи научные интересы были связаны с памятниками салтово-маяцкой культуры, доверились тем историкам-востоковедам, кто считал, что река Итиль – исключительно Волга, и размещал столицу Хазарии в её низовьях, очерчивая этот регион как сердцевину государства. Поиски там археологических памятников, оставленных хазарскими и бурт/фурт-асскими этническими группами, ведутся уже около 180 лет, начиная с поездки В. Булыгина из Саратова в Астрахань, но фактически безрезультатно [Булыгин, 1836. С. 32-65]. Целенаправленные разведки в Нижнем Поволжье, проводимые московскими, петербургскими, ростовскими, калмыкскими, астраханскими, волгоградскими, саратовскими и дагестанскими археологами в последние 50 лет с задачей обнаружить хазарскую столицу также положительного результата не дали. Не удалось там найти не только города Итиль, но и вообще следов каких-нибудь хазарских долговременных поселений со слоями салтово-маяцкой или иных синхронных ей археологических культур, которые можно было бы аргументированно связать с хазарами. Нет ничего, что могло бы свидетельствовать о существовании там крупного государственного объединения, каким в письменных источниках рисуется Хазарский каганат с его сформировавшейся системой широкого расселения.

Обнаруженные на правобережной приволжской территории Волгоградской и Астраханской областей редкие разбросанные погребения хазарского времени, не связанные территориально с долговременными или даже с сезонными поселениями [Гумилёв, 1966. С. 148-154; Археологическое..., 2013. С. 143-148; Кутуков, Пантелеев, 2013. С.

175-190], создают впечатление далёкой периферии. Предположение об открытии нижеволжского варианта салтово-маяцкой культуры [Плетнёва, 2000. Рис. 1] оказалось не только поспешным [Талашов, 2005 С. 105, 106], но и в научном отношении совершенно необоснованным. В то же время на Нижней Волге обнаружены многочисленные памятники других народов – сарматского, огузского и золотоордынского времени [Скрипкин, 1984. С. 3-149; Перерва, 2005. С. 3-286; Атавин, 2008. С. 106-171; Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 3-271; Васильев, 2012. С. 13-20], что говорит о довольно хорошей археологической изученности этого региона и полностью снимает вопрос о неисследованных территориях – «белых пятнах», где, якобы, может скрываться, но пока ещё не найден, весь массив разыскиваемых многие десятилетия хазарских памятников – могильников, поселений и городищ. Так в чём же дело, почему нет археологических следов хазарского наследия там, где, по мнению сторонников первой рабочей гипотезы, нарративные документы размещают центральные земли Хазарского каганата?

В 60-х годах прошлого века эту проблему пытался решить Л.Н. Гумилёв, возглавлявший в течение ряда лет специальную археологическую экспедицию Государственного Эрмитажа, безуспешно искавшую хазарский Итиль в дельте Волги. Он считал, что хазары были оседлыми земледельцами и в VI-X вв. их этническая территория располагалась в северной части Прикаспия, где пустовали обширные территории плодородной земли, которые активно осваивались. Эти земли и составляли экономическую базу Хазарского каганата. В X в. уровень Каспия поднялся на 3 м, в результате чего вся страна хазар оказалась на дне морском [Гумилёв, 1966.С. 9-189].

Одновременно с Л.Н. Гумилёвым к решению этой проблемы приступила С.А. Плетнёва. В её представлениях хазары были кочевниками, поэтому факт отсутствия их археологического наследия в Северном Прикаспии она объясняла особенностями кочевого быта [Плетнёва, 1982. С. 51]. Что же касается города Итиль, то его руины, по мнению исследовательницы, размыты и засыпаны песком [Плетнёва, 1967. С. 46]. Для того, чтобы как-то обозначить территорию Хазарского каганата археологическим материалом, была выдвинута гипотеза о существовании «государственной культуры», которая отождествлялась с салтово-маяцкой культурой [Плетнёва, 1967. С. 189; она же, 2000. С. 206-221; Петрухин, 2013. С.121-133; Флёров, 2012. С. 260-265]. У современных последователей этих взглядов [Петрухин, Аржанцева, Зиливинская, Флёров, 2009. С. 90-103] главным этномаркирующим признаком в керамическом производстве болгаро-хазарских племён фигурируют кухонные горшки с гребенчато-волнистым орнаментом, в формовочной массе которых присутствовал песок. Этот аргумент потерял свою научную значимость после того, как стало ясно, что такие сосуды производились и донскими аланами, и северокавказскими аланами, и представителями северокавказского субстратного населения, и многими другим этнокультурными группировками Восточной Европы [Афанасьев, 2013а. С. 13-25; он же, 2013б. С. 34-50].

Вплоть до 60-70-х годов прошлого века археологические памятники хазарских этнических групп IX в. вообще не были известны нашей науке, а в обобщающих работах по археологии Хазарского каганата [Плетнёва, 1967. С. 3-189] этот пробел в наших знаниях скрывался в общих рассуждениях о полиэтничности и «государственности» салтово-маяцкой культуры, в которой артефакты донских алан и праболгар/псевдоболгар были призваны иллюстрировать материальную и духовную культуру хазарского этноса [Pletnjowa, 1978. S. 7-162]. Благодаря открытию С.И. Капошиной, Г.А. Фёдоровым-Давыдовым и Л.С. Клейном подкурганых погребений, чью этнокультурную принадлежность хазарам впервые аргументированно сформулировал А.И. Семёнов, стали ясны

общие контуры этой проблематики [Семёнов, 1983. С. 101, 102; он же, 1988. С. 97-111; Иванов, 1999. С. 32-52; Флёрова, 2001. С. 71-82; Круглов, 2005а. С. 427-451; Кольцов, 2008. С. 19].

Для решения вопроса о локализации этнической территории хазар во второй половине VIII – IX вв. мною была предложена процедура изучения динамики плотности ареала хазарских подкурганых погребений ГИС-методами (рис. 1). Результаты исследований показали, что наивысшая концентрация таких памятников в IX в. приходится на бассейн Нижнего Дона [Афанасьев, Атавин, 2002. С. 14-16; Афанасьев, 2009. С. 7-17]. Оказалось, что этот ареал сопряжен и с концентрацией находок монголоидных черепов, характеризующих, скорее всего, хазарские этнические группы [Батиева, 2002. С. 71-101; Балабанова, 2006. С. 59-61; она же, 2013. С. 76-81], и с концентрацией рунических надписей [Кызласов, 1994. С. 3-320], обнаруженных на юге Волго-Донского междуречья. Кроме того, на эту же территорию приходится основной массив находок луков хазарского типа [Савин, Семёнов, 1998. С. 295], хотя по этому вопросу существуют и иные суждения [Круглов, 2005б. С. 73-142]. Наконец, в отличие от населения, практиковавшего катакомбный и ямный обряд погребения, в подкурганых могилах найдены зеркала с длинной ручкой, аналогичные зеркалам из погребений Самарской Луки, джетысарских и кенкольских могильников [Левина, Равич, 1995. С. 127-129; Богачёв, 2000. С. 150; Зубов, 2006. С. 76]. Следует оговорить, что такие же зеркала встречаются в некоторых могильниках в долине Северского Донца [Аксёнов, 2008. С. 441-445], но там их появление, скорее всего, отражает не этномаркирующую специфику материальной культуры представителей патрилокальных поселений в целом, а документирует факт пришлого этнокультурного компонента, возможно, брачные связи местного мужского населения с хазарскими женщинами из степных регионов Черноморско-Каспийского междуморья. Подобная ситуация была хорошо прослежена антропологами на памятниках в долине Кубани [Балабанова, 2004. С. 200-215] и Нижнего Дона [Батиева, 2002. С. 71-101].

Возникает вопрос о степени соответствия всех этих наблюдений той ситуации, которую показывает анализ системы обороны хазарского времени в регионе Волго-Донского междуречья. Как известно, этнические группы, обосновавшиеся на определённой территории и осознающие свою принадлежность к какому-то политическому образованию, стремились создать комплекс защитных мер, направленных на отражение возможных угроз со стороны враждебных им этнополитических группировок или государств. Особое значение придавалось укреплению центральных районов, где концентрировались органы власти и управления. Во второй половине XX – начале XXI вв. городища салтово-маяцкой культуры, как правило, рассматривались в социальном аспекте. Создавалась, дискутировалась и опровергалась концепция белокаменных феодальных замков Хазарского каганата, якобы маркирующих процесс перехода населения бассейна Дона от кочевий к городам и соответствующей трансформации социально-экономических отношений. Активизировались полевые исследования памятников фортификационной архитектуры. В одних случаях (Маяцкое городище) идеология раскопок была нацелена на документацию результатов исследований, произведённых ещё в первой четверти XX в., при минимальном вскрытии ранее не потревоженных участков культурных слоёв памятника [Афанасьев, 2012. С. 93-122]. В других (Верхнесалтовское городище), – на выяснение строительных традиций и системы организации обороны [Свистун, 2007. С. 40-58; он же, 2009. С. 459-478]. В третьих (Правобережное и Семикаракорское городища), – на получение нового материала, который впоследствии,

хоть и был опубликован, но в историко-архитектурном и строительном аспектах остался неизученным авторами раскопок. Да и сама задача исследования системы обороны, ареалов и истоков хазаро-аланской фортификационной архитектуры, использованных при её возведении строительных материалов и приёмов, динамики развития плана и внутреннего пространства, как основы для последующих этнокультурных, этносоциальных и этнополитических построений, по существу, ими не ставилась [Плетнёва, 1994. С. 271-396; Флёров, 1994. С. 441-516; он же, 2001. С. 56-70]. В обобщающих работах, посвящённых археологии Хазарского каганата, им не нашлось места в качестве самостоятельной базы источников для анализа и последующих исторических реконструкций. Материалы раскопок Правобережного и Семикаракорского городищ служили всего лишь дескриптивным и иллюстративным фоном, который был оторван от практического исследования археологического и историко-архитектурного первоисточника [Плетнёва, 2000. С. 3-23-; Флёров, 2011. С. 9-225].

Между тем, анализ ГИС-методами ареалов, взаимосвязи и плотности 48 городищ хазарского времени, открытых в Волго-Донском междуречье, может дать нам представление о системе обороны Хазарского каганата в целом, о расположении и «центральности» защищённых областей этой страны. Большая часть укреплений (таблица 1, тип 1, рис.2-а) иллюстрирует традиционную для Юго-Восточной Европы систему фортификационных элементов, состоящую из эскарпов, рвов и грунтовых валов – простейших способов обеспечения безопасности зоны ответственности родоплеменных групп или территориальных общин [Афанасьев, 1993. С. 123-150; Тортика, 2012а. С. 252-257]. Меньшую часть (таблица 1, тип 2; рис. 2-б) составляют крепости геометрической формы, построенные из сырцового, обожженного кирпича или обработанных каменных блоков. Они отражают принципиально новое явление в фортификационном зодчестве населения Юго-Восточной Европы, уходящее в традиции позднеантичной - ранневизантийской полевой архитектуры и (при содействии византийских архитекторов и строителей) воплощённые в специальных мероприятиях по обеспечению безопасности Хазарского каганата на государственном уровне в связи с возникновением угрозы со стороны Русского каганата [Афанасьев, 1993. С. 123-150; Седов, 1999. С. 67-77; Петров, 2013. С. 132, 133].

Изучение этой выборки аналитическими процедурами географических информационных систем позволяет выделить в зонах лесостепного и степного вариантов салтовомаяцкой культуры **шесть фортификационных агломераций** – укрепрайонов (рис. 3, 4). Две первые, одна из которых охватывала долину Тихой Сосны, а вторая – долину Оскола, территориально сопряжены с расселением родственного северокавказскому консолидированного аланского сообщества (рис. 5, 6-а, табл. 2).

Это носители катакомбного обряда погребения, обладающие единством морфологического облика, проявляющегося в чертах строения черепа, посткраниального скелета и демографической структуры [Бужилова, 2010. С. 855-866]. Их краниологические особенности позволяют выделить два морфологических подтипа [Кондукторова, 1991. С. 145; Ефимова, Кондукторова, 1995. С. 562-583; Решетова, 2014. С. 83,84], сложившихся на сармато-аланской основе. Наличие двух морфологических подтипов в сообществе донских алан, по-видимому, как-то сопряжено с двумя основными вариантами катакомбной погребальной традиции (ютановско-верхнесалтовской и нижнелубянско-дмитриевской), указывающими на уже сформировавшиеся племенные субкультуры [Афанасьев, 1993. С. 80 - 93], но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Основные городища хазарского времени в бассейне Дона

№	Название	Тип	Долина реки
1	Верхнеольшанское	2	Тихая Сосна
2	Маяцкое	2	Тихая Сосна
3	Павловское	1	Тихая Сосна
4	Мухоудеровское	2	Тихая Сосна
5	Колтуновское	2	Тихая Сосна
6	Алексеевское	2	Тихая Сосна
7	Красное	2	Тихая Сосна
8	Чугуевское	1	Северский Донец
9	Верхнесалтовское	2	Северский Донец
10	Хотомлянское	1	Северский Донец
11	Кочеток-1	1	Северский Донец
12	Кабаново	1	Северский Донец
13	Мохнач	1	Северский Донец
14	Сухая Гомольша	1	Северский Донец
15	Вербовское	1	Северский Донец
16	Старосалтовское	1	Северский Донец
17	Кицевское	1	Северский Донец
18	Коробовы Хутора	1	Северский Донец
19	Афоньевское	1	Оскол
20	Ютановское	1	Оскол
21	Поминовское	1	Оскол
22	Подлысенки	1	Оскол
23	Яблоновское	1	Оскол
24	Большое Городище	1	Короча
25	Дмитриевское	1	Короча
26	Карabut	1	Дон
27	Волчанское	1	Волчья
28	Левобережное	2	Дон
29	Правобережное	2	Дон
30	Камышовское	2	Дон
31	Потайновское	1	Дон
32	Среднее	1	Дон
33	Семикаракорское	2	Дон
34	Крымское-1	2(?)	
35	Крымское-2	1	
36	Золотовское	1	Дон
37	Золотые Горки	1	Дон
38	Великокняжеское	1	Маньч
39	Рыгинское	1	Северский Донец
40	Святогорское	1	Северский Донец

41	Татьяновское	1	Северский Донец
42	Богородичное	1	Северский Донец
43	Теплинское	1	Северский Донец
44	Кировское	1	
45	Сидоровское	1	Северский Донец
46	Царино (Маяки)	1	Северский Донец
47	Осияновогорское	1	Северский Донец
48	Райгородское	1	Северский Донец

Тип 1 – городища с насыпными из грунта валами; тип 2 – городища со стенами из каменных блоков, обожженного или сырцового кирпича.

Как показывают результаты антропологических изысканий, донские аланы сохраняли традиционную структуру брачных связей с низкими метисационными процессами [Решетова, 2014. С. 128]. На оседлость и стационарность их образа жизни указывают результаты изотопного анализа: значительная часть растительного компонента в рационе, низкая индивидуальная изменчивость изотопных показателей [Добровольская, Решетова, 2014. С. 33-41]. У донских алан зафиксирован более высокий уровень травматизма, обусловленный военными столкновениями, чем у их соседей – праболгар/псевдобулгар [Бужилова, 2010. С. 855-866; Решетова, 2014. С. 107].

Исследования последних лет позволяют указать и на главную особенность в специфике сельского хозяйства донских алан, выраженную в системе террасного земледелия (рис. 6-б), следы которого зафиксированы в окрестностях Маяцкого, Красного, [Афанасьев, Добровольская, Борисов, 2012. С. 77-83; Рябогина, Борисов, Иванов, Занина, Савицкий, 2013. С. 182-194], Ютановского и Дмитровского городищ. Эта система землепользования, аналогичная северокавказской традиции [Борисов, Коробов, 2013. С.7-233], по-видимому, не практиковалась (или пока ещё не зафиксирована) у аланского населения, проживавшего в долине Северского Донца [Михеев, 1985. С. 32-52; Колода, Горбаненко, 2010. С. 3-183] и была совершенно незнакома соседним славянскому [Винников, 2014. С. 176-183], праболгарскому/псевдобулгарскому [Красильников, 1984. С. 110-125] и финно-угорскому населению [Гришаков, 2001. С. 36-53; Вихляев, 2013. С. 162-170]. Наконец, ещё одна важная особенность производственной деятельности донских алан состоит в использовании для получения железа специфического типа железоплавильных горнов [Афанасьев, 1987. С. 75-83; Степовой, 2006. С. 3-296].

После открытия в начале XX в. катакомбных могильников в Верхнем Салтове и близ Маяцкого городища носители этой погребальной традиции в VIII-IX вв. чаще всего отождествляются с донскими аланами, известными в письменных источниках под именем асов, ясов, асиев, бурт/фурт-асов, ас-келов [Спицын, 1909. С. 67-98; Готье, 1927. С. 46, 47; Vernadsky, 1943. P. 226, 241; Ляпушкин, 1958. С. 137-148; Артамонов, 1962. С. 246, 353-364; Lewicki, 1965. S. 1-33; Гаглойти, 1966. С. 189-202; Минаева, 1971. С. 191-209; Chwiłkowska, 1978. S. 141-172; Pritsak, 1978. P. 264; Афанасьев, 1987. С. 155-167; Добродомов, 1989. С. 16; Кузнецов, 1992. С. 160-169; Бушаков, 1995. С. 38-40; Голб, Прицак, 1997. С. 160; Бубенок, 2008. С. 5-10; Kovács, 2013. P. 6-16]. До нашего времени этноним «ас-кел» сохранился в гидрониме «Ос-кол», в значении «река асов» [Добродомов, 1986. С.117-121; Смолицкая, 1998. С. 90, 91]. Предполагается, что донские аланы - асы генетически связаны с упомянутыми в «Армянской географии» ас/аш-дигорами, обитавшими в Кисловодской котловине и на соседних территориях [Коробов, 2014. С. 511-541]. Следует отметить, что была высказана и альтернативная точка зрения, согласно которой донские аланы фигурируют в нарратив-

ных документах под именем «рус» и именно они являлись этнообразующим ядром Русского каганата [Березовец, 1970. С. 59-74; Николаенко, 1995. С. 29-68; Галкина, 2001. С. 3-266; она же, 2006. С. 27, 28; Жих, 2009. С. 147-157; Карпенко, 2011].

Таблица 2

**Основные ямные, катакомбные и кремационные могильники
и отдельные погребения в лесостепной зоне бассейна Дона**

№	Ямные могильники	Катакомбные могильники	Кремационные могильники
1	Дивногорье	Маяцкий	Кочеток
2	Павловск	Афоньевка	Тополн
3	Червоная Горка	Югановка	Новая Покровка
4	Сердюково-2	Нижняя Лубянка	Сухая Гомольша
5	Мартовая	Подгоровка	Лысый Горб
6	Петровское	Дмитровка	Пятницкое
7	Хотомля	Рубежное	Червоная Горка
8	Металловка	Верхний Салтов	Вербовка
9	Червоная Гусаровка	Старый Салтов	Червоная Гусаровка
10	Бочково	Алексеевка (?)	Кицевка
11	Тишанка	Бочково (?)	
12	Титовка	Нпновка (?)	
13	Ржевка	Столбище (?)	
14	Рождественский		
15	Мандрово		
16	Храпово		
17	Утиново		
18	Терехово		
19	Большой Хутор		
20	Столбище		
21	Волоконовка-1		
22	Волоконовка-2		
23	Волоконовка-3		
24	Волоконовка-4		
25	Шелаево		
26	Белый Плѣс		
27	Борки		
28	Чертовицкое		
29	Старая Тойда		
30	Старая Калитва		
31	Чибисовка		
32	Тишанская		

Третья фортификационная агломерация располагалась в бассейнах Нежеголи. Волчьей и части Северского Донца до места впадения в него р. Балаклея. Раннесредневековое население этого укрепрайона неоднородно и включало три этнокультурных компонента. Один из них, занимающий северную часть территории, состоит из носителей катакомбно-

го обряда погребения (рис. 5, табл. 2). Это представители того же аланского консолидированного сообщества, которое было территориально сопряжено с первой и второй фортификационными агломерациями. Второй этнокультурный компонент третьей фортификационной агломерации, охватывающий южную часть укрепрайона, представлен населением, практиковавшим обряд кремации трунов (рис. 5, табл. 2). Этнический облик этого населения продолжает активно обсуждаться: высказаны славянская, тюркская, хазарская, иранская, финно-угорская версии [Афанасьев, 1987. С. 150-155, Рис. 86; Лаптев, 2013. С. 88-95, 178; Аксёнов, 2014. С. 4-33].

Третий компонент представлен населением, у которого существовал обычай ямного обряда погребения (рис. 7, табл. 2). В этническом/популяционном отношении оно также не было однородным, о чём свидетельствуют не только археологические источники [Афанасьев, 1987. С. 150-155, Рис. 86; Лаптев, 2013. С. 88-95, 178; Аксёнов, 2014. С. 4-33], но и результаты палеоантропологических исследований. Установлено, что морфологический облик этого неконсолидированного населения, которое в исторической литературе именуется праболгарами/псевдобулгарами, характеризуется пестротой и свидетельствует о степном, лесостепном и лесном происхождении отдельных групп населения, практикующего общий для широкого круга различных по своему этногенезу популяций ямный обряд погребения и элементы салтово-маяцкой культуры. Результаты изотопного анализа позволили установить, что это население не имело каких-то общих традиций в системе питания. У представителей данной этнокультурной группы зафиксирована высокая индивидуальная изменчивость, которая объясняется тем, что в последние 10 лет жизни индивидуумы вели подвижный образ жизни, пребывали в разных ландшафтно-климатических условиях, где практиковали широкое разнообразие диеты. Их жизненный уровень был значительно ниже уровня аланского населения, что выражается в высоких показателях маркёров стресса, в практически полном отсутствии детских погребений и в ряде других характеристик [Решетова, 2014. С. 122-126]. Нет никаких оснований говорить о постоянном проживании хазарских этнических групп в зонах ответственности первой-третьей фортификационных агломераций, хотя в некоторых публикациях можно встретить высказанные без соответствующей аргументации утверждения о каких-то хазарских ханских ставках, хазарских гарнизонах или хазарских торговых факториях, якобы размещавшихся на славянском пограничье в зоне лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Территория четвёртой фортификационной агломерации охватывала долину Северского Донца от места впадения в неё р. Оскол до места впадения р. Боровой. Она сопряжена с населением, которое по своим погребальным традициям и антропологическим характеристикам близко популяции, представленной третьим этнокультурным компонентом в третьей фортификационной агломерации [Ефимова, Кондукторова, 1995. С. 562-583]. Мнение В.Г. Крюкова о том, что это были праболгарские племена, известные в письменных источниках под именем «бурджан», поддержано некоторыми исследователями, но в то же время вызвало критику со стороны ряда востоковедов и археологов [Крюков, 1981. С. 7, 8; Калинина, 2011. С. 11-15; Красильников, 2012. С. 35]. Спорными остаются и попытки отождествить это население с чёрными булгарами [Голб, Прицак, 1997. С. 159, 160; Тортика, 2012б. С. 23-31; Бубенок, 2012. С. 28, 29]. И хотя вполне очевиден тот факт, что датировка ряда археологических памятников в долине Северского Донца [Кравченко, 2000. С. 75-100; Бубенок, 2009. С. 26-39] близка или совпадает по времени (середина X в.) с упоминанием в письменных источниках чёрных булгар, проживавших, как полагают некоторые исследователи этого вопроса, где-то в Среднедонечье между Хазарией и Русью [Константин Багрянородный, 1991. С. 335; Тортика, 2012б. С. 23-31], но предположение о генетической связи представленной там популяции с населением Великой Болгарии (первая треть VII в.)

остаётся неаргументированным. Хронологический разрыв почти в 300 лет пока не удаётся заполнить ни исследованным археологическим и антропологическим материалом, ни данными письменных источников, ни результатами молекулярно-генетических изысканий.

Для темы настоящего исследования важно обратить внимание на то обстоятельство, что пятая и шестая фортификационные агломерации сопряжены с расселением на Нижнем Дону собственно хазар, практиковавших подкурганый обряд захоронения (рис. 8) и имевших значительный монголоидный компонент в своём морфологическом облике [Батиева, 2002. С. 71-101; Балабанова, 2006.59-61; она же, 2013. С. 76-78]. Здесь наивысшая плотность оборонительных сооружений приходится на территорию окрестностей Волго-донска, где выделяется Цимлянская оборонительная агломерация (Камышовское, Левобережное и Правобережное, Потайновское, Среднее городища) и Семикаракорская оборонительная агломерация (Семикаракорское, Крымское 1, Крымское 2, Золотовское, Золотые Горки, Великокняжеское, Рыгинское городища). Установлено, что с Цимлянской агломерацией территориально сопряжен Верхнесальский кластер подкурганых погребений, а с Семикаракорской агломерацией – Нижнесальский кластер. Всё это указывает на сложение в бассейне Нижнего Дона хорошо продуманной системы обороны, направленной на защиту этого поселенческого микрорайона [Ларенок, 2000. С. 81-92] в пределах этнической территории хазар в IX в. [Афанасьев, 2012а. С. 6,7].

Время сооружения городищ, построенных в землях Хазарского каганата в византийских архитектурных и строительных традициях в процессе реализации общегосударственной оборонительной концепции (рис. 9), приходится на 30-40-е годы IX в. На это указывает радиоуглеродная дата образца бревна из Алексеевского городища (767-847 гг.), которая в рамках четвёртого десятилетия IX в. синхронна с радиоуглеродной датой основания Маяцкого городища (809-891 гг.) и одновременна с младшей монетой (813 г.) из клада Правобережного Цимлянского городища (с учётом поправки на время её хождения). Все они совпадают с миссией Петроны Каматиры в Хазарию для возведения Саркела (834-840 гг.) [Афанасьев, в печати], за которой скрывается строительство цепи крепостей в бассейне Дона [Vernadsky, 1959. P. 186; Obolensky, 1971.P. 176; Афанасьев, 1993. С.123-150; Седов, 1999. С. 72; Петров, 2013. С. 132, 133].

Вряд ли можно считать случайным и то обстоятельство, что именно в первой трети IX в. в Хазарском каганате происходит политическая реформа - выдвигание на первый план шада-бека, отвечающего за безопасность государства. Более того, процесс государственной самоидентификации Хазарского каганата в это же время находит отражение и в денежной системе. Хазары начали чеканить свою собственную монету по образцу арабских дирхемов [Быков, 1974. С. 67; Фомин, 1990. С. 136-138; Сидоренко, 2002. С. 429-454; Noonan, 1984. P. 186-209; Петров, 2013. С. 132, 133], но с дополнительным изображением трезубца. К 837/838 гг. и 842 г. относятся эмиссии дирхемов с указанием места их выпуска - «Страна Хазар». Вместо традиционной легенды «Мухаммад посланник Божий» на некоторых монетах размещается легенда «Моисей посланник Божий» [Kovalev, 2005. P. 220-253], что отражает известный факт принятия хазарской властью иудаизма в качестве государственной религии [Golden, 1983. P. 128-156].

Изложенные аргументы значительно корректируют наше понимание информации письменных источников и предложенные ранее историками модели локализации страны хазар в IX в. в Волго-Донском междуречье. Они показывают, что в 30-40-х годах IX в. в Хазарском каганате действительно происходят активные внутривосточные процессы, направленные на государственную самоидентификацию с чётким обозначением рубежей страны фортификационными сооружениями. Археологические источники, которыми наша наука располагает в настоящее время, позволяют уточнить этническую территорию хазар-

ских племён в IX в. и говорить о том, что центральным регионом Хазарского каганата были земли Нижнего Дона от Таганрогского залива до Волго-Донской перемычки (рис.10), а не низовья Волги. Размеры хазарского «домена», намеченные Б.А. Рыбаковым и с некоторыми корректировками принятые в настоящее время рядом исследователей [Рыбаков, 1953. С. 128-150; Галкина, 2006. С. 132-145; Шорохов, 2010. С. 89-94], в большей степени соответствуют современным археологическим данным, чем те гипертрофированные размеры, которые фигурируют в работах авторов [Плетнёва, 2000. С. 206-221; Флёров, 2012. С. 260-265; Петрухин, 2013. С. 121-133], ориентирующихся или на сильно преувеличенную информацию хазарско-еврейских письменных источников о занятой хазарами территории, или опирающихся на устаревшую гипотезу о маркирующей Хазарский каганат свойствах «государственной культуры», представленной салтово-маяцкой культурой в её самом расширенном понимании.

Рубежи Хазарии в целом в IX в. рисуются шире. Как было показано выше, на северо-западе они обозначены расположенными в долине Тихой Сосны городищами византийского облика, возведёнными в рамках государственной оборонительной концепции в первой трети IX в. Этому наблюдению соответствует ареал катакомбных могильников, раскрывающих систему расселения донских алан (асиев, бурт/фурт-асов, ас-келов), которые в IX в. выступают в письменных источниках в качестве хазарских конфедератов, но в X в. некоторые из них уже фигурируют в списке врагов хазар [Голб, Прицак, 1997. С. 160, 172]. Южный рубеж Хазарии в письме Иосифа очерчивается по реке Уг-ру [Коковцов, 1932. С. 106], для которой предложены разные варианты отождествления – с рукавом Волги [Westberg, 1899. S. 294], с Кумо-Маньчской речной системой [Рыбаков, 1953. С. 141-145; Плетнёва, 1976. С. 48], с Тереком [Артамонов, 1962. С. 385-390; Гумилев, 1966. С. 19, 20; Кузнецов, 1992. С. 152, 153], с Курой [Виноградов, Ртвеладзе, 1981. С. 116-123].

Мне представляется более убедительной гипотеза Б.А. Дорна, отождествившего реку Уг-ру с упомянутой в сочинении Константина Багрянородного рекой Укрух, отделяющей округ Таматархи от Зихии [Дорн, 1875. С. 330; Константин Багрянородный, 1989. С. 174, 175, 404]. Его аргументы дополнил Г.З. Анчабадзе, обративший внимание на то, что в «Картлис Цховреба» река Уг-ру/Укрух носит название «река Малой Хазарии» [Анчабадзе, 2006], которую принято идентифицировать с Кубанью [Мровели, 1979. С. 22, 45]. Более того, в «Картлис Цховреба» она описывается как пограничная река между Хазарией и Абхазией. По мнению Г.В. Цулая, левобережье Кубани в этот период времени населяют предполагаемые предки абхазо-адыгских племён - брухи [Мровели, 1979. С. 45]. В тексте кембриджского документа, население кубанского левобережья фигурирует под именем *zybos=zykws* и значится в списке хазарских врагов [Голб, Прицак, 1997. С. 155, 172]. Исследованиями П.С. Успенского установлено, что территория Зихии, Папагии и Касахии археологически маркируется ареалом закубанских кремаций [Успенский, 2015. С. 248-274]. Вместе с намеченной мной ранее юго-западной границей зоны распространения подкурганых захоронений хазарского времени [Афанасьев, 2012а. С. 6-7] они дают дополнительные основания для отождествления р. Кубань с упомянутой в сочинении Константина Багрянородного рекой Укрухи рекой Уг-ру письма Иосифа как южного рубежа Хазарского каганата.

В какой степени все эти наблюдения, сделанные на базе исследования археологического, антропологического материала и сопряженной с ним информации письменных источников, соответствуют реальной этногеографической ситуации IX в.? Ответить на этот вопрос в будущем поможет массовый анализ палео-ДНК носителей салтово-маяцкой культуры и их соседей. В рамках работы над проектом РФФИ 13-06-12010 первые шаги в этом направлении уже сделаны [Афанасьев, Добровольская, Коробов, Решетова, 2014. С. 312-315]. По результатам лабораторных работ В.В. Ильинского, допускается возможность ре-

конструкции из палеогенетического материала донских алан мужской гаплогруппы G2 и женской гаплогруппы I. Ранее венгерскими коллегами, проводившими молекулярно-генетическое изучение образцов из Верхесалтовского могильника, выявлены гаплогруппы U*, U2, H, K, D, U5 митохондриального ДНК [Чёз, Ланго, Менде, 2012. С. 94-101].

Результаты изучения современного генофонда народов Северного Кавказа [Схаляхо, Почешхова, Теучеж, Дибирова, Агджоян, Утевская, Юсупов, Дамба, Исакова, Момыналиев, Тагирли, Кузнецова, Коньков, Фролова, Балановская, Балановский, 2013. С. 34-48; Теучеж, Почешхова, Схаляхо, Дибирова, Агджоян, Утевская, Кузнецова, Богунов, Шанько, Коньков, Чиковани, Епископоян, Балановская, Балановский, 2013. С. 49-62] открывают большие возможности для сравнительного анализа созданной исследователями базы данных (как и базы данных FamilyTreeDNA) с палео-ДНК раннесредневекового населения Евразии. Решение проблемы аланской ДНК, неразрывно связанное с выяснением роли алан и кавказского субстрата в формировании современных северокавказских народов, теперь принимает более отчётливые методические очертания***.

Необходим дальнейший углублённый анализ палео-ДНК образцов антропологического материала на уровне субкладов не только представителей катакомбного обряда погребения в Донецко-Донском междуречье в VIII-IX вв. и на Северном Кавказе в III-XII вв. Чрезвычайно важно молекулярно-генетическое изучение носителей подкурганного и ямного обрядов погребений на территории Хазарского каганата, а также одновременного им и предшествующего им центрально-кавказского субстрата, практиковавшего захоронения в каменных ящиках, в подземных и наземных склепах. Тогда станет ясно, какие характеристики палео-ДНК донских алан являются наследием северокавказских алан, сармат, кангойцев и т.д., а какие - центрально-кавказского субстрата или местного населения Волго-Донского междуречья предхазарского времени. Всё это позволит в будущем скорректировать базирующиеся на рассмотрении археологического и антропологического материала выводы о территории расселения и этническом составе населения Хазарского каганата в IX в., позволит проверить степень соответствия информации о генофонде исследуемых раннесредневековых популяций различным вариантам исторических трактовок письменных источников и археологических данных.****

*Автор не разделяет исследовательскую идеологию тех коллег, специалистов в области археологии Хазарского каганата, кто под «археологическим изучением» понимает процесс земляных работ, направленный на добычу артефактов и публикацию отчётного характера их описания, фотографий или рисунков, а не глубокий и всеобъемлющий междисциплинарный анализ археологического источника с целью извлечения из него максимально возможной на современном методическом уровне исторической информации при минимальном деструктивном вмешательстве в культурный слой изучаемого памятника салтово-маяцкой культуры.

**Подготовленный С.Н. Замятниным проект ответа ГАИМК на письмо И.И. Турбина с информацией об открытии Алексеевского городища свидетельствует о том, что именно он был первым, кто в 1926 г. сформулировал само понятие «салтовская культура» в качестве научно-исследовательского инструмента и выделил характеризующие её признаки [Турбин, 1926. С. 4-7]. В том же году оно уже фигурирует в официальном письме ГАИМК в адрес Воронежского музея, а несколько позже этот же термин использует в своём отчёте в ГАИМК Т.М. Олейников [Олейников, 1927. С. 8]. В понимании С.Н. Замятниной, салтовская культура охватывала узкую полосу лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья

между Верхнесалтовским и Маяцким городищами. Для её изучения он кратко сформулировал собственную научную программу, которая включала исследование Алексеевского, Верхнеольшанского, Маяцкого городищ, раскопки Подгоровского и Маяцкого катакомбных могильников, разведки с задачей поиска новых памятников.

***Когда данная работа уже была подготовлена к печати, я получил результаты исследования палео-ДНК, проведённые проф. Х. Ли и док. Р. Вэем в MOE Key Laboratory of Contemporary Anthropology, School of Life Sciences, Fudan University (Шанхай), переданных мною 4-х образцов антропологического материала из Подгоровского катакомбного могильника VIII-IX вв. салтово-маяцкой культуры (раскопки В.А. Сарапулкина, антропологическая экспертиза И.К. Решетовой). Установлено, что в состав генофонда населения, оставившего этот могильник, входили мужские гаплогруппы R1b и N1c1. Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

****Вряд ли можно серьёзно относиться к постулату В.С. Флёрова, согласно которому исторические выводы, сделанные в процессе анализа археологического материала и одновременных ему нарративных документов, нельзя сравнивать между собой, потому что это «в методическом плане» просто недопустимо [Флёров, 2011. С. 118, 119]. Такая несколько странная, исследовательская позиция вступает в явное противоречие с общепринятым современным, широким междисциплинарным подходом к работе с историческими источниками [Стены, 2012. С. 6-340].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксёнов В.С. Зеркала из праболгарских могильников салтовской культуры Верхнего Подонечья // Древности Юга России. М.: Таус, 2008. - С. 441-445.
2. Аксёнов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Том 12. Київ – Харків, 2014. – С. 4-33.
3. Анчабадзе Г.З. К исторической гидронимии Северного Кавказа: река Уг-ру // Материалы международной научной конференции «Кавказоведение – опыт исследований». Владикавказ, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://kvkz.ru/history/2376-k-istoricheskoi-gidronimii-severnogo-kavkaza-reka-ug-ru.html>
4. Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 521 с.
5. Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград: Издатель. Под редакцией А.С. Скрипкина, 2013. - 288 с.
6. Атавин А.Г. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности Юга России. М.: Таус, 2008. С. – 106-171.
7. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987. - 200 с.
8. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. – 184 с.
9. Афанасьев Г.Е. ГИС-процедуры в определении этнической территории хазар // Археология и геоинформатика. Первая международная конференция. М.: ИА РАН, 2012а. – С. 6-7.
10. Афанасьев Г.Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Выпуск 3. Воронеж, 2012б. – С. 93-122.

11. Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА.2013а. № 3. – С. 13-25.
12. Афанасьев Г.Е. Отошители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак // Очерки средневековой археологии Кавказа. М.: Таус, 2013б. - С. 34-50.
13. Афанасьев Г.Е. Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры // КСИА. (В печати).
14. Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г. Что же такое хазарский погребальный обряд? (Проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары. Второй международный colloquium. М., 2002. – С. 14-16.
15. Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В. Борисов А.В. Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи и фактор византийско-хазарского противостояния русам // Мегаструктуры Евразийского мира. М.: Таус, 2012. – С. 77-83.
16. Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. М.: Таус, 2014. - С. 312-315.
17. Багалеи Д.И. Русская история. Том 1. Княжеская Русь (до Иоанна III). М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1914. - 513 с.
18. Балабанова М.А. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая Балка 1 и 2) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 4. Армавир. 2004. - С. 200-215.
19. Балабанова М.А. Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 59-61.
20. Балабанова М.А. Проблемы дифференциации средневековых популяций юга Восточной Европы и Кавказа // Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времён до наших дней» (Донские антропологические чтения). Ростов Н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 76-78.
21. Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. 2002. № 3-4. – С. 71-101.
22. Березовец Д.Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археология. Т. XXIV, 1970. - С. 59-74.
23. Богачёв А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб., 2005. – 432 с.
24. Бубенок О.В. Проблема проходження буртасів у дослідженнях О.Й. Піцакаїсх ідноєвропейських вчених другої половини ХХ ст. // Східнийсвіт. №4. 2008. – С. 5-10.
25. Бубенок О.В. „...и города пойма половецкие, Галин, Чешуев, Сугров...” // Східнийсвіт. № 1. 2009. - С. 26-39.
26. Бубенок О.В. Потомки сарматов в степях Восточной Европы (VI-XIV вв.) // Східнийсвіт. № 4. 2012. – С. 15-40.
27. Бужилова А.П. Донские аланы по данным антропологии // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. - С. 855-866.
28. Бульгин В. Исторические воспоминания на пути из Саратова в Астрахань // ЖМНП. Часть 12. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1836. - С. 32-65.
29. Бушаков В.А. Етнімі «бордак» і «буртас» (До питання про історичну долю буртасів) // Східнийсвіт. 1995. № 2; 1996. № 1.[Электронный ресурс]. URL: <http://ua.convdocs.org/docs/index-581.html>

30. Бьков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. 1974. – С. 26-71.
31. Васильев Д.В. Где находились город и область Саксин? (Постановка проблемы) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4. 2012 – С. 13-20.
32. Ващенко Э.Д. Восточное славянство и Хазария в трудах отечественных историков XVIII-XX веков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 2000. – 208 с.
33. Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. Воронеж: Типография Губернского Правления, 1866. - 456 с.
34. Вейнберг Л.Б. Воронежский край. Исторический очерк. Выпуск 1. Воронеж. Типо-литография Губернского Правления, 1885. - 122 с.
35. Вейнберг Л.Б. Следы хазарской народности в пределах Воронежской губернии // Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж. Типография губернского правления, 1891. - 106 с.
36. Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII- нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Изд-во Кварта, 2014. – 395 с.
37. Виноградов В.Б., Ртвеладзе Э.В. О реке Уг-ру – южной границе Хазарии в X веке // Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. – С. 116-123.
38. Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. № 2 (4). 2013. - С. 162-170.
39. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1966. – 254 с.
40. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. - 216 с.
41. Галкина Е.С. Русский каганат и салтово-маяцкая археологическая культура. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2001. – 266 с.
42. Галкина Е.С. Кочевая периферия восточных славян и Древней Руси: этносоциальные процессы и политогенез. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2006. – 38 с.
43. Галкина Е.С. Территория Хазарского каганата IX - первой половины X в. в письменных источниках // Вопросы истории. № 9. 2006. – С. 132-145.
44. Голб Н., Прицак. Хазарско-Еврейские документы X в. М.-Иерусалим: Гешарим, 1997. – 239 с.
45. Готье Ю. Ясы-Аланы в ранней русской истории // ИТОИАЭ. Т. I (58). 1927. - С. 46, 47.
46. Гришаков В.В. Население мордовского края в эпоху раннего средневековья // История Мордовии (с древнейших времён до середины XIX века). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2001. – С. 36-53.
47. Грушевский М. Киевская Русь. Том 1. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб.: Типография Императорского училища глухонемых, 1911. - 490 с.
48. Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Наука, 1966. - 189 с.
49. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Русская река (речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии). М.: Языки славянских культур, 2007. – 360 с.
50. Добровольская М.В., Решетова И.К. Питание носителей традиции салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа // РА. № 2. 2014. – С. 39-47.

51. Добродомов И.Г. Оскол // Русская речь. № 3. 1986. – С. 117-121.
52. Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя–этнос–история. М., 1989. - С. 15-24.
53. Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. С дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875. - 718 с.
54. Ефименко А.Я. История украинского народа. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз–Ефрон, 1906. - 228 с.
55. Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, 1995. - С. 562-583.
56. Жих М. К проблеме «Русского каганата»: Древняя Русь и её степные соседи // Русин. № 3 (17). 2009. - С. 147-157.
57. Захарова Е.Ю. Археологическая деятельность С.Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. № 1. 2010. – С. 13-22.
58. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. Т.1. М.: Изд-во Восточной Литературы, 1962. – 279 с.
59. Зубов С.Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII-VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Казань, 2006. – 320 с.
60. Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Волгоград. 1999. – 252 с.
61. Калинина Т. М. Днепровско-Донской бассейн в представлениях арабо-персидских географов IX-X вв. // Хазарский альманах. Том 6. Киев – Харьков, 2007. – С. 106-119.
62. Калинина Т.М. Этноним бурджан Ал-Хорезми и Агапия Манбиджского как конструкт // XV сходознавчі читання А. Кримського до 140-річчя А.Ю. Кримського та 20-ї річниці Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського // Тези доповідей міжнародної наукової конференції м. Київ 20–21 жовтня 2011 р. Київ, 2011. – С. 11-15.
63. Карпенко А. А. Об имени алан салтово-маяцкой археологической культуры // Молодёжь и наука: Сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос Красноярск: Сибирский федеральный ун-т. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html>
64. Катунин В.А. Итиль и Цимлянские городища: к вопросу об идентификации // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. – С. 119-120.
65. Коковцов П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X в. Л.: АН СССР. 1932. –134 с.
66. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. – 216 с.
67. Кольцов П.М. Северо-западный Прикаспий в период Хазарского каганата // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. № 1. 2008. – С. 8-19.
68. Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // В кн.: Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд-во Воронежского ун.-та, 1991. – С. 144-170.
69. Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т.1. М., 2014. - 610 с.

70. Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М.: Наука, 1991. – 494 с.
71. Кравченко Э. Е. Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Выпуск 1. Донецк: ДонНУ. 2000. - С. 75-100.
72. Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. № 4. 1984. - С. 110-125.
73. Красильников К.И. К вопросу о правомерности понятия «степная донецкая» салтовомаяцкая культура праболгар // Дриновський збірник. Т. 5. Харківський нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків-Софія, 2012. - С. 32-41.
74. Круглов Е.В. Хазары – поиск истины // Хазары. Евреи и славяне. Том 16. Иерусалим-М.: Гешарим-Мосты культуры, 2005а. – С. 427-457.
75. Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк: Донецкий нац. ун-т. 2005б, – С. 73-142.
76. Крюков В.Г. Этноним «бурджан» у арабских авторов IX в. // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР // Вопросы истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. Т. 1. Источниковедение и историография. М., 1981. - С. 7-8.
77. Крюков В.Г. Писемні документи Арабського Халіфату IX – X століть про місцезрозташування столиці Хозарського каганату // Наука. Релігія. Суспільство. № 1. 2013. – С. 28-35.
78. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. – 390 с.
79. Кутуков Д.В., Пантелеев С.А. Исследование болгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. № 3 (5). 2013. – С. 175-190.
80. Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. – 327 с.
81. Лаптев А.А. Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи // Салтовомаяцкая археологічна культура: проблеми та дослідження. Випуск 3. Харків: Видавець Савчук О.О., 2013. – С. 88-96, 178-181.
82. Ларенок П.А. Хазария и Нижний Дон // Światowit. Том 2 (43). 2000. – S. 81-92.
83. Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из джетысарских памятников // Джетысарская культура. Часть 5. М., 1995. – С. 122-185.
84. Ляпушкин И.И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона. // МИА. - № 62. М., 1958. - С. 85-150.
85. Минаева Т.М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1971. – 248 с.
86. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа. 1985. – 147с.
87. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979. - 101 с.
88. Мудрак О.А. Ранние Хазары с точки зрения этимологии // Хазары: миф и история. М.-Иерусалим: Мосты культуры-Gesharim, 2010. – С. 374-389.
89. Николаенко А.Г. Древний город у Ютановки (заметки краеведа к истории России и Приоскольского края). Волоконовка, 1995. – 111 с.
90. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. – 264 с.
91. Олейников Т.М. Отчёт за 1927 г. о раскопках около Дмитровского городища Воронежской губ. // Архив ИИМК. № 208. - 13 с.
92. Перерва Е.В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2005. - 322 с.

93. Петров И.В. Седьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: варяги, хазары и финансовый коллапс 850-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 8. 2013. - С. 132, 133
94. Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Изд-во Форум – Неолит, 2013. – 463 с.
95. Петрухин В.Я., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Флёров В.С. «Хазарский проект»: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Выпуск 1. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2009. – С. 90-106.
96. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. – 198 с.
97. Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. - 93 с.
98. Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. – 188 с.
99. Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, 1995. – С. 271-369.
100. Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2000. – 241 с.
101. Решетова И.К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014. – 263 с.
102. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Выпуск XVIII. 1953. – С. 128-150.
103. Рябогина Н.Е., А.В. Борисов А.В., Иванов С.Н., Занина О.Г., Н.М. Савицкий Н.М. Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX-X вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). – С. 182-194.
104. Савин А.М., Семёнов А.И. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. - С. 290-295.
105. Свистун Г.Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Выпуск 2. Харьков, 2007. – С. 40-58.
106. Свистун Г.Е. Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк, 2009. – С. 459-478.
107. Седов В.В. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. -320 с.
108. Семёнов И.Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // Хазарский альманах. Том 8. Харьков – Киев, 2009. – С. 289-314.
109. Семёнов А.И. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов Н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – С. 98-102.
110. Семёнов А.И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29. 1988. – С. 97-111.
111. Сидоренко В.А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь, 2002. – С. 429-453.
112. Сидоренко Т.Е. Варианты салтово-маяцкой культуры и их связь с территорией Хазарского каганата в исследованиях С.А. Плетнёвой // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. № 2. 2014. - С. 117-120.
113. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первых веках нашей эры. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984. – 149 с.
114. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. № 1. 1998.– С. 88-93.

115. Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов.сер. Ч. XIX. Январь. 1909. - С. 67-98.
116. «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. – 343 с.
117. Степовой А.В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2006. – 296 с.
118. Схаляхо Р.А., Почешхова Э.А., Теучеж И.Э., Дибирова Х.Д., Агджоян А.Т., Утевская О.М., Юсупов Ю.М., Дамба Л.Д., Исакова Ж.Т., Момьналиев К.Т., Тагирли Ш.Г., Кузнецова М.А., Коньков А.С., Фролова С.А., Балановская Е.В., Балановский О.П. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2. 2013. - С. 34–48.
119. Талашов М.В. Этноконфессиональные отношения на территории Хазарского каганата (отечественная историография: вторая половина XVIII – начало XXI вв.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2005. – 277 с.
120. Теучеж И.Э., Почешхова Э.А., Схаляхо Р.А., Дибирова Х.Д., Агджоян А.Т., Утевская О.М., Кузнецова М.А., Богунов Ю.В., Шанько А.В., Коньков А.С., Чиковани Н.Н., Епископосян Л.М., Балановская Е.В., Балановский О.П. Генофонды абхазо-адыгских народов, грузин и армян в евразийском контексте // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2. 2013. – С. 49-62.
121. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. - 328 с.
122. Тортика А.А. Городища северо-западной Хазарии и их военно-политическое значение // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012а. - С. 252-257.
123. Тортика А.А. «Чёрная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении Империей» и «чёрные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. Т. 5. Академіч не видавництво імені проф. Марина Дринова. Харків – Софія, 2012б. – С. 23-31.
124. Турбин И.И. Заявление о городищах в Воронежской губернии. Дело № 163. 1926 // Архив ИИМК. № 202. – С. 13.
125. Успенский П.С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2015. - 308 с.
126. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1986. - 573 с.
127. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Московского университета, 1966. - 276 с.
128. Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987-1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, 1995. – С. 441-516.
129. Флёров В.С. «Семикаракоры» - крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. № 2. 2001.– С.56-70.
130. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.- Иерусалим: Мосты Культуры – Gesharim, 2011. – 258 с.
131. Флёров В.С. О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. – С. 260-266.

132. Флёрова В.Е. Курганы с квадратными ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа // РА. № 2. 2001. – С. 71-82.
133. Фомин А. В. Подражательный дирхем «Ард-ал-Хазар» IX в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. – С. 136-138.
134. Чередниченко А.Г., Ефанов А.Н. Византийская традиция о реке Итиль-Атель // Научные Ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (96). Выпуск 17. 2011. – С. 67-70.
135. Чёз А., Ланго П., Менде Б.Г. Археогенетическое исследование материалов салтовской и древневепгерской культур (предварительное сообщение) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ – Полтава, 2012. – С. 94-101.
136. Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР (материалы и исследования). М.: Наука, 1975. - С. 65-80.
137. Шорохов В.А. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Апонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского Университета. № 2. 2010. – С. 88-98.
138. Brook K.A. The Jews of Khazaria. Northvale, New Jersey, Jerusalem: Jason Aronson Inc., 1999.-352 p.
139. Chwilkowska E. Wiadomości perskie gopisarza Gardizi'ego (XI w.) o ludach wschodniej środkowej Europy // Slavia Antiqua. T. XXV. 1978. – S. 141-172.
140. Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. New York: Schocken Books, 1967. – 293 p.
141. Golden P. B. Khazar Studies. Anhistorico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – 291 p.
142. Golden P.B. Khazaria and Judaism // Archivum Eurasiae Medii Aevi. III. Wiesbaden, 1983. – P. 127-156.
143. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1992. – 483 p.
144. Kovács A. A Kazár Kaganátus egy népe: a burtászok // Belvedere Meridionale. 2013. XXV. № 4. – P. 6–16.
145. Kovalev R.K. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. The University of Michigan Press, 2005. – P. 220-253.
146. Lewicki T. Zestudiów nad źródłami arabskimi. Cz. III. 1. Siedziby i pochodzenie Burtasów // Slavia Antiqua. 1965. № 12. - S. 1-33.
147. Noonan T.S. A Ninth-Century Dirham Hoard from Devista in Southern Russia // Numismatic Chronicle. Vol. 144. London, 1984. – P. 185-209.
148. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500-1453. London: Weidenfeld-Nicolson, 1971. – 445 p.
149. Pletnjowa S.A. Die Chasaren. Mittelalterliches Reich an Don und Wolga. Leipzig: Koehler-Amelang, 1978. – 172 s.
150. Pritsak O. The Khazar Kingdom Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1978. II. - P. 261-281.
151. Vernadsky G. Ancient Russia. Yale University Press. New Haven. 1943. - P. 226, 241.
152. Vernadsky G. The Origins of Russia. Clarendon Press - Oxford University Press, 1959. – 354 p.
153. Westberg F. Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa // Известия Императорской Академии наук. Том 11. № 5. СПб., 1899. – С. 275–314.

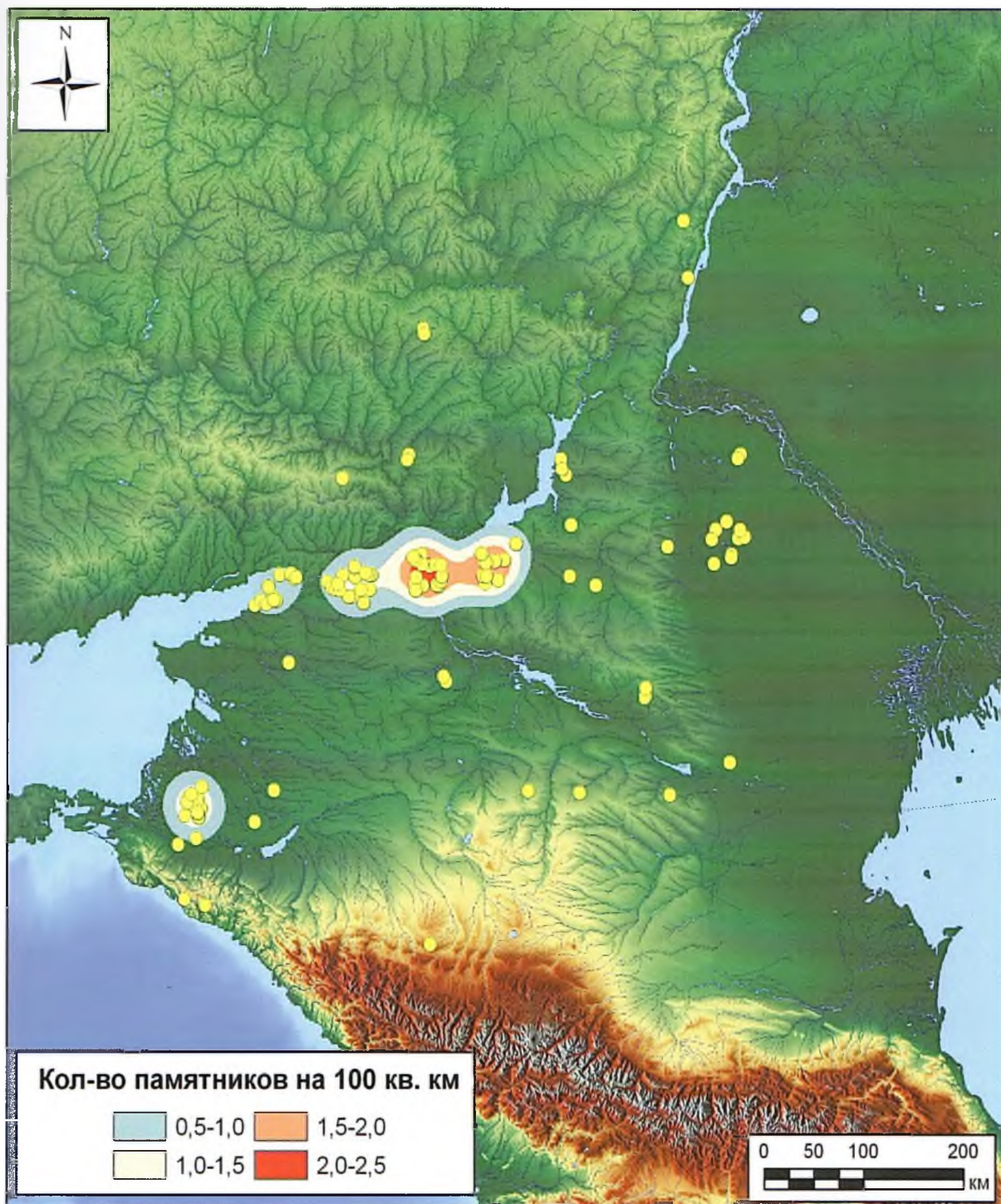

Рис. 1. Ареал и плотность подкурганных погребений хазарского времени в Волго-Донско-Кубанском междуречье.

*Рис. 2. Космические снимки Ютановского и Маяцкого городищ:
а – Ютановское городище, б – Маяцкое городище.*

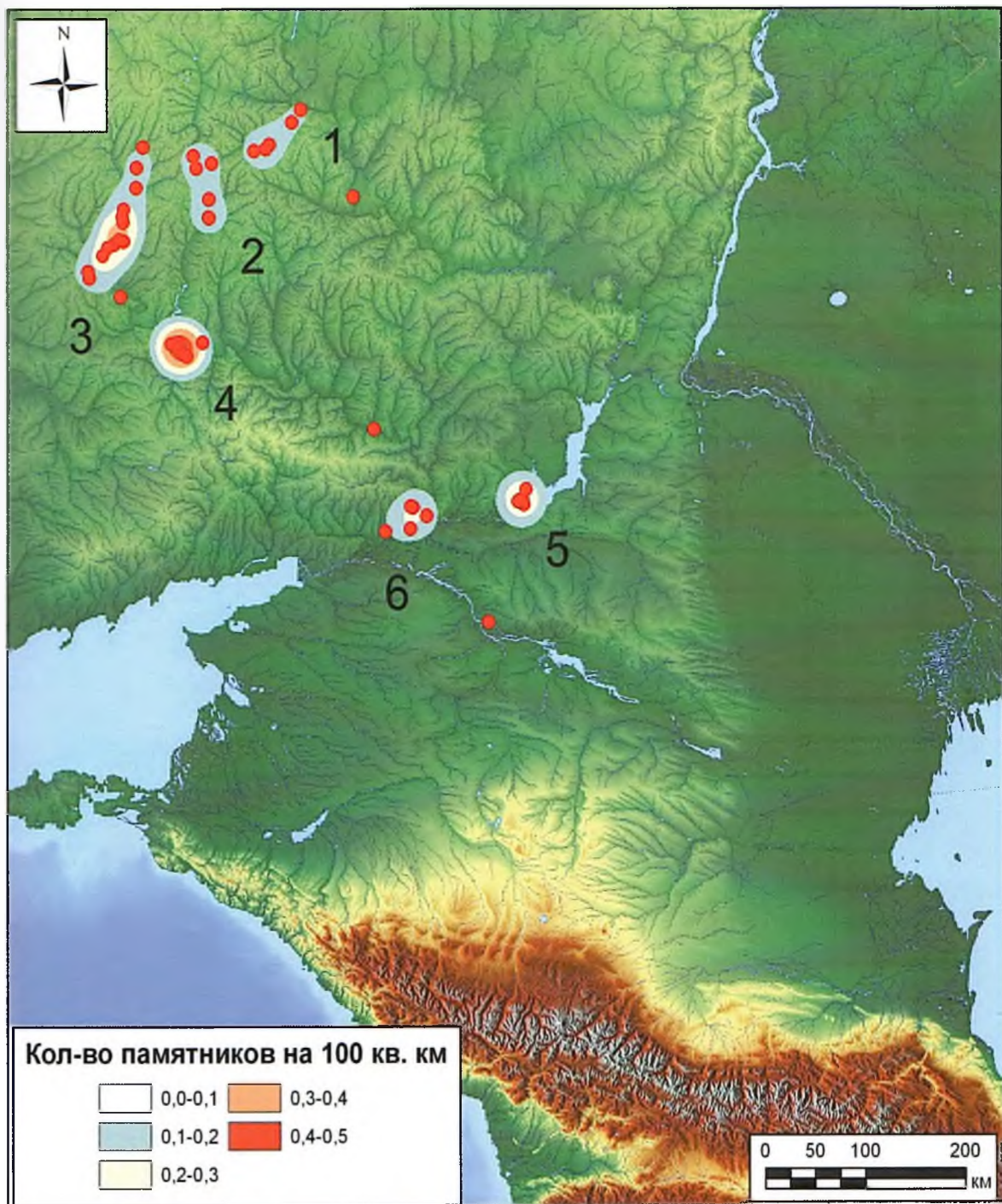

Рис. 3. Фортификационные агломерации и плотность городищ хазарского времени в Волго-Донском междуречье.

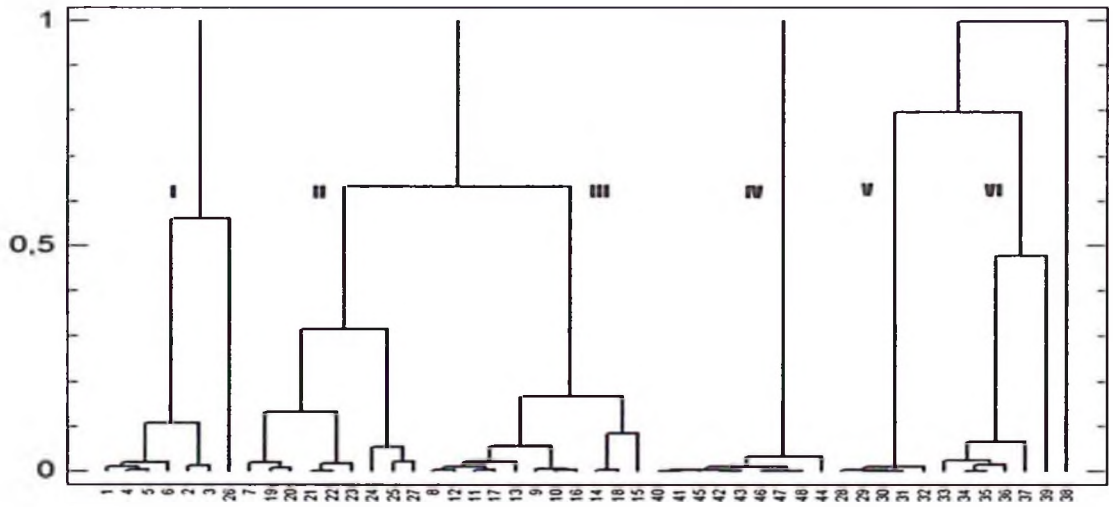

Рис. 4. Дендрограмма взаимосвязи городищ
хазарского времени в Волго-Донском междуречье.

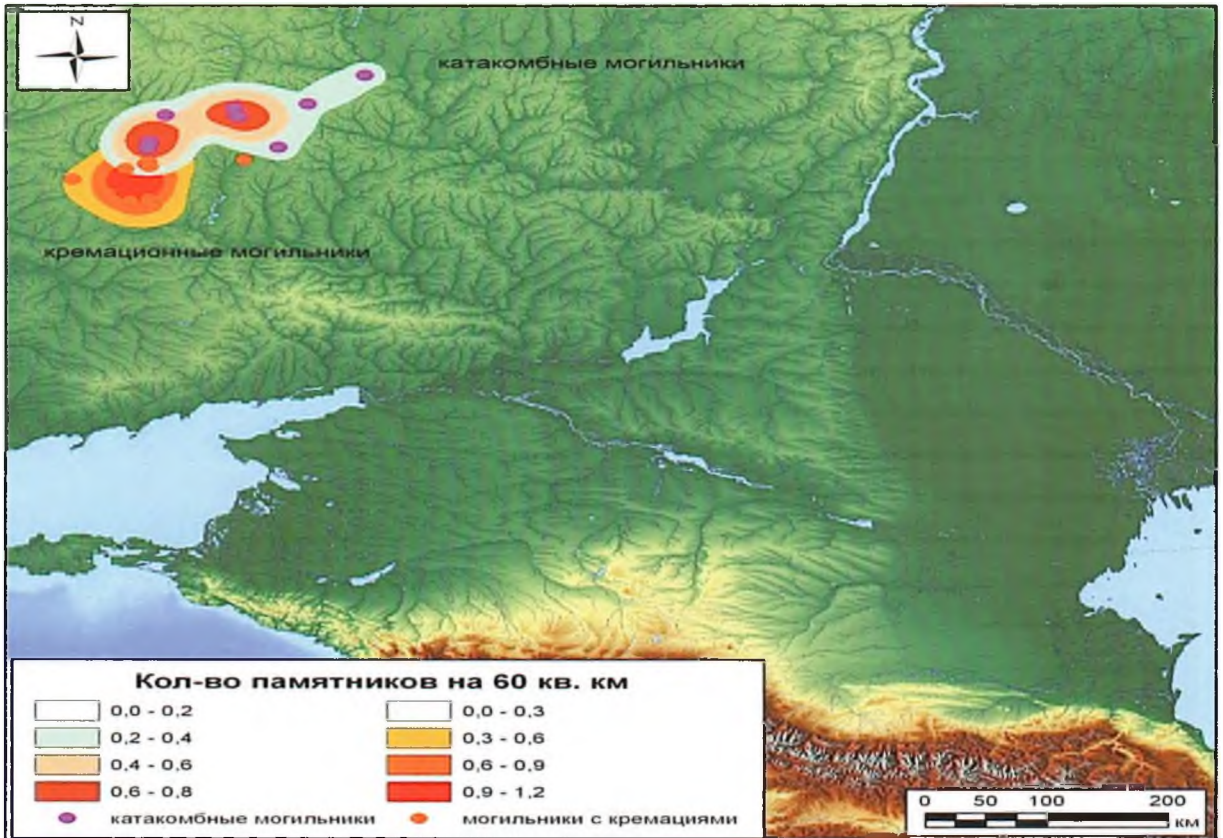

Рис. 5. Ареал и плотность катакомбных и кремационных
могильников в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья.

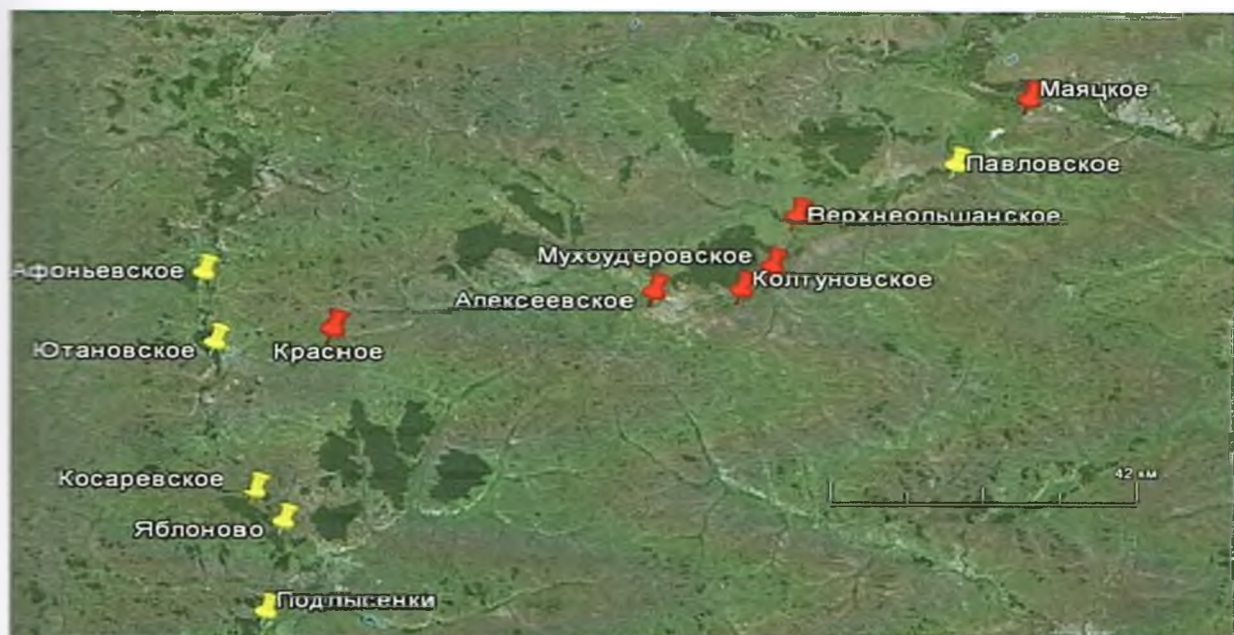

Рис. 6. Городища салтово-маяцкой культуры в долинах Тихой Сосны – Оскола и следы террасного земледелия: а – городища салтово-маяцкой культуры в долинах Тихой Сосны и Оскола; б – следы террасного земледелия близ Ютановского городища.

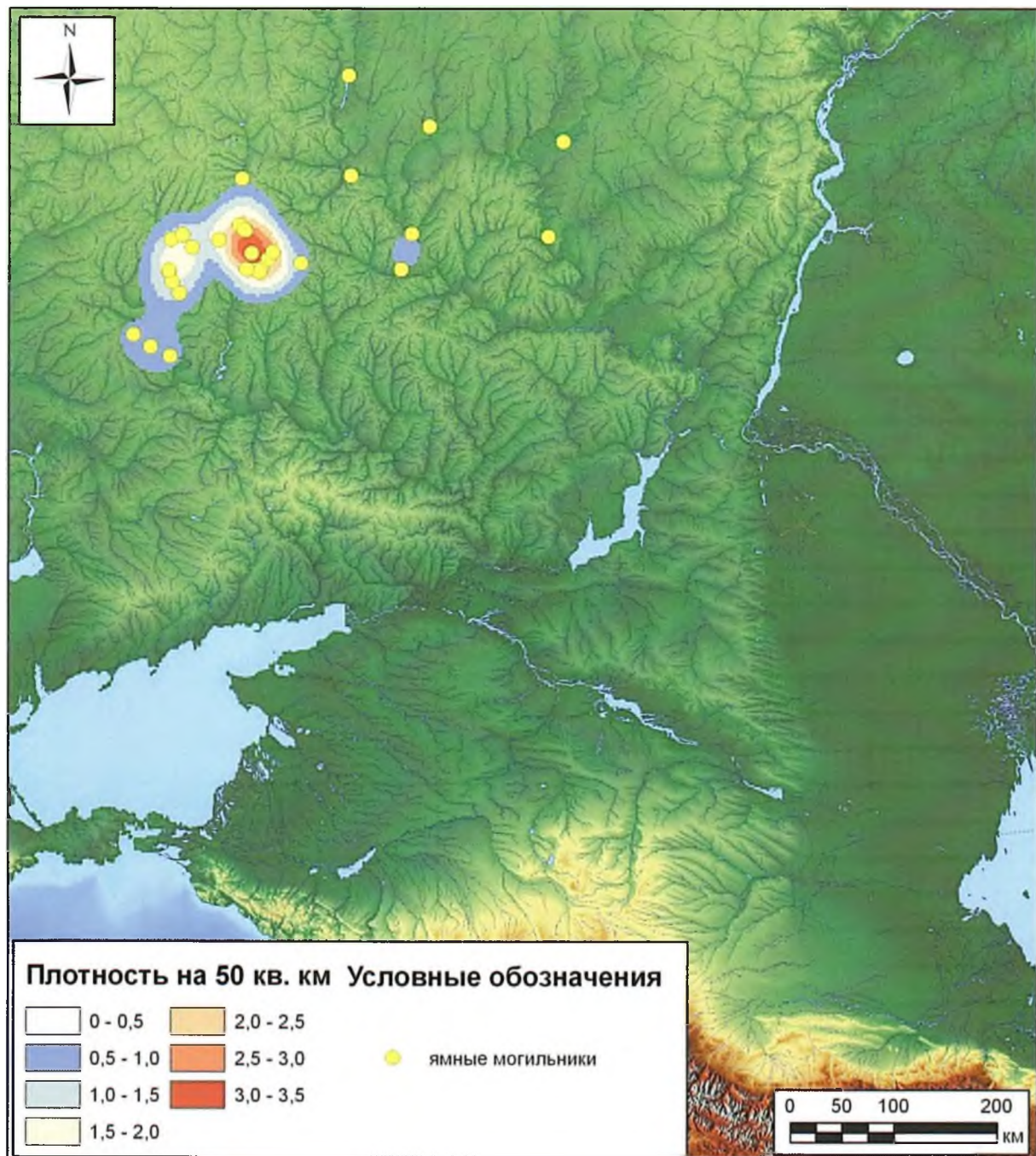

Рис. 7. Ареал и плотность ямных погребений салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне бассейна Дона.

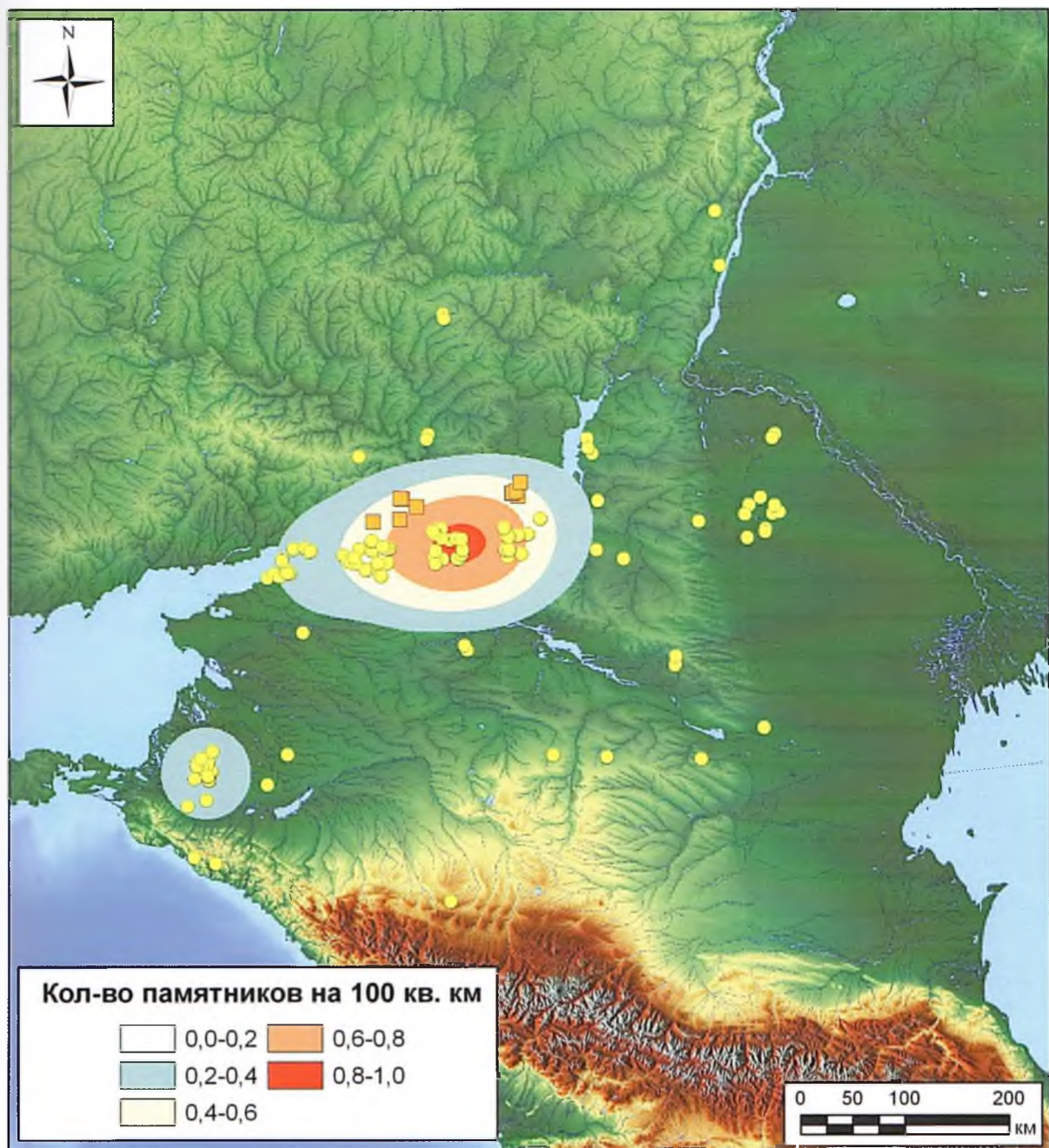

Рис. 8. Ареал подкурганных погребений хазарского времени и городищ пятой и шестой фортификационных агломераций в Волго-Донском междуречье.

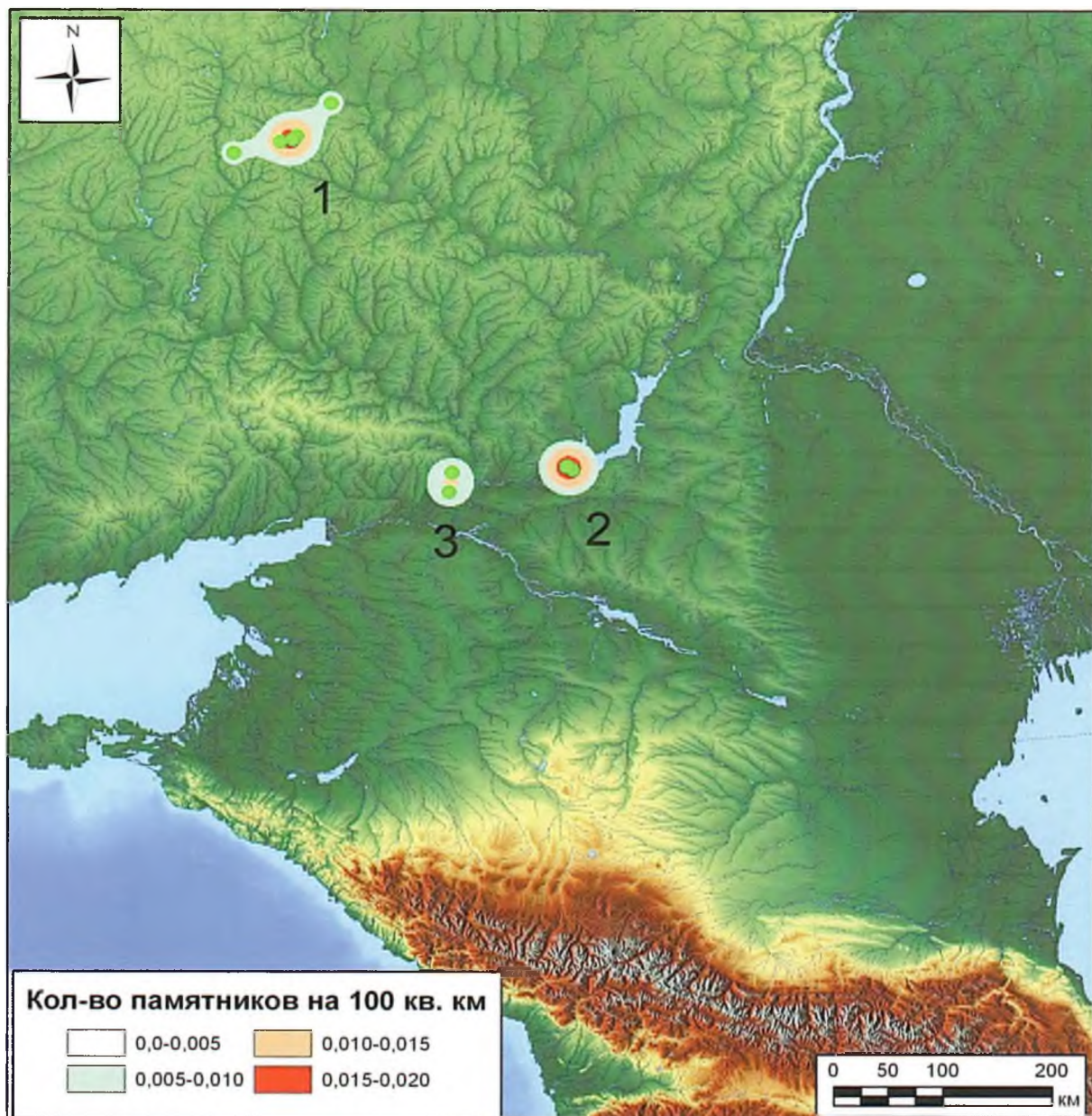

Рис. 9. Ареал и плотность каменных и кирпичных городищ IX в. в Волго-Донском междуречье.

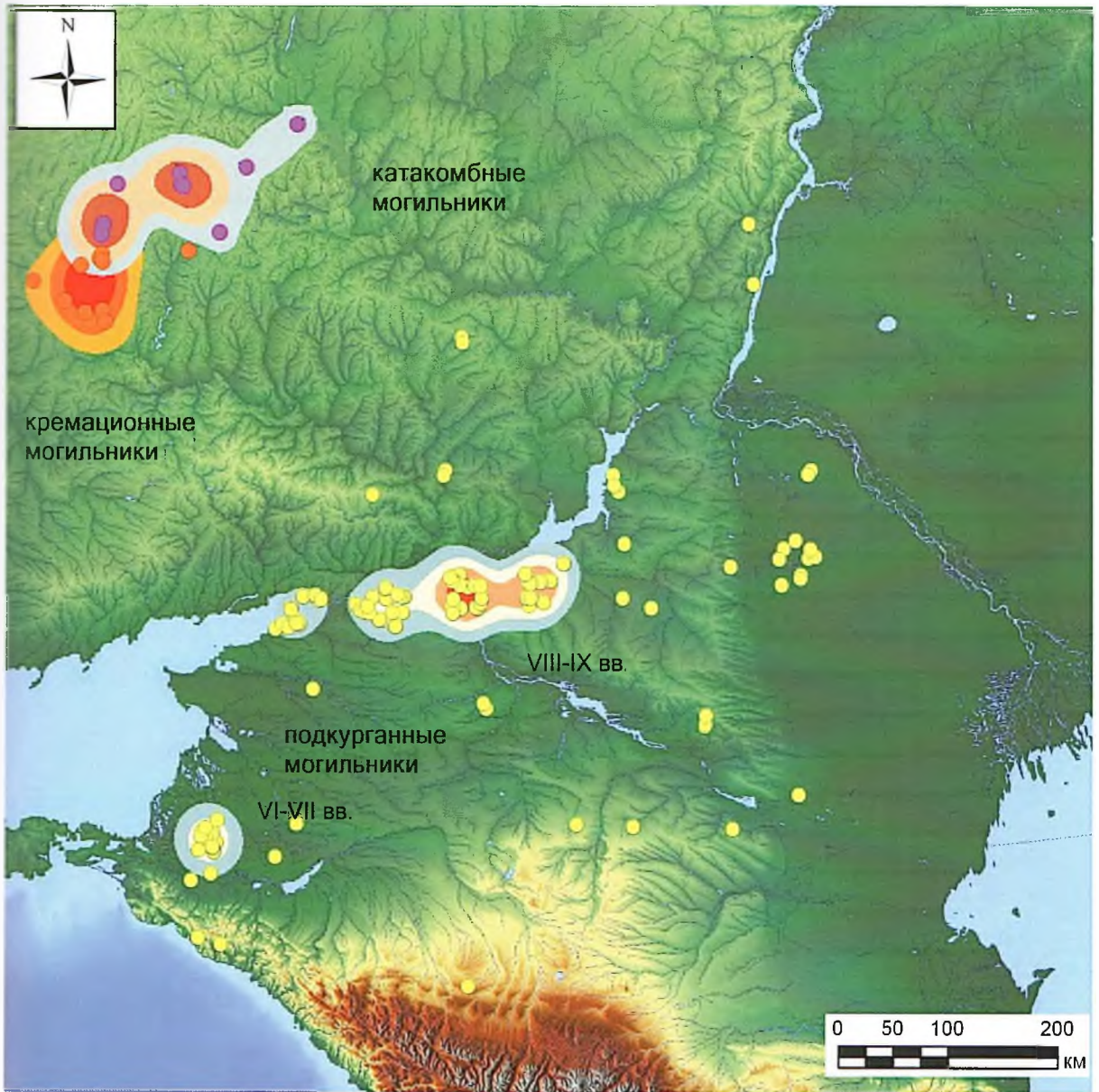

Рис. 10. Ареал и плотность подкурганных, катакомбных и кремационных могильников салтово-маяцкой культуры.

С.Б. Бурков

(г. Владивказ, ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А»)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ЗОНЫ СТРОИТЕЛЬСТВА I ОЧЕРЕДИ СТОЛИЦЫ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ Г. МАГАС

Публикуемое погребение было подвергнуто исследованию Археологическим центром Министерства культуры РИ, с участием автора, в мае 2002 г. (1). Ранее материалы были представлены в виде тезисов доклада на конференции Ингушского госуниверситета в 2011 г. (2). Настоящая статья является полной публикацией данного комплекса.

При осмотре восточной части котлована, вырытого для строительства здания ФСБ в г. Магас, при осыпании его восточного борта, была обнаружена группа камней, располагавшихся в определенной последовательности (фото 1). Для их выявления была произведена прочистка прилегающего участка, составляющей первый уровень зачистки, которая позволила установить, что в данном месте располагается первый внешний уровень погребальной конструкции округлой в плане формы, состоящий из крупных речных валунов (рис.1, фото 2). Для определения ее полных внешних параметров в месте обнаружения первичных признаков погребения был заложен разведочный раскоп размерами 4х4 м, ориентированный по сторонам света. В связи с тем, что его граница с запада совпадала с контуром восточного борта котлована, фиксация бровок раскопа производилась с Ю, В и С сторон. Привязка СВ угла раскопа осуществлялась к той же точке, что и предыдущего, исследованного в этой же зоне в октябре-ноябре 2001 г. (3): от РЦ к З – 2,3 м, к Ю – 6,2 м; нивелировка точки привязки – 0,02 м от РЦ (рис. 2).

Профиль восточной стенки раскопа. Размеры: длина – 4,0 м, высота в ЮВ углу раскопа от верхней точки до границы обнаружения верхнего уровня материкового слоя – 0,94 м, в СВ – 0,98 м. Всего в профиле зафиксировано 6 слоев. Фиксация производилась с запада (рис. 3,1).

Слой № 1. Выявлен по всей длине профиля; толщина – от 0,05 до 0,12 м. Состоит из рыхлой мелкокомковатой сухой супеси серо – коричневого цвета.

Слой № 2. Выявлен по всей длине профиля; толщина – от 0,16 до 0,22 м., состоит из глины желто – коричневого цвета с галькой, очень плотной, сухой, крупнокомковатой – часть полотна подъездной дороги к объекту, идущей вдоль В борта раскопа.

Слой № 3. Зафиксирован сплошной полосой по всей длине профиля; толщина – от 0,08 до 0,14 м. Состоит из уплотненного гумуса коричневого цвета, крупнокомковатого, умеренной влажности.

Слой № 4. Выявлен по всей длине профиля; толщина – от 0,44 до 0,46 м. Состоит из смеси суглинка, гумуса и глины коричневого цвета с желто – коричневыми и коричневатой – желтыми включениями, столбчатой структуры, плотной, вязкой, влажной.

Слой № 5. Предматерик, уплотненный суглинок с гумусом, темно – коричневого цвета, влажный, крупнокомковатый. Прослежен по всей длине, мощность – от 0,1 до 0,16 м.

Слой № 6. Материк – уплотненная глина желто – коричневого цвета, мелкокомковатая, вязкая, влажная. Слой прослежен по всей длине профиля. Верхняя граница обнаружения материка – в ЮВ и СВ углах раскопа, - 1,02 м от РЦ.

Профиль южной стенки раскопа. Фиксация производилась с севера (фото 3).

Размеры: длина – 4,0 м, высота в ЮЗ углу – от верхней точки до точки обнаружения верхней границы материка – 0,82 м, в ЮВ углу – 0,96 м. Всего в профиле зафиксировано 6 слоев (рис.3, 2).

Слой № 1. Прослежен от ЮЗ угла раскопа до точки 2,76 м к В от него. Толщина в ЮЗ углу – 0,3 м, далее – уменьшается до 1,14 м в точке 2,0 к В от ЮЗ угла, в точке 2,76 м к В от него – заканчивается. Соответствует слою № 1 восточного профиля.

Слой № 2. Прослежен от ЮЗ угла раскопа до точки 2,56 м. к В от него. Границы слоя ровные, толщина – 0,09 м. Соответствует слою № 3 восточного профиля.

Слой № 3. Прослежен от ЮЗ угла раскопа до точки 2,46 м к В от него. Границы слоя ровные, толщина – 0,08 м. Состоит из мешаного суглинка и глины желтовато-коричневого цвета, плотного, крупнокомковатого, умеренной влажности.

Слой № 4. Прослежен по всей длине раскопа. Его толщина в ЮЗ углу – 0,22 м, в ЮВ углу – 0,82 м. Соответствует слою № 4 восточного профиля. В ЮВ углу в слое встречается мелкая галька.

Слой № 5. Предматерик. Границы слоя ровные, его толщина – 0,12 м. Соответствует слою № 5 восточного профиля.

Слой № 6. Материк. Верхняя граница обнаружения в ЮЗ углу – 0,98 м, в ЮВ углу – 1,00 м от РЦ.

Профиль северной стенки раскопа. Фиксация производилась с юга (фото 4). Размеры: длина – 4,0 м, высота в СВ углу раскопа – 0,98 м, в СЗ – 0,72 м. Всего в профиле обнаружено 5 слоев и 1 прослойка (рис.4).

Слой № 1. Зафиксирован от СВ угла до отметки 3,04 м, где он сходит на - нет. Его толщина в СВ углу раскопа составляет 0,12 м. Состоит из глины желто – коричневого цвета, плотной, комковатой, сухой.

Слой № 2. Зафиксирован по всей длине профиля, с небольшим понижением к СЗ углу, толщиной 0,08 м. Состоит из уплотненного гумуса коричневого цвета, крупнокомковатого, умеренной влажности.

Слой № 3. Проходит по всей длине профиля, толщиной в СВ углу – 0,66 м; в СЗ углу – 0,54 м. Состоит из смеси суглинка, гумуса и глины коричневого цвета, с желто – коричневыми и коричневато – желтыми включениями, местами – с мелкой галькой; столбчатой структуры, плотной, вязкой, влажной.

Прослойка № 1. Расположена в верхней части слоя № 3. Начало - в точке 0,48 м к З от СВ угла раскопа, окончание – в точке 1,68 м, длина прослойки – 1,2 м, толщина в средней части – 0,14 м. Состоит из мешаного рыхлого суглинка коричневого цвета, средней влажности.

Слой № 4. Предматерик. Прослежен по всей длине профиля, толщиной 0,12 м. Уплотненный суглинок с гумусом, темно – коричневого цвета, влажный, крупнокомковатый.

Слой № 5. Материковая глина желто – коричневого цвета, мелкокомковатая, вязкая, влажная, по всей длине профиля. Верхняя граница обнаружения материка – в отметке -0,97 м от РЦ – в СВ углу раскопа; в СЗ углу – в отметке -1,02 м от РЦ.

Выборка грунта в квадрате происходила послойно, пластами толщиной по 0,2 м. При этом никаких отдельных находок сделано не было.

С отметки – 0,74 м от РЦ у западного края раскопа, являвшегося продолжением восточной стенки котлована строящегося здания, были выявлены камни верхнего уровня погребальной конструкции, которая представляла собой кромлехообразную выкладку неправильно – округлой формы, с разрывом в СЗ ее части (фото 2, рис.1. рис.2).

После зачистки и выявления деталей конструкции была осуществлена ее привязка к раскопу, для чего на противоположных краях выкладки были определены точки: т.1 – за крайним камнем с В, т.2 – за крайним камнем с З на условной продольной оси по линии В-З; т.3 – на расстоянии 0,2 м. от крайнего камня с С-В угла выкладки к З; т.4 – у окончания камней конструкции с Ю, на условной оси по линии С-Ю. Расстояние между точками: от

т.1 до т.2 – 3,05 м, от т.3 до т.4 – 2,68 м. Нивелировки: т.1 -0,91 м, т. 2 – 0,94 м, т.3 – 0,93 м, т.4 – 0,69 м от РЦ. Привязка т.1 осуществлялась к точке РЦ раскопа 2001 г., расположенной в его ЮВ углу (ЮВ угол квадрата № 1): от РЦ к З – 3,18 м, к Ю – 7,92 м.

После фиксации выкладки и ее разборки, с целью выявления контура ямы погребения, была сделана горизонтальная зачистка всего дна раскопа, которая с отметки 0,9 м от РЦ позволила выявить внешний верхний контур ямы погребения, которая с З стороны была отмечена тремя речными валунами, два из которых – половинки одного, намеренно разбитого во время совершения обрядовых церемоний, камня (фото 5). Контур ямы погребения четко выделялся на фоне окружающего грунта границей мешаного заполнения погребения, состоящего из суглинка с гумусом, с отдельными вкраплениями материковой глины желто – коричневого цвета. После снятия камней третьего уровня фиксации была сделана дополнительная прочистка участка над выявленным контуром (фото 6), которая позволила установить полный контур ямы погребения. Форма пятна ямы погребения на уровне первичного выявления (четвертый уровень зачистки) – неправильно – овальная, вытянутая вдоль условной продольной оси по линии В – З. Размеры пятна на уровне выявления: длина по линии В–З – 1,34 м., ширина по линии С–Ю – 1,08 м.

После фиксации первого внешнего контура ямы погребения, в ходе выборки грунта заполнения, имевшего рыхлую, слегка влажную структуру, были выявлены заплечики, располагавшиеся по всему ее контуру (пятый уровень зачистки). В центре ямы, с отметки – 1,1 м от РЦ было зачищено пятно заполнения погребения, что соответствовало шестому уровню зачистки. Форма пятна на уровне выявления – овально – подтрапецевидной формы (фото 7). Стенки ямы погребения на уровне заплечиков и внешнего контура его ямы имели небольшой наклон наружу, дно внутренней ямы ровное, имело небольшой наклон к З, наибольшая глубина – у З стенки, -1,4 м от РЦ.

При выборке заполнения ямы погребения с отметки -1,25 м от РЦ по всему контуру внутренней ямы была зафиксирована просадка внутренней части грунта ее заполнения, (выявленного по контуру органического тлена черного цвета) – вязкого, влажного мешаного суглинка, гумуса и крупных кусков материковой глины желтовато – коричневого цвета (рис.6). По краям ямы был замечен контур материковой глины. Никаких находок в ходе выборки заполнения ямы сделано не было. Для привязки внешнего контура ямы погребения были определены точки: т.1 – у ее В края, т.2 – у З края в их центрах, на условной продольной оси по линии В–З; т.3 – у С края, т.4 – у В края ямы в местах наибольшего расширения, на условной продольной оси по линии С–Ю. Расстояние между точками: от т.1 до т.2 – 1,34 м, от т.3 до т.4 – 1,08 м, что соответствует размерам внешних контуров ямы на уровне ее первичной фиксации. Нивелировки: т.1 – 0,99 м, т.2 – 1,0 м, т.3 – 1,0 м, т.4 – 1,03 м от РЦ (рис. 5). Привязка т.1: от РЦ к З – 4,1 м, к Ю – 8,36 м.

На дне был зачищен детский костяк, размещенный сильно скорчено на правом боку, череп – на правой височной доле, на В, кости правой ноги смещены к СВ, пяточные кости левой ноги – под тазом, пяточные кости правой ноги – в районе верхней части берцовых костей левой ноги, у коленного сустава, кисти рук – у лица, кости запястья левой руки – под нижней челюстью (рис.5, фото 8 и 9). Сохранность костей хорошая, отсутствует: часть костей грудины, часть ребер, правая часть грудной клетки – слегка смещена к нижней челюсти.

В районе кистей обеих рук, у лица, в районе пяточных костей обеих ног, на костях голени левой ноги – следы охры. Находок нет.

Точки привязки: т.5 – за черепом, т.6 – у окончания левой ноги, с З, расстояние от т.1 до т.5 – 0,28 м к В, от т.5 до т.6 – 0,8 м к З. Нивелировки: т.5 – 1,34 м, т.6 – 1,4 м от РЦ.

Историко-культурная характеристика вновь найденного погребения осложнена полным отсутствием сопровождающего инвентаря, однако некоторые предположения относительно времени его совершения и ближайших аналогий погребальной символики могут быть сделаны.

Так, в октябре-ноябре 2001 г. в непосредственной близости от публикуемого погребения был выявлен комплекс в составе трех погребений, расположенных одно под другим. В самом нижнем из них (№3) был найден костяк ребенка, положенный на правый бок, с небольшим разворотом на спину, ноги сильно согнуты, пяточные кости – под тазом, обе руки согнуты в локтевых сочленениях и уложены друг на друга под прямым углом, с восточной ориентировкой. В районе пяток зафиксирована охра, находок не было (4).

Сама погребальная конструкция представляла собой сложное культовое сооружение, совершенное в несколько этапов. Вначале, с уровня древней дневной поверхности, до отметки -104-118 см от РЦ была произведена круговая выборка грунта на площади диаметром около 8 м. В дальнейшем, в ее центре грунт был выбран до отметки -302-306 см от РЦ. Следующий этап – засыпка образовавшейся ямы мешаным грунтом и выкладка внешней каменной конструкции – кромлеха. Затем в центральной части засыпки внутренней ямы производится выборка грунта до отметки -181-190 см от РЦ, и на дне образовавшейся ямы производится первое захоронение – погребение № 3. После того, как умершего слегка присыпали сверху материковым грунтом, практически сразу совершается захоронение еще одного костяка – погребение № 2, который был размещен на спине скорчено, с разворотом на правый бок, на В, ноги сильно согнуты, колени подтянуты к грудной клетке, пяточные кости – под тазом, руки – как и костяка из погребения № 3 согнуты в локтевых суставах под прямым углом, локтевые и лучевые – уложены сверху друг на друга. Череп был отделен от тела при погребении и поставлен рядом, на его основание, теменной частью строго вверх.

Обряд, описанный выше, был зафиксирован в 1996 г. в районе прокладки путепровода в зоне строительства развязки моста через р. Сунжа Ингушской экспедицией ИА АН РАН. Тогда на глубине – 280 см. РЦ было найдено погребение № 8 с костяком, размещенным скорчено на левом боку с ЮВ ориентировкой. Под ним и вокруг него, на площади около 10 кв.м. прослеживался речной бульжник. Дальнейшие работы выявили каменный наброс округлой формы диаметром около 11,6 м. по периметру укрепленный кромлехообразной выкладкой. После их снятия, на глубине от -347 до 411 см. от РЦ было обнаружено 7 погребений, 6 из которых размещались по кругу, а одно (№7) – располагалось в центре погребальной конструкции (5). Среди них три погребения - №№ 3,6 и 7 были двухъярусными: верхние костяки принадлежали женщинам, нижние – детям. Из них скелет № 2 в погребении № 7 располагался сильно скорчено на правом боку, колени сильно подтянуты к животу, стопы – вплотную к тазу, с В ориентировкой, что идентично публикуемому нами погребению. Сильную степень скорченности демонстрирует и захоронение ребенка в погребении № 3. В трех случаях (погребения №№ 1,5 и 6а) костяки размещались с разворотом на спину. Посмертные манипуляции с черепом зафиксированы в погребении № 3, где фрагменты его свода носили следы обработки в древности и были вновь размещены в погребении в районе шейных позвонков (6). Кроме того, ямы погребений характеризуются заплечиками и небольшой глубиной самих погребальных конструкций, в большинстве – подпрямоугольной и подтрапецевидной формы с заovalенными углами, хотя встречена и неправильно – овальная конфигурация (погребение № 2). Среди других, сходных с погребальным комплексом 2001 г. признаков, – одномоментность совершения погребений в обоих анализируемых комплексах, наличие кромлехообразных выкладок по их окончаниям, использование камня, значительный диаметр самих погребальных комплексов и глубины их совершения, а также отсут-

стве каких бы то ни было внешних признаков на современной дневной поверхности и наличие первоначальных захоронений в верхней части общей конструкции. Отличительными чертами могут быть признаны использование подстилок и деревянных конструкций в погребениях на путепроводе, а также наличие заупокойного инвентаря, в том числе - в погребениях детей. В то же время детские погребения демонстрируют значительно больше черт сходства, чем различия, в том числе - и в форме ямы погребения, которая в нашем случае (2002 г.) имела в плане подтрапецевидную форму.

По конструктивным особенностям совершения погребальных сооружений, обрядовым нормам, микродеталям погребальной практики вышеназванные комплексы могут быть предварительно признаны единой этнокультурной группой. Для определения ее культурно - хронологических привязок к уже известным древностям региона обратимся к анализу сопровождающего инвентаря и особенностям погребальной обрядности данных погребений. Так, авторы работ 1996 г. при публикации материалов отнесли погребения на путепроводе, а также погребение № 13 кургана 1 могильника Экажево - II ко 2 груше, второму хронологическому этапу бронзового века и датировали временем около середины 2 тыс. до н.э. (XVII-XV вв. до н.э.), связав их происхождение, как и более ранней, по их мнению, группы I с северокавказской КИО. В качестве аналогий были привлечены: погребение 13 кургана 1 могильника Чикола, погребения 15 кургана 1 могильника Дзуарикау, центральное погребение кургана на территории хладокомбината у г. Владикавказа, впускное погребение № 1 в кургане у с. Старый Лескен и погребения №№ 3,5,7 у с. Верхний Акбаш (7). При публикации погребального комплекса, обнаруженного в зоне строительства здания ФСБ в 2001 г. мы указали на аналогии в Нежинских курганах и посткавказской т.н. «аликоновской группы Пятигорья», датированной С.Н. Кореневским переходным временем от эпохи средней бронзы к ее позднему этапу (8). С учетом способа совершения погребения № 1 с каменным закладом и фрагментом зернотерки мы отнесли всю конструкцию ко времени от XX-XIX вв. до н.э. до XVII-XV вв. до н.э., связав этнокультурную принадлежность погребений №№ 2 и 3 с постъямными традициями локальной предкавказской раннекатакомбной группы зоны предгорных равнин верхнего течения правобережья р. Сунжи (9). Данные культурно-хронологические привязки нами были сделаны при отсутствии публикации материалов 1996 г. и основывались, в основном, на косвенных признаках данных погребальной обрядности. Теперь появилась возможность предметно соотнести ранее опубликованные материалы с данными из других памятников, однако вначале обратимся к анализу предложенных аналогий.

Погребение № 1 кургана 13 у с. Чикола относится к развитому этапу средней бронзы. Данный памятник в целом датирован в рамках 2-й четверти - середины II тыс. до н.э., однако стратиграфическое положение его погребений, в том числе - и погребения № 1 не определено, равно как не проанализирован и имеющийся в более чем 40 курганах инвентарь (10), что не позволяет пока использовать его материалы для культурно-хронологических привязок. Погребение № 15 кургана 1 курганного могильника у с. Дзуарикау относится к т.н. «горизонту с триподами», документирует погребальные традиции населения постмайкопского круга, отнесено к его 3 хронологическому горизонту, датировано XXI в. до н.э. (11) и является кенотафом, что исключает его из круга возможных аналогий. Керамические формы (12), украшенные шнуровым орнаментом, имеют совершенно иные пропорции, чем сосуд № 3 из погребения № 7 (скелет № 1), в том числе - местом крепления ручек (к верху горловины, а не к ее нижней части), отличаются по характеру орнамента (короткие отрезки вертикально расположенного шнура вместо «одинарного зигзага, ограниченного рядами коротких отгисков гладкого штампа») и имеют округлые формы корпуса вместо «покатых плечиков, отделенных уступом от тулова». Погребение

ребенка в кургане на территории хладокомбината г. Орджоникидзе было совершено в яме подпрямоугольной формы, без заплечиков, с заovalенными углами, с забутовкой камнем и деревянной конструкцией по периметру, что в сочетании с правобочным костяком, ориентированным на В (13), в качестве аналогии подобным же захоронениям на путепроводе может быть принято, тогда как инвентарь, за исключением пастового бисера, являющегося временным (не ранее XVI- XV вв. до н.э.) но не культурным определителем и имеет иное происхождение. Данное погребение В.Л. Ростуновым отнесено ко второму хронологическому горизонту Архонского могильника и датировано в рамках XVI/XV-XIII/ XII вв. до н.э. Левобочные погребения этого этапа определены как женские, мужские – вытянуты на спине, при общей восточной ориентации (14).

В кургане у с. Старый Лескен, согласно опубликованного описания, при основном погребении в яме с обкладкой булыжником, был зачищен костяк, размещенный сильно скорчено на правом боку (согласно фото – располагавшийся на спине), с СЗЗ ориентацией и пятками под тазом. В инвентаре – красноохристый сосуд майкопского типа со следом на дне от штифта гончарного круга, датирующийся временем не позднее середины III тыс. до н.э. Среди впускных погребений - №2, в составе двух совершенно распавшихся сосудов со шнуровой орнаментацией и нескольких невыразительных бусин, без костяка; в погребении № 3 вытянутый на спине мужской костяк с ЮЮВ ориентацией в сопровождении 2 сосудов и каменного топорика т.н. «кабардино-пятигорского» типа; женский костяк в погребении без номера располагался сильно скорчено на правом боку, с ЮЮЗ ориентацией, в инвентаре – 2 бусины (15). В тексте публикации 1949 г. погребение № 1, привлекаемое авторами в качестве аналогии, вообще не указано. Вероятно, это женское погребение без номера. Его инвентарь в культурно – хронологическом плане маловыразителен и нейтрален. В этой связи представляется, что данные материалы не могут быть привлечены для установления круга аналогий материалам из Ингушетии - захоронений с территории путепровода.

В погребении № 3 кургана у с. Верхний Акбаш женский костяк располагался скорчено на левом боку, с В ориентировкой, в инвентаре – пастовые бусины; в погребении № 5 костяк подростка размещался скорчено на правом боку, с СЗ ориентировкой, безинвентарен; в погребении № 7 безинвентарный женский костяк был положен сильно скорчено на левом боку, ориентировка – не указана (16).

Таким образом, следует признать, что приводимые аналогии не могут быть использованы как для определения времени совершения погребений, изученных в 1996 г., так и для их соотнесения с уже изученными ранее древностями региона. На наш взгляд, с этой целью необходимо обратиться к иным материалам. Однако вначале определим правомочность отнесения погребения № 13 кургана 1 могильника Экажево – II к выделяемой группе. Согласно авторам публикации, «захоронения 2 группы имеют сходные с погребениями 1 группы черты обустройства могильных ям, но отличаются расположением костяка погребенных и имеют иной, как количественно, так и по категориям предметов, состав погребального инвентаря. Характер расположения погребения 13 в насыпи кургана 1 могильника Экажево – II предполагает его более поздний возраст по отношению к захоронениям 1 группы. Таким образом, вышеизложенные наблюдения позволяют рассматривать захоронения 2 группы как в какой-то мере связанные с культурной традицией захоронений 1 группы, но хронологически более поздние, имеющие измененный погребальный обряд и отличный облик материальной культуры»(17).

Однако текст публикации не содержит предметного анализа погребальной обрядности, инвентаря как внутри, так и между выделяемыми группами, а также стратиграфической ситуации в кургане. Исходя из опубликованных материалов, попробуем это установить самостоятельно. Для этого вначале обратимся к инвентарю погребений.

Если основное количество найденных украшений, за исключением некоторых категорий подвесок, не могут привлекаться в качестве временного определителя (18), то керамические формы в этом отношении более информативны, однако их культурно-хронологические возможности не были использованы в полной мере. В то же время следует заметить, что форма кружки из погребения № 13 маловыразительна, подобные экземпляры изредка встречаются в подкурганых древностях региона, относящихся в основном к середине – второй половине II тыс. до н.э. (19). Горные материалы этого и более раннего времени отличаются иными пропорциями, прежде всего – архитектурой корпуса (20). Привлекать для уточнения времени совершения данного погребения, найденные в нем подвески из камня, на наш взгляд, малоперспективно.

Теперь обратимся к данным стратиграфии. Захоронение размещалось в СВ секторе курганный насыпи, в 8,5 м. К СВ от РЦ; пятно заполнения фиксировалось на уровне материка, с отметки - 2,16 м. от РЦ. В бровках кургана выкиды, либо иные признаки данного погребения не зафиксированы. Этих данных явно недостаточно для того, чтобы определить его более поздний возраст по отношению к захоронениям I группы. Не могут внести ясности и такие признаки, как форма погребального сооружения, ее ориентировка, а также поза погребенного.

При выделении групп авторами было замечено, что ямы более ранних, по их мнению, погребений широкие, прямоугольные, существенно заглублены в материк, с широкими заплечиками вдоль всех стенок. В ямах без заплечиков на дне встречено ложе из деревянных плашек. Положение погребенных преимущественно вытянутое на спине, редко – слабо-скорченное на левом боку, с неустойчивой ориентировкой. Инвентарь однороден и характеризуется наличием большого количества металлических украшений. К таковым отнесены: погребения №№ 1 и 2 кургана № 5 могильника Экажево I и №№ 1,2,10,12-15 кургана I могильника Экажево II. Относительно наличия украшений из бронзы: в отнесенных к группе I погребениях их действительно несколько больше, но они присутствуют и в погребениях «на путепроводе», где чаще встречались украшения из камня, нет подвесок, а височные кольца имеют иную, более позднюю форму, что может объясняться и временем их изготовления. В то же время, количество керамики в выделяемой группе 2 больше – 6 сосудов (в том числе во фрагментах) против 2 – в I группе, что для культурно – хронологического определения, без детально выстроенного ряда аналогий, вряд ли может служить надежным доказательством.

Относительно заплечиков у погребальных конструкций: они присутствуют и во 2 группе (погребения №№ 2,3,6,7). В I группе глубины ям погребений № 2 кургана 5 могильника Экажево I и №№ 4,5,9,12,15 кургана I могильника Экажево II, а также их размеры вполне сопоставимы с таковыми во 2 группе и, на наш взгляд, не могут быть охарактеризованы как «широкие, прямоугольные, существенно заглубленные в материк». Применительно к другим критериям выделения групп укажем, что форма ямы анализируемого здесь погребения №13 – подпрямоугольная (ближе к подтрапецевидной), с заovalенными углами, а также ориентировка длинной осью вдоль линии З - В присутствуют в погребении № 2 кургана 5 могильника Экажево I, а также в погребениях №№ 5,13 и 14 кургана I могильника Экажево II, где они сочетаются, в том числе, с вытянутыми на спине костяками (погребение №2 кургана 5 Экажево I и погребение № 14 кургана I Экажево II). Таким образом, приходится признать, что предлагаемые критерии для выделения культурно – хронологических групп, и соответственно - отнесение к группе 2 погребения 13 не могут быть признаны достаточными и убедительно обоснованными. На наш взгляд, погребальный комплекс «у путепровода» должен рассматриваться единым сооружением, объединенным как обрядом погребения, так и культурно - временными характеристиками.

По мнению С.Н. Кореневского, погребения 2-й группы «кургана «у путепровода»» выглядят компактной обрядовой серией. Относительно их кольцевого расположения отмечено, что этот тип подкурганной планиграфии в Предкавказье был распространен, главным образом, в среднем периоде бронзового века. Кроме того, исследователь связал сочетание впускных скорченных на боку погребений, совершенных в малых ямах, часто безинвентарных, в курганы с вытянутыми на спине костяками, с традициями т.н. «аликоновской группы курганов Кавминвод». Относительно височных подвесок с раскованными лопастями им было замечено, что подобные экземпляры тяготеют к памятникам горной зоны в финала эпохи средней бронзы, время их совершения – период перехода от средней к поздней бронзе, но - докобанского периода (21).

На наш взгляд, данная точка зрения наиболее перспективна для оценки культурно – хронологического положения данных погребений. По поводу мнения С.Н. Кореневского о том, что погребальный комплекс «у путепровода» является курганом, сошлемся на полевые наблюдения авторов раскопок, согласно которым структура вмещающего его грунта абсолютно однородна, он был сооружен в короткий промежуток времени в значительной по размерам округлой яме с плоским дном и в последствии засыпан слагающим террасу суглинком без возведения над ней дополнительной курганной насыпи (22). Однако для его культурно – исторического анализа аналогии с курганными традициями вполне уместны, тем более, что рассматривать данное погребальное сооружение нужно не по отдельным погребениям, а целиком. Подобные погребальные конструкции были изучены в разное время на Константиновском плато близ г. Пятигорска. В кургане № 2 (4) основное погребение располагалось в центре, по периметру – каменные ящики, соединенные кромлехом. В другом случае центральное погребение было окружено небольшим индивидуальным кромлехом, его окружали 8 погребений в каменных ящиках, встроенные по кругу в кромлех большего диаметра (23). Погребения №№ 5-7 кургана 2 – двойные, в сочетании мужского и женского костяков (№№ 6 и 7), женщины и ребенка (№5), расположенные ярусом, один над другим. В кургане № 2 (№ 4) погребение № № (№ 6) было устроено в материке, его стенки с Ю и В сторон обложены булыжником, в погребениях №№ 5 и 7 в качестве перекрытия использовано дерево, как и в двойном погребении № 12, с мужским и женским костяками. В погребении № 15(12) яма подпрямоугольной формы была выкопана в материке, обложена по периметру булыжником и перекрыта деревом. В центральном погребении № 16 грунтовая яма подпрямоугольной формы была заполнена речным булыжником, в ее центре – деревянный сруб прямоугольной формы, сверху – деревянное перекрытие. В кургане № 1 (5), раскопанного В.И. Марковиным в 1966 г., в погребении № 4 находилось двухъярусное погребение в составе женщины и ребенка, причем череп последнего находился на месте черепа женщины – тот был перемещен к стене погребения, рядом – кости овцы. Наличие костей животных демонстрируют погребения №№ 3,5,6,7 – «у путепровода», манипуляции с костями женского черепа зафиксированы там же в погребении № 3. В погребение № 3 кургана № 3 (7) вместе с взрослым костяком была захоронена отдельная кость ребенка, что напоминает подобные же микродетали ритуала в погребении №1 кургана №1могильника Экажево II. В центральном погребении №4 из дерева было устроено как перекрытие, так и ложе для погребенного (24).

Обратимся теперь к анализу керамики, найденной в погребении № 7 погребального комплекса «у путепровода». Плошка, а также фрагментированный сосуд, в силу простоты форм и степени реконструированности контура профиля, малоинформативны. Орнамент на фрагменте горловины цилиндрической формы, с резко отогнутым венчиком, находит аналогии в кобанской керамике ее западного варианта: из верховьев Кубани, ущелья Эшаккона, верховьев р. Подкумок, поселений у г. Кисловодска, у горы Бештау, бассейна р.

Малки (25). Биконизм тулова сосуда с орнаментом своей общей формой, оформлением ручки, соотношением диаметра горловины и дна относительно общей высоты напоминает позднекатакомбные образцы (26). Подобный орнаментальный фриз присутствует и на некоторых образцах новотитаровской керамики (27), а также посуде кавминводской серии (28). Второй двуручный сосуд также с подчеркнутым биконизмом тулова может быть соотнесен с т.н. «двуручными кубками» типа 5-2 новотитаровской керамики, с которыми, кроме общей формы, совпадают и размеры: высота - 8-14 см, диаметр венчика – от 9 до 13 см (29). Среди других аналогий – горшки III и VI типов, выделенные В.И. Марковиным для дольменной керамики, в частности – из дольмена IV у с. В. Эшера (30). Линия развития биконических форм сосудов куро-аракской культуры ее позднего этапа, по нашему мнению, в данных материалах не просматривается, хотя некоторые формы имеют определенные черты сходства (31).

Отмеченная близость, а местами – и полная идентичность керамического набора новотитаровской и восточно – приазовской катакомбной культур (32), в сочетании с перекликающимися с т.н. «нежинской группой» типами погребений с заплечиками, привнесенными вместе с керамическими формами из степного Закубанья сделала возможной выделение особой карачаево – пятигорской контактной зоны среднебронзового века Предкавказья. При этом было отмечено, что появившиеся на данной территории скорченные на боку погребения не имеют ничего общего с кольцевой системой среднебронзовых могил на Кавминводах, хотя их связь с вытянутыми на спине костяками очевидна. Вновь прибывшее население не имеет срубных погребальных традиций, для которых характерно скорченная на боку поза с руками у лица. Керамика баночных форм без шнурового орнамента определена как «предкобанская», равно как и само население, охарактеризованное в рамках «части позднебронзовых ритуалов предкобанских племен Предкавказья», время бытования которых в этой межкультурной среде ограничено рамками XV/XIV- XIII вв. до н.э., а ее формирование – определено как «носившее многокомпонентный характер». По мнению С.Н. Кореневского выделяемая им аликоновская группа не является преемницей кавминводской группы. Это этнокультурная среда с принципиально иными традициями погребальной обрядности по сравнению с предшествующим временем эпохи средней бронзы, а переход к предкобанскому времени происходит в режиме культурно – исторического скачка (33).

Исходя из анализа предложенных выше аналогий место погребального комплекса «у путепровода», а также погребальных конструкций в районе строительства здания ФСБ следует определить в перечне этнокультурных групп третьей четверти II тыс. до н.э. и связать с т.н. «аликоновскими» погребальными традициями, которые в условиях предгорных равнин терско – сунженского междуречья приобрели несколько иной характер. Кроме несомненных элементов т.н. «северокавказской КИО», в обрядовых действиях анализируемых выше захоронений присутствуют и некоторые из позднекатакомбных погребальных норм в виде скорченного на боку с отклонением на спину труположения, для которых на позднем этапе зафиксированы и посмертные манипуляции с костяками. Интересно, что материалы верхнего слоя расположенного рядом Экажевского поселения, датированного этим же временем, демонстрируют иные керамические формы, связанные с позднебронзовыми культурами предгорно-горной зоны Дагестана и Чечни (34). Можно высказать предположение о том, что в данном микрорайоне на заключительном этапе поздней бронзы обитало, как минимум, две группы населения, имеющих как горнокавказские, так и микшированные степные прототипы. В этой связи обратим внимание на ряд материалов, вошедших в т.н. «предкобанский» горизонт, определенный В.И. Козенковой как Кобан I а, датированный ею в целом (Кобан I) в пределах начала XIV – первой половины XII в. до н.э., хотя приведенный несколько ниже ряд аналогий дает все же иную дату – начало XIII в. до

н.э.(35). Среди компонентов, принимавших активное участие в становлении культуры на ее первоначальном этапе – традиции поздней «северокавказской» (погребальная обрядность, керамика), предкавказской позднекатакомбной, каякентско - хорочоевской (керамика) и закавказских (металл) культур финального этапа эпохи поздней бронзы (36). В перечне материалов, отнесенных исследовательницей к предкобанской эпохе – погребение № 2 кургана 2 у ст. Архонской, которое, по мнению автора работ С.Н. Кореневского, стадильно синхронно с аликоновской группой предкобанского времени курганов Кавминвод (37). Ею же обращено внимание на мнение Б.А. Куфтина о близости некоторых материалов 2-й половины II тыс. до н.э. из Эшерских дольменов древностям колхидо-кобанского круга, а также на вывод С.Н. Кореневского том, что в предкобанское время в Предкавказье сложилась особая общность населения, представляющая собой новое образование по сравнению с предшествующим массивом племен эпохи средней бронзы конца II – середины II тыс. до н.э. (38).

Представляемые в настоящей статье материалы конкретизируют эти процессы для зоны предгорных равнин междуречья среднего течения рек Терека и Сунжи и подчеркивают необходимость дальнейших полевых изысканий на данной территории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В состав исследовательской группы входили: сотрудники Археологического центра У.Б.Гадиев, И.Р.Костоев, Х.А.Джабагиев, И.Б.Щечоев, а также автор настоящей публикации.
2. Бурков С.Б. Погребения эпохи поздней бронзы из зоны строительства г. Магас в контексте исторических процессов в Центральном Предкавказье // Материалы региональной научно – практической конференции «Вузовское образование и наука-2010». Магас, 2011. С.53-59.
3. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магас // Вестник Археологического центра, вып. II. Назрань, 2002. С.8-36.
4. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магас // Вестник Археологического центра, вып. II, С.14, фото № 19.
5. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Материалы охранных археологических исследований, т.6. М., 2006. С.44-49, рис.44-54.
6. Бужилова А.П. Антропология погребальных комплексов эпохи бронзы и раннего железного века по материалам раскопок в Ингушетии (1996 г.) // Приложение № 2 к монографии: Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Материалы охранных археологических исследований, т.6. М., 2006. С.141.
7. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники... С.54.
8. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магас // Вестник Археологического центра, вып. II, С.16-17; Кореневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990. С.8-11, 111-113.
9. Бурков С.Б. Указ. Соч. С.19.
10. Ростунов В.Л. Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии, т.1. Владикавказ, 2007. С.96, 103.
11. Ростунов В.Л. Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии, т.1. С.65-66.

12. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуари-кау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 26, рис.4.1-2.
13. Марковин В.И. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т.2. Орджоникидзе, 1969. С.63-65.
14. Ростунов В.Л. Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии.. С.107.
15. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции в 1947 г. в Кабардинской АССР // Ученые записки КБНИИ, т.4. Нальчик, 1949. С. 284-289.
16. Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки КБНИИ, т.5. Нальчик, 1949. С.200-204.
17. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники...С.54.
18. Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К хронологии подвесок в 1.5-2.5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985, С.41-55; Гей А.Н. Новотитаровская культура. М., 2000, С.159 – 162; Бурков С.Б. Подкурганные погребения эпохи бронзы из Ачхой – Маргановского района ЧИАССР (предварительный анализ) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики, т.2, № 2. Грозный, 2008. С.67-78.
19. Николаева Н.А. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С.96, рис.7, XIII/a2; Бурков С.Б. Отчет о раскопках курганов на территории с/х «Бамутский» Ачхой – Маргановского района ЧИАССР в 1989 г. // Архив ИА АН РАН, р-1. № 14105, рис. 58,13.
20. Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах, вып.1. Армавир – Москва, 1995. С.37, рис.5, 3,13.
21. Корневский С.Н. К проблеме исследования памятников бронзового века // Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. С.10-11.
22. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники...С.49.
23. Марковин В.И. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М.,1999. С.42, рис.3,1; С.48, рис.9,1-2.
24. Марковин В.И. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. С.32-36.
25. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. Выпуск В2-5. М., 1989. С.166, табл. XIX,7; С.163, табл. XVI,18; С.162, табл. XV, 29; С.161, табл. XIV,19; С.157, табл. X,13; С.151, табл. IV,2,8.
26. Копьева Т.А. Курган у села Акимовка в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье,1990, С.134, рис. 4,3 – курган № 7, дата – до 1-ой четверти II тыс. до н.э.; Тощев Г.Н. Катакомбные памятники Крыма // Древности степного Причерноморья и Крыма.. С.117,119, рис.2.1 – пос. Планерное. финал катакомбной эпохи.
27. Гей А.Н. Новотитаровская культура..С.39, рис.9,24 – могильник Лебеди-1, курган 2, погребение 61.
28. Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья М., 1990. С.150, рис.28,14.
29. Гей А.Н. Новотитаровская культура.. С.52, рис.15,4 – Малаи,1 курган 9, погребение 11; С.141, рис.42,11-14.
30. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа М.,1978. С.248, рис.125,1; С.244, рис.123,9.

31. Ростунов В.Л. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. рис.2,3; рис.4,5; рис.6,3; рис.13,2-3; рис.21,1.

32. Гей А.Н. Новотитаровская культура.. С. 204.

33. Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья.. С.107,111,113,119.

34. Лопан О.В., Маслов В.Е. Экажевское поселение – памятник эпохи бронзы в Ингушетии // Древности Северного Кавказа. М.,1999. С.61-88.

35. Козенкова В.И. Культурно – исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С.90.

36. Козенкова В.И. Культурно – исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). С.114.

37. Корневский С.Н. Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции 1985-1989 гг. // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов конференции. Ставрополь,1990. С. 41.

38. Козенкова В.И. Указ. Соч. С.111.

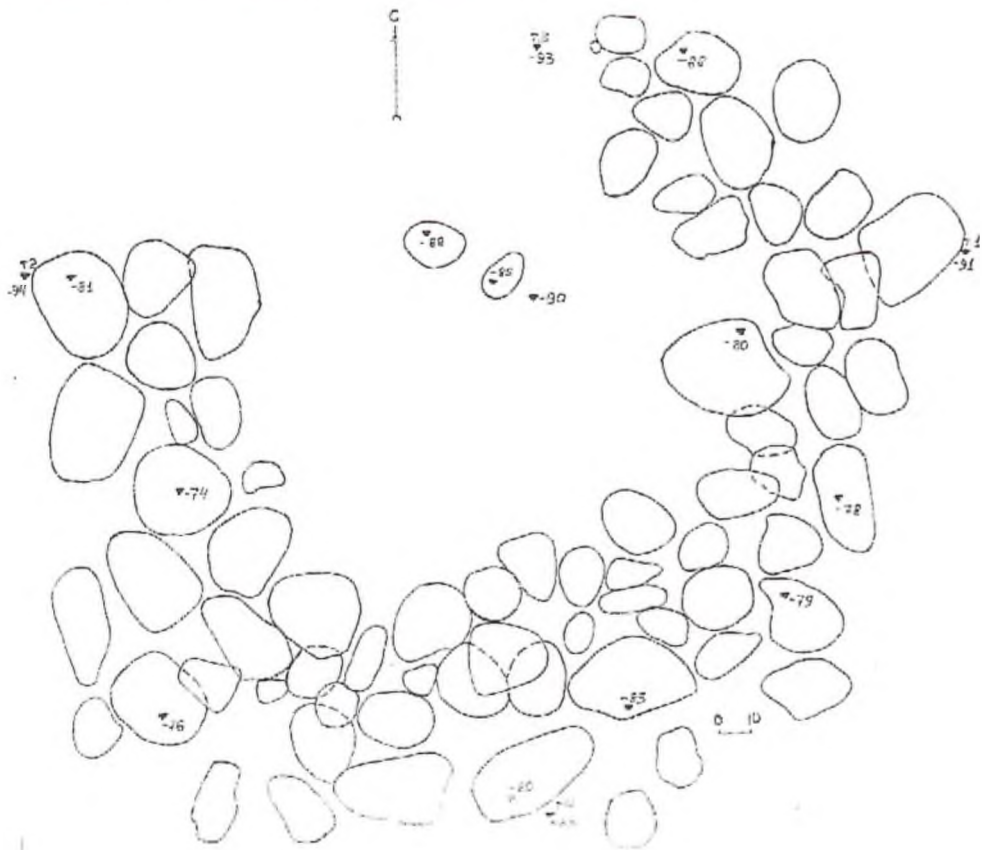

Рис. 1. Чертёж I уровня фиксации погребальной конструкции.

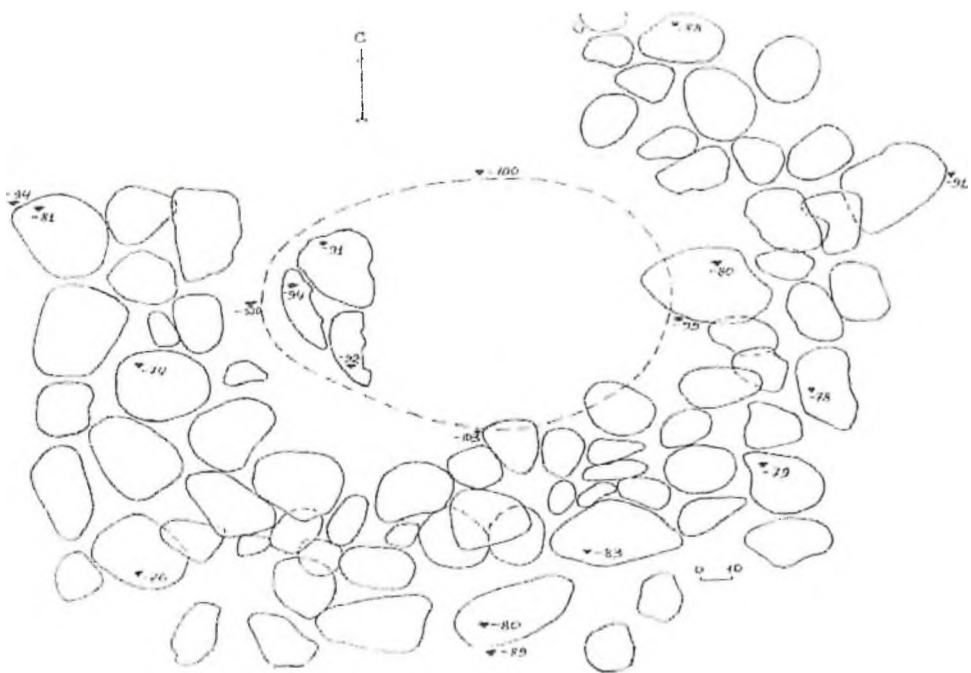

Рис. 2. Чертёж I уровня фиксации погребальной конструкции с нанесённым внешним контуром ямы погребения.

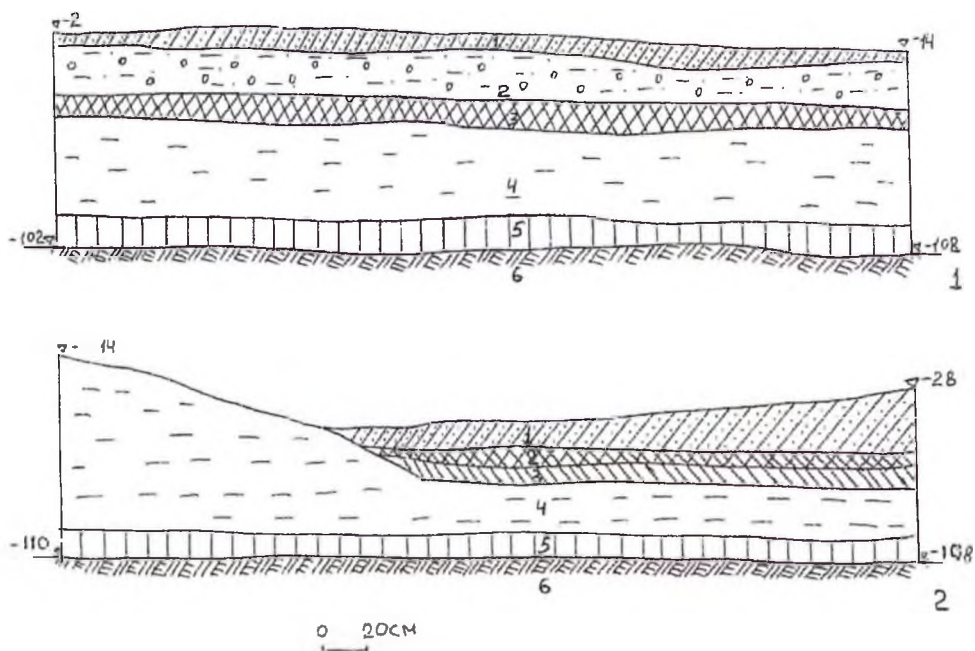

Рис.3. Чертежи профилей раскопа: 1- восточного, 2- южного.

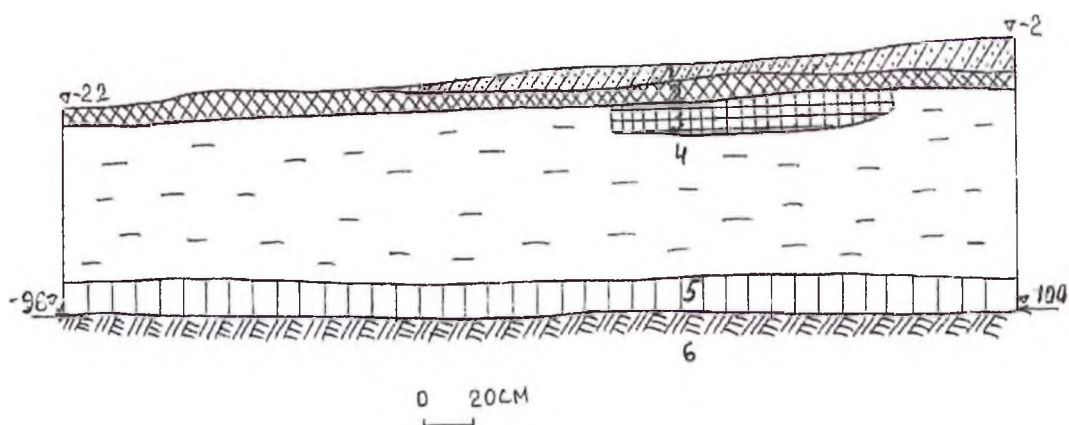

Рис.4. Чертёж северного профиля раскопа.

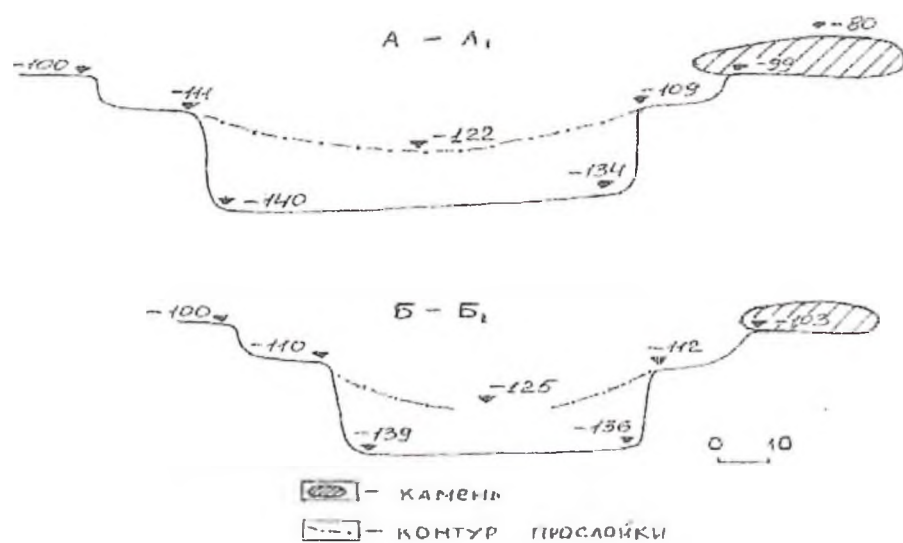

Рис.5.Общий план погребальной конструкции с совмещенным планом погребения.

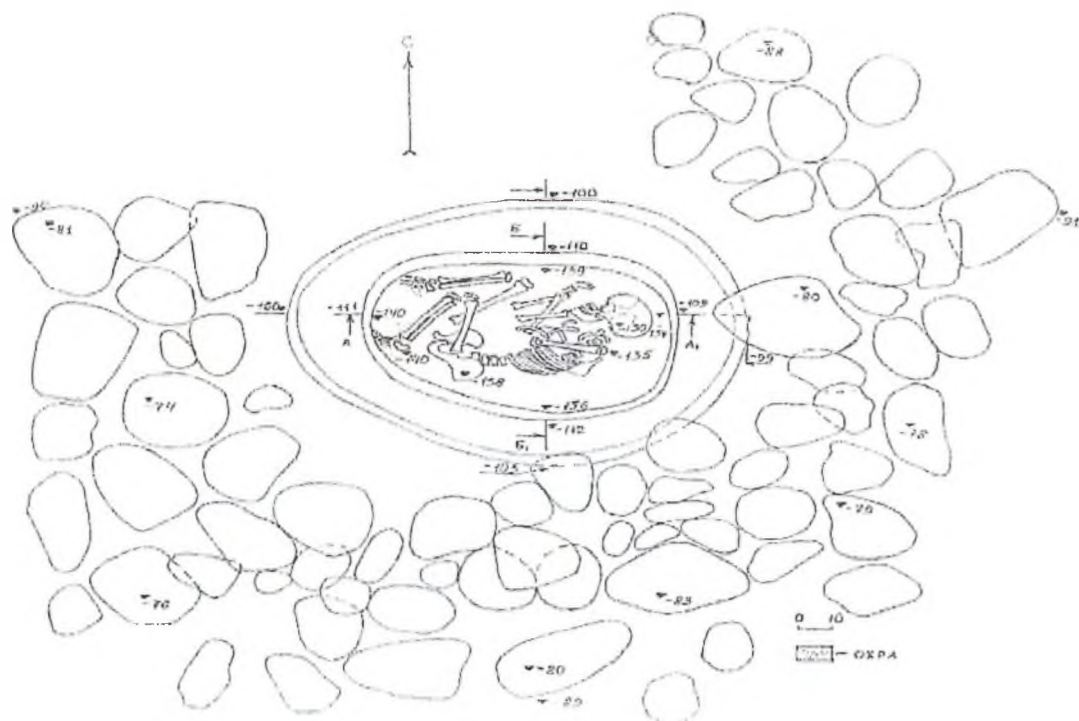

Рис.6. Чертёж разрезов ямы погребения.

Фото 1. Условия обнаружения верхних камней погребальной конструкции. Вид с СВ.

Фото 2. Вид на верхний уровень погребальной конструкции после общей зачистки. Вид с СВ.

Фото 3. Вид на южный профиль раскопа с ЮВ.

Фото 4. Вид на северный профиль раскопа с Ю.

Фото 5. Общий вид I уровня фиксации ямы погребения. Вид с В.

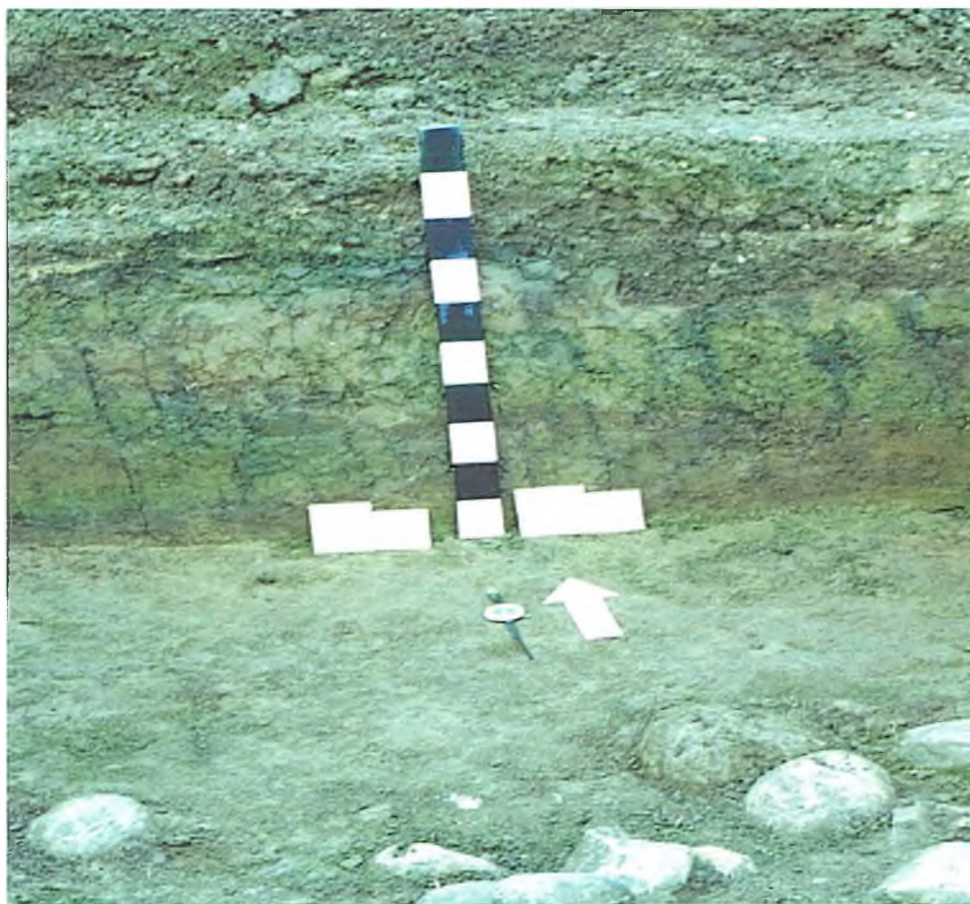

Фото 6. Общий вид раскопа после снятия всех деталей внешнего контура погребальной конструкции из речных булыжников. Вид сбоку, с СВ.

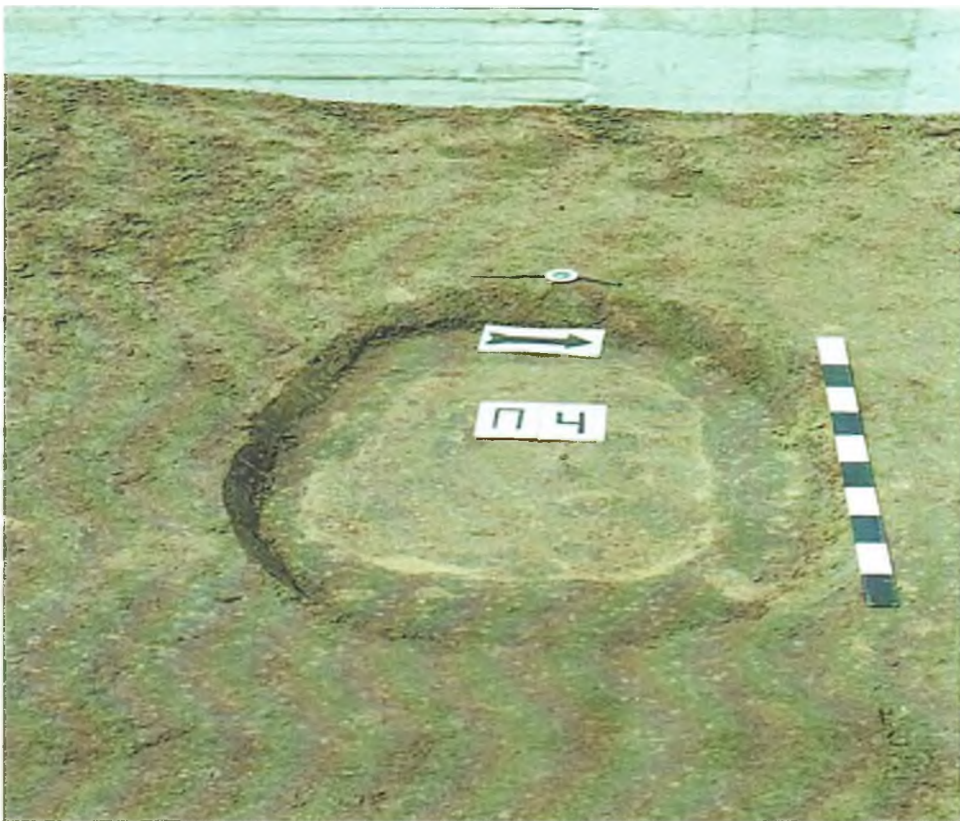

Фото 7. Внешний вид ямы погребения на уровне выявления заплечиков. Вид сверху, с В.

Фото 8. Общий вид ямы погребения с погребенным. Вид сверху, с Ю.

Фото 9. Общий вид погребенного. Вид сверху, с Ю.

У.Б. Гадиев,

(г. Назрань, ГКУ «Археологический центр им Е.И. Крупнова»)

В.В. Мацковский

(г. Москва, Институт географии РАН)

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНГУШЕТИИ В 2014 Г.

В 2014 г. по инициативе одного из авторов (Гадиев У.Б.) в высокогорном Джейрахском районе горной Ингушетии проводила свои дендрохронологические исследования совместная экспедиция Археологического центра им. Е.И. Крупнова (Республика Ингушетия) и Института географии РАН (г. Москва). Объектом исследований стали местные средневековые памятники архитектуры, содержащие разнообразные деревянные конструктивные элементы.

Методика исследования

Все керны (образцы древесины) отбирались электрическим приростным буром с внутренним диаметром 5 мм и внешним диаметром 7 мм. Указанный механизм позволяет извлекать из дерева или бревна керн со всеми годичными кольцами, нанося при этом минимальные повреждения. Это важно как при отборе образцов из живых деревьев, чтобы не вредить дереву, так и при отборе из строений, представляющих культурную и архитектурную ценность. Часть образцов была отобрана ручной ножовкой в виде поперечных срезов (спилов) со стволов.

Большинство образцов были отобраны с той стороны бревен, где присутствуют внешние годичные кольца и выше их сохранность. Там где это было невозможно, керн отбирался по радиусу с максимальным числом сохранившихся годичных колец. Именно внешние кольца наиболее важны для точности дендрохронологического датирования, так как самое внешнее кольцо указывает год, когда дерево было срублено (порубочная дата). Утрата внешних колец может привести к ошибочному завышению возраста постройки.

Все образцы после изъятия из бура помещались в специальные трубки, не позволяющие частям керна ломаться или перемешиваться, и подписывались.

Дальнейшая обработка образцов проводилась в соответствии с общепринятыми методическими требованиями древесно-кольцевого анализа [Шиятов и др. 2000; Cook, Kairiukstis. 1990]. Керны были вклеены в деревянные подложки и отшлифованы для увеличения контрастности колец [Stokes, Smiley. 1968]. Спилы также шлифовались. Затем годичные кольца были посчитаны и размечены по десять, пятьдесят и сто лет. Измерения ширины годичных колец произведены в лаборатории Института географии Российской академии наук (ИГ РАН) на полуавтоматической установке LINTAB с точностью 0,01 мм [Rinn. 1996]. С помощью перекрестной датировки, выполненной в программе COFESHA [Holmes. 1983] определялась дата годичного кольца в одном радиусе бревна относительно другого. Для наибольшей точности сначала осуществлялась относительная датировка между различными образцами, принадлежащими одной части постройки. Для этого использовались программы COFESHA и RinntechTSAPWin.

Полученная «плавающая» хронология, включающая все датированные образцы, позволяет определить относительные даты внешних колец бревен и, как следствие, соотнести во времени разные части постройки.

Авторами была предпринята попытка получения календарной датировки с помощью перекрестного датирования плавающих хронологий для каждого объекта относительно

дендрохронологических шкал по хвойным породам Западного и Центрального Кавказа [Соломина и др. 2012], охватывающих период 1450-2014 гг. Однако достоверных результатов получено не было. Для определения породы были сделаны продольные (в тангентальной, поперечной и радиальной плоскостях) срезы образцов. Толщина срезов была равна 20 микрометрам. Окрашивание препаратов древесины не проводилось. Изучение тонких срезов образцов древесины, проведено в светлом поле микроскопа при увеличении в 100 и 400 раз.

Результаты

Описание исследованных объектов приведено в таблице 1 приложения 1. Характеристики каждого отобранного образца с результатами перекрестной датировки образцов одной породы внутри каждого объекта (в условных относительных годах) приведены в таблице 2 приложения 1. В приложении 2 приведены измерения ширины колец всех изученных образцов. Всего было измерено 89 древесно-кольцевых серий и в них 5313 годичных колец.

Календарную датировку не удалось получить ни для одного исследованного объекта. Далее приведено подробное описание результатов для каждого объекта с рекомендациями по дальнейшему исследованию.

Боевая баиня Цуровых (пос. Джейрах) – D41A

Все отобранные образцы, кроме одного, представлены древесиной дуба, один (D41A 7) – липой. Образцы дуба успешно датированы между собой, разброс датировок внешних колец шести образцов составил 6 лет. Это говорит об одновременности заготовки древесины для строительства (с поправкой на возможную потерю внешних колец при обтеске бревен). Общая длина серии перекрестно датированных образцов составила 177 лет, что достаточно для надежной дендрохронологической датировки при наличии мастер-хронологии. К сожалению, мастер-хронология по дубу для данного региона на настоящий момент отсутствует. Тем не менее, мы рекомендуем провести отбор нескольких образцов на радиоуглеродное датирование для календарной привязки серии. Сначала рекомендуется провести датирование жидкостно-сцинтиллятным (ЖС) методом, так как имеется достаточное количество материала (спилы). Для уточнения датировки рекомендуется метод ускорительной масс-спектрометрии (УМС). В данном случае возможно получить точность датирования 1-3 десятка лет, к тому же датированная серия по дубу такой длины станет реперной привязкой для дальнейших дендрохронологических исследований в регионе.

Боевая баиня архитектурного комплекса Бялган – D42A

Все отобранные образцы, кроме одного, представлены древесиной липы, один – сосной. Образцы липы датированы между собой, разброс датировок внешних колец десяти образцов составил 15 лет. Тем не менее, датировку образцов длиной менее 50 лет (7 образцов из 10) обычно нельзя считать статистически достоверной. Общая длина серии перекрестно датированных образцов составила 99 лет, что достаточно для надежной дендрохронологической датировки при наличии мастер-хронологии. К сожалению, мастер-хронология по липе для данного региона на настоящий момент отсутствует. К тому же, создание мастер-хронологии по липе затруднено небольшой продолжительностью жизни этой породы (по сравнению с сосной и дубом). Для датировки памятника рекомендуется провести отбор нескольких образцов на радиоуглеродное датирование из образца D42A 9.

Возможен отбор на УМС датирование из отобранного керна либо дополнительный отбор на ЖС датирование спиля с того же элемента конструкции.

Жилая башня архитектурного комплекса Эрзи – D43A

Отобран один образец, представленный древесиной березы. Имеет длину 124 года, что достаточно для надежной дендрохронологической датировки при наличии мастер-хронологии. Мастер-хронология по березе в регионе отсутствует. Возможно радиоуглеродное датирование серии образцов, отобранных по годичным кольцам.

Боевая башня архитектурного комплекса Эрзи – D44A

Отобран один образец, представленный древесиной березы. Имеет длину 78 лет, что обычно недостаточно для надежной дендрохронологической датировки. С образцом, отобранным в Эрзи из жилой башни (D43A 1, береза) надежно не датируется. Возможно радиоуглеродное датирование серии образцов, отобранных по годичным кольцам.

Полубоевая башня архитектурного комплекса Гу – D45A

Отобран один образец, представленный древесиной сосны. Имеет длину 21 год, что недостаточно для дендрохронологической датировки. Радиоуглеродное датирование этого образца также не рекомендуется из-за малой вероятности получения датировки приемлемой точности.

Боевая башня архитектурного комплекса Салги – D46A

Отобран один образец, представленный древесиной липы. Имеет длину 61 год, что обычно недостаточно для надежной дендрохронологической датировки. Возможно радиоуглеродное датирование серии образцов, отобранных по годичным кольцам, при предположении о дате сооружения ранее 18 в.

Архитектурный комплекс Эгикал – D47A

Всего отобрано 13 образцов из нескольких строений комплекса, представленных древесиной липы, дуба, сосны и ильма (вяза). Образцы дуба и липы были датированы между собой (в пределах одной породы), однако большинство образцов представлены короткими сериями длиной менее 50 лет. Дендрохронологический потенциал имеют только образцы D47A 1 (липа, 60 лет), 8 (дуб, 93 года), 10 (ильм, 57 лет), 11 (дуб, 50 лет), 13 (липа, 57 лет). Также эти образцы могут быть датированы серией радиоуглеродных анализов.

Склеп с открытой поминальной камерой и боевая башня архитектурного комплекса Оздиче – D48A (в научной литературе ошибочно именуется как Мяхихи)

Три из четырех отобранных образцов представлены древесиной дуба, один – сосной. Образцы дуба датированы между собой, разброс датировок внешних колец трех образцов составил 11 лет. Общая длина серии перекрестно датированных образцов составила 94 года, что достаточно для надежной дендрохронологической датировки при наличии мастер-хронологии. Возможно датирование по серии радиоуглеродных дат. Еще один образец

(D48A 4) отобран из боевой башни пос.Оздяче. Он представлен сосной серией длиной 27 лет, что недостаточно для дендрохронологического исследования.

Архитектурный комплекс Вовнушки – D49A

Пять из шести отобранных образцов представлены древесиной сосны, один – липой. Образцы сосны датированы между собой, разброс датировок внешних колец пяти образцов составил 16 лет. Общая длина серии перекрестно датированных образцов составила 66 лет, что обычно недостаточно для надежной дендрохронологической датировки. Возможно датирование по серии радиоуглеродных дат, при предположении о дате сооружения ранее 18 в.

Образец липы (D49A 1) представлен серией длиной 39 лет, что недостаточно для дендрохронологического исследования.

Храм Тхайа-Ерды – D50A

Все отобранные образцы представлены древесиной сосны. Они успешно датированы между собой, разброс датировок внешних колец шести образцов составил 11 лет. Это говорит об одновременности заготовки древесины для строительства (с поправкой на возможную потерю внешних колец при обтеске бревен). Общая длина серии перекрестно датированных образцов составила 165 лет, что достаточно для надежной дендрохронологической датировки при наличии мастер-хронологии. К сожалению, мастер-хронология по сосне для данного региона (для предполагаемого периода постройки) на настоящий момент отсутствует. Тем не менее, мы рекомендуем провести отбор нескольких образцов на радиоуглеродное датирование для календарной привязки серии. При отсутствии возможности отбора спилов с конструктивных элементов рекомендуется датирование методом УМС – серию датировок возможно произвести на основе материала отобранных кернов. В данном случае возможно получить точность датирования 1-3 десятка лет, к тому же датированная серия по сосне такой длины станет реперной привязкой для дальнейших дендрохронологических исследований в регионе.

Архитектурный комплекс Пялинг – D51A

Все отобранные образцы представлены древесиной сосны. Они датированы между собой, разброс датировок внешних колец шести образцов составил 9 лет. Однако длина отдельных серий (от 27 до 54 лет), а также общая длина хронологии (62 года) не позволяет надеяться на надежные дендрохронологические датировки. Возможно датирование по серии радиоуглеродных дат, при предположении о дате сооружения ранее 18 в.

Архитектурный комплекс Ний – D52A

Четыре из пяти образцов представлены древесиной сосны (один образец – D52A 1 – утерян). Они датированы между собой, разброс датировок внешних колец шести образцов составил 17 лет. Однако длина отдельных серий (от 18 лет до 61 года), а также общая длина хронологии (77 лет) не позволяет надеяться на надежные дендрохронологические датировки. Возможно датирование по серии радиоуглеродных дат северной боевой башни (образец D52A 3, 61 год), при предположении о дате сооружения ранее 18 в.

Когское святилище – D53A

Единственный отобранный образец (сосна) представлен довольно длинной серией в 114 лет. Надежно датировать ее по образцам сосны из других объектов, к сожалению, не удалось. Одна из возможных датировок, показавших удовлетворительные статистические показатели – это совпадающая дата внешнего кольца с образцом D54A4 (тис). Но из-за различия пород древесины, она остается под вопросом. Возможно датирование по серии радиоуглеродных дат.

Храм Альба-Ерды – D54A

Все отобранные образцы, кроме одного, представлены древесиной дуба, один (D54A4) – тисом. Образцы дуба успешно датированы между собой, разброс датировок внешних колец семи образцов составил 10 лет. Это говорит об одновременности заготовки древесины для строительства (с поправкой на возможную потерю внешних колец при обтеске бревен). Один образец, застрявший в буре (D54A 9), измерить не удалось, определена лишь порода древесины. Общая длина серии перекрестно датированных образцов составила 145 лет, что достаточно для надежной дендрохронологической датировки при наличии мастер-хронологии. Рекомендуется провести отбор нескольких образцов на радиоуглеродное датирование для календарной привязки серии. Спилены из конструктивных элементов без повреждения сооружения отобрать невозможно, поэтому рекомендуется метод ускорительной масс-спектрометрии (УМС). В данном случае возможно получить точность датирования 1-3 десятка лет, к тому же датированная серия по дубу такой длины станет дополнительной реперной привязкой для дальнейших дендрохронологических исследований в регионе. Наличие конструктивного элемента из тиса (помимо значительной длины серии в 103 годичных кольца) заслуживает отдельного внимания. Возможно, использование этой редкой породы дерева в качестве опорного конструктивного элемента имело некое сакральное значение.

Заключение

Почти все исследованные объекты имеют потенциал быть датированными дендрохронологическим методом в будущем, когда будут разработаны региональные мастер-хронологии по соответствующим породам – сосне, дубу и липе. К сожалению, существующие дендрошкалы для Западного и Центрального Кавказа оказались непригодными – либо за счет нехватки длины, либо из-за существенно отличных условий произрастания деревьев. Поэтому рекомендуется организовать поиск долгоживущих деревьев на территории республики и в прилегающих областях. Датировка практически всех объектов (кроме полубоевой башни Гу, D45A) может быть уточнена на основе серии радиоуглеродных ЖС или УМС дат. В этом случае, датированные радиоуглеродным методом дендрохронологические серии станут дополнительным репером для дальнейшего датирования в регионе. При принятии решения о радиоуглеродном датировании следует иметь ввиду принципиальные ограничения метода начиная с 18 в. Особенно высокий дендрохронологический потенциал имеют объекты, в которых были выделены деревянные конструктивные элементы из сосны или дуба, имеющие более 100 годичных колец. Это башня Цуровых в пос. Джейрах (D41A), Когское святилище (D53A), храмы Тхаба-Ерды (D50A) и Альби-Ерды (D54A). Развитие хронологий по липе также, возможно, имеет потенциал в регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

[1] Соломина О. Н., Долгова Е. А., Максимова О. Е. Реконструкция гидрометеорологических условий последних столетий на Северном Кавказе, в Крыму и на Тянь-Шане по дендрохронологическим данным. М.; СПб.: Нестор-История, 2012 – 232 с.

[2] Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Курдянов А. В., Круглов В. Б., Мазена В. С., Наурзбаев М. М., Хантемиров Р. М. Методы дендрохронологии. Часть I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методич. пособие. Красноярск, 2000.

[3] Cook E. R., Kairiukstis L. A. Methods of Dendrochronology: Applications in the Environmental Sciences. Dordrecht; N. Y., 1990.

[4] Holmes R. L. Computer-Assisted Quality Control in Tree-Ring Dating and Measurement // Tree-Ring Bulletin. 1983. Vol. 43. P. 69–78.

[5] Rinn F. TSAP. Version 3.0. Reference manual. Computer program for time series analysis and presentation. Heidelberg, 1996.

[6] Stokes M. A., Smiley T. L. An Introduction to Tree-Ring Dating. Chicago, 1968.

[7] Tucsonformat [Электронный ресурс]. URL: http://www.cybis.se/wiki/index.php?title=Tucson_format (дата последнего обращения: 26.12.2012).

Приложение 1 – Результаты дендрохронологического исследования (таблицы)

Таблица 1. Список исследованных объектов

Код объекта	Расположение объекта	Координаты, градусы с.ш., в.д., высота м н.у.м.	Порода использованной древесины	Кол-во образцов	Кол-во бревен	Дата отбора образцов	Отбирали образцы	Длина непрерывной серии годовичных колец (лет)	Календарная дата последнего измеренного кольца
D41 А	Республика Ингушетия, пос. Джейрах, башня Цуровых	42,82092 44,68679 1081	В основном дуб, липа	11	7	22.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	177	Нет календарной даты
D42 А	Республика Ингушетия, башня Бялган	42,79905 44,79007 1442	Липа, 1 сосна?	14	11	22.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	99	Нет календарной даты
D43 А	Республика Ингушетия, Эрзи, жилия башня	42,80326 44,75949 1321	Береза	1	1	22.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	124	Нет календарной даты
D44 А	Республика Ингушетия, Эрзи, боевая башня	42,803 44,75961 1311	Береза	1	1	22.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	78	Нет календарной даты
D45 А	Республика Ингушетия, полу-боевая башня Гу	42,80148 44,82287 1665	Сосна	1	1	23.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	21	Нет календарной даты
D46 Л	Республика Ингушетия, боевая башня Салги	42,79764 44,8199 1634	липа	1	1	23.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	61	Нет календарной даты
D47 Л	Республика Ингушетия, Эгикал	42,83401 44,91899 1241-1275	Липа, дуб, сосна, ильм	13	13	23- 24.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	17-93	Нет календарной даты
D48 А	Республика Ингушетия, Оздиче	42,80003 45,00039 1259	Дуб, сосна	4	4	24.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андриюшин	94	Нет календарной даты

Код объекта	Расположение объекта	Координаты, градусы с.ш., в.д., высота м н.у.м.	Порода использованной древесины	Кол-во образцов	Кол-во бревен	Дата отбора образцов	Отбирали образцы	Длина непрерывной серии годичных колец (лет)	Календарная дата последнего измеренного кольца
D49 А	Республика Ингушетия, Вовнушки	42,80085 44,9949 1279	В основном сосна, липа	6	6	24.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андрюшин	53	Нет календарной даты
D50 А	Республика Ингушетия, Тхаба-Ерды (храм 9-10 веков)	42,80905 44,93913 1169	Сосна	9	6	25.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андрюшин	165	Нет календарной даты
D51 А	Республика Ингушетия, Пялинг	42,82669 44,98375 1557	сосна	6	6	25.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андрюшин	62	Нет календарной даты
D52 А	Республика Ингушетия, селение Ний	42,83107 45,00213 1691	Сосна	5	5	25.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Мальсагов, Андрюшин	77	Нет календарной даты
D53 А	Республика Ингушетия, Когское святилище	42,83697 44,89287 1655	Сосна	2	1	26.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Гадиев, Андрюшин	114	Нет календарной даты
D54 А	Республика Ингушетия, храм Альби-Ерды	42,83475 44,93855 1108	В основном дуб, тис	9	9	26.09 .2014	Мацковский, Кудиков, Андрюшин	145	Нет календарной даты

Таблица 2. Характеристики исследованных образцов

*годы условные. Показана относительная датировка образцов одной породы внутри каждого объекта.

Код образца	Описание образца	Порода древесины	Первый год*	Последний год*	Число годовичных колец
D41A	Пос. Джейрах, боевая башня Цуровых				
D41A 1	последний этаж башни, восточная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), левая сторона (кern)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	853	998	146
D41A 2A	последний этаж башни, западная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), правая сторона (спил)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	828	984	157
D41A 2B	последний этаж башни, западная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), правая сторона (спил?)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	909	1000	92
D41A 3A	последний этаж башни, восточная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), правая сторона (спил)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	896	996	101
D41A 3B	последний этаж башни, восточная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), правая сторона (кern)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	846	996	151
D41A 4A	последний этаж башни, западная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), левая сторона (кern)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	935	985	51
D41A 4B	последний этаж башни, западная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), левая сторона (спил)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	854	995	142
D41A 5A	последний этаж башни, южная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), ? сторона (кern)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	844	999	156
D41A 5B	последний этаж башни, южная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), ? сторона (спил)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	824	989	166
D41A 6	последний этаж башни, северная стена, вкладка из дуба под машикули (чІэрх - ингуш.), ? сторона (кern)	Дуб (<i>Quercus</i> sp.)	869	999	131
D41A 7	третий этаж башни, восточная стена, перемычка над окошком внутреннего свода	Липа (<i>Tilia</i> sp.)	-	-	47
D42A	Архитектурный комплекс Бялган, боевая башня				
D42A 1	С стена башни, последний (5) этаж, в нише окна перемычка (сохранность плохая)	Липа(<i>Tilia</i> sp.)	960	994	35

Код образца	Описание образца	Порода древесины	Первый год*	Последний год*	Число годовичных колец
D42A 2	В стена башни, последний (5) этаж, в нише окна перемычка (сохранность плохая)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	980	997	18
D42A 3A	Ю стена башни, последний (5) этаж, в нише левого (изнутри) окна (сохранность хорошая)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	967	998	32
D42A 3B	Ю стена башни, последний (5) этаж, в нише левого(изнутри) окна (внешние кольца)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	934	995	62
D42A 4	Ю стена башни, последний (5) этаж, в нише правого окна перемычка (сохранность средняя)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	978	998	21
D42A 5A	Ю стена башни, 4 этаж, перемычка в нише окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	-	-	-
D42A 5B	Ю стена башни, 4 этаж, перемычка в нише окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	979	994	16
D42A 6	С стена башни, 4 этаж, перемычка в нише левого окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	977	996	20
D42A 7	С стена башни, 4 этаж, перемычка в нише правого окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	962	986	25
D42A 8	Встена башни, 4 этаж, перемычка в нише правого окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	928	990	63
D42A 9	Встена башни, 4 этаж, перемычка в нише левого окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	959	1000	42
D42A 10	Встена башни, 3 этаж, перемычка в нише окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	898	996	99
D42A 11	Ю стена второго этажа, перемычка в нише окна	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	-	-	37
D43A	Архитектурный комплекс Эрзи, жилая башня				
D43A 1	Восточная стена первого этажа жилой башни, перемычка окна (кern взят с обтесаного торца бревна)	Береза(<i>Betula sp.</i>)	-	-	124
D44A	Архитектурный комплекс Эрзи, боевая башня				
D44A 1	Перемычка входного отверстия боевой башни	Береза(<i>Betula sp.</i>)	-	-	78
D45A	Архитектурный комплекс Гу, полубоевая башня				
D45A 1	З стена башни, 4 этаж, перемычка в нише окна	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	-	-	21

Код образца	Описание образца	Порода древесины	Первый год*	Последний год*	Число годовичных колец
D46A	Архитектурный комплекс Салги, боевая башня				
D46A 1	В стена башни, 4 этаж, перемычка в нише правого окна	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	-	-	61
D47A	Архитектурный комплекс Эгикал				
D47A 1	Башня Богатыревых, перемычка входной арки	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	934	993	60
D47A 2	Перемычка окна второго этажа жилой башни, южная стена (рядом с башней Богатыревых)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	-	-	23
D47A 3	Перемычка окна второго этажа жилой башни, восточная стена (рядом с башней Богатыревых)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	960	988	29
D47A 4	Перемычка в нише входа второго этажа, в южной стене жилой башни	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	52	86	35
D47A 5	Перемычка над правым окном восточной стены (взята вся доска, сохранность плохая, жилая башня)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	966	982	17
D47A 6	Перемычка над левым окном восточной стены жилой башни	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	971	999	29
D47A 7	Перемычка над окном в восточной стене (взята полностью) (башня с надписью Сейнар Гала)	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	57	100	44
D47A 8	Перемычка в своде окна в восточной стене полубоевой башни, напротив пролома	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	6	98	93
D47A 9	Перемычка в своде окна в восточной стене жилой башни	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	976	1000	25
D47A 10	Перемычка в своде окна в северной стене жилой башни	Ильм, вяз (<i>Ulmussp.</i>)	-	-	57
D47A 11	Перемычка над сводом прохода между боевой и жилой башнями	Дуб (<i>Quercussp.</i>)	38	87	50
D47A 12	Перемычка над окном 2 этажа восточной стены полубоевой башни (маленькое окно посередине фасада)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	-	-	17
D47A 13	Перемычка над окном второго этажа восточной стены фасада полубоевой башни Гандаровых (?)	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	930	986	57
D48A	Архитектурный комплекс Оздиче				
D48A 1	Балка в своде склепа (северная)	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	951	990	40

Код образца	Описание образца	Порода древесины	Первый год*	Последний год*	Число годовичных колец
D48A 2	Балка в своде склепа (центральная)	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	942	1000	59
D48A 3	Балка в своде склепа, ближняя к выходу (южная)	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	907	995	89
D48A 4	Перемычка в своде окна, южная стена третьего этажа боевой башни	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	-	-	27
D49A	Архитектурный комплекс Вовнушки				
D49A 1	Южная стена, входной проем первого этажа внешней башни, перемычка в своде	Липа(<i>Tilia sp.</i>)	-	-	39
D49A 2	Северная стена, окно над лазом, внешняя башня, перемычка	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	969	1013	45
D49A 3	Западная стена, окно 3 этажа внешней башни, перемычка	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	960	1000	41
D49A 4	Восточная стена внутренней башни, перемычка над сводом прохода	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	978	998	21
D49A 5	Западная стена внутренней башни, перемычка в своде окна второго этажа	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	952	999	48
D49A 6	Восточная стена внешней башни, перемычка в своде окна второго этажа	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	948	1000	53
D50A	Храм Тхаба-Ерды				
D50A 1A	Балка-распорка нижнего яруса в восточной части храма, ближняя к алтарю (кери взят с верху балки)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	930	995	66
D50A 1B	Балка-распорка нижнего яруса в восточной части храма, ближняя к алтарю (кери взят снизу балки под углом)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	962	992	31
D50A 2	Балка-распорка верхнего яруса, восточного свода храма	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	916	992	77
D50A 3A	Балка-распорка нижнего яруса центрального свода храма, пробурена снизу	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	836	989	154
D50A 3B	Балка-распорка нижнего яруса центрального свода храма, пробурена сверху	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	856	990	135
D50A 4	Балка-распорка верхнего яруса центрального пилона храма	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	972	989	18
D50A 5A	Балка-распорка нижнего яруса западного пилона храма (ближнего к выходу, пробурено снизу)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	964	1000	37
D50A 5B	Балка-распорка нижнего яруса западного пилона храма (ближнего к выходу, пробурено снизу с другой, внешней, стороны)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	941	993	53
D50A 6	Балка-распорка верхнего яруса западного пилона, пробурено снизу	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	922	999	78

Код образца	Описание образца	Порода древесины	Первый год*	Последний год*	Число годовичных колец
D51A	Архитектурный комплекс Пялинг				
D51A 1	Перемышка над сводом входа восточной стены центральной боевой башни (внешние кольца сгоревшие)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	958	1000	43
D51A 2	Перемышка над окном жилой башни, восточная стена (рядом с центральной боевой)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	973	999	27
D51A 3	Перемышка над входом Восточной боевой башни, восточная стена	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	952	997	46
D51A 4	Балка-распорка под каменным сводом возле западной стены (дальняя от входа)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	950	1002	53
D51A 5	Балка-распорка под каменным сводом возле входа (ближе к восточной стене)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	968	1000	33
D51A 6	Жилая башня к югу от Северной боевой башни, перемышка в своде окна восточной стены, окно справа	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	941	994	54
D52A	Архитектурный комплекс Ний				
D52A 1	Центральная башня (с тремя консолями в защитном балкончике) перемышка дверного проёма (крупная балка)	-	-	-	-
D52A 2	Перемышка окна жилой башни первого этажа (к северу от Центр.башни), западная стена (примыкает к Северной боевой башне)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	975	992	18
D52A 3	Перемышка свода окна южной стены Северной боевой башни	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	924	984	61
D52A 4	Перемышка в своде входного проёма на второй этаж восточной стены полубоевой башни к северо-востоку от Сев.боевой башни	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	960	1000	41
D52A 5	Перемышка во входном проеме Западной боевой башни	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	983	995	13
D53A	Когское святилище				
D53A 1	Перемышка над входом в восточной стене святилища (внешние кольца гнилые)	Сосна(<i>Pinus sp.</i>)	-	-	114
D54A	Храм Алби-Ерды				

Код образца	Описание образца	Порода древесины	Первый год*	Последний год*	Число годовичных колец
D54A 1	внутренняя перемычка нижнего яруса, первая изнутри	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	927	995	69
D54A 2	внутренняя перемычка нижнего яруса, вторая изнутри	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	856	997	142
D54A 3	поперечная слега под перемычки, западная	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	945	999	55
D54A 4	внутренняя слега-подпорка под поперечной слегой	Тис(<i>Taxus sp.</i>)	-	-	103
D54A 5	внутренняя перемычка нижнего яруса, четвертая изнутри	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	976	994	19
D54A 6	внешняя перемычка нижнего яруса, пятая изнутри (внешняя)	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	958	994	37
D54A 7	поперечная слега под перемычки, восточная	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	871	991	121
D54A 8	Средняя перемычка нижнего яруса	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	922	1000	79
D54A 9	Перемычка дверного проёма верхнего яруса (единственная)(осталась в буре)	Дуб(<i>Quercus sp.</i>)	-	-	-

Приложение 2 – Результаты измерений

Измерения приведены в декадном формате Tucsomwi, годы условные (соблюдены относительные датировки в пределах каждого объекта, кроме образцов, помеченных звездочками). Единица измерения – 0,01 мм.

* - относительные датировки не соблюдены

** - относительные датировки соблюдены для образцов с такой же пометкой

D41A1	853	65	67	60	65	72	63	51			
D41A1	860	53	49	68	53	53	61	65	63	44	51
D41A1	870	44	61	37	39	53	40	61	56	73	70
D41A1	880	93	75	61	66	67	62	69	71	69	76
D41A1	890	74	82	74	88	84	103	71	71	73	67
D41A1	900	99	76	68	71	61	77	62	66	108	80
D41A1	910	75	59	82	66	42	64	54	62	92	46
D41A1	920	53	67	54	41	51	39	63	62	39	50
D41A1	930	51	45	48	38	38	50	48	46	39	71
D41A1	940	74	69	45	57	76	95	108	74	68	51
D41A1	950	82	66	56	89	70	97	64	70	81	84
D41A1	960	70	85	78	66	64	44	56	70	61	58
D41A1	970	74	53	61	69	66	61	63	58	61	72
D41A1	980	69	46	58	58	68	50	75	79	84	89
D41A1	990	82	96	62	68	61	68	71	61	63	999
D41A2a	828	165	247								
D41A2a	830	273	295	416	229	241	230	143	122	115	101
D41A2a	840	66	71	98	125	104	99	61	74	107	77
D41A2a	850	75	81	89	80	73	103	93	87	75	35
D41A2a	860	77	65	62	73	86	102	136	107	64	79
D41A2a	870	86	86	63	58	92	74	62	85	65	66
D41A2a	880	65	85	39	68	82	53	64	73	60	48
D41A2a	890	51	53	58	73	79	73	59	62	54	41
D41A2a	900	51	54	72	68	54	61	65	43	59	61
D41A2a	910	40	57	57	77	75	59	48	30	35	35
D41A2a	920	43	47	53	49	49	68	53	79	49	53
D41A2a	930	39	45	65	44	44	64	59	45	48	70
D41A2a	940	73	68	63	43	42	39	46	57	64	39
D41A2a	950	68	67	55	73	62	55	48	50	86	79
D41A2a	960	57	59	64	86	66	63	63	77	83	75
D41A2a	970	83	74	82	72	86	64	69	64	75	67
D41A2a	980	67	47	61	50	46	999				
D41A2b	909	103									
D41A2b	910	183	128	108	196	224	278	232	148	136	91
D41A2b	920	49	71	80	70	55	73	77	100	92	94

D41A2b	930	68	85	87	70	57	68	83	70	55	81
D41A2b	940	74	68	80	25	64	58	54	72	85	85
D41A2b	950	139	95	62	87	87	81	70	49	66	71
D41A2b	960	58	85	75	75	53	57	51	65	57	56
D41A2b	970	53	56	48	39	46	41	66	55	82	79
D41A2b	980	66	52	80	61	38	42	59	60	82	48
D41A2b	990	65	90	55	59	50	51	52	54	79	44
D41A2b	1000	54	999								

D41A3a	896	61	46	47	45						
D41A3a	900	63	79	73	110	99	107	82	83	89	76
D41A3a	910	98	116	116	149	104	96	97	94	93	82
D41A3a	920	85	85	95	92	76	69	61	65	52	54
D41A3a	930	60	49	55	45	41	66	56	40	38	49
D41A3a	940	46	42	44	36	62	50	56	63	69	55
D41A3a	950	55	59	39	46	47	61	65	40	45	62
D41A3a	960	56	73	49	94	65	54	60	91	57	51
D41A3a	970	77	76	77	65	70	68	101	71	74	79
D41A3a	980	95	53	64	61	64	66	77	68	66	54
D41A3a	990	86	73	91	85	76	93	33	999		

D41A3b	846	56	57	75	58						
D41A3b	850	62	66	64	74	78	71	71	62	55	62
D41A3b	860	92	74	93	82	70	68	77	72	60	53
D41A3b	870	49	58	54	56	61	66	95	115	81	52
D41A3b	880	69	85	66	63	66	71	84	75	72	70
D41A3b	890	71	73	74	62	62	71	77	51	39	51
D41A3b	900	58	61	59	66	59	103	82	72	121	84
D41A3b	910	78	74	108	103	93	111	76	79	85	88
D41A3b	920	72	69	91	63	78	97	87	58	55	44
D41A3b	930	32	61	70	47	54	67	63	37	38	47
D41A3b	940	43	52	33	34	47	53	52	72	61	64
D41A3b	950	55	58	46	44	23	71	56	34	45	80
D41A3b	960	34	76	57	84	72	55	71	90	72	54
D41A3b	970	88	70	89	75	84	76	94	76	78	84
D41A3b	980	91	61	72	58	80	63	76	58	68	88
D41A3b	990	74	81	90	68	29	86	87	999		

D41A4a	935	57	64	61	65	85					
D41A4a	940	76	107	55	70	74	83	72	104	97	56
D41A4a	950	59	58	50	82	75	87	71	72	84	72
D41A4a	960	63	67	53	75	69	65	81	79	58	75
D41A4a	970	74	57	64	74	95	82	69	85	76	77
D41A4a	980	72	54	65	47	67	65	999			

D41A4b 854 119 105 95 108 97 72
 D41A4b 860 108 105 87 71 100 86 96 79 62 50
 D41A4b 870 61 62 72 74 106 125 105 89 72 98
 D41A4b 880 109 95 75 119 115 83 100 139 125 106
 D41A4b 890 113 86 96 111 113 120 103 90 79 68
 D41A4b 900 90 107 103 136 122 119 95 99 121 102
 D41A4b 910 69 102 154 96 91 111 102 65 70 63
 D41A4b 920 79 90 88 49 87 58 42 53 52 46
 D41A4b 930 41 62 58 53 67 111 101 103 95 91
 D41A4b 940 79 74 86 72 95 88 114 144 98 78
 D41A4b 950 99 130 96 123 88 91 78 62 73 69
 D41A4b 960 65 89 74 75 83 84 72 85 69 69
 D41A4b 970 84 106 91 85 91 92 81 78 98 83
 D41A4b 980 102 91 104 84 102 73 113 92 100 94
 D41A4b 990 105 104 69 70 74 68 999

D41A5a 844 482 255 198 185 237 197
 D41A5a 850 193 254 295 192 271 149 191 121 81 78
 D41A5a 860 94 70 79 73 91 88 87 65 60 72
 D41A5a 870 97 71 82 93 92 69 104 117 111 87
 D41A5a 880 126 103 82 98 121 111 150 140 79 86
 D41A5a 890 121 121 95 95 113 104 92 116 107 95
 D41A5a 900 95 135 146 120 100 98 94 63 109 163
 D41A5a 910 117 79 150 132 120 111 122 101 156 98
 D41A5a 920 89 129 98 106 142 103 101 97 102 85
 D41A5a 930 96 140 190 56 33 67 108 72 80 67
 D41A5a 940 85 99 89 49 45 55 60 90 57 57
 D41A5a 950 53 63 55 83 82 81 101 77 76 101
 D41A5a 960 82 102 90 102 87 53 73 70 96 60
 D41A5a 970 79 76 77 92 146 99 87 103 107 73
 D41A5a 980 102 73 118 84 122 82 110 122 172 108
 D41A5a 990 119 106 94 84 105 112 99 130 129 101
 D41A5a 1000 999

D41a5b 824 268 145 118 101 84 113
 D41a5b 830 170 178 137 98 121 123 121 115 101 106
 D41a5b 840 90 92 61 76 74 64 48 45 96 96
 D41a5b 850 90 89 65 64 86 65 72 63 75 63
 D41a5b 860 68 70 70 77 72 77 78 76 65 69
 D41a5b 870 88 103 92 93 85 85 109 94 81 79
 D41a5b 880 98 114 90 118 109 97 88 110 85 83
 D41a5b 890 79 79 94 76 78 71 70 74 61 50
 D41a5b 900 79 66 56 74 77 58 41 40 54 63
 D41a5b 910 50 42 55 71 49 59 54 53 56 58
 D41a5b 920 68 84 54 27 32 36 58 54 42 45
 D41a5b 930 53 47 51 35 50 63 64 81 43 56

D41a5b 940 43 49 54 40 61 53 83 60 62 60
 D41a5b 950 54 47 42 45 40 37 46 31 42 36
 D41a5b 960 48 59 33 49 60 42 50 53 53 56
 D41a5b 970 58 52 78 69 72 55 58 65 67 77
 D41a5b 980 85 47 79 71 76 65 69 78 77 79
 D41a5b 990 999

D41A6 869 141
 D41A6 870 107 167 133 107 79 72 157 78 60 47
 D41A6 880 67 67 51 59 55 59 62 65 75 81
 D41A6 890 59 61 99 77 88 77 51 88 80 70
 D41A6 900 71 100 115 149 125 81 64 88 132 77
 D41A6 910 86 100 134 103 110 106 93 101 113 33
 D41A6 920 82 69 93 76 78 52 44 44 20 52
 D41A6 930 51 83 60 54 72 82 58 90 58 83
 D41A6 940 110 49 71 58 66 51 58 82 69 62
 D41A6 950 87 60 38 41 63 46 41 36 43 65
 D41A6 960 68 64 47 76 85 70 89 102 90 65
 D41A6 970 97 69 103 108 91 98 96 94 116 104
 D41A6 980 114 77 122 59 59 76 56 80 83 72
 D41A6 990 55 51 46 77 47 58 48 56 60 42
 D41A6 1000 999

D41A7a* 954 254 202 153 240 295 273
 D41A7a* 960 187 168 193 129 170 165 148 138 145 172
 D41A7a* 970 203 166 139 127 99 119 100 102 91 68
 D41A7a* 980 88 71 101 78 74 59 51 43 71 73
 D41A7a* 990 65 73 150 78 96 158 138 99 80 111
 D41A7a* 1000 127 999

D41A7b* 954 179 175 103 146 185 154
 D41A7b* 960 138 156 194 132 201 163 141 55 74 126
 D41A7b* 970 150 169 123 149 127 90 72 91 184 84
 D41A7b* 980 134 137 109 153 170 140 109 104 130 122
 D41A7b* 990 71 68 96 115 92 114 144 148 136 138
 D41A7b* 1000 999

d42A1a 983 110 185 330 362 336 225 253
 d42A1a 990 300 351 297 266 211 193 138 195 199 267
 d42A1a 1000 292 245 999

d42A1b 960 102 140 213 222 218 174 154 185 267 287
 d42A1b 970 219 160 116 70 89 87 104 77 58 98
 d42A1b 980 120 74 68 115 108 72 50 78 97 63
 d42A1b 990 63 128 81 96 101 999

D42A2 980 132 136 140 144 247 267 347 403 314 370

D42A2 990 440 532 574 617 549 553 312 405 999

D42a3a 967 316 189 39

D42a3a 970 44 38 54 81 51 45 101 46 76 63

D42a3a 980 49 64 70 71 161 111 100 88 94 71

D42a3a 990 64 87 77 152 273 254 101 188 128 999

D42A3b 934 100 68 58 53 51 52

D42A3b 940 42 62 93 75 85 91 51 13 50 56

D42A3b 950 75 77 91 22 8 23 23 23 50 33

D42A3b 960 10 29 48 18 32 27 31 31 26 40

D42A3b 970 38 27 18 35 25 26 45 35 76 67

D42A3b 980 40 64 48 34 70 39 81 144 134 109

D42A3b 990 113 120 38 86 87 87 999

D42A4 978 195 278

D42A4 980 301 278 364 193 166 202 184 237 211 280

D42A4 990 347 374 430 525 470 437 310 351 299 999

D42A5b 979 479

D42A5b 980 354 209 261 149 239 298 263 268 183 203

D42A5b 990 162 149 149 194 271 999

d42a6 977 475 584 436

d42a6 980 290 250 305 183 207 155 243 321 260 173

d42a6 990 69 105 123 105 112 110 53 999

D42A7 962 670 359 226 276 172 258 321 318

D42A7 970 354 174 214 258 227 152 200 228 211 174

D42A7 980 170 134 134 76 98 149 221 999

D42A8 928 100 106

D42A8 930 123 106 107 95 106 119 136 132 106 112

D42A8 940 68 118 86 61 68 61 62 77 70 49

D42A8 950 67 56 100 170 168 241 179 231 257 243

D42A8 960 89 154 129 117 107 64 80 79 100 76

D42A8 970 50 34 19 21 13 45 70 71 62 39

D42A8 980 47 22 29 23 37 34 33 38 38 30

D42A8 990 36 999

D42A9a 959 295 283 272 280 276 256 182 164 173

D42A9a 960 158 200 254 304 545 822 619 489 383 273

D42A9a 970 362 399 332 455 359 434 323 316 372 238

D42A9a 980 160 115 116 131 119 79 68 96 103 97

D42A9a 990 94 119 75 115 156 116 89 112 163 134

D42A9a 1000 213 999

D42A10 898 114 202
D42A10 900 228 230 206 150 169 145 72 104 163 176
D42A10 910 185 130 77 41 111 179 91 101 52 104
D42A10 920 63 54 118 154 143 174 190 202 84 75
D42A10 930 82 101 122 153 162 80 54 109 131 131
D42A10 940 131 173 172 102 83 73 82 63 55 67
D42A10 950 79 131 152 114 96 140 84 87 141 147
D42A10 960 86 105 94 64 47 33 43 35 34 53
D42A10 970 57 45 62 68 53 35 75 57 22 27
D42A10 980 35 26 11 44 65 73 44 39 36 27
D42A10 990 12 44 23 41 33 44 31 999

D42A11a* 965 78 65 161 93 153
D42A11a* 970 93 130 127 138 191 139 156 142 124 178
D42A11a* 980 114 107 104 97 134 132 76 106 102 79
D42A11a* 990 86 102 61 99 93 999

D42A11b* 961 211 210 284 231 232 18 12 42 25
D42A11b* 970 100 89 94 180 98 186 137 185 173 150
D42A11b* 980 251 219 179 124 126 173 151 125 106 95
D42A11b* 990 125 150 87 141 135 130 84 122 999

D43A1 860 69 153 84 49 144 70 26 79 178 136
D43A1 870 100 71 153 75 122 43 177 22 23 31
D43A1 880 28 42 32 71 22 89 113 34 24 21
D43A1 890 19 18 17 33 46 52 27 31 32 40
D43A1 900 32 36 124 73 63 18 41 39 31 29
D43A1 910 21 30 45 55 49 41 46 40 14 72
D43A1 920 77 107 110 60 71 35 62 52 63 131
D43A1 930 255 253 141 85 85 112 61 87 41 53
D43A1 940 47 52 37 18 25 22 11 45 21 109
D43A1 950 146 168 240 73 51 98 92 105 169 138
D43A1 960 124 175 136 71 67 79 63 45 84 69
D43A1 970 95 139 108 121 26 141 246 75 212 186
D43A1 980 175 166 148 177 999

D44A1 923 101 120 72 113 100 106 122
D44A1 930 232 132 102 136 99 137 164 95 45 107
D44A1 940 116 163 151 116 57 65 130 117 88 74
D44A1 950 104 81 94 95 114 57 39 43 60 43
D44A1 960 68 144 142 153 201 112 139 97 61 79
D44A1 970 140 76 59 44 49 42 67 40 50 73
D44A1 980 62 37 43 103 78 75 112 97 78 95
D44A1 990 108 141 111 168 197 98 207 114 119 113
D44A1 1000 69 999

D45A1	968	351	410								
D45A1	970	278	469	412	284	329	236	307	208	241	234
D45A1	980	199	235	217	185	214	175	159	138	115	999
D46A1	938	126	269								
D46A1	940	165	197	147	121	28	127	76	110	128	138
D46A1	950	98	133	156	99	99	105	51	91	95	46
D46A1	960	112	106	105	86	70	82	61	89	104	68
D46A1	970	101	93	52	18	32	49	19	44	67	84
D46A1	980	130	67	127	140	193	184	226	148	164	119
D46A1	990	135	56	78	67	63	44	73	76	119	999
D47A1	934	89	79	123	108	144	74				
D47A1	940	80	65	58	85	102	77	160	112	114	108
D47A1	950	114	121	104	132	126	125	134	172	177	143
D47A1	960	147	86	143	105	130	180	172	198	174	196
D47A1	970	182	149	156	200	181	214	202	76	100	95
D47A1	980	129	84	94	121	79	119	86	77	79	113
D47A1	990	97	129	107	121	999					
D47A2*	963	252	219	325	316	262	342	301			
D47A2*	970	218	217	217	173	186	137	88	68	34	25
D47A2*	980	17	29	44	37	85	67	999			
D47A3	960	184	204	176	80	221	348	336	248	260	253
D47A3	970	248	217	237	265	293	282	311	321	349	348
D47A3	980	391	331	361	378	270	199	240	149	145	999
D47A4**	952	200	154	316	242	304	292	130	231		
D47A4**	960	198	139	232	197	242	265	228	217	175	162
D47A4**	970	98	129	143	122	240	220	209	131	158	203
D47A4**	980	156	159	131	120	90	135	104	999		
d47a5	966	372	294	360	215						
d47a5	970	224	191	281	374	365	377	305	292	220	391
d47a5	980	569	332	621	999						
D47A6	971	258	445	550	526	499	487	329	528	559	
D47A6	980	303	296	287	360	319	285	295	119	350	262
D47A6	990	232	239	241	232	186	247	271	240	255	293
D47A6	1000	999									
D47A7**	957	183	185	116							
D47A7**	960	68	76	91	139	138	167	218	191	187	109
D47A7**	970	109	117	151	99	138	130	151	147	137	122
D47A7**	980	123	146	118	135	132	146	122	121	136	125

D47A7** 990 186 116 170 150 134 195 160 123 139 150

D47A7** 1000 87 999

D47A8** 906 223 202 196 130

D47A8** 910 136 137 121 117 111 119 74 52 113 94

D47A8** 920 85 71 77 134 117 116 147 151 165 99

D47A8** 930 91 84 112 124 98 96 81 114 145 72

D47A8** 940 90 103 99 124 143 76 73 49 38 46

D47A8** 950 46 54 84 65 99 105 79 95 82 74

D47A8** 960 80 86 81 68 132 163 129 183 154 131

D47A8** 970 184 120 123 104 191 162 150 119 152 158

D47A8** 980 142 176 131 162 120 181 137 89 101 121

D47A8** 990 132 82 71 86 112 134 135 15 191 999

D47A9a 968 300 352

D47A9a 970 249 150 117 107 206 257 253 216 231 230

D47A9a 980 229 385 325 288 247 224 265 106 97 121

D47A9a 990 98 67 999

D47A9b 976 216 214 171 155

D47A9b 980 190 205 264 302 371 303 346 132 215 310

D47A9b 990 240 328 307 290 316 154 233 280 162 133

D47A9b 1000 75 999

D47A10a 936 257 149 156 154

D47A10a 940 163 162 153 107 252 130 121 113 95 101

D47A10a 950 69 92 74 69 80 96 127 121 133 198

D47A10a 960 128 91 84 94 167 143 167 139 165 114

D47A10a 970 147 146 144 217 149 207 166 186 148 166

D47A10a 980 221 120 122 195 139 165 248 87 115 228

D47A10a 990 227 999

D47A10b 933 174 210 215 205 221 161 111

D47A10b 940 101 97 115 113 113 154 98 115 82 111

D47A10b 950 79 105 102 124 125 102 143 171 188 213

D47A10b 960 183 152 157 117 191 151 241 135 166 138

D47A10b 970 167 106 151 169 135 153 104 126 117 149

D47A10b 980 232 158 137 188 181 190 240 87 119 243

D47A10b 990 999

D47A11** 929 231

D47A11** 930 230 216 231 253 247 192 212 267 301 128

D47A11** 940 149 154 183 160 255 206 220 178 242 175

D47A11** 950 187 239 286 232 184 185 206 210 259 218

D47A11** 960 222 170 184 177 173 167 165 226 156 216

D47A11** 970 234 199 180 167 190 171 193 155 144 999

D50A1Aa 930 244 219 437 444 276 187 182 156 154 235
 D50A1Aa 940 152 278 275 209 183 228 314 308 189 224
 D50A1Aa 950 230 217 204 199 140 256 286 224 244 223
 D50A1Aa 960 161 193 191 194 108 136 85 94 106 122
 D50A1Aa 970 141 118 163 189 139 127 103 87 129 195
 D50A1Aa 980 71 96 150 104 154 156 110 97 112 75
 D50A1Aa 990 56 78 72 74 647 905 999

D50A1Ab 963 262 280 245 233 273 285 253
 D50A1Ab 970 271 306 394 306 313 386 310 165 296 437
 D50A1Ab 980 288 249 325 383 307 325 244 215 413 385
 D50A1Ab 990 315 330 377 999

D50A1b 962 202 388 293 315 265 198 384 286
 D50A1b 970 354 463 287 252 282 308 306 391 209 267
 D50A1b 980 159 198 309 375 338 233 193 142 166 261
 D50A1b 990 263 156 220 999

D50A2 916 100 155 181 166
 D50A2 920 143 99 192 99 146 182 127 153 101 177
 D50A2 930 21 32 45 75 46 54 18 26 19 45
 D50A2 940 26 104 134 101 48 100 116 154 168 166
 D50A2 950 132 108 128 104 112 140 196 191 228 135
 D50A2 960 183 159 123 135 120 168 101 76 162 93
 D50A2 970 80 137 134 116 154 105 103 112 78 79
 D50A2 980 85 129 204 146 111 81 57 31 100 157
 D50A2 990 166 105 92 999

D50A3a 836 213 168 184 231
 D50A3a 840 176 248 221 306 286 218 164 167 198 223
 D50A3a 850 202 178 132 40 156 139 173 188 190 184
 D50A3a 860 133 165 113 161 110 198 117 115 80 92
 D50A3a 870 101 111 112 132 129 116 119 101 103 81
 D50A3a 880 78 72 62 66 81 139 168 152 96 85
 D50A3a 890 97 99 130 123 148 133 90 77 71 67
 D50A3a 900 67 70 79 85 93 122 96 137 77 112
 D50A3a 910 73 56 37 51 52 58 42 60 70 72
 D50A3a 920 81 79 103 67 94 76 77 66 96 93
 D50A3a 930 92 83 97 95 91 65 65 70 50 70
 D50A3a 940 61 119 66 80 72 91 69 56 42 42
 D50A3a 950 32 17 39 33 27 36 40 44 60 50
 D50A3a 960 35 33 49 44 23 49 27 31 12 16
 D50A3a 970 21 24 26 21 21 24 24 16 18 15
 D50A3a 980 18 16 22 15 22 12 9 13 24 19
 D50A3a 990 999

D5aA3b	935	192	187	292	254	334					
D5aA3b	940	226	276	211	172	127	150	208	249	233	167
D5aA3b	950	143	55	220	88	162	175	154	164	136	212
D5aA3b	960	156	214	202	264	160	192	146	132	160	181
D5aA3b	970	194	193	151	181	126	113	131	135	111	94
D5aA3b	980	118	117	144	175	689	142	63	999		
D50A3Ba	856	150	183	165	268						
D50A3Ba	860	157	210	201	274	161	189	143	114	143	156
D50A3Ba	870	187	188	148	190	146	93	105	120	104	59
D50A3Ba	880	36	70	72	86	115	144	134	92	73	96
D50A3Ba	890	130	115	142	156	136	116	91	71	68	93
D50A3Ba	900	100	120	127	152	131	149	109	107	72	78
D50A3Ba	910	63	54	48	42	44	42	40	50	50	57
D50A3Ba	920	50	57	64	44	52	49	60	67	74	77
D50A3Ba	930	73	76	82	73	77	70	58	50	53	60
D50A3Ba	940	62	75	63	81	79	66	59	59	55	46
D50A3Ba	950	54	34	41	48	45	55	64	51	45	48
D50A3Ba	960	59	67	45	64	49	58	31	33	26	24
D50A3Ba	970	31	39	40	48	50	55	76	79	53	43
D50A3Ba	980	38	38	33	32	39	35	26	20	18	24
D50A3Ba	990	34	999								
D50A4	978	354	260								
D50A4	980	264	338	326	251	343	291	149	210	182	170
D50A4	990	177	305	226	227	263	172	999			
D50A5a	964	323	226	203	228	199	270				
D50A5a	970	214	218	211	256	285	251	220	172	221	228
D50A5a	980	225	166	214	156	175	237	143	169	133	141
D50A5a	990	240	240	187	259	185	251	288	157	124	218
D50A5a	1000	207	999								
D50A5b	941	631	541	536	495	395	415	373	377	350	
D50A5b	950	317	342	332	267	287	378	355	277	307	312
D50A5b	960	338	359	259	231	242	256	267	289	318	240
D50A5b	970	273	306	264	207	322	272	254	238	192	202
D50A5b	980	135	158	263	208	206	227	154	161	195	227
D50A5b	990	240	307	327	342	999					
D50A6a	922	105	95	102	115	93	125	100	121		
D50A6a	930	102	184	188	162	191	220	168	96	118	91
D50A6a	940	34	89	118	116	97	94	97	158	130	136
D50A6a	950	125	110	93	109	109	126	175	156	123	114
D50A6a	960	114	170	133	166	97	100	114	77	130	147
D50A6a	970	134	177	155	142	209	180	203	150	154	121

D50A6a 980 61 134 115 73 99 123 77 101 66 68
 D50A6a 990 66 74 64 85 89 67 92 51 19 31
 D50A6a 1000 999

D51A1 958 164 185
 D51A1 960 224 232 261 267 303 300 241 314 328 290
 D51A1 970 414 404 414 352 360 235 292 260 345 306
 D51A1 980 315 272 360 289 328 361 261 252 360 321
 D51A1 990 244 341 328 314 306 295 315 320 264 185
 D51A1 1000 216 999

D51A2 973 175 173 151 172 159 261 198
 D51A2 980 245 176 148 106 138 144 104 161 210 208
 D51A2 990 242 264 215 217 270 164 168 127 71 129
 D51A2 1000 999

D51A3 952 497 243 272 276 327 338 189 239
 D51A3 960 249 324 230 305 264 197 193 192 189 194
 D51A3 970 191 186 173 153 166 152 164 194 191 174
 D51A3 980 139 168 162 138 176 152 76 66 134 146
 D51A3 990 153 149 151 114 144 127 129 149 999

D51A4 950 277 308 329 253 221 152 231 205 130 152
 D51A4 960 183 172 147 171 227 232 173 199 239 155
 D51A4 970 166 199 153 186 209 106 91 54 53 55
 D51A4 980 129 205 216 291 295 392 266 176 244 189
 D51A4 990 255 343 299 240 245 278 229 183 152 181
 D51A4 1000 108 80 55 999

D51A5a 968 212 69
 D51A5a 970 200 184 146 157 216 148 96 109 104 117
 D51A5a 980 150 197 233 278 204 249 169 140 137 113
 D51A5a 990 161 185 196 169 189 177 202 128 107 167
 D51A5a 1000 176 999

D51A5b 968 241 130
 D51A5b 970 218 168 138 162 210 161 130 108 117 109
 D51A5b 980 169 291 331 378 255 384 258 217 230 179
 D51A5b 990 237 215 187 167 176 190 221 188 171 192
 D51A5b 1000 999

D51A6 941 270 182 175 188 165 227 223 270 233
 D51A6 950 250 199 173 189 184 186 127 179 65 73
 D51A6 960 101 96 113 188 197 213 153 173 221 81
 D51A6 970 112 136 123 121 198 150 103 156 184 145

D51A6	980	146	84	50	77	70	96	57	65	92	103
D51A6	990	114	135	88	90	104	999				
D52A2	975	365	361	385	356	307					
D52A2	980	353	340	299	164	300	252	166	113	158	227
D52A2	990	220	151	218	999						
D52A3	924	270	248	129	142	214	164				
D52A3	930	227	186	86	51	39	112	178	129	146	181
D52A3	940	131	166	100	93	180	183	167	166	188	159
D52A3	950	119	89	103	124	115	140	81	64	103	92
D52A3	960	88	150	121	126	1317	138	163	90	69	145
D52A3	970	111	94	126	160	115	104	171	108	79	44
D52A3	980	24	30	38	88	113	999				
D52A4	960	124	94	104	111	135	50	78	113	110	103
D52A4	970	103	111	80	81	63	71	81	90	98	97
D52A4	980	88	91	91	86	101	91	77	89	94	81
D52A4	990	79	86	92	69	41	36	47	42	42	46
D52A4	1000	39	999								
D52A5	983	294	445	298	312	176	322	167			
D52A5	990	205	219	266	193	95	87	999			
D53A1b	855	84	109	97	139	117					
D53A1b	860	64	68	47	56	50	43	86	54	121	90
D53A1b	870	70	49	60	55	42	45	37	38	40	50
D53A1b	880	14	21	18	26	48	54	36	52	53	55
D53A1b	890	39	34	33	49	85	60	70	42	21	20
D53A1b	900	25	24	26	41	28	42	49	52	54	55
D53A1b	910	55	35	29	22	35	40	24	33	33	28
D53A1b	920	33	30	27	22	29	39	30	48	57	39
D53A1b	930	37	31	25	37	41	42	999			
D53A1a	833	169	175	93	184	225	244	144			
D53A1a	840	53	73	47	83	256	151	192	186	201	141
D53A1a	850	110	82	116	76	60	78	101	84	103	96
D53A1a	860	71	49	33	41	37	35	74	95	171	90
D53A1a	870	65	36	39	38	33	42	32	35	43	57
D53A1a	880	18	25	19	24	48	66	93	84	56	65
D53A1a	890	48	45	41	63	87	64	51	33	22	20
D53A1a	900	9	21	27	23	36	30	20	32	43	54
D53A1a	910	62	45	37	21	37	48	38	50	37	40
D53A1a	920	50	42	44	21	43	42	44	65	74	71
D53A1a	930	55	43	43	38	50	50	58	24	54	53
D53A1a	940	63	61	48	43	60	53	58	999		

Приложение 3 – Фотоматериалы

Фотографии некоторых конструктивных элементов, из которых был произведен отбор образцов.

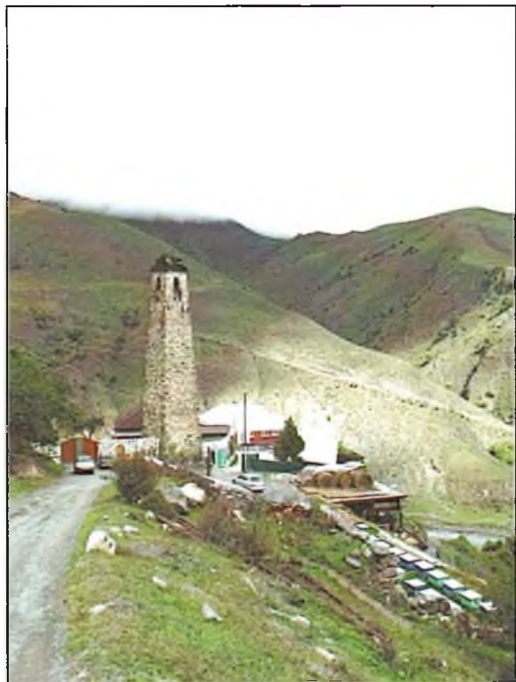

Рис. 1. Башня Цуровых, пос. Джейрах. D41A. Слева – общий вид, справа – отбор образца D41A 5 со 166 годовыми кольцами.

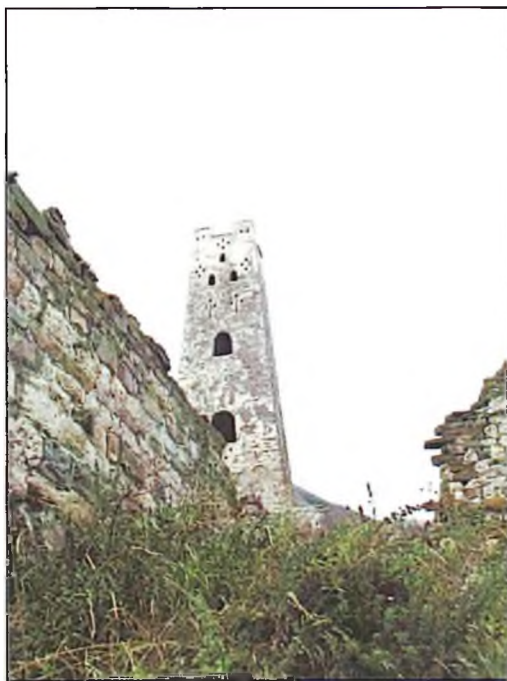

Рис. 2. Боевая башня сел. Бялган. D42A.

Рис. 3. Сел. Эрзи. D43A, D44A. Верхнее фото – общий вид с. Эрзи, нижнее фото слева – башня из которой был отобран образец D44A1 с 78 годичными кольцами, нижнее фото справа – элемент, из которого был отобран образец D43A 1 со 124 годичными кольцами (береза).

Рис. 4. Полубоевая башня сел. Гу. D45A. Верхнее фото – общий вид, нижнее – отбор образца D45A 1 с 21 годичным кольцом (сосна).

Рис. 5. Боевая башня сел. Салги. D46A. Верхнее фото – общий вид, нижнее – отбор образца D46A 1 с 61 годичным кольцом (липа).

*Рис. 6. Сел. Эгикал. D47A.
Отбор образца D47A 8 с 93 годичными кольцами (дуб).*

Рис. 7. Сел. Оздиче. D48A. Верхнее фото – общий вид на склеп и башни, нижнее – три дубовые балки склепа, из которых взяты образцы: начиная с ближней - D48A 3 (89 колец), D48A2 (59 колец), D48A1 (40 колец).

Рис. 8. Сел. Вовнушки. D49A. Слева – общий вид, справа – образец D49A 6 со 53 годичными кольцами (сосна).

Рис. 9. Храм Тхаба-Ерды. D50A. Слева – общий вид, справа – отбор образца D50A6 (78 колец). На переднем плане балка, из которой был отобран образец D50A3 (154 кольца).

Рис. 10. Сел. Пялинг. D51A. Общий вид.

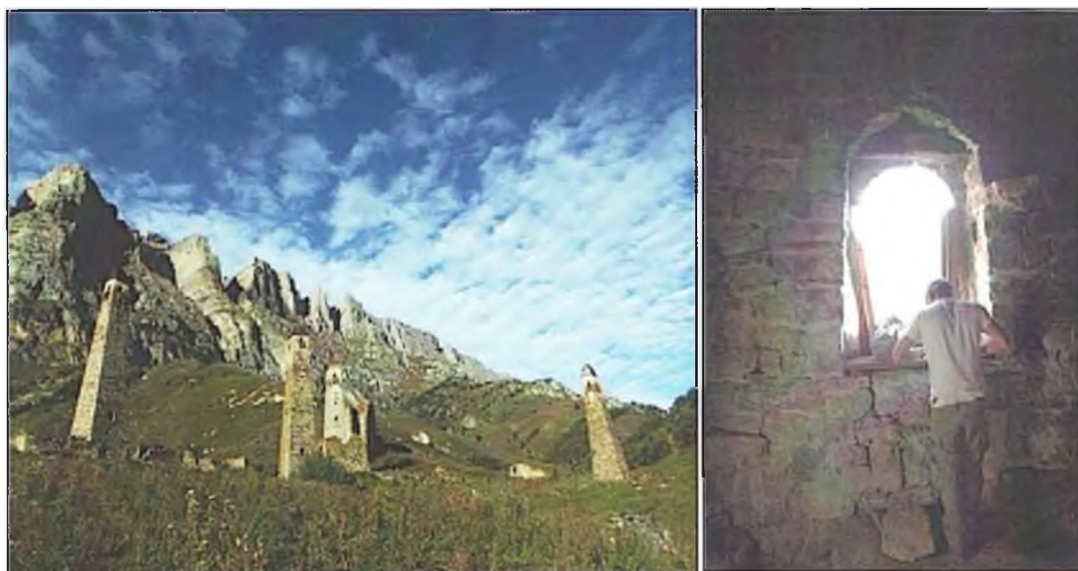

Рис. 11. Сел. Нуй. D52A. Слева - общий вид. Справа – балка, из которой был отобран образец D52A 1. Образец утерян.

Рис. 12. Вид на Когское святилище. D53A.

Рис. 13а. Храм Альба-Ерды. D54A.

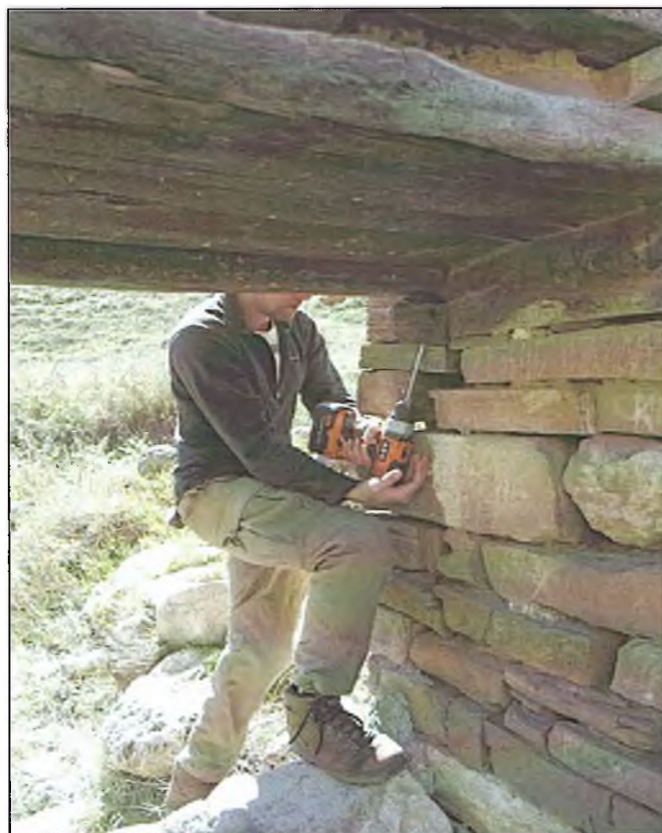

Рис. 13б. Алби-Ерды. Отбор образца D54A4 (тис, 103 годичных кольца).

Рис. 13в. Алби-Ерды. Отбор образца D54A2 (дуб, 142 годичных кольца).

У.Б. Гадиев

(г. Назрань, ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова»)

О ДАТИРОВКЕ ТАРГИМСКОГО ХРАМА

Таргимский храм расположен на правом берегу р. Асса в Ассинской котловине горной Ингушетии, на расстоянии 1.7 км к СЗ от башенного комплекса Таргим и в 440 м к ЮВ от замка-крепости Гагиево. GPS-координаты памятника - 42°50'57с.ш. и 44°56'1в.д. Храм представляет собой одноапсидное здание простой зальной композиции. Выступающие в продольных стенах боковые пилястры членят пространство зала на две части. Полуциркулярная апсида небольших размеров (глубина ок. 1.4 м) расположена в восточной части и непосредственно вписана в объем. Переход от зала к апсиде и алтарной части осуществлен через небольшие заплечики (15 см), образующие прямой угол. К апсиде примыкает одноступенчатая солея. Здесь же фиксируются остатки каменного престола небольшой величины, сложенного на известковом растворе. В плане он квадратной формы и имеет следующие размеры: 60 x 60 x 15 см. Алтарная часть, очевидно, завершалась конхой, выполненной красивой клинчатой кладкой. Световые проемы устроены в западной и восточной стенах здания. Вход осуществлялся через единственную дверь, прорезанную в южной стене, смещенную ближе к западной стене постройки. В плане здание Таргимского храма прямоугольной формы (ок. 4.6x7 м) и ориентировано длинной осью по линии ЗВ. Некогда с южной стороны к храму примыкала каменная ограда прямоугольной формы размерами ок. 2x7 м. Ныне она сохранилась лишь в нижних частях кладки.

Под зданием Таргимского храма расположена склеповая усыпальница (4.3x2.3x1.9 м), вход в которую организован под западной стеной постройки в виде лаза размерами ок. 64 x 60 см.

Рассматриваемый культовый памятник был открыт и впервые изучен Л.П. Семеновым в октябре 1933 года. Однако результаты первичного осмотра памятника и его культурно-хронологическая интерпретация получили отражение в публикации Л. П. Семенова, датированной лишь 1951 годом¹, т.е. через 18 лет после обнаружения объекта. В этой публикации автором было дано подробное описание храма, составлены план и сравнительная характеристика постройки. При этом особо было отмечено сложное аварийное состояние объекта, в частности, северной и западной стен, разрушенных в верхних частях и имевших большие проломы и сквозные вертикальные трещины². Особенность кладки культового строения заключалась в наличии между крупными камнями насыпанного мелкого щебня, залитого известковым составом. По Л.П. Семенову, исследуемый памятник предположительно мог завершаться двускатной гладкой каменной крышей, по аналогии с грузинскими храмами и часовнями, расположенными в районе Военно-Грузинской дороги.

Интересной частью Таргимского храма является наличие под ним подземного склепового сооружения, отмеченного нами выше, которое было ограблено к моменту его первичного обследования. Л.П. Семенову удалось зафиксировать на дне склепа разрозненные человеческие кости и красноглиняную керамическую утварь, выполненную на гончарном круге и имеющую волнистый орнамент, который характерен для периода развитого и позднего средневековья. Исследователь считает, погребения в склепе могли совершаться не только в XII–XIII вв., когда, вероятно, возник храм, но и в более поздние времена³. Таким образом, согласно Л.П. Семенову, датировка Таргимского храма может быть определена в рамках XII–XIII вв.

Разносторонним изучением Таргимского храма в разное время занимался и профессор М.Б. Мужухоев. Рассматриваемый нами памятник впервые упоминается в работах ученого, выпедших в 1977 г. Первая из них издана в начале 1977 г. в журнале «Археологические открытия». Она знакомит читателей с результатами археологических раскопок, организованных автором на Таргимском храме. В частности, археологом были проведены раскопки внутреннего пространства храма и упомянутой выше склеповой усыпальницы под зданием храма. В последней содержались два центральных погребения с восточной ориентировкой, впущенных в основание камеры. В последующем здесь производились коллективные захоронения. В культурном слое храма и склепа найдены кости животных, черешковые наконечники стрел, железный нательный крест, фрагменты средневековых красноглиняных сосудов, которые датирует храм XIII веком. Впоследствии христианский храм функционировал уже как объект языческого культа⁴.

Чуть позже, но в том же 1977 г., выходит монография М.Б. Мужухоева «Средневековая материальная культура горной Ингушетии», являвшейся в своей основе дополненной кандидатской диссертацией ученого. Здесь М.Б. Мужухоев дает краткое описание и размеры Таргимского храма, однако не разбирает подробно вопросы его датировки, ссылаясь на мнение Л.П. Семенова о XII–XIII вв. как о времени возможного возникновения данного памятника⁵. Интересно примечание автора на странице 121. В частности, он пишет: «Время построения храмов Алби-Ерды и Таргимский Семеновым Л.П. устанавливается не на основе каких-то датирующих признаков, автор просто предполагает, что они более поздние, чем Тхаба-Ерды. Данной точки зрения придерживаемся и мы», – пишет М.Б. Мужухоев⁶. Очевидно, что в данную монографию не вошли результаты археологических раскопок исследователя 1976 г., ибо на их основании, как было отмечено нами выше, автор в своей первой публикации отнес Таргимский храм к XIII веку.

В 1980 г. М.Б. Мужухоев публикует достаточно большую статью, посвященную рассматриваемому памятнику. В ней исследователем были даны планы непосредственно как самой культовой постройки, так и подземной усыпальницы под ней, причем с указанием впущенного в основание склепа удлиненного по форме каменного ящика. Также в статье приводятся чертежи всех стен интерьера. Автором отмечается, что первооткрывателем храма Л.П. Семеновым ранее были допущены отдельные неточности при обмерах здания, не были выяснены некоторые архитектурные детали памятника⁸. При этом самим М.Б. Мужухоевым в отмеченной работе была допущена одна не точность. Так, при локализации Таргимского храма исследователем отмечается, что он расположен на левом берегу р. Асса⁹, тогда как в действительности постройка локализуется на правом берегу этой реки. Но эта неточность несколько не умаляла роль и значение статьи, так как именно в ней М.Б. Мужухоевым была дана детальнейшая информация о проведенных на Таргимском храме раскопках, причем с иллюстративным сопровождением всего комплекса найденных археологических предметов. В их числе железные наконечники стрел разнообразных форм, ножи, фрагменты ножниц, газыри, наперстки, оселки, кресало, деревянный гребень. Все это в купе с иными сопровождающими материалами позволили М.Б. Мужухоеву датировать Таргимский храм началом XIII века, а хронологию подземного склепового сооружения под ним определить, предположительно, в рамках XIII–XVII вв.¹⁰. В других своих работах М.Б. Мужухоев придерживался примерно таких же позиций по вопросу датировки Таргимского храма¹¹.

Другой исследователь древностей горной Ингушетии – археолог, кандидат исторических наук Д.Ю. Чахкиев, считает, что «есть веские основания» для отнесения Таргимского храма к

первой половине XIV-го века¹². Правда, он не уточняет о каких основаниях идет речь, отмечая лишь, что культовая постройка функционировала вплоть до конца XVIII века¹³.

В 2012 г. автору этих строк удалось обследовать Таргимский храм. При этом в арке входного проема, в его верхней левой части (от входа), были выявлены надписи, прочерченные во внешнем слое штукатурки. Более или менее сохранились четыре строки надписи, которые, к сожалению, не равны по количеству слов и букв, так как большая часть штукатурки с надписями осыпалась. Тем не менее, дошедшие до наших дней уникальные эпиграфические данные дают возможность для палеогеографического датирования, тем самым способствуя и установлению хронологии Таргимского храма. Как нам любезно сообщили тбилисские палеографы Тему Джоджиа и Георгий Отхмезури, выявленная надпись выполнена грузинской графикой с помощью письма *нуха-хиური*, и датируется XI-м веком¹⁴.

Таким образом, на основании изложенных данных, по-видимому, уже можно снимать с повестки дня вопрос о позднем происхождении Таргимского храма. Хронология этого объекта может определяться рамками XI-го века. Тем самым, как нам кажется, подтверждается прозорливо намеченная мысль В.А. Кузнецова о возможном построении ряда христианских храмов горной Ингушетии (включая Таргимский) в XI-м столетии. Это, в свою очередь, вписывается в контекст исторических событий, относящихся к активной миссионерской политике средневековой Грузии в XI веке¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Семенов Л.И. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА. 1951. №23. С.302-306
2. Там же. С. 303
3. Там же. С.304
4. Мужухоев М.Б. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО-1976. М., 1977. С. 113.
5. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). Грозный, 1977. С. 120-121.
6. Там же. С.121.
7. Мужухоев М.Б. Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С.177-183.
8. Там же. С. 177.
9. Там же.
10. Там же. С. 183.
11. Мужухоев М.Б. Остеологические материалы из средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С.91-92; Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа / К истории религиозных верований в X-XIX веках. Грозный, 1989. С.116-118.
12. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т. II. Нальчик, 2009. С.22
13. Там же.
14. Выражаю Тему Джоджиа, Георгию Отхмезури и доктору истории Звиаду Квициани (Тбилиси, Грузия) искреннюю признательность за помощь в интерпретации и датировки надписей Таргимского храма.
15. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 117.

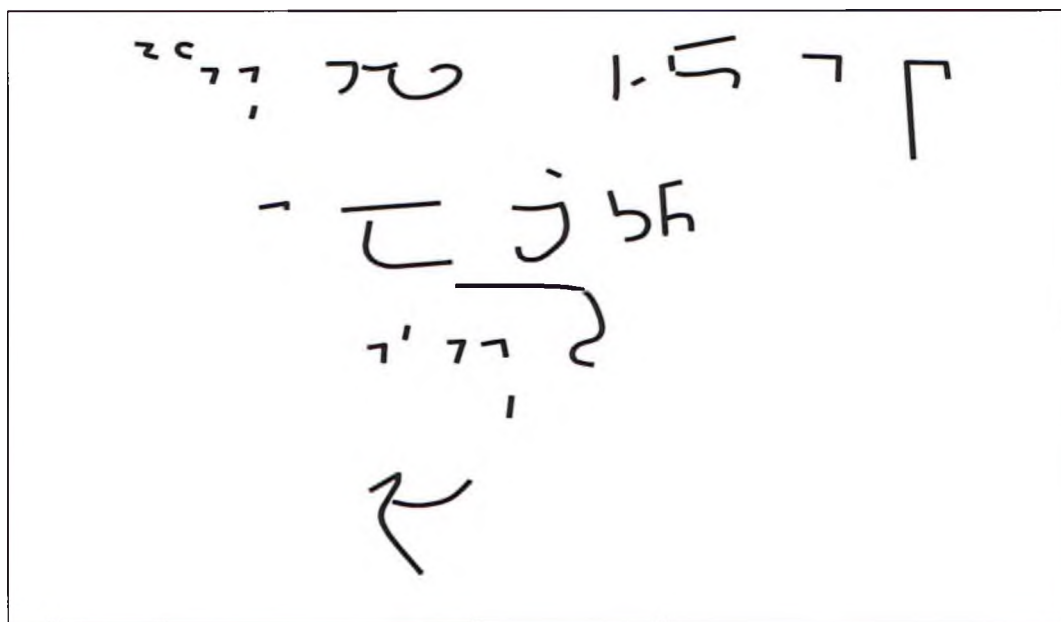

Рис. 1. Надписи на штукатурке Таргимского храма.

У.Б. Гадиев

(г. Назрань, ГКУ «Археологический центр им Е.И. Крупнова»)

ПЕТРОГЛИФЫ БАШЕН ЦОРИ

Настоящим сообщением вводятся в научный обиход памятники графического искусства ингушей эпохи средневековья, выявленные на жилых башнях в период работы палеоантропологической экспедиции Археологического центра Ингушетии и Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН в восточной части горной Ингушетии в апреле 2018 г. Было обнаружено два петроглифа. Первый из них, в виде так называемой «бегущей волны» или двойной спирали, отмечен на угловом блоке восточной стены в одной из жилых башен в центре архитектурного комплекса Цори. Параллели таким типам петроглифов широко известны в пределах горной Ингушетии. Так, близкая аналогия выявлена нами на фасаде одного из жилых башен с. Таргим. В несколько иной трактовке, но близкие по основному замыслу петроглифы отмечаются на жилых башнях селений Гул, Меллере, Ляжг и др. За пределами ареала встречаются на башнях горной Чечни, например, в Кокадое, Ошни, Химой, Ца-Кале, Шарое, Шунди и др.¹ В археологических материалах спираль встречается в разных районах мира, датируемых еще палеолитическим временем. На Северном и Южном Кавказе отмечается на керамике раннебронзовых культур – майкопской и куро-аракской. Считается, что в семантическом отношении спираль могла являться символикой молнии и грома, рождения и смерти, восхода и захода и т.д.

Второй петроглиф выявлен нами в северной части Цоринского архитектурного комплекса, в нижних рядах каменной кладки жилой башни. Он представляет собой несколько гипертрофированное изображение т.н. «свастики» - еще одной вариации солярных или «солнечных» символов. Идентичных аналогий в ареале горной Ингушетии нами не зафиксировано, хотя близкие примеры отмечаются на стенах жилой башни Евли, склепа Оздите, а также боевой башни Цеча-Ахкинского комплекса. В соседних с горной Ингушетией регионах подобные «свастики» изучены исследователями в селениях Химой, Талкали, Харкарой, Пакоч, Макажой,² (Чечня), Гули, Кадат³ (Осетия). С санскрита «свастика» (swastika) означает «несущая добро, счастье и удачу»⁴. На Кавказе, и в Ингушетии в частности, изображение свастики встречается в материалах кобанской археологической культуры. К примеру, данной символикой орнаментированы бронзовые двувальные бляхи и керамика Лугового (Мужичинского) могильника VI-IV вв. до н.э. в горной Ингушетии⁵.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Ильясов Л. Петроглифы Чечни. Грозный, 2014. С. 228-242.
- 2.Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994. С.82; Ильясов Л. Указ. Соч. С. 190, 191, 193, 194, , 202, 203 и др.
- 3.Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996. С.431.
4. История свастики с древнейших времен до наших дней. Н. Новгород, 2008.
5. Мунчаев Р.М. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М. 1963. С.139-210.

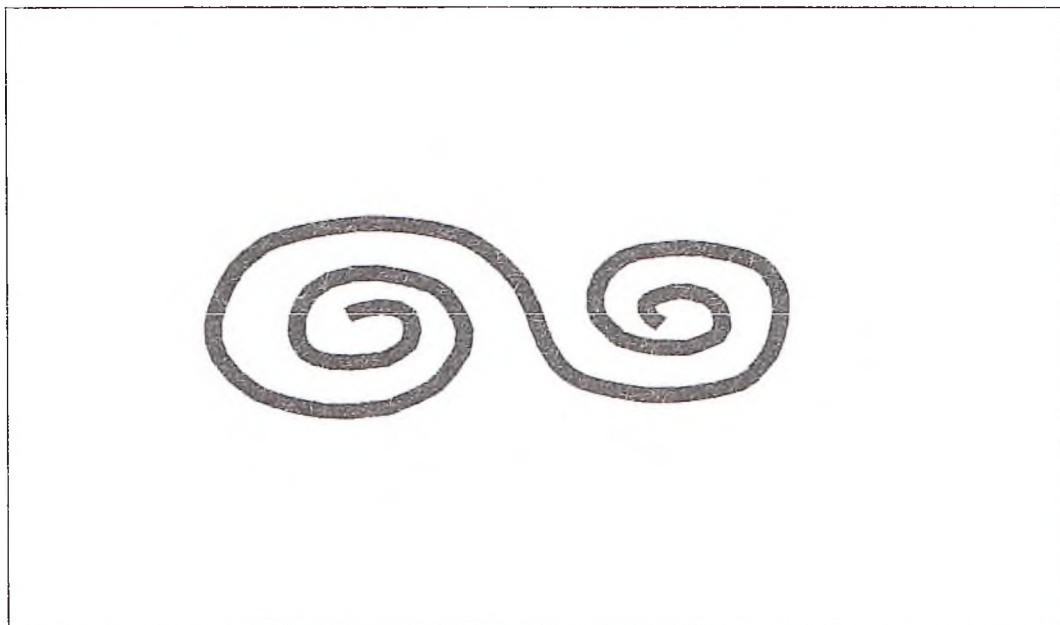

Рис.1. Петроглифы на фасадах жилых башен с. Цори.

У.Б. Гадиев,
А.С. Дозариев,
Р.М. Маamilов

(г. Назрань, ГКУ «Археологический центр им Е.И. Крупнова»)

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ МЕШТ – ПАМЯТНИК ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ ИНГУШЕТИИ

Памятники археологии и архитектуры ущелья р. Фортанга в предгорной зоне Ингушетии все еще мало изучены. Однако, с 1992 г. несмотря на всю сложность общественно-политической ситуации, как в стране, так и в Республике Ингушетия (события в Пригородном районе), данная территория систематически изучалась. В 1993-1995 г. в ущелье р. Фортанга работали научные экспедиции в составе кандидата исторических наук Т.Х. Муталиева, археолога, кандидата исторических наук Д.Ю. Чахкиева, краеведов М. Аушева и Б. Хайрова¹. Объектом внимания исследователей стали архитектурные ансамбли Эги-Чож, Цеча-Ахк, Мереджи и ряд других, размещающихся как на правом, так и на левом берегу Фортанги. Собранные в этот период материалы, в дополнение с полученными ранее легли в основу документов обоснования для включения части указанных памятников в список объектов культурного наследия Ингушетии. 9 января 2001 г. за номером №4 на свет вышло Постановление Правительства Республики Ингушетия «Об отнесении памятников истории и культуры (археологии) Республики Ингушетия к памятникам республиканского значения». В числе 118 памятников Ингушетии поставленных на государственный учет и охрану оказался архитектурный ансамбль Эги-Чож, расположенный в ущелье р. Фортанга (в перечне за №118).²

С начала 2000-х гг. вплоть до 2013 г. в связи постоянными режимами контртеррористических операций в лесной зоне Сунженского района Ингушетии, в том числе и в ущелье реки Фортанга, научно-исследовательские мероприятия были практически приостановлены. Положение усугублялось и наличием значительного числа заминированных участков, в границах которых периодически подрывались жители ингушских селений Даттых, Галашки, Мужичи и Алкун занимавшихся на данной территории пчеловодством, сбором черемши, выпасом скота и иными хозяйственными и промысловыми работами. Положение дел поменялось лишь в 2014-2015 гг. Именно в этот период свои первые исследования в Фортангском ущелье произвела сотрудник Ингушского научно-исследовательского института Т. Дзаурова, которая работала, в частности, на территории башенного комплекса Эги-Чож. Основное внимание исследователем уделялось петроглифам и рисункам, в значительной мере встречающихся на фасадах башен и склепов горной части Ингушетии. В последующем, в течение 2015-2018 гг. Т. Дзаурова вместе с сотрудниками ИГО «Дзурдзуки» и Ингушского государственного университета изучала архитектурные ансамбли Аспий-кьухь, Юрт-метте, Цеча-Ахк, Мужган, Котарашки и Мереджи³.

В 2017-18 гг. комплексные разыскания в ущельях рек Фортанга и Мереджи проводил Археологический центр Республики Ингушетия. В задачи центра входили археолого-архитектурные и палеоантропологические работы. Исследовались склепы, боевые и жилые башни в составе таких историко-культурных комплексов как Цеча-Ахк, Мужган и Мешт.

Такова краткая характеристика научных работ в ущелье р. Фортанга за последние 26 лет.

Далее речь пойдет о новых научных данных, полученных недавно экспедицией Археологического центра РИ в ходе комплексного обследования историко-архитектурного комплекса Мешт.

Архитектурный ансамбль Мешт принадлежавший согласно некоторым данным фамилии Цечоевых, интересен во всех отношениях. Он расположен на правом берегу реки Фортанга и состоит из двух комплексов: верхнего и нижнего.

Верхний Мешт

Расположен в 1450 м к юго-востоку от поселения Цеча-Ахк, на гребне небольшого горного кряжа. Здесь в разной степени сохранились 2 боевые и 9 жилых башен с пристройками. Жилые башни двух-трех этажные, в плане прямоугольные. Стены содержат разнотипные оконные и дверные проемы, хозяйственные и оборонительные ниши, гнезда для установки балочных конструкций, остатки опорного столба межэтажных перекрытий (инг. «ерды-бЮагI») и т.д. Интересной частностью является довольно крупная г-образного плана жилая башня, размещающаяся в западной части комплекса. Вместе с рядом стоящей боевой башней, сохранившейся наполовину, она образует своеобразный замок. Характеристика боевых башен Верхнего Мешта:

Боевая башня №1. Расположена в центральной части комплекса. Размеры ее основания: 4.40x4.40 м. В интерьере между вторым и третьим этажами устроен четырехсторонний каменный ложный свод уникальной формы. Так, люк межэтажного перекрытия устроен не в одном из углов башни, как это принято для аналогичных боевых конструкций горной Ингушетии, а в самом центре свода. Это уникальный прием, пока не встречавшийся нам в практике изучения горских построек. В остальном интерьер башни обычен. Здесь можно видеть ниши квадратной формы, бойницы для ведения боя из огнестрельного оружия и прочие детали. Входной проем размерами 1.3x0.7 м. организован в южной стене, на высоте 3.2 м от дневной поверхности. Постройка имеет 5 этажей и сохранилась вплоть до карнизных блоков. Грани последних скошены у основания. Все вместе говорит о том, что крыша изначально могла иметь пирамидально-ступенчатую форму. Интересно, что каждый фасад башни содержит по три консоля, кроме северного, где фиксируется только два.

Рассматриваемая боевая башня находится в сложном аварийном состоянии. В частности, в ее северо-восточном углу отмечается трещина от уровня земли вплоть до линии второго этажа. На северной стене, между третьим и четвертым этажами наблюдается вывал кладки размерами примерно 1.5x2.5 м.

Боевая башня №2.

Расположена в 32 м от боевой башни №1. Размеры ее основания: 5 x5.2 м (по линии СЮ и ЗВ соответственно). Единственный входной проем в башню фиксируется в северной стене, на высоте 2.2 м от современной дневной поверхности. Его размеры: ширина 0.7 м, высота 1.4 м. Сохранившаяся высота башни около 10 м (восточная стена).

В нескольких стах метрах к юго-западу от Верхнего Мешта фиксируется башнеобразный склеп. Размеры его основания 3.40x3.40 м. Лаз второго этажа на уровне 1.7 м от земли в восточной стене. Размеры лаза: ширина 50 см, высота 75 см. Общая высота склепа 5.30 см. На восточной стене, чуть выше и правее от лаза отмечается фрагмент горизонтально вмонтированной плиты с округлым отверстием для установки траурного белого флага. На все четырех стенах под карнизом отмечается ромбообразный узор, выполненный путем выборки камней. Такой же декор и в средних частях стен. Входной лаз 1-го этажа расположен в западной стене на высоте 40 см от земли. Его размеры 50x50 см. Толщина стены 50 см. Над лазом на расстоянии 95 см отмечается плита для установки белого траурного флага. 3-й этаж не сохранился.

Нижний Мешт

В 630 м к юго-востоку от Верхнего Мешта расположен Нижний Мешт. Здесь можно видеть в той или иной степени сохранившиеся боевая и несколько жилых башен, а также частично руинированный наземный склеп.

Жилая башня №1. Расположена в северной части поселка. Сохранилась южная стена, остальные руинированы до высоты 1 м. Вход на 1-й этаж башни организован в восточной

стене. С севера и востока к башне примыкают фундаменты различных построек. Размеры основания башни: СЮ 9.20 м, ЗВ – 6 м. Толщина стены 65 см. Размеры дверного проема: высота 1.35 м, ширина 70 см. Над данным проемом располагался дверной проем на 2 этаж.

Южнее башни №1 отмечается развалины нескольких пристроек.

В 15 м к юго-востоку от башни №1 расположена башня №2. Частично обрушена северная стена. Размеры основания: 5.25 по линии СЮ, 7.60 по оси ЗВ. Входные проемы на 1,2 и 3 этажи устроены на южной стене. Размеры дверного проема 1-го этажа: ширина 80 см, высота 1.35 м, 2-го этажа: ширина 1 м, высота 1.65 м.

В южной части поселка отмечается замок, образованный путем соединения боевой и жилых башен. В центре замка располагается боевая башня размерами основания: по оси запад-восток 4.80, север-юг 4.70 м. Единственный входной проем в нее организован на уровне 2-го этажа, в южной стене. С восточной и южной стороны к башне примыкает группа взаимосвязанных пристроек, единственный вход в которые организован с севера. Его размеры: ширина 70 см, высота 1.30 м.

К 30 м к северо-востоку от жилого комплекса фиксируется башнеобразный склеп с пирамидально-ступенчатой крышей. Склеп в плане квадратной формы размерами основания 4.30x4.30 м. Сохранились западная, южная и частично восточная стены. Северная стена обрушена. Входной лаз на 1-й этаж устроен в южной стене, в 50 см выше от современной дневной поверхности. Его размеры: ширина 50 см, высота 55 см. Над лазом фиксируется оттиск левой руки мастера-строителя. Справа от него отмечается горизонтально вмонтированная плита с округлым отверстием в центре размером около 5 см в диаметре. На этой же стене под карнизом устроен ромбический узор, выполненный путем выборки камней. Юго-западный угол склепа весь в трещинах, наблюдается деструкция кладки. Вход на второй этаж, по-видимому, располагался на обрушенной северной стене. Западная стена склепа содержит крестообразный декор. Высота склепа до первой плиты перекрытия (северная стена) 4.30 м.

Абсолютная датировка архитектурного комплекса Мешт затруднена. Однако исходя из известных аналогий с памятниками ингушского зодчества Джейрахского района Ингушетии полагаем, что предварительно она может быть установлена в рамках XVI-XVIII вв. Отметим, что некоторые ученые напрямую связывали архитектуру памятников долины Фортанги и верховьев Ассы (Таргимская котловина). В частности, А.И. Шахвелашвили писал об этом следующим образом: «К северо-востоку от Ассинского ущелья, примерно в 5 км от с. Датых, сохранилась крепость Эги-Чоч, которая представляет собой единый ансамбль с боевыми и жилыми башнями... Башни устроены с таким расчетом, чтобы с них главным образом могли вести оборону против наступающего с севера врага. Это свидетельствует о том, что население упомянутых мест чаще всего ожидало нападения именно с севера.. Архитектура Эги-Чоч и Ассинского ущелья почти одинакова»⁵. Присоединяясь к мнению А.И. Шахвелашвили полагаем, что и архитектура ансамбля Мешт также вписывается в единый контекст с памятниками горной Ингушетии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аушев М. По следам тысячелетий. Заметки краеведа. Назрань, 2016. С.4.
2. Вестник Археологического центра. Вып. I. Назрань, 2001. С 37,42.
3. <https://timag82.livejournal.com/225885.html>.
4. См. статью Т. Дзауровой в настоящем сборнике: «Использование охристой краски в быту и погребальных обрядах у ингушей. Символические значение охры».
5. Шахвелашвили А.И. Грузино-Чечено-Ингушские взаимоотношения (с древнейших времен до конца XVIII века). Тбилиси, 1992. С. 46.

*Рис.1. Боевая башня архитектурного комплекса
Верхний Мешт.*

*Рис.2. Боевая башня архитектурного комплекса Верхний Мешт.
Интерьер. Вид на лаз в перекрытии второго этажа.*

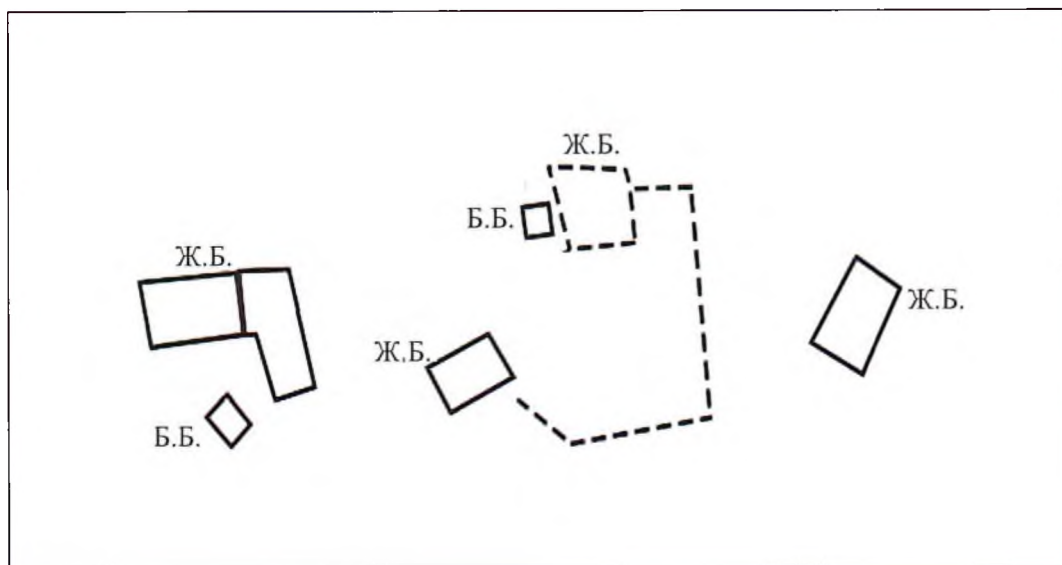
Рис.3. Общий вид архитектурного комплекса Верхний Мешт.

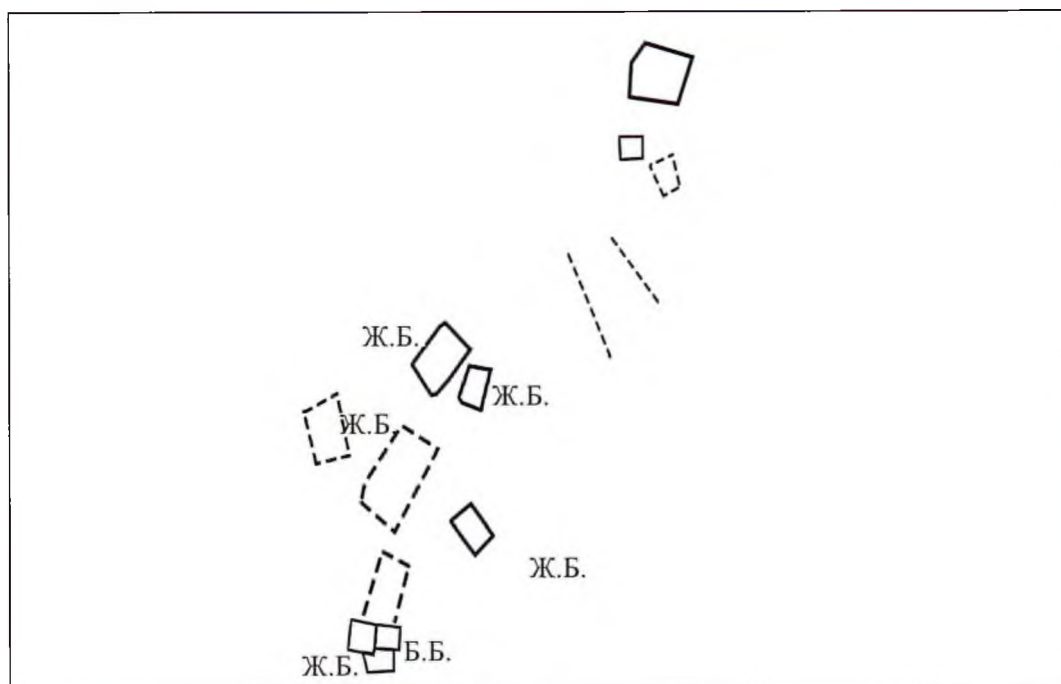
Рис.4. Жилые башни архитектурного комплекса Нижний Мешт.

Рис.5. Башнеобразный склеп архитектурного комплекса Нижний Мешт.

*Рис.6. Схематичный план архитектурного комплекса
Верхний Мешт.*

*Рис.7. Схематичный план архитектурного комплекса
Нижний Мешт.*

М.Х. Гандаур-Эги

(г. Назрань, ГКУ «Археологический центр им Е.И. Крупнова»)

**КИИНДА ШОА ИЗ ОБЛАСТЕ.
ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ
И НАРТСКИХ СКАЗАНИЙ В ТОПОНИМИИ И В ДРЕВНИХ
ПАМЯТНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ ИНГУШЕЙ**

Аннотация: В статье исследуются некоторые аспекты тесной взаимосвязи между этногенетическими преданиями, нартскими сказаниями и большой группой наиболее архаичных памятников материальной культуры Ингушетии. На основе сравнительного анализа текстов различных национальных версий, а также полученного им в последние годы фольклорно-лингвистического материала, автор предлагает новый взгляд на решение некоторых актуальных вопросов кавказского нартоведения.

Киинда Галаиш – «жилища нарттов».

«До сих пор понятны лишь отдельные указания того уникального исторического документа, который представляют собой в совокупности архитектурные памятники Галгая. И тот, кто извлечет из этого документа новые данные, сделает это не за письменным столом, а на заросших горных тропах, когда он будет идти от одного мертвого селения к другому, чтобы вновь остановиться в восхищении перед величественными творениями ингушских зодчих», - писали исследователи, заворуженные загадочной красотой памятников материальной культуры горной Ингушетии (1; С.120-135).

Богатое культурное наследие ингушей не изучено в той мере, которая отвечает современным задачам и целям исторической науки. Сложные вопросы, связанные с датировкой памятников материальной культуры, их генезисом и этнической привязкой остаются актуальными и для современных исследователей.

Десятки и сотни объектов этого наследия все еще не введены в научный оборот, не подвергнуты даже предварительному описанию. Они ждут исследователей, способных раскрыть их тайны.

Отсутствие письменных источников - проблема, являющаяся существенным препятствием для научного изучения вопросов исторического развития, крайне актуальна и для исследователей, занятых изучением истории Ингушетии, в частности, вопросами зарождения и развития древнего ингушского зодчества.

В свете этих проблем особую важность приобретают памятники устного народного творчества - многообразные источники языка и духовной культуры древнего народа. Весомое место среди них занимают сказания о *нартах* («нарты») – эпических богатырях, которые в «доисторическую эпоху» населяли горные ущелья Кавказа. Чуть ли не каждое из таких сказаний имеет привязку к определенной местности, родовому поселению, к тому или иному памятнику материальной культуры, созданному, как правило, в древнейшее время. Еще Л.П.Семенов, много времени посвятивший изучению археологических памятников Ингушетии, а также ее соседей, в специальной статье затронул вопрос о тесной взаимосвязи фольклорных источников с так называемыми «нартскими памятниками» - башнями, святилищами, могильниками и другими объектами материальной культуры, которые народ связывает с отдельными сюжетами или героями эпоса. *«Всестороннее изучение этого вопроса дало бы чрезвычайно ценный материал»*, - считал ученый, намечая для будущих исследователей эпоса перспективное направление (2; С.5).

Среди устных источников не оценено должным образом значение топонимии. Ингушская топонимическая лексика, сохранившая в себе в застывшем состоянии уникальные пласты и элементы древней культуры народа, а также сопряженные с ней фольклорные памятники, получили распространение на значительной территории горного и предгорного Кавказа, выходя далеко за пределы территории современной Ингушетии. Ее тщательное изучение также способно во многом компенсировать острый недостаток в письменных источниках.

Тогда, возможно, те самые «отдельные указания», заложенные в памятниках устного народного творчества, позволят раскрыть неожиданные и важные страницы того «исторического документа», который зовется «памятниками Галгаей».

Одну из таких страниц древней истории и уникального культурного наследия *Галгаей мохк* («страна галгаев») мы и попытаемся раскрыть в настоящем исследовании.

Занимаясь сбором топонимической лексики горной Ингушетии, автору часто приходилось записывать как отдельные фрагменты, так и оконченные сюжеты сказаний о *наьртах* - далеких предках ингушей. Как правило, они привязаны с тем или иным географическим названием, информацию о которых собиралась. Причем, некоторые сюжеты являются уникальными, ранее не известными и не публиковавшимися.

Как известно, среди наиболее популярных героев ингушских нартских сказаний, наделенных неизменными превосходными богатырскими качествами, выделяется *наьрт Кинда Шоа*. Его авторитет среди горцев-ингушей был не меньший, чем авторитет *Сеска Солса*, *Села Саты* или *Куолой Канта*. Особенно часто это эпическое имя приходится слышать из уст старожил, которые до депортации народа 1944 года жили в живописной горной котловине, раскинувшейся в верховьях р. *Эса* (р. Асса).

Кинда Шоа является неотъемлемой частью богатого духовного мира этих людей, складывавшегося с детского возраста, в процессе живого усвоения от родителей, дедушек и бабушек сюжетов нартских сказаний и родовых преданий. *Кинда Шоа* для них не просто герой древних сказаний – это эпический образ их далекого предка, «отца» всех *Галгаей*.

Для настоящего исследования важно отметить, что образ этого богатыря живет не просто в сюжетах сказаний о *наьртах* и в генеалогических преданиях: имя его нашло отражение в названиях древнейших типов памятников материальной культуры, руины которых обильно разбросаны по горным ущельям Ингушетии и соседних с ним регионов. Речь идет о так называемых «циклопических» городищах и древних могильниках, известных горцам под названиями *Кинда Галаш* («Кинды башни») и *Кинда Имараши* («Кинды могилы»).

Наибольшее скопление этих памятников наблюдается на территории бывшего средневекового *галгайского* общества *Кхаь кхавле*, из которого идут истоки почти всех средневековых ингушских обществ, как горных, так и плоскостных.

На поляне *Овлартле* («корневое») над правым берегом р. *Ах хий*, или, как ее еще именуют, *Аьгий хий*, находятся руины самого известного мегалитического поселения *Кинда Галаш*. Этот памятник представляет собой древнее городище, состоящее из 20-ти мегалитических жилищ. «Сложены они из хорошо отесанных и аккуратно подогнанных друг к другу, огромных прямоугольных каменных блоков без связующего раствора. Кладка стен приближается к порядковой. Штукатурка не просматривается. Наибольшая высота сохранившихся частей построек – 2,25 м.», - сообщает о нем исследователь (3; С.133).

Научное изучение этих памятников в настоящее время не продвинулось дальше построений различных абстрактных гипотез. Они ожидают должного внимания и более детального изучения со стороны специалистов. Произведенные уже археологические и архитектурные изыскания позволили сделать некоторые важные предварительные выводы, касающиеся вопросов датировки и происхождения памятников. В частности, известным специалистом в области древней и средневековой архитектуры горного Кавказа высказано

мнение, что «так называемые циклопические постройки жилого назначения, относящиеся к первому тысячелетию до н.э.» могли явиться прототипами средневековых башенных сооружений ингушей (4; С.13).

По мнению другого авторитетного ученого, городище *Кинда Галаш* на поляне *Овлартле* относится к числу древнейших памятников каменного зодчества Ингушетии. Предварительную датировку его стросний он определяет IX-VI в.в. до н.э. (5; С.41-42).

Как было сказано, кроме *Овлартле*, на территории горной Ингушетии сохранилось большое множество подобных «циклопических» стросний. Характерно, что почти каждое из них известно под этим же названием – *Кинда Галаш*. Более того, повсюду информаторы связывают их со своими далекими предками, приводя содержательные фольклорные сведения.

В частности, к северу от замков *Аьгий кхаьле* на двух южных пологих отрогах хребта *Цей лоам*, именуемых *Кинда Галай дукъ* («Кинды башен хребет»), разделенных небольшой впадиной *Кинда Галай юкъ* («Кинды башен середина»), фиксируются руины мегалитических построек *Кинда Галаш*, которые известны специалистам и под параллельным названием – *Къаьна Аьгий кхаьле* («старый Эгикал»).

Древние постройки, расположенные на западном из этих отрогов, у живописной поляны *Сайловзарге* («олень резвился где, место»), объединены в «15-ть так называемых циклопических жилищ, имеющих прямоугольное основание или, реже, квадратное основание», которые «сложены из громадных валунов и каменных блоков прямоугольной формы, которые большей частью аккуратно обтесаны и тщательно подогнаны друг к другу». Исследователь датирует их «предварительно суммарно» второй половиной II тыс. до н.э. – XV в. н.э. (6; С.30-31).

Сохранились мегалитические постройки *Кинда Галаш* также в окрестностях древних горных поселений *Кхарт*, *Доихъакхле*, *Лейми*, *Хамхе*, *Оздиг*, *Таргам*, *Щеча ахк*, *МагIамIе* и др. В некоторых поселениях средневековые боевые и жилые башни возведены на фундаментах этих древних построек, что может свидетельствовать об их несомненной генетической преемственности. В частности, башня *Гарбакх Гала*, которая расположена в восточной части *Таргам*, построена на фундаменте из мощных мегалитов.

Мегалитическим, судя по останкам, было и древнее, богатое преданиями и нартскими сказаниями, поселение *ГалгIай коашке* («ингушские подворья»), останки которого сохранились в котловине *ГалгIай наIарге*, на правом берегу р. *Эса*, у входа в «страну галгаев».

Если *Кинда Галаш* старожилами определяются как жилища далеких предков, которые были «настоящими набртами», то обширные могильники *Кинда Iумараш*, другой тип древнейших памятников Ингушетии, определяются ими как могилы предков. Ареал распространения городищ, совпадает с ареалом распространения могильников. Так же как и городища, наибольшая концентрация их наблюдается в верховьях р. *Эса* и в верховьях р. *Иарм хий* (р. Армхи).

Примечательно, что самый известный из могильников *Кинда Iумараш*, также как и городище *Кинда Галаш*, фиксируется в окрестностях *Аьгий кхаьле* – наиболее древнего поселения горной Ингушетии. Он расположен на горном склоне в двух километрах к западу от *Овлартле*, у устья речки *ПхорагIа аьли*, левого притока р. *Ахк хий*. Это обширное могильное поле, состоящее из подземных, полуподземных и наземных коллективных усыпальниц, а также каменных ящичков. У этого памятника, помимо *Кинда Iумараш*, есть также параллельное название – *Аьгий Iумарашке*, что может свидетельствовать о генетической преемственности, существовавшей между создателями этих древнейших памятников и основателями средневекового *галгайского* поселения *Аьгий кхаьле*.

В восточной части этого могильника, носящей название *Бартал кашмаш* («ничком могилы»), ученые открыли более 10-ти полуподземных склеповых гробниц бронзового века, которые относятся к древнейшим коллективным захоронениям на территории не только Ингушетии, но и всего Северного Кавказа (7; С.85-92).

Здесь же, на территории могильника *Кинда Эмараши*, зафиксированы каменно-ящичные захоронения, «покрытые мощной каменной вымосткой», которые датированы учеными еще более древним периодом – эпохой куро-аракской культуры III тыс. до н.э. (8; С.59-63).

Необходимо сразу же отметить, что старожилы часто путают названия жилищ *Кинда Галаши* с названиями могильников *Кинда Эмараши*, употребляя одно для обозначения другого. То есть, к жилищам *Кинда Галаши* («кинды башни») применяют название *Кинда Эмараши* («кинды могилы»), и наоборот. Если значение слова *Гала* достаточно освящено в научной литературе и определяется как «жилая башня», «поселение», то менее употребляемое слово из архаичной ингушской лексики *Имар/Эмар* требует, чтобы его значению здесь было уделено большее внимание. Оно также имеет достаточно прозрачную этимологию, охватывая понятия «могила», «склеп», «захоронение». Причем название это старожилы распространяется как на надземные и полуподземные склепы, так и на подземные захоронения – склепы, каменные ящики и т.п. Слово это образовано из корня *Iu* – «тень», «сокрытое от солнца место». Слово, очевидно, имеет прямую связь с древними религиозными воззрениями ингушей о том, что человек имеет два дома, земной и потусторонний. В ингушском фольклоре, в отличие от «царства живых» *Даьла Маьлхе* («Дэлы солнечная сторона»), «царство мертвых» именовалось *Даьла Йэле* («Дэлы теневая сторона») (9; С.60). Ушедший в потусторонний мир, «мир теней», продолжает вести такую же активную жизнь, что и в «мире света». Употребление слова *Имар/Эмар* в современном ингушском языке сохранилось только в фольклоре и в топонимии.

Причины того, что старожилы часто путают названия этих двух типов памятников, кроются в том, что и те и другие, давно потерявшие свое утилитарное значение как жилища и как могильники, прочно связаны с далекими предками. Причем не с теми, которых почти каждый ингуш способен по памяти перечислить, вглубь до 12-15 поколений. Эти памятники связаны с доисторическими, мифологизированными первопредками-*наьртами*, в отношении которых у ингушей существовал настоящий культ. В представлении старожилы эти предки персонифицированы в *Кинда* - внуке мифического *Га*, сыне эпонима *Галга*, отце *наьрта Шоа*. Как вначале было сказано, *Кинда Шоа* является одним из главных героев ингушского эпоса о *наьртах*. Он же зять и, в некоторых случаях, соперник *Сеска Солса* - другого прославленного ингушского *наьрта*, принадлежавшего роду *орхустой*.

Ингушские старожилы уверены в том, что *Кинда*, его сын *Шоа*, а также их потомки, были обитателями жилищ *Кинда Галаши*, и что покой свой они нашли в могильниках *Кинда Эмараши*.

Об устойчивости этих представлений говорили уже первые исследователи ингушской старины. В частности, превосходный знаток ингушского фольклора начала XX века Ф. Гореекин из сказаний, услышанных от старожилы, высказал предположение, что «древнейшие подземные могильники», существующие в «месте Мага-те и близ сел Карта и Эгикала» «принадлежат первым засельникам ингушской местности «Галга» под названием «Кенди» (могильники кенди эмриж)...». (10; С.133).

Первое же письменное сообщение о циклопических постройках ингушей появилось во второй половине XIX века и связано с предгорной Ингушетией. «В нижнем Галгае и в верховьях Бумутского ущелья в покрытых кустарником местах попадаются склепы под землею, значительных размеров, сложенные из грубо обделанных каменных плит. Для входа сделаны в них отверстия, в которые может пролезть человек. В склепах этих, называемых туземцами: Тинды-амриж (могилы Тиндов), по рассказам туземцев эже, не находили никаких вещей, но только человеческие кости. По сказанию стариков, Тинды были очень древний народ, живший на землях Галгаевцев...», - сообщает российский исследователь, впервые столкнувшийся с этими памятниками (11; С.249).

То, что слово *тинды* здесь есть искаженное *Кинда* сомнений не вызывает, также как *эмриж* есть искаженная передача ингушского *Эмараиш*. Из этого сообщения явствует, что *тинды/Кинды* «очень древний народ», который связан, исключительно, с «землями галгайцев».

Под «*верховьями Бамутского ущелья*», очевидно, Головинский имел в виду территорию верхней части ущелья р. *Фортанга*. Здесь сосредоточены древние поселения *Мерже*, *Щеча ахк*, *Мужган* и другие, жителей которых Головинский справедливо относил к выходцам из общества *ГалгЛай*. «*Общества, произошедшие от общества Галгай: малхисты, мецхальцы, цоринцы, джерахи, галаши и мереджой...*», - писал он. (12; С.241, 244).

По сообщению старожилов в лесном массиве в окрестностях развалин *Дьялг бух*, что в урочище *Мерже* находится горный отрог *Киндаиш босе*, на склоне которого имеются полуподземные склепы (13). Очевидно, в данном топониме отражено название древнего могильника *Кинда Эмараиш*.

Что касается «*нижнего Галгайя*» из этого сообщения, то под ним, несомненно, подразумевается местность, расположенная у устья ущелья *Форта Чюж*, проход в которое замыкало старое ингушское сторожевое поселение *Бумат* («войсковое место»). Равнина, раскинувшаяся к северу от *Бумат* вплоть до хребта *АрГе*, и на северо-восток, вплоть до границы с землями самого западного чеченского общества *гехихой*, еще в XIX веке носила почти забытое сегодня название *ГалгЛай аре*, то есть, «галгайская равнина», или, «галгайская наружная земля». В первой половине XIX века на этой равнине были сосредоточены многочисленные хутора и поселения как *аритхой*, так и других ингушских фамилий и обществ.

В частности, *Фортатле* или *ГалгЛай Фортатле* – главное равнинное поселение *аритхой*, располагалось на р. *Фортанге*, на месте современного поселения Ачхой-Мартан. К северо-востоку от нее, на реках *Валарг хий* и *Ниттхой хий*, на картах первой половины XIX века отмечены поселения *КоатЛар юрт*, *Шалами юрт*, *Шовдан шаьре*, *Заки юрт* и другие. Среди них выделяются поселения с характерными названиями - *ГалгЛай юрт*, *ГалгЛа* и т.д. (14, 15). Территориальное размежевание между *галгайцами* этой равнины и Малой Чечней, которой охватывалось чеченское общество *гехихой*, проходила в ту пору по междуречью рек *Гехи* и *Шалажи* (16; С.21). О древности проживания *ГалгЛай* на этой равнине свидетельствуют и многочисленные фольклорные источники. Так, записанное в советское время предание аккинцев повествует о кровавой междоусобице *галгайцев*, владевших равниной в районе поселения *Валарге* с пытавшимся поселиться здесь аккинцем *Воккал* и его потомками. Междоусобица продолжалась, периодически затухая и возобновляясь, в течение жизни нескольких поколений, и закончилась лишь «*за сто лет до прихода генерала Слепцова*», то есть в середине XVIII века (17).

Согласно преданию, записанному автором от старожила этих мест, три значительных поселения равнины *ГалгЛай аре* - *КоатЛар юрт*, *Валарге*, *Шаламий юрт* - были основаны *галгайцами* – братьями *Таьитмар*, *Акхмар* и *Шалам Измейл-наькъан* задолго до начала колонизации этих земель Россией (18).

Сведения, сообщенные другим старожилом этих мест, также подтверждают, что поселение *КоатЛар юрт* было основано *галгайцами* задолго до начала Кавказской войны (19).

Современные поиски склеповых могильников «*Тинди-амриж*» (*Кинда Эмараиш*), в этом районе привели нас к определенному позитивному результату. В районе селища *МагЛа Бумат*, выше устья р. *Аритте аьли* в р. *Фортанга* слева впадает ручей *Эмар аьли*. По сообщению старожилов поселений *БерхЛатле* и *Бумат* в долине этой небольшой речки сохранились останки старинных башен и могильников, названий которых, правда, они не помнят (20). Однако, само название речки, *Эмар аьли*, содержит весомую подсказку, позволяющую не сомневаться в том, что один из могильников «*тинди-амриж*», о которых писал Головинский, находится здесь.

Исследователи царской России, впервые столкнувшись с этими загадочными памятниками, старались объяснить их происхождение наиболее простым, общепринятым в ту пору способом – отнеся их к «древним христианским народам»: грекам, европейцам, грузинам и т.п. Изучение подлинной культуры и истории ингушей же, объявленных «дикарями», находилось под жесткой цензурой военно-административных структур колониальной державы.

Интереснейшее сопоставление произвел Фома Горепеккин в попытке определить народ, оставивший эти памятники. Его догадка могла бы иметь серьезную научную перспективу в вопросах исследования этногенеза ингушей. В своем сообщении он пишет, что «на ингушской территории имеются кладбища народа «кенди-эмриж», по названию одноименные с предками халдейцев. Если только действительность пребывания народа халдей на ингушской территории подтвердится научно, то это прольет глубокий свет на древность существования населения в горах Северного Кавказа...» (21; С.21).

Очевидное лексическое родство и созвучие ингушского *Кинда* с наименованием предков этого древнего ближневосточного народа, которое заметил проницательный исследователь ингушской старины, пока еще остается за рамками серьезного научного анализа. В свете установленных в последние десятилетия фактов многогранного родства культур и языков народа *Галгай* и древних ближневосточных народов, эта догадка заслуживает самого серьезного внимания исследователей.

В начале 20-х годов XX века научная экспедиция во главе с Н.Ф. Яковлевым впервые обратила свое внимание на памятники *Кинда Галачи* и *Кинда Имараши* в горной части Ингушетии. Она составила описание «кенди эмриж с циклопическими постройками» и «кенди гала с циклопическими постройками». К сожалению, до сих пор опубликован только краткий отчет работы этой экспедиции, в котором фиксируются лишь названия памятников (22).

Первое же известное научное описание мегалитического городища в *Овлартле* сделано в конце 30-х годов XX века. Участник уже другой научной экспедиции, организованной в горную Ингушию летом 1938 года Ингушским музеем совместно с Московским историческим музеем, в составе известных кавказоведов Семенова Л.П. и Крупнова Е.И., сообщает о городище следующее: «неизвестные еще в истории Ингушии каменные руины в местности *Галгаче* ..., а в одном месте над обрывом, на скрещении между селами *Эгикал*, *Таргим* и *Хамхи*, против входа в *Ассинское* ущелье. Там, очевидно, было главнейшее из сооружений, в нем около 25 помещений, площадь примерно 80 на 60 шагов; на юго-западном углу сохранились 5 слоев каменной кладки, величина камней доходит до 1,5-2 метров, кладка сухая.... По сохранности они гораздо древнее и относятся к разряду «циклопических». Расположены они в центре традиционного очага – колыбели ингушских племен, в местности «*Галгаче*». Некоторые предания приписывают их легендарным дивам, а также отмечают, что это постройки пра-ингушей – строителей позднейших башен. Данные циклопические руины желают специального изучения, как единственные в своем роде на Северном Кавказе, возможно могущие пролить свет на связь с древними культурами народов передней Азии....» (23; С.11).

Ингушский исследователь, в данном случае, не сообщая о названии памятника, определяет его как наследие «пра-ингушей», а так же, как и Горепеккин задолго до него, говорит о предполагаемом родстве создателей этих руин с ближневосточными культурами древности.

Мегалитические городища и могильники, датировка которых может быть сопоставима с возрастом ингушских *Кинда Галачи* и *Кинда Имараши*, зафиксированы и в других ущельях горного Кавказа. Важно отметить, что если в Ингушетии указанные памятники население связывает со своими предками, то предания и легенды этих мест относят памятники к полумифическим богатырским племенам, которые обитали на этих землях в «доисторические времена», до появления там предков нынешних обитателей. У разных племен эти богатырские племена носят самые различные наименования: *нарты*, *царци*, *чинты*, *кинты* и т.д.

Одно из таких городищ фиксируется исследователями в верховьях р. Большая Лиавхи в исторической Двалетии, у поселения *Галуат*. Оно известно как циклопическое поселение *Зылды масыг*, или же, *Уайгуты масыг*, то есть, «великанов башня». Предания местных осетин связывают его, а также его аналоги в этом ущелье, с доосетинским племенем *царци*. Последнее, в свою очередь, часто идентифицируется осетинами с эпическими *нартами*. Арéal расселения *царци* охватывает почти всю территорию Осетии, в том числе, и Южной. По сути, это реальное историческое племя, жившее повсеместно до появления здесь предков современных иронцев и ставшее в их представлениях полумифическим.

Историко-этнографическими исследованиями установлено, что иронцы-осетины начали оседать среди двалов, близкородственного ингушам племени, не ранее XV века (24; С.126-128).

Такая же картина наблюдается и в ущельях Северной Осетии, где, в частности, в Хилакском, Санибанском, Даргавском, Кобанском ущельях, еще в первой половине XIX века сохранялось значительное ингушское население, оставившее после себя богатое археологическое и архитектурное наследие, а также обильную топонимическую лексику.

Племя *царци* осетинских преданий также оставило после себя уникальные памятники материальной культуры, которых пришлые ираноязычные поселенцы прозвали «чудесами *царциатов*» (25; С.84). Пришельцы эти активно пользовались оставленными предшественниками материальными ценностями, не брезгуя наживаться даже содержимым могил *царца*. На протяжении нескольких столетий, особенно в XIX-XX веках, одной из существенных статей в доходах осетин были средства, получаемые от разграбления *царциатских* могил – уникального наследия культуры аборигенов этих мест.

Известный специалист по этнологии Кавказа, во время этнографической экспедиции в Южную Осетию записал от старожилов, что здесь «до водворения осетин жил неизвестный народ, который осетины называют «царциата». Народ этот занимался земледелием и скотоводством, имел стрелы, луки, кинжалы. Это был народ-богатырь, характеризует их старик Содтиев, иначе они не зашивали бы при поражении свои черепа медными листами. Так как народ «царциата» развернулся и исполтился, Бог решил погубить его... Так, умирая от голода погиб народ царциатов» (26; С.133-134).

То есть, в представлениях осетин, поселившихся в этих ущельях не ранее как в позднем средневековье, *царци/шарши*, они же *нарты*, было богатырским племенем, достигшим «чудес» в развитии материальной и духовной культуры. Оставленные ими после себя реальные памятники материальной культуры, датированные, в том числе, позднесредневековым периодом, вызывали у новопоселенцев удивление и восторг. Для народа, который находился на таком уровне развития, что по свидетельству первого осетиноведа Пфафа «даже не в состоянии подковывать лошадей», (27; С.319) а по сведениям Вахушти «не употребляют для построек из камня известии», (28; С.203-225) наследие *царциатов* было чем-то недостижимым и «чудесным».

Несомненно, иронский этноним *царци/царциата* восходит к грузинскому *дзурдзуки*, которым обозначалась та часть древнего ингушского племени, которая еще в XVIII веке грузинскими источниками локализуется в ущельях вокруг культовой вершины *Башлоамкорт*: *Ахкарой Чюж*, *Гадоа-магIаре*, *Гадоа-чуре*, *Бений мохк*, *Гай литта* и т.д.

Очевидно, язык северных иронцев с характерным «шюканьем», воспринял грузинское *дзурдзуки/цурцухи* с закономерным искажением, превратив его в *царци/царциата*, (29; С.118) в то время как «шюкающие» южные осетины исказили его, соответственно, в *шаршиата* (30; С. 218). Поскольку *двалов* осетины знают как *туалов*, следует полагать, что словом *царци/царциата* охватывался только этноним *дзурдзуки*.

Грузинский историк Л.М.Меликсет-Беков, исследовавший названное циклопическое городище *Зылды масыг* в 20-х годах XX века, датировал его «доисторическим временем» и отнес к наследию *дзурджуков* – древних насельников этого региона (31; С.252-279).

«Царциатское городище» у с. Едыс, другой древний памятник на территории Двалетии, исследователи также отождествляют с наследием народа *царциата* (32; С.20).

Помимо отмеченных циклопических городищ, на территории Осетии есть также древние могильники, которых предания устойчиво связывают с тем же племенем *царци*. Могильники народа *царци* имеют аналогичные археологические параметры, что и *галгайские* *Кинда* *Иэмараи*. В частности, они, как правило, подземные и выложены тщательно с использованием *маркхал* - известкового раствора.

Известный осетинский археолог первой половины XX века, посвятивший коллективным захоронениям на территории Осетии отдельный труд, обращает внимание на «скрытые в земле склепы для массовых захоронений, которые осетины приписывают легендарному народу «царца»... Полупещерные и подземные склепы в Кобани, Лаце, Дзивгисе и в других местах приписываются «царци» или *нартам*...».

Далее, касаясь этнической характеристики создателей этих могил, он подчеркивает, что «осетины не делают различий между *нартами* и *царци*... и не претендуют на полупещерные склепы, а приписывают их, как было сказано выше, по одним сведениям народу *царца*, по другим же – *нартам*, не делая, однако, различий между этими двумя народами» (33; С.45).

Это мнение осведомленного местного ученого, которое кроме археологических данных, подкрепляется и исследованным им этнографическим материалом, свидетельствует, что значительная часть погребальных памятников на территории Осетии, принадлежит не позднейшим иронцам, а жившему здесь до них племени *царци*, или *нартам*.

Касаясь же самой распространенной группы коллективных захоронений, то есть, «надземных склепов башенного типа», а также «продолговатых с двухскатными крышами», указанный исследователь подчеркивает, что также «на них нигде не претендуют осетины, и они являются забытыми» (34; С.47).

Из этого следует, что, в частности, обширный могильник «городок мертвых» у поселения *Даргавс*, состоящий в основном из надземных склепов, не имеет отношения к позднейшему иронскому населению этого ущелья. А то, что этот могильник оставлен ингушским населением ущелья, свидетельствует, кроме прочего, название горного отрога, на котором он расположен – *Рамини раг*. (35; С.37). Этот топоним с прозрачной ингушской этимологией (*Имарий рагI* - «склеповый отрог»; *Имар/Иэмар* – «склеп», *рагI/аргI* – «горный отрог»), в языке поздних осетинских поселенцев, путем метатезы (*имар* - *рами*) трансформировался в такую малоузнаваемую форму.

Из выделенных трех групп склеповых захоронений, по мнению Кокиева сами осетины претендуют только на полуподземные склепы «независимо от форм и вариантов, ... безоговорочно приписывая их к своим предкам». Касаясь вопроса об их создателях, автор далее пишет, «что они строились самими осетинами, или, по их заказу ингушами, славившимися в древности как отличные мастера по постройке боевых башен и склепов» (36; С.40).

Определяя же датировку последних, Кокиев не оставляет сомнений в обоснованности своих выводов: «Что же касается полуподземных склепов, которые осетинами утилизировались до недавнего времени для погребальных целей, - пишет он - то может быть, только в некоторых экземплярах они восходят к 15-16 векам, но основная их масса не древнее 2-х или 3-х сот лет до нашего времени» (37; С.64). Тем самым, автор определяет достаточно четкие хронологические рамки появления осетин-иронцев в указанных горных ущельях.

Исследователь, изучавший склепы Тагаурни и Куртатии до Кокиева, приходил к аналогичным выводам. Он отмечал, что осетины «относятся совершенно равнодушно ко всем памятникам старого времени». А причиной этого является то, что «осетины не признают их своими. В Санибе утверждали, что могилы сооружены народами, жившими там до осетин, т.е. кабардинцами или ингушами...», - пишет он (38; С.262).

Следует добавить, что древний могильник у поселения *Саниба*, исследованный Дирром, также как и десятки других, оставленных ингушами в Осетии, носит название *Царциаты уалмардта* – «кладбище царци» (39; С.59).

Таким образом, время существования на территории Осетии племени *царци*, ассоциируемой с эпическими нартами, точнее, время начала их смены ираноязычными осетинами, обретает более конкретные хронологические рамки, не углубляясь дальше XV-XVI веков, а то и позже. С этими рамками согласуются и многочисленные этнографические сведения о том, что ингуши доминировали в этих ущельях еще два-три века назад, до того, как были частично вытеснены и частично ассимилированы появившимися здесь иронцами во главе с *Тага* и *Куртом* (40; С.205).

Эти и аналогичные им археологические исследования и этнографические сведения о первых насельниках этих мест и времени появления здесь предков современных осетин подкрепляются научными данными из других областей. В частности, убедительное свидетельство того, что покойники из надземных склепов на территории Северной Осетии не имеют отношения к осетинам, получено от антропологов. «Для... особенно осетин мощный субстратный слой местного кавказского происхождения выявлен и в языке, и в культуре... Переход их предков на... иранскую речь имел место не раньше чем в эпоху позднего средневековья, то есть представляет собой заведомо позднее явление», - пишет выдающийся советский антрополог (41; С.101).

«Особенности черепов из склепов Горной Осетии XVI-XVII веков не дают возможности связать их с современным населением Осетии», - пишет другой исследователь на основе анализа краниологического материала, полученного из склепов, приписываемых осетинами народу *царциата/нарты* (42; С.53).

Следует отметить, что оригинальные названия древних ингушских памятников на территории Осетии во многом утеряны и в местной топонимической лексике почти не фиксируются.

Однако, в нартских сказаниях осетин хорошо известен эпоним *Клинда*, поселение *Клинда* и страна *Кант*.

Опубликованные в конце XIX века первые осетинские тексты, записанные, что примечательно, в основном от жителей Санибанского ущелья, часто упоминают поселение *Тынты калак*. С ним связано множество нартских сюжетов. В частности, представители рода *Ахснартага* часто соприкасаются с обитателями этого поселения. По одному из них «*малик Тынты калак*» убивает за надменность *Хамыца*, а *Батраз* мстит потом за отца. В другом сказании *Хамиц*, *Созрыко* и *Урызмаг*, представители рода *Ахсартаггата*, ходили в это поселение к старшей сестре, чтобы разрешить их спор о старшинстве. Еще одно сказание говорит о том, что в *Тынты калак* живет зять рода *Ахснартага* (43; С.19,23,37,41).

Тынты калак, несомненно, есть искаженное *клинда глала*. Так же как название могильников *клинда* *Иэмараиш* было в ту пору искажено Головинским в *тынды амриж*, название легендарного городища *наьртов клинда глалаиш* в осетинских текстах трансформировалось в *тынты калак*. Миллер, подчеркивая скудность топонимических привязок в осетинских сказаниях, сообщает о «*городе Тынты*», как наиболее встречающемся. Однако, «где находится упоминаемый нередко в нартских сказаниях *Тынты-град*, рассказчик не мог указать», - комментирует он свое сообщение (44; С.9, 118).

В осетинских текстах зафиксирован и более близкий к оригиналу вариант этого нартского поселения. «По свидетельству сказителя Г.Сланты, - пишет Дзиццойты со ссылкой на архивный источник, - *Кинт* в осетинском эпосе – название села» (45; С.144).

Еще один текст, записанный на осетинском языке, сообщает о поселении *Нартае ама Кинти кау* – «нартов и кинтов село» (46; С.124), в котором не сложно распознать искаженное ингушское *Наьрта Клиндий коув* – «нарта *Кинды* поселение», которое легко сопоставляется с нартским поселением ингушей *Клинда глалаиш*.

В дигорских текстах хорошо известна «страна Кант»: «... в (стране) Кант как было не бысать тризнам, стрельбе в цель, скачкам (в честь покойников)», - сообщает одно из сказаний (47; С. 44).

В адыгской версии эпоса поселение *Кинда Глалаш* известно в нескольких вариантах.

Топоним *Кинт*, встречающийся в нартских текстах адыгов, исследователи определяют как «эпическое название местности, встречающееся в эпосе» (48; С.407). Несомненно, и здесь мы имеем искаженную форму ингушского *Кинда*.

Что касается реальных городищ, сохранившихся на адыгской территории и ассоциируемых с богатырским племенем, то такие также отмечены исследователями. К ним относятся известные в адыгском фольклоре «каменные здания» *Эллигах-яунне*, локализуемые в разных местах: «за Кубанью, в верховьях Кефара и на Зеленчуке» (49; С.153).

Хотя Ш.Ногмов и предполагал, что последние были «построены греками, торговавшими у адыгов», (50; С.26) в названиях их угадывается эпический эпоним *Элиг/Алиг*, который согласно некоторым текстам является главой нартского племени, живший в собственном поселении. В «селении Аледжа» нарты собирались на всеобщее собрание *Хаса* для решения самых важных вопросов племени (51; С.166).

Оба эти варианта, *Элиг* и *Алег*, легко сопоставляются с эпонимом *Галга Глалга* – отцом *Кинда* по этногенетическим преданиям ингушей.

В карачай-балкарском эпосе известно поселение *Кинте*, в котором поселился пришелец Бедене. У Бедене в *Кинте* родился сын Рачикау, ставший позже знаменитым нартом (52).

Балкарские исследователи справедливо считают, что «карачаево-балкарский топоним «Кенте», осетинские «Тынты», «Канты», «Канцы», адыгский «Кинт» означают один и тот же объект».

Однако, они, не обратив внимания на известные ингушские их аналоги *Кинда Глалаш/Кинда Эмараш*, предположили связать эти названия с хазарской крепостью Саркел, располагавшийся, по их мнению, на р. Дон (53; С.484).

Как важное свидетельство присутствия на территории Карачая архаичной ингушской лексики, которой обозначались древние могильники, может быть истолкован и следующий факт: пещерный могильник *Кия-Тешикле*, датированный VI-VIII в.в., (54; С.84) расположен на небольшом правом притоке р. *Джегута*, именуемом *Эмурка*. По нашему мнению, название этой речки связано с обнаруженным могильником и восходит к ингушскому *Тимар/Эмар* – «могильник». Кстати отметить, что долина р. *Джегута*, согласно карачаевским сказаниям, является местом ристалищ древних нартов. В сказании «Ачимез и Хубун» дореволюционной записи, повествуется как богатырь *Ачи*, который жил в местности *Насыран* на р. Терек, сразился у устья р. *Джегута* с богатырем *Хубун*, жившим на р. Кубань, и погиб. *Ачи* был сыном *Ачимеза* и братом *Насырана* (55; С.88). В последнем обнаруживается безусловная параллель с популярными героями ингушского эпоса *Ачамазом* и *Наьсаром*, жившими на равнине *Гарма аре* на территории современной плоскостной Ингушетии.

Таким образом, достаточно очевидно, что древние мегалитические городища *Кинда Глалаш* и могильники *Кинда Эмараш* были распространены на значительной территории Центрального Кавказа и неразрывно связаны с богатырским племенем *наьртов*, в частности с *наьртом Кинда*, сыном *Глалга* – эпического предка ингушей. А оригинальные ингушские названия этих памятников распространены в различных лексических и фонетических вариациях в самых разных уголках Кавказа, где живут носители нартского эпоса.

Га, Глалга, Кинда: отражение культа предков в памятниках архитектуры и в топонимической номенклатуре.

С городищем *Кинда Глалаш*, что на поляне *Овлартле*, а также памятниками смежных с ними мест, связаны разнообразные жанры ингушского фольклора: древние мифы, фамиль-

ные предания, нартские сказания. Значительная часть фольклорных сведений имеет этногенетическое наполнение и посвящена происхождению народа *галгай* и его основных подразделений, а также отдельным мифологизированным персонажам, к которым народ возводит свои корни.

Существенным дополнением к фольклорным текстам является и топонимическая номенклатура этого района, обладающая огромным информативным потенциалом. Причем территория эта сплошь усеяна наиболее архаичной топонимической лексикой, имеющей в первую очередь, легендарно-генеалогическую, культово-религиозную и мифологическую специфику.

Уже само название местности, на котором стоят руины этого городища (*овларте* – «корневое место», из *овла* – «корень», *р* – суффикс, *те* – топоформант), показывает особую значимость ее в жизни ингушей как некой сакральной земли, откуда произросли корни народа, определяет ее как колыбель всех галгайцев.

Поляна лежит в центре просторной котловины р. *Эса*. Здесь находится очаг древней ингушской материальной культуры с великолепными творениями каменного зодчества, которыми так восхищаются исследователи и путешественники. Здесь же находился один из важнейших транспортно-коммуникационных узлов Кавказа, издревле обеспечивавший активное взаимопроникновение культур и народов.

На востоке поляна *Овларте* граничит с *Альбердте* – легендарно-культовой местностью, связанной с *Альбердом* – потомком *нарта Кинда Шоа*, отцом трех братьев – основателей общества *Кхаь кхаьле*. Здесь находятся руины древнего храма *Альби ерд*, посвященного ему же. Здесь же, у стен храма, по сведениям этнографа А.Тутаева, находилась и его могила (56).

В трех направлениях от *Овларте*, почти равноудалено от городища *Кинда галгаи*, расположены древние поселения, основанные по преданию сыновьями *Альберда* – *Аьгий кхаьле*, *Хамхе*, *Гаргам*. Напротив храма *Альби ерд* сохранились руины еще одного важного средневекового культового памятника *галгайцев* – святилища *Ауви Села*. По преданиям в этом святилище много веков покоилось в сидящей позе мумифицированное тело легендарного *Аьгий Аувиша*, внука *Альберда*, в полном рыцарском одеянии (57). По сообщению Миллера В.Ф. этот памятник почитался ингушами вплоть до XIX века. «От *Альби-ерды* поклонники шли затем к другому небольшому каменному сооружению.... Этот памятник назывался *Ауисел*» (58).

На территории окрестных поселений стоят развалины древних замков и боевых башен, связанных с более поздними известными потомками *нарта Кинда Шоа*: *Аьик кур* («Эшка квартал»), *Ауик кур* («Аувиша квартал»), *Ивизда Газда ган* («Ивизда Газда укрепление»), *Аьик Богатара влов* («Ашк Богатара боевая башня»), *Гарбакх влов* («Гарбака боевая башня»), *Арчхо вловнашке* («Арчхо замок»), *Каца влов* («Каца боевая башня»), *Арчакх влов* («Арчака боевая башня»), *Бьарким влов* («Бяркама боевая башня») и т.д.

С запада к *Овларте* примыкает склоновая поляна *Цей А* («священная равнина»), связанная, очевидно, с общегалгайским культовым праздником *Аглой цлей*, во время которого, по сообщению этнографа, *галгай* подводили итоги года и определяли планы на будущий год (59). На северной же окраине «поляны предков», на противоположном левом берегу р. *Ах хий* раскинулась живописная поляна *Куразте* с прекрасным сосновым бором и сторожевым курганом *Зувре*, где издревле проводились конские состязания. С северо-востока, у устья р. *Ах хий* к *Овларте* примыкает местность *Сусунашке*, связанная, судя по названию, с древним женским культом.

В долине *Дорхе*, находящемся в южной части этой котловины, более тысячелетие красуется здание некогда самого почитаемого «храма предков» всех *галгайцев* *Ткьабла ерд*, который, судя по названию, посвящен древнейшему кавказскому культу. Храм расположен над устьем реки *Ткьаблар хий*, название которой (буквально, «Ткья ока вода», где *Ткья* –

наименование культа, *бIар* – «ока», *хий* – «вода») и раскрывает подлинное значение названия храма. По поверьям ингушей, «всесильный *Ткъа*» обитал на вершине *Баилоам корта*, вокруг которого и поселил первых «сотворенных им» *наьртов* – *галгайских* родоначальников.

Как известно, здесь же в ограде храма веками проходили заседания *Мехка кхел* – главного общественно-политического органа «Страны галгаев», хранителя его легендарных республиканских устоев. Рядом, к северу от *Дорхе* находится поляна дележа военных трофеев – *Клей фос аре*, а также просторная *Хъайрахъ ведане* – место финиша общенациональных поминальных скачек и ритуала посвящения коней предкам, по сведениям Албаста Гутаева (60).

Такое фольклорное и топонимическое изобилие наглядно демонстрирует потомкам, что на этом относительно небольшом клочке живописнейшего ущелья *Эса чIож* в незапамятное эпическое время поселился первый *наьрт КIинда*, сын *ГIалгIа*, прибывший из загадочной земли *Шъаме*. От него потом разрослось племя, обжившее горные и предгорные просторы Кавказа, до *Оарга чIож* на востоке и до самой оконечности его на западе.

ОвлартIе, как отправная точка *галгайской* земли, очевидно, всегда почиталась ингушами, даже живущими далеко от нее.

«*Чербыж аулуртский, сын Котьга Кривого... кто я – скажу, не таясь: галгай я чистейший...*», – гордо представляется посланнику грузинского царя герой ингушской средневековой эпической песни «Махкинан», *гаьлатхо*, живущий у подножия *Баилоам корт* и охраняющий древний проход *Гири Iаькъа* (Дарьял) (61). Поскольку другого *Аулурта*, точнее, *ОвлартIе*, в том числе, в ущелье р. *Iарм хий*, не зафиксировано, можно полагать, что гвилетский *Чербаж*, называя себя *аулуртским*, хотел подчеркнуть, что он из коренных *галгайцев*, происходящих из *ОвлартIе*, то есть, от первопредков из поселения *КIинда гIалаш*.

Вся эта лексико-топонимическая архаика местности вокруг городища *КIинда гIалаш*, овеянная эпическими нартскими сюжетами, подкрепляется здесь соответствующим богатым археологическим содержанием, о котором сказано выше.

О запредельном, культовом почитании ингушами своих предков, общеизвестно. Ярким воплощением такого почитания являлся культ домашнего очага, непосредственно связанный с первым. Б.Далгат отмечал существование у ингушей «*культа могущественных общенародных предков*», и даже «*культа обоготворенных предков – героев*» (62; С.100).

Га. Среди галгайских «*могущественных предков*» особое место занимает *Га*. Ему посвящены самые почитаемые храмы и культовые места, отмечаемые не только на территории современной Ингушетии, но и далеко за ее пределами. Эпицентром же почитания *Га*, также как и других эпических предков, является долина р. *Эса*. Здесь сохранились главные свидетельства этого почитания в виде храмовых зданий, а также культовых мест и вершин, носящих его имя.

На северо-востоке поляны *ОвлартIе*, за некогда священным для горцев хребтом *Цей лоам* находится легендарная горная долина *Гаь лоам* («горная страна Га»), или *Гаьлахъ*, имеющая непосредственную связь с эпонимом *Га* – отцом *ГIалгIа*, дедом *КIинда*. Венцом этой долины является культовая вершина *Гаьл ерд корт* («Га храма вершина»), на самой макушке которой стоят развалины храма *Гаьл ерд*, не исследованные до сих пор специалистами. Еще в первой половине XIX века это был главный «*храм предков*». Сюда, по тропе *Ердаге*, останки которой сохранились до наших дней, совершались всеобщие полонничества мужчин в определенное для этого время года. Многочисленные факты этого полонничества в виде наконечников стрел и копий, находившиеся в черте храма, расхищены вандалами в самое позднее время.

Об общенациональном значении этой долины, о ее непосредственной связи с первопредками и с конкретными сюжетами богатырского эпоса говорят ее окрестности.

В верховьях балки *Пхьоалийче* («кузни котловина»), что в южной части долины, у подножия остроконечной вершины *Ап корт*, сохранились останки древней кузни, имеющей длинное эпическое название - *Хыйна турнал довшаш хьадо Гаь пхьоале* («Закаленные богатырские мечи делающая, Га кузня»), где «первый галгайский кузнец Га», подковывал «турнал гилаш» («богатырских коней»), которые выпасались на лугах *Бей лоам* (63).

С востока к *Гаь лоам* прилегает обширная долина альпийских лугов *Бейше/Бей лоам*, южный край которой, обрывающийся в глубокую пропасть балки *Беж бера*, носит название *Гила берд* («богатырских коней скала») и издревле известна тем, что здесь на постоянном ветру любят резвиться наиболее выносливые кони из горских табунов. По сведениям старожилков на лугах *Бейше* «*Кхур яхаш вола галгай наьрт, турнал гилашта Лу деш хиннав*» («галгайский наьрт Кхура выпасал богатырских коней - гила») (64).

Эти луга, а также кони, которые на них выпасались, воспевались в старинных эпических песнях-илли:

*«Ахканча кхаь бетта
Гелига лоам ва буаш,
Гуйранча кхаь бетта
Наьна че ва юаш,
Ианарча кхаь бетта
Кхехкадеш кIа ва дуадеш,
Мелдеш хий ва меладеш
Лоаттабаь сел цIена ва гила...».* (65; С.397).

У подножия *Гаь лоам* в теснине *Иаьржа соме* на р. *Эса* фиксируется гигантский валун *Сеска Солса чхьар* («Сеска Солса валун»), на котором прославленный *наьрт* перед смертью «долго и усердно молился за грехи своего народа... По преданию, когда следы нарта на камне сотрутся полностью, народ избавится от всех своих недостатков» (66).

На западе же *Галгаче*, там, где происходит закат светила, уходящего в *Давля Иэл* («Божественную страну теней»), возвышается величественный горный массив *Гаьлахой лоам* или *Гаьл* – другая горная долина с культовыми вершинами, посвященная эпониму *Га* (67).

Состоящий из трех обособленных скальных вершин, массив имеет такое же культовое наполнение, как и *Гаь лоам* на востоке. Характерно, что две его вершины наречены именами *наьртов* - *Сеска Солса корт* и *Куолой кIанта корт*, а третья вершина, *ТкьамаштIе*, известна тем, что на труднодоступном ее склоне находится пещерный храм *Ткьамаш ерд*, связанный с почитанием родовых предков.

С массивом прочно связаны и представления народа об «обитатели предков» – *Иэл*, где живут своей жизнью души ушедших «*благословенных предков*». Эти представления наглядно выражены и в местной топонимии. Так, к западной окраине замка *Дошхьакхле* от подножия скал *Гаьлахой лоам* спускается глубокая балка *Иэл бода бера* («в Эл пролегающая балка»; *Иэл* – «потусторонний мир», *бода* – «пролегающая», *бера* – «балка»). Согласно поверьям горцев, если следовать по ней вверх, можно достичь проема в скалах, который и ведет в «мир предков». Согласно сказанию, по этой балке «*наьрт Хамчий Петараж спускался в Иэл*» (68). Склон *Гаьлахой лоам* над указанной балкой носит название *Хамчий Петараж сердал йишгаче* («Хамчи Петаража свет, где падал, место»), связанное с нартским сюжетом о том, как *наьрт Хамчий Петараж*, «*посетив подземный мир Иэл, успел вернуться до заката последних солнечных лучей*» (69; С.36).

С этим же массивом связано множество других древних культово-эпических поверий *галгайцев*. В частности, остроконечные скальные вершины этого массива носят название *Сеска Солса тур дийтта лоамаш* («горы, порубленные мечом Сеска Солса»), потому что образовались, якобы, от удара меча *нарта Сеска Солса*.

Здесь же, на одной из ее вершин, именуемых *Джлар лоам* («жертвенная гора»), находится культовое место *Кхейка мат* («мольбы место»), где, согласно мифу, женский культ *Тушоли* «вымолила у Даэла беснежную теплую зиму» (70).

На самой высокой вершине массива *Габл* находится пещера *Занар хвах* («луча пещера»), где *цан саг* – «жрец» в установленное ритуальное время торжественно встречал появление первого солнечного луча.

С эпонимом *Га* связаны вершины и культовые места, расположенные далеко за пределами ущелья р. *Эса*.

У подножия вершины *Башлоам корт* (гора Казбек) в районе теснины *Гири Иабкья* (Дарьял) на р. *Тийрк*, до конца XIX века проживал древний ингушский *ваьр* («род») *гаьлатхой*. Здесь, как известно, зафиксированы наиболее архаичные ингушские мифы, культы, а также эпические сюжеты о *наьртах*. *Башлоам корт* признан путешественниками и исследователями «центром мифологии ингушей» (71; С.158).

Топонимы *ГаьлтIе* и *Гаьлаьтта*, локализованные здесь, переводятся как «Га территория», «Га земля», а этноним *гаьлатхой* – как «Га земли люди». Несомненно, этноним *гаьлатхой* имеет почти полное семантическое совпадение с вышеназванной культовой *Гаьлахой лоам* – «плодей Га гора».

Это же значение, очевидно, лежит в основе древних топонимов на территории современных Осетий:

- *Галиат* – селище в долине р. *Уррх*, богатое культовыми постройками и могильниками, которые местное население связывает с племенем *царци*; (72; С.43)

- *Клиат/Калиат* – селище на р. *Мамхдон* в Двалетии; (73; С.288)

- *Галуат* – селище в долине р. *Б.Лиавхи*, в окрестностях которого находится вышеотмеченное циклопическое городище народа *царци* *Зылды масыг* (74; С.142).

В генеалогическом сказании *Аьики Ошки* сообщается о том, как эгикальцы держали заставу в земле *Гамохк* («Га страна»), лежащей за р. *Тийрк*. Когда эта земля, также как и соседняя с ней область *Саьнби шахьар* после гибели дружины *Сеска Солса* остались без защиты, зять *орхустойцев* *Аьик* со своей дружиной пришел сюда с берегов р. *Эса*, чтобы нести охрану ее населения (75; С.120).

Это сказание перекликается с этнографическими сведениями Албаста Тутаева о том, что первопредок *Га* жил в верхнем *Кобани*, а «когда прибавились сыновья, то переселился в средний *Кобань*. Они жили в землянках, обложенных из камней...» (76).

Культ первопредка *Га* почитался всеми *галгайцами*, где-бы они не жили. Очевидно, храмы в его честь возводились выселенцами из *Палгала* повсеместно. К таковым, в частности, относится храм *Габл ерд*, который возвели *галгайцы*, выселившиеся в долину р. *Ларм хий* и основавшие древний *Тяьри*. Этот храм стоит на вершине *АнготIе*, над живописной поляной *МохтIе*, где расположен обширный средневековый могильник *Есмале гув* – «райский курган».

На южной окраине замка *Паьлинг* на горной лесистой вершине *Габл ердтIе* фиксируется прямоугольное основание крупного храма. По этнографическим сведениям храм имел двухскатно-ступенчатую крышу и, судя по названию, был посвящен культу предков (77; С.43).

На территории позднесредневекового ингушского общества *Тьерле* в верховьях ущелья *Оарга Чюж* фиксируется местность *ГаьлтIе*, свидетельствующая о том, что *тIерлойцы* почитали предка *Га* (78; С. 35).

Наличие в других позднесредневековых ингушских обществах храмов и культовых мест, связанных с эпонимом *Га* также подтверждается топонимической лексикой. Так, культовая вершина *Габл ерде*, возвышающаяся над ущельем *Мержиче* в районе селища *Хьайхе*, сообщает о наличии здесь некогда святилища *Габл ерд*. Вершина *Габл корт* отмечена в ущелье *Галан Чюж* (79; С. 92, 142). К сожалению, каких-либо этнографических сведений о почитании населением этих мест культа предков не сохранилось.

Некоторые исследователи считали, что, *Галгай* почитали своего предка *Га* «всемогущим богом небесным» (80; С.37). Очевидно, это утверждение является заблуждением и не имеет под собой основания. *Галгаи*, как зафиксировано еще в самых ранних русскоязычных письменных источниках, исповедовали единобожие, поклоняясь единому *Всевышнему Давла*, никогда не ставя с ним вровень своих культов. «Они верят только в одного Бога, которого называют *Давле* и не знают никаких идолов или побочных богов», - свидетельствует один из них (81; С.240).

К *Га* же они относились как к культу особо почитаемого предка, как к заступнику народа перед *Везан Давла*. Общеизвестный факт соглашения ингушей с Россией в 1810 году закреплен принесением клятвы как «перед всемогущим богом небесным», то есть, *Давла*, так и «почитаемым... за святость кумиром...*Гальерд*» (82; С.10).

До наших дней дошли клятвенные формулы *галгайских* мужчин, связанные с культом предков: *Са даьсар* («во имя отца моего»); *Са даь даьсар* («во имя отца отца моего»); *Са ворхе даьсар* («во имя семи отцов моих»).

Имена некоторых почитаемых предков ингушей приведены в конце XIX века Б.Далгат, записавший со слов старика *Паныжа* старинную ингушскую молитву по усопшему: «Да будешь ты вместе с *Давла-Нарти*, с *нарт-оритхойцами*, с *Давла-Бори*, *Бори-Бота*, с *Давла Бораган*, с *Бораган-Бексулта*, вместе с *оритхойцем Сеска Солса* и выше *Ботыга-Ширтга!*» (83; С.80-81). Несомненно, первопредки *Га*, *Галга*, *Кинда*, *Шоа* и другие охватывались в этой молитве обобщающим понятием *Давла-Нарти* – «божественные нарты». Вслед за ними перечисляются *наьрты* последнего нартского клана *орхустой*, которых Б.Далгат, вопреки четкому определению, данному *орхустойцам* Ч.Ахриевым, путает с *аритхойцами* – представителями позднесредневекового ингушского предгорного общества.

Осетинский исследователь Алборов достаточно предметно изучал вопросы почитания ингушами культа *Га*. Сведения, полученные им непосредственно от бывшего жреца храма *Гавл ерд* в *Ангомте* *Эгенты* Махьмада Даскнева, проясняют многие существенные стороны этого культа. В частности, по его сообщению, праздники в честь *Га* устраивались в храмах *Гавл ерд* в дни летнего и зимнего солнцестояний, в периоды так называемых *эттингий ха* («стояния время»), когда светило уходило из своей обители и когда через полгода оно возвращалось в него. По сообщению жреца храма в *Ангомте* люди приносили душам предков литые пули и стрелы, а также олени рога. Культовое празднество было исключительно мужским. «*Гальерды* «золотой», «крылатый» бог является наиболее известным, популярным и суровым народным патроном, покровителем всего ингушского народа», - сообщает исследователь этого культа со ссылкой на жреца (84; С.426).

Важно отметить, что храм *Гавл ерд* общества *Мецхалой шахьар* находится над поляной *Мохтле*, рядом с крупнейшим древним могильником *Есмале гув*, в котором, по поверьям местных жителей, покоятся те самые «благословенные предки».

Согласно этим поверьям, поляна *Мохтле* «...даже в непогоду бывает освещена солнцем; кто туда попадает по смерти, тот будет счастлив на том свете» (85; С.121).

Опрошенный уже в наше время 96-летний *Идрис Хаут-наькъан*, уроженец соседнего аула *Шоане*, утверждает, что над *Мохтле* вечером появляется благословенная звезда *Кейр седкъа*. С появлением этой звезды от могил вверх начинает подниматься *даьй лираши* – «отцов сияние». По его сообщению, до депортации ингушей 1944 года в *Ангомте* жил один *тлоарихо*, племянник *шоанхой*. Вечером, старики из *Шоане* часто громко вопрошали ему:

- *Хьалбаьннабий из Кейр седкъа?* («Взошла ли звезда Кейр?»).
- *Фу яхилга да хой хьона из?* («Знаешь в чем суть их вопрошания?»)
- *Юв капмашикар дей лираши хьалгаралилхадий йоах цар.* («Они спрашивают, «с того могильника «отцов сияние» начало уже подниматься?»)

Получив утвердительный ответ, старцы успокаивались. *Идрис* говорит, что *Кейр седкъа* появляется на вечернем небосклоне в период между *маьрклижса ха* и *пхьера ха*, то есть,

между «временем сумерек» и «временем наступления ночи». «*Кейр седкъя дИабахача дикача, Иалам кьонахий лир да*» («Кейр звезда это сияние ушедших хороших, благословенных мужчин»), - утверждает он, ссылаясь на тех старцев из своей молодости (86).

Фома Горепекин в начале XX века, отмечая неразрывную связь древнего этнонима *гIалгIа* с храмом *Гавл ерд* на р. *Эса*, сообщал о почитаемой народом звезде *сий-гила*, посвященной «священной небесной кобылице... *еза-цIена-гила, управляемая святым Эштр*» (87; С.14-15, 23).

Вероятно, несмотря на лексическое несовпадение названий, звезда *Кейр седкъя* и звезда *Сий гила* имеют единую семантику, являясь отражением народных представлений о душах «благословенных предков». Более того, их объединяет и непосредственная связь с двумя храмами, посвященным культу *Га*.

Касаясь вопроса о времени, когда устраивались праздники в честь культа *Га*, следует отметить, что наряду со временами летнего и зимнего солнцестояний, связанных непосредственно с почитанием предков, ингуши отмечали и времена весеннего и осеннего равноденствий, также имевшие связь с культом предков. В частности, в «священный» *Мархий бут*, соответствующий месяцу март, ингуши соблюдали пост, по окончании которого, устраивали праздник *Мархий цIей* (букв. «Солнца праздник»). Суть праздника была в поминовении предков. *Мархий цIей* имел и второе название, подтверждающее его посвящение культу *Га* – *Гавл цIей*. По сообщению Албаста Тутаева празднование происходило у храма *ТкьабIа ерд*. Праздник заканчивался общественными конными скачками в память предков, стрельбой в мишень, а также посвещением коней-победителей покойникам (88).

Еще одним древнейшим очагом почитания культа *Га* является ущелье *Чулхой чIож*, расположенное в самом верховье р. *Иарм хий*. Над этим ущельем на вершине хребта *Зюгал дукъ* находится древнее поселение *МагIомIе*, основанное согласно содержательным родовым преданиям *салгхой, тIумхой, гухой* и *оздой* их первопредком *МагIо*. В окрестностях этого поселения зафиксирован и древнейший могильник *КIинда Iэмараиш – МагIо Iимарашке*, связанный с первопредками (89; С.47).

МагIо, по преданию, сообщенному Горепекину в *Салге*, «человек святой жизни», который вышел из *Шели* и в поисках «спокойного места, где мог бы быть в единении с Богом» пришел в *Салге*, где на горе построил себе жилище, названное его именем – *МагIомIе*. Были у *МагIо* змея-лехъ, говорящая по-человечески, ручная птичка-хьазилг и звезды *миха-седкый* в сундуке, «повелевавшие ветром». Он похоронен у построенного им же храма *МагIо ерд* на гребне *Зюгал дукъ* (90; С.173).

Безусловно, чулхойский первопредок *МагIо* соответствует общегалгайскому *Га* или *КIинде*. Также как *Га*, *МагIо* был мудрецом, наделенный знаниями по обработке металлов и производству пороха, за что имел соответствующий эпитет - *Сийна молх доагадаь, Аьшка МагIо*, то есть, «Железный Маго, сжигавший синий порох». Кроме того, имеется и топонимическое подтверждение этому: в окрестностях *МагIомIе*, на стыке с ущельем *ИамагIа чIож*, находится значительная горная долина *Гавлахъ*, связанная с эпонимом *Га*.

В другом варианте родового предания чулхой, записанном в 1921 году, *Маг* есть название местности, где поселился *Га*, отец *Галга*, от которых родился их предок *Галмет* (91; С. 220).

Безусловно, *МагIо ерд* есть посвященный культу предков, есть прототип храма *Гавл ерд*. Здесь, так же два раза в год, летом и зимой, жители *Салге* собирались для коллективной молитвы и поминовения предков. Горепекину удалось записать наиболее подробные сведения о том, как отмечался летний праздник поминовения предков в храме *МагIо ерд*. Происходило это в день летнего солнцестояния, так называемое *малх цIаьра боала ха* – «время, когда солнце выходит из дома». Ингуши пользовались особым способом фиксации точного времени, когда светило достигало своего апогея: «когда солнце даст свою тень от косяка дверей высокой башни и эта тень ляжет на заметку другой противоположной

баини». Этот миг называется *эттингий ха*, буквально, «стояния время». Он показывал уход солнца в свой «зимний дом» на полгода. Этот миг также символизировал полное созревание урожая, и, соответственно, начало его сбора. В этот момент жрец начинал всеобщую молитву, обратившись в сторону храма предков. После чего все мужчины во главе со жрецом - *цлан саг* и старейшинами рода направляются для празднества к храму. В храме находятся священные реликвии культа предков: «громадный чугунный котел» - символ культа домашнего очага, «особое знамя нычI», «черный камень» для испытаний подростков на зрелость и *даь жей-Мага жей* - «отцовская святая книга». Празднество продолжалось три дня.

То же самое происходило и во время праздника зимнего солнцестояния, когда солнце возвращается в свой «летний дом» (92; С.175-178).

Примечательно, что вершина *Зюгал дукъ*, где стоит храм предков *МагЮ ерд*, носит у местных жителей и параллельное название *Гюдере*, то есть, «покровительства место», связанное, несомненно, с его культовым значением (93; С.83).

Интересно, что древний ингушский праздник поминовения предков, отмечаемый в периоды наступления *эттингий ха* («солнцестояния время»), трансформировался у их соседей, в «подвижной летний праздник перед началом сенокоса», отмечаемый в «третье воскресенье июля». Пытаясь объяснить непонятное для осетин название культового праздника *атиная*, лингвист Абаев, например, пытался связать его с христианством: «Как не очевиден языческий характер праздника *Атунаег*, его название вполне христианское. В нем скрывается имя святого Афиногена...», - утверждает он, почти безапелляционно (94; С.128). Вместе с тем, факт бытования этого общегалгайского праздника у их соседей осетин, хевсур, мохевцев и пшавов, хотя и в сильно трансформированном виде, свидетельствует о его глубокой древности и распространенности.

Несомненно, *галгайский* культ *Га* имел сильное влияние в осетинских позднесредневековых обществах, возникших, как известно, в результате смещения местных ингушей с пришлыми иронцами. Здесь этот культ, отмечавшийся ингушским населением в соответствующих храмах *Гавь ерд*, потеряв свое исконное значение, трансформировался в «покровителя осы *Аларды*» и стал крайне популярным персонажем в пантеоне позднесредневековых осетинских многобожников (95; С.379).

В фольклоре позднейших осетин сохранились и иные свидетельства почитания культа *Га*, унаследованного от предыдущего населения этих мест. Так, в некоторых осетино-иронских обществах еще в XIX веке сохранялась традиция поминовения племени *царци*. В частности, эта традиция сохранялась у жителей поселения *Нар* в верховьях ущелья р. *Ердан* (Ардон). «День поминовения *царциатов*» – *царциаты барагбон*, так же как и у ингушей, отмечался здесь в *мархий бут*, то есть, в марте. Это происходило на кладбище племени *царци* (96).

У дигорцев, где *царци* известны уже как *нарты*, справлялись аналогичные поминки по нартам, называемые *нарти каенти хист*, то есть, «нартских молодцов поминки» (97; С.195). Прочно вошло в осетинскую религиозную терминологию и ингушский культовый термин *марх*, связанный с весенним и осенним праздниками почитания предков (98; С.95).

Сохранилась у осетин также клятва именем *наьртий кIантий* («нартских молодцов»), аналогичная приведенным выше ингушским вариантам. «Клятва *женицин* именем *нарти каентае* – клятва святая неприступная, и при произношении ее *женицины* почтительно встают с накрест сложенными руками и преподносят в таком виде к челу, говоря: *Нарти каенти стаен соми дин каенун*, то есть, именем *нартовских каентае* (деятелей) клянись тебе. Эта клятва самая верная у *женицин* – она не нарушима и тверда», - сообщает исследователь дигорского фольклора (99).

В своей статье о религиозном индифферентизме осетин один из авторов XIX века сообщает о тонкостях «напутственной речи», произносимой ими над покойником: «Ты хо-

роший, добрый, храбрый человек, должен предстать на лучшем коне перед Барастыром. Советую тебе взять коня у канты. Лошади у того народа имеют оленьи уши, глаза большие блестящие, губы янтарные, зубы слоновой кости, гривы золотые шерсть серебряную. Если у канты все лошади в разгоне, постарайся взять лошадь в табуне св. георгия.... Добыв коня или авсурга, отправляйся на нем к Барастыру...» (100; С.128). Здесь мы наблюдаем отголоски *галгайских* традиций посвящения коня павшему вонну, который на благородном *гиле* должен прибыть к владыке «страны предков» *Эштр*. Примечательно, что конь «канты» ставится выше традиционного осетинского культового *авсурга* св. георгия.

Несомненно, отголоском древнего почитания *галгайского* культа *Га* является и популярный в позднесредневековой Балкарии религиозный праздник *Голлу*, посвященный предкам. Также как праздник *Гаьл цей*, он отмечался весной, в день равноденствия, когда по воззрениям балкарцев, «предки встают из могил». То, что предки у балкарцев прочно ассоциируются с нартами свидетельствует тот факт, что ночь накануне праздника *Голлу* носит название *нарт къонхан кече* – «ночь вставания нартов». Интересно, что праздник *Голлу* у балкарцев заканчивался попомничеством к святылице *Татартун* (101; С.147).

Как известно, район стратегического прохода *Арзе паларге* у городища *Татартун*, некоторые ингушские сказания связывают с актом принятия мученической смерти ингушскими *наьртами* (102; С.108). Вероятно, в этом кроется основная причина культового почитания ингушами городища *Татартун* и его окрестностей, именуемых, кстати сказать, *Деза лавтта* – «священная земля». Как известно, ингуши издревле совершали туда попомничества, освящая клятвы, заключая союзы и т.д. (103; С.171).

Таким образом, мы можем констатировать, что почитание *наьрта Га*, мифического первопредка, дожило у ингушей и у их соседей почти до XX века.

Высказываясь по поводу значения этого некогда сакрального для *галгайцев* эпонима надо отметить, что в архаичном пласте ингушской лексики сохранилось множество слов и выражений, несомненно, связанных с ним: *га* (сущ.) – «защита», «покровительство»; глагол *га дакха* («га получить») – «защитить»; глагол *га доха* («га продать») – «предать»; существительное *гадоахар* – «защитник», «покровитель». К древней лексике относится и живое слово современного ингушского языка *гадоахарг* – название опасного участка пути, проложенного по наиболее короткому маршруту. Последнее объясняется тем, что в таких местах, в том числе, на горных перевалах, ингуши издревле ставили столпообразные сооружения с пирами, которые собственно и носили названия *гадоахарг*, или же близкое ему по семантике *гюдарг* – «помощник». Путники совершали здесь молитву *Всеьшине му Давла* о «заступничестве» в пути и делали жертвоприношение в виде оставленного здесь наконечника стрелы, копья, пули и т.п. предметов (104).

Галга. Следующим в сонме ингушских первопредков идет *Галга*, сын *Га*. Это имя легло в основу наименования древнего нартского племени неслучайно. Ведь у *Га*, согласно различным фольклорным сведениям, были и другие сыновья. В частности, в числе его сыновей некоторые тексты называют *Габбарте* – эпонима кабардинского племени (105; С.11).

Ущелье р. *Ах хий*, где сосредоточены самые известные древние памятники - городище *Кинда Галаш* и могильник *Кинда Имараш* - именуется *Галга кече*, то есть, «Галга котловина». Также как и *Га*, эпоним неотделим от этого живописнейшего уголка горного Кавказа, где тысячелетиями жило и развивалось племя, почитавшее его и связывавшая с ним свое происхождение.

Корни этого эпонима, так же как и этнические корни *Галга* уходят в такую архаичную глубину, что даже знатоки и хранители *галгайской* старины не в состоянии были ее узреть. Приоритет *галгайского* общества, его связь с эпическими *наьртами* отмечают исследователи, изучавшие фольклорные тексты ингушей. «Галгайцы были самым сильным из ингушских обществ; все нарты (богатыри) по преданиям, жили в Галгае...», - пишет один из них, показывая, тем самым, что *Галга* и есть *наьрты*, точнее, их потомки (106; С.65).

«Происхождение Галгайского общества неизвестно, - сообщает Чах Ахриев, прекрасный знаток народного фольклора и его первый исследователь - *относительно чуждых народов галгаевцы держали себя совершенно независимо.... Воинственность галгайцев была причиной того, что соседние с ними племена нередко нанимали их, или платили им дань за защиту от других каких-либо враждебных соседей*» (107; С.4).

Характерная черта галгайцев, унаследованная от *наьртов*-первопредков - свободолюбие и связанный с ним демократический дух, проявляющийся во всех сферах общественной жизни. Ингуши, единственный народ на Кавказе, до конца сохранивший социальную однородность общества и никогда не попадавший в зависимость правителей, своих или чужеземных. «*От самых отдаленных времен до наших дней у них не было потомственной передачи власти от одного лица к другому..., и право суда и расправы принадлежало не старшим в роде, а выборным представителям...*», - сообщает исследователь (108; С.159).

Эта древняя традиция, выдержанная стойкостью и упорством предков, начиная от эпических *наьртов*, была выражена в простой этической формуле «*йоал хьаа маэца – йоал дIаа мале*» («дань не бери – дань не отдавай») и никогда не нарушалась галгаями.

Философия галгай до того, как он добровольно и осознанно пришел в ислам, опиралась на божественный постулат о том, что все люди рождены Всевышним *Давла* равными и свободными, и никто не вправе попадать в кабалу к другому смертному. В таком качестве каждый человек и должен перейти в «мир предков». «*Великий боже! Не доведи нас до такого состояния, чтобы мы пошли на поклон человеку, сделанному из мяса, так же как и мы*», - говорится в молитве, которая произносилась в честь праздника *Гавл ерд* (109; С. 361).

Сохранить такое однородное состояние общества, исключая любые формы социального неравенства и угнетения, позволяло также небывалая привязанность к традициям древних предков, следование их высоконравственным канонам, и обеспечиваемая этим этническая сплоченность галгайских обществ в самые драматические периоды их истории.

Яркой иллюстрацией демократической природы внутренней организации галгайского общества еще в эпическую эпоху являются сказания о *наьртах*. В отличие от всех национальных версий, ингушский эпос полностью лишен аристократического элемента. Ингушские *наьрты* не имеют представления об угнетении и не приемлют покорность силе.

Вопросы общенародной важности в эпоху *наьртов* решались на *пхьегIамле* («сельский круг»; *пхье* – «поселения», *го* – «круг», *мIе* – топоформант) - общественном институте равноправных членов общества. Значение этого слова, сохранившегося и у некоторых соседей галгайцев, раскрывает саму суть собрания, его демократический характер. Древнее собрание это имело своего выборного руководителя - *тхьамаду*. Исходной формой данного социального термина является *ткъя мат*, также связанный, на наш взгляд, с культом предков: *Ткъя мат* - «место *Ткъя*», где *Ткъя* – теоним, «верховный культ» у древних ингушей, *мат* – «место».

В сказании о подвиге *наьрта Куркъя*, наиболее архаичном из ингушских текстов, повествуется о том, как в пещерном ауле у подножия *Баилоам корта* решался вопрос о принесении жертвы «*Всесильному Ткъя*» способом метания жребия: «*Нарты уселись широким кругом около отверстия в пещеру старика, а один из них – на скалу, выдававшуюся в виде навеса над входом в пещеру. Там он обернулся спиной к нартам и бросил через плечо камень вниз...*» (110; С.268).

Позже, после того как нартское племя размножилось до пределов всего *Давкхасте* («отцов удел»), состоящего из *шилIтта шахьаре* («двенадцать обществ»), появился другой представительный общенародный демократический орган, собиравшийся в установленное время и решавший наиболее важные общественно-политические вопросы - *Мехка кхел*.

Галгайский Мехка кхел собирался в месяц *АгIой бут*, соответствующий январю, в последний его четверг- *агIой ера*, когда праздновался «*Великий праздник зимы*» *АгIой цIей*. На его заседаниях подводились итоги года, обсуждались самые насущные общественные проблемы, разрешались гражданские и уголовные тяжбы, решались вопросы войны и мира

и т.д. По сведениям, собранным Албастом Тутаевым, «по окончании заседания годового разбора, все старики всей Ингушетии отправлялись в церковь Тоба-ерды, там услуживали Богу и расходились по домам и к родственникам поздравлять с АзЮй цей» (III).

«Галгайские союзные рода, справив здесь сообща годовой праздник, отправлялись с оружием в руках за сбором дани ко всем окрестным племенам», - сообщает другой исследователь ингушской старины, касаясь культового значения святилища Тушол элгац у храма ТкъабIа ерд (112).

Мехка кхел, в частности, назначал начальника стражи, которая контролировала все проходы, в том числе и древнюю заставу ГIалгIай коашике на р. Эса. Начальник ее, Пхъагал баъре, известен также как герой эпоса о наъртах. В частности, в эпическое время он стоял здесь на страже страны вместе с наъртами Сеска Солса и Куолой кIант (113; С.186). Интересно, что ингушское имя начальника нартской заставы Пхъагал баъре сохранилось и в балкарских текстах эпоса. Князь Исмаил Урусбиев среди имен нартских богатырей, сообщенных им Танееву С.И., называет нарта Пугалу Батырмирза, в имени которого, по нашему мнению, скрывается ингушский Пхъагал баъре (114; С.118).

Интересно, что в этом имени сокрыта управленческая функция. Слово является усечением из пхъа гIала баъре – «сторожевой башни начальник», где пхъа гIала – «общественная (сторожевая) башня», баъре – «начальник», «управитель». Данное обстоятельство служит свидетельством того, что с древнейших пор галгайское демократическое общество имело опыт назначения управленцев на ответственные общественные должности. Об этом же свидетельствует и предание, сообщенное Н.Яковлеву в 1921 году в горной Ингушетии: «Испокон века жили ингуши в Галгайском ущелье. Поперек ущелья была сделана каменная стена, и стояла их стража у единственного входа... Начальником у входа был некий Пхъагал Беарий. Стража и вся страна находились под управлением отца трех селений, отца Беркмихоевых, отца Евловых и Ферта Шоули, устанавливающих законы» (115; С.103).

Известно, что огрузинившиеся позже средневековые ингушские общества Пхий мохк, Бений мохк и другие имели выборных полномочных правителей, именуемых хевисбери -- «ущельный правитель», в функциях которого сочетались элементы вождя общества, судьи и начальника войска.

Вероятно, Мехка кхел в отдаленную эпоху имел опыт избрания и правителя всей «Страны галгасв». Хотя, надо признать, прямых свидетельств этого, в том числе фольклорных, не зафиксировано.

В близкородственной галгайцам Тушетии был популярен фольклорный герой Мекобаури, обладатель чудесного меча, отстаивавший свободу своего народа во главе 12-ти соотечественников (116). Вероятно, также как в имени галгайского наърта Пхъагал баъре сокрыта функция начальника стражи, в имени этого тушинского героя лежит некогда существовавшая у галгайцев функция «правителя страны» - Мехка баъре.

Обе формы древних институтов демократического правления ингушей, пхъегIамIе и Мехка кхел, дожили до нового времени.

Накануне начала российской колонизации, во второй половине XVIII века Гильденштедт, Штедер и другие путешественники застали у галгайцев развитые в социально-экономическом плане общества, управляемые демократическими институтами.

Галгайские плоскостные общества Ангушит, Шолхе, Ахки юрт, Галашике и Ариите, раскинувшиеся на землях равнины наъртов Гарма аре с запада на восток от сторожевого урочища Зоуврче до старого менового центра ГIуларе, противостоя непрерывным атакам дружин кабардинских, ногойских и кумыкских княжеских элит, берегли древние республиканские традиции самоорганизации общества. «Эта нация, которая называется обоими названиями (кисты и ингуши), может выставить приблизительно 5000 боеспособных мужчин. Она совершенно свободна и не подчиняется никакому князю, как почти все

остальные кавказские народы...», - пишет наиболее осведомленный источник того времени об общественно-политическом положении *галгайцев* накануне начала колонизации Кавказа русским царизмом (117; С.36).

Далее, касаясь вопроса общественно-политического устройства *галгайских* обществ, он сообщает, что «они, как свободный народ, выбирают себе говорящего старшину и судью...» (118; С.240).

Паллас, посетивший Кавказ в 1793 году пишет о *галгайцах*, как «о честнейших и храбрейших людях, борющихся за свою независимость, подчиняющихся только своим старшинам или жрецам...» (119; С.279).

Русский разведчик Штедер, проникший к *галгайцам* в 1781 году под прикрытием, отмечает у них нравственные и физические черты настоящих эпических *наьртов*: «При гостеприимстве, при всеобщей их доброте, при похвальном равномерном распределении того, что дает им счастье и случай... предстают более человечными, чем наши алчные благовоститанные люди. Они чрезвычайно худые, высокие с легкой походкой, крепкие и неутомимые. Внешне они свободные, дикие и серьезные. Все их чувства проявляются искренне и открыто. Презрение к жизни считают они добродетелью, малейшее проявление страха – большим пороком, поэтому они безрассудно отважны», - сообщает он (120; С. 217).

Периодически перед *галгайским* обществом вставал вопрос о сохранении древних демократических устоев. Периодически появлялись властолюбцы, которым не давало покоя привилегированное сословное положение владельцев окружающих народов. Тогда все общество спланивалось и разрешало эту проблему, иногда - миром, а порой - войной. Таких примеров в фольклоре сохранилось множество.

Трагически закончилась, например, попытка стать властителем у *Барахой Канта*. Общество поднялось и уничтожило его в собственном замке (121).

Мержойский *Кант Ланча Шахмарза* поступил также, убив властолюбца *Миатхана*, вознамерившегося сделать народ своим данником (122; С.108-109).

Общеизвестен пример легендарного старца *Ивизда Глазда Эгикальского*, мудрость которого позволила членам *Мехка кхел* бескровно отвергнуть княжеские притязания *Аьжий Ахка* (123; С.103).

Характерно, что и мержойский *Шахмарза* и эгикальский *Глазд* для образного объяснения причины неприятия обществом притязаний властолюбцев используют осла – «нечистое» и неблагородное по представлениям ингушей животное. Такой метафорой, они показывали отношение вольного народа к властолюбцам и покорности.

Посетивший «Страну галгаев» в 1811 году немецкий путешественник, восхищенный его свобододолюбивыми жителями, пишет, что они «...только кровными узами и общим языком объединенные в единый народ при полной свободе, радостно пользуются искусной силой руки для того, чтобы достать, что им весело, и которые при такой свободе кромсают все свое счастье» (124; С.114).

А фраза *галгайца* «Над своей *напахой* я не вижу ничего, кроме звездного неба» (125; С.156), высказанная Энгельгардту в ответ на пожелание пойти под покровительство России, вдохновило немецкого поэта Гёте на стихотворение «Свободомыслие», ставшее настоящим гимном свободы для новой Европы (126).

Таким образом, как свидетельствуют эти источники, накануне продолжительной и беспощадной колониальной войны, развязанной на Северном Кавказе российским самодержавием, племя *Галгай*, считающее себя наследником эпических *наьртов*, продолжало сохранять почти в первозданном состоянии древние традиции демократического общественно-политического устройства. Этим обеспечивалась социально однородная внутренняя организация, исключая любую форму порабощения и угнетения, монотеистическое религиозное миропонимание, а также высокие морально-нравственные ценности, оставленные им предками.

О значении и древности этнонима *гIалгIай* высказывались многие авторитетные кавказоведы. Крупнов уверенно привязывал к этому этническому наименованию античный этноним гаргарей, известный из трудов Страбона.

«В виду согласованности показаний археологических, антропологических и этнографических материалов с историческими и лингвистическими данными о гаргареях Страбона отождествление этого племени с ингушским племенем «галгаи», обитавшим в Ассинском ущелье до настоящего времени, нам представляется наиболее вероятным», - пишет ученый (127; С.75).

Из других письменных источников о древности эпонима *ГIалгIа* прежде всего свидетельствует грузинская историческая хроника. Согласно сочинению Вахушти первой половины XVIII века, *Глигви* является внуком легендарного *Дзурдзука*, «*владыки над сыновьями Кавказа*» (128; С.150).

Албанский средневековый историк Моисей Каганкатвацци, в перечне названий некоторых местностей Кавказа, приводимых в своем труде, отмечает местность *ГIгач*, в котором несложно распознать удел *ГIалгIа - ГIалгIаче* (129; С.41,57).

Исконная архаичность этнонима *гIалгIай* среди наименований других ингушских позднесредневековых обществ неоднократно подчеркивалась исследователями. После расселения ингушей по самым разным уголкам Кавказа это племенное наименование неизменно продолжало сохраняться за жителями горного общества *Кхаь кхаьле*, локализованного в долине р. *Эса*. Очевидно, это связано и с тем, что здесь сосредоточено наибольшее количество культовых сооружений, древних захоронений и сакральных мест, относящихся к племенному эпониму. Основная часть существующих этногенетических преданий также подчеркивает неразрывную связь эпонима с этой горной долиной.

Грузинские ученые, исследовавшие этноним *гIалгIай*, проанализировав множество этнографических сведений о происхождении отдельных фамилий и поселений ингушей, пришли к убеждению, что все они являются «частью целого цикла, который ведет к первородине ингушей» и «приобретают определенную достоверность», когда «находят подтверждение в параллельных преданиях самостоятельного происхождения и в памятниках материальной культуры».

Далее они заключают: «По этим материалам устанавливается, что прослеживаемым по преданиям одним из древнейших этнических пластов ингушей являются *гIалгIа...*» (130; С. 33).

Племенное самоназвание ингушей *гIалгIай* сохранилось также в языках их соседей. В частности, племя чеченцев, которое, по мнению многих исследователей, опирающееся в том числе, и на этногенетические предания, сложилось в позднем средневековье в результате смещения, в том числе, переселенцев из *галгайских* гор с обитателями кумыкских и ногайских предгорий, сохранило наиболее близкий к оригиналу фонетический вариант – *гIалгIан*.

Язык хевсур, пшавов и мохевцев, южных соседей ингушей, также сохранил близкую к оригиналу форму – *гIалгIю*.

Иронцам, западным позднесредневековым соседям ингушей, ассимилировавшим значительную часть ингушского населения, хорошо известен этноним *калга/кулга* (131; С.314). Он, в частности, нашел свое отражение в текстах нартского эпоса. «В языке нартского эпоса сохранился близкий к ингушскому источнику фонетический вариант», - комментирует исследователь, отмечая наличие топонима *Калга* в текстах, записанных от осетинских сказителей (132; С.113).

В верховьях некогда сакрального для ингушей *Санибай мохк* - Санибанского ущелья отмечены топонимы, в которых содержится несколько искаженный вариант рассматриваемого этнонима: *Колка* – печально знаменитый ледник; *Калкай* – старое название одной из значительных вершин Казбекского массива, ныне известной как Джимара (133).

Разгадка значения этого древнего этнонима является трудноразрешимой задачей, которая, однако, не входит в предмет настоящего исследования.

Как известно, самое популярное, но не самое убедительное объяснение этнонимом получено путем сопоставления с ингушским же названием жилой башни – *Гала*. То есть, якобы, *Галагала* – «житель крепости» (134; С.54).

Среди существующих других известных этимологий наиболее оригинальным выглядит вариант, предложенный Горепекниным. Он полагал этноним древнейшим и связывал с названием «священной небесной кобылицей *гила*», которую ингуши почитали. «В числе многих названий, придаваемых нашим ингушам, названия *гал-гай* или *гел-гай* и *ан-нах* есть древнейшие.... Группа *Галга* называется потому, что с древнейших времен, в числе святых небесных, в ... почитании была у них одна звезда, называвшаяся священной кобылицей – *гила*, а в Ассинском ущелье на горе *Гель-ерды-корт* стоит досель катипе священной кобылицы, покровителя народа *Галь-ерд...*», - писал он, анализируя фольклорные сведения, полученные им от ингушских старожилов (135; С.14-15).

Самые неожиданные сведения об этом эпониме и его значении мы получаем из текстов различных национальных версий нартского эпоса. Сравнительный анализ их, в том числе, с существующими этногенетическими преданиями о происхождении ингушей, обнаруживает многозначительную деталь, позволяющая говорить об устойчивых соответствиях между племенным эпонимом *Галга* и именами родоначальников основных нартских кланов различных национальных версий кавказского эпоса – *Алага*, *Алауган*, *Алагон*, *Элига* и т.д.

Связь эта столь важна, что полученные положительные данные могут позволить по-новому взглянуть на многие важные вопросы нартоведения, в частности, на проблему генезиса этого памятника. Ниже мы подробнее остановимся на некоторых параметрах этих соответствий.

Клинда. *Клинда* – одна из центральных фигур ингушского фольклора. Причем эта фигура не столько мифическая, сколько эпическая. Хотя, крайне сложно выстроить линию разграничения между мифологическим составляющим некоторых текстов древнего ингушского фольклора и эпическими сказаниями о *нартах*. Кроме того, сюжеты текстов ингушского нартского эпоса настолько сильно переплетены с этногенетическими преданиями о первопредках, что говорить о них вне этой взаимосвязи, также почти невозможно. С одной стороны, *Клинда* является сыном *Галгала* – племенного эпонима, фигуры полумифической, который, казалось бы, напрямую не связан с нартским эпосом. С другой стороны, *Клинда* – отец прославленного *нарта Клинда Шоа*. С третьей стороны, сын *Галгала* *Клинда* женат на *вампале* – великанше, персонаже явно мифическом, которая родила *нарта Шоа*. В силу последнего обстоятельства *нарт Клинда Шоа* в народном представлении наделен превосходными физическими качествами, которые позволяют ему доминировать в силе и мощи над всеми остальными *нартами* своей эпохи, в том числе, над *орхустойцем Сеска Солса* – самым именитым из них.

Определяющим же свидетельством того, что *Клинда* не мифологический персонаж, и не просто абстрактный эпический герой, а реальное историческое лицо, жившее на Кавказе, вероятнее всего, в эпоху бронзы, являются вышеназванные значительные памятники материальной культуры ингушей – мегалитические городища *Клинда Галаши* и древние могильники *Клинда Имараши*.

О месте и роли *Клинды* в полумифическую и эпическую эпоху истории племени *Галгай* повествует значительное количество фольклорных текстов, главные из которых имеют этногенетическое содержание. Эти тексты явственно показывают место его в ряду этнических прародителей ингушей и подчеркивают его неразрывную связь с указанными памятниками.

В примечании к одному из нартских сказаний профессор Д.Мальсагов приводит следующее генеалогическое древо *галгайцев*:

«У *Гана* был сын *Га*, у *Га* был сын *Галга*, у *Галга* был сын *Клинда*, у *Клинды* был сын *Шоа*. *Шоа*, сын *Клинды*, жил в селении *Эмашка*» (136; С.241).

Эпоним *Ган*, отец *Га*, в текстах фиксируется крайне редко. Упоминание о нем в форме *Ганпа* содержится также в фамильной генеалогии *Габги-набкъан*. В других источниках упоминаний о нем нет, и большинство известных генеалогических таблиц ингушей не знают предков дальше *Га*.

Несомненно, под селением *Эмашка* здесь имеется в виду городище *Кинда Глалаш*. Уже было сказано, что информаторы путают между собой схожие названия городища и могильника. То, что *Кинда*, так же как и его сын *Шоа*, проживали в городище на поляне *ОвлартIе*, является свидетельством неразрывной связи имен этих персонажей и названия городища.

Другой вариант этого же этногенетического предания, записанный в первой половине XX века, содержит более обширные сведения о первопредках и об их происхождении: «*Вай да Кинда Шаьмара венав. ПалгIайче хейнав из ваха. Сеска Солса йоI йоалайир цун воIа, Шоа яхачоа. Цул тIехьагIа яхлагIча даькъа кхаьчача, кхо воI хиннав цун – Аьгеи, Хамхеи, ТIаргамхой...*» (137; С. 23-26). Этот вариант, сообщенный 80-летним *Довтом Аувии-набкъан*, опускает эпонимы *Га* и *ПалгIа*, называет *Кинда* «нашим отцом», то есть, родоначальником *галгайцев*. А сыном его был знаменитый *наьрт Шоа*, которого женили на дочери *Сеска Солса*. В шестом поколении от них родились братья *Аьги*, *Хамхе* и *ТIаргам*. Сообщается, что *Кинда* пришел в эту страну из местности *Шаьме*.

Из других преданий известно, что отцом этих трех братьев, то есть потомком *Кинда* в шестом поколении был *Аьлберд*, память о котором, как мы выше отмечали, ярко отразилась в местной топонимии и памятниках материальной культуры.

Эту же картину передает и генеалогическая таблица фамилии *Габги-набкъан*, приводимая Танкиевым А.Х. *Наьрт Ганпа* был родоначальником ингушей. От его сына *Га* идет *Галга*, который был отцом *Кинда*, от которого идет *наьрт Кинда Шоа* (138; С.43).

Впервые имя сына *ПалгIа Кинда* было зафиксировано в источнике XIX века, почти в то же самое время, когда Головинский опубликовал свое сообщение о могильниках «*Тинды-амриж*». За 40 лет до записи, сделанной от *Довта Аувии-набкъан*, не позже 1887 года, в поселении *Мерже* того же Бамутского ущелья, где Головинский фиксировал руины «*Тинды-амриж*», Долбежев от муллы Довлет-Гирея записал предание о родовых первопредках *мержсой* и *цечой*, несколько адаптированный к новым религиозным реалиям: «*Жители Мериджи и Цечи-Арки были первыми поселенцами мест в долине, которую они и сегодня занимают. Они происходят из арабского полуострова, недалеко от городов Мекка и Медина, из города Шеми.... Собственно их было только двое: отец Кумбий и его сын Кундишу. Вскоре Кумбий умер и Кундишу остался здесь. Это наши родоначальники. Кундишу имел двух сыновей: Мираш и Курчуло...*» (139; С.5).

Как видно, имя легендарного *наьрта*, этнического первопредка *Кинда Шоа*, сообщенное старожилом *Мерже*, Долбежев передал в несколько искаженной форме – *Кундишу*.

Фиксация данного варианта предания о первопредках в местности, которая далеко отстоит от городища *Кинда Глалаш* в *ОвлартIе*, является косвенным свидетельством того, что аналогичное мегалитическое городище, связанное с родоначальником *Кинда*, находилось и в *Мерже*.

Прототипы *галгайского* первопредка *Кинда* широко известны в самых разных национальных версиях нартского эпоса. Причем почти в каждом тексте он неизменно выступает в качестве отца богатыря *Шоа*.

Есть и другие параметры, которые позволяют надежно идентифицировать эти прототипы с *галгайским Кинда*. В частности, сведения о его несметных богатствах, о жене-великанше, о его замке и т.д.

Несмотря на то, что осетинский вариант нартского эпоса посвящен в основном подвигам богатырского клана *Ахсарттагата*, соответствующий роду *орхустой галгайского* эпоса, имя *Кинда* широко известно и осетинским текстам. Хотя надо заметить, что этот герой

и его более знаменитый сын оказались за рамками выстроенной иранистами теории о трех нартских родах, якобы, соответствующих трехфункциональности древнего индоарийского общества. *Кандза* и его сына *Сауая* исследователи не сумели идентифицировать в качестве представителей одного из трех нартских родов.

Однако, более пристальный анализ, в том числе, тех же осетинских текстов, позволяет признать в нем главного, после *Алага*, представителя нартского клана *Алагата*, более того, даже предводителя всего нартского племени.

Так, нарты в одном месте называют *Кандза* «наш господин», (140; С.83) а в другом тексте сообщается о том, как *Кандза* «собрал свой нартский народ» (141; С.27).

Кандза среди нартов был богачем. Он был настолько богат, что «его табунам и стадам не хватало все просторы земли» (142; там же). Как видно, эти качества роднят его с *Кинда*, который также имел несметные богатства, в том числе, огромные стада «беломордых синих коров» (143; С.372). Как известно, *наьрт Шоа*, сын *Кинда*, отдал *Сеска Солсу* за дочь *урду* в виде невероятного количества коров, от которых «на лице его... появилась улыбка». Тем самым сказание сообщает о богатстве сына *Кинды*.

Также как у *Кинда*, был у осетинского *Кандза* сын *Сауай*, которого вырастили в расщелине ледника, (144; С.446-464) и жена, злая великанша, у которой «один зуб достает да неба, а другой до конца земли» (145; С.34).

Также как *Кинда* был главой нартского племени *Галгай* и жил в башенном поселении *Кинда Галаши*, *Кандз* осетинских текстов стоял во главе всех нартов и жил в укрепленном замке-галуане (146; С.27). В некоторых текстах даже названа его фамилия – *Кантдзита* (147; С.297), которая нартоведами считается «производным от его же имени собственно-го» (148; С.24).

Возможно, прототипом *Кинда* является и известный персонаж осетинских сказаний, имя которого имеет несколько огласовок – *Канты сар* (*Кафты сар*, *Канцы сар*, *Тынты*), считающийся алдаром (маликом). *Канты сар*, согласно некоторым сказаниям, стоял во главе нартского племени. Хотя, в осетинских текстах и нет прямых указаний о том, что *Канти сар* соответствует *Кандзу*, но его имя, переводимое с осетинского как «кантов глава», позволяет уверенно соотносить его с *Кинда*, главой *галгайских клантов*. Авторитет *Канты сара* среди нартов был столь высоким, что представители рода *Ахсартагата* семь лет добивались у него приема, чтобы попросить военной поддержки в своей вражде с *Бората* (149; С.345).

В адыгских текстах *Кинде* соответствует *Канж*, отец *Шауая*. *Канж*, старший из 18 сыновей нартского кузнеца *Дабеча*, оставшись без невесты, вынужден был жениться на дочери эмигена – «великанши». Она родила ему сына, игравшего огнем, который вырос на ледяной вершине *Ошхамахо*, питаясь сосульками льда, вместо материнского молока. (150; С.391,397). То есть, адыгский прототип *Кинды*, также женат на великанше и имеет сына *Шауая*, вскормленного льдом.

Карачай-балкарским текстам известен идеальный нарт *Генджакешауай/Карашауай*, сын *Алаугана* и великанши, являющийся, судя по сложному имени, совмещенным образом отца и сына, *Кинда* и *Шоа* (151; С.181). Имя *Генджакешауай*, адаптировавшееся в карачай-балкарском языке также в форме *Карашауай*, очевидно, сложилось при усвоении кабардинского варианта его ингушского оригинала - *Генджа-ко-Шауай*, то есть, «Генджа сын Шауай». Это подтверждается и зафиксированной кабардинской формой – *Кенджико Шауай*. На наш взгляд, уже форма *Генджа/Кенджа* является стяжением от исходной формы *Кинда Шоа*.

Известен *Кинда* и рачинцам в форме *Гендже*, где он, также, приходится отцом нарта *Шавая* (152; С.64-69).

Кинда Шоа – славный галга и непревзойденный наьрт.

Как видно, связующую роль в разрешении вопросов, поставленных в настоящем исследовании, играют тексты народного эпоса о *наьртах*. Уже на заре нартоведения было признано, что ингушские тексты эпоса относятся к наиболее древним.

Опровергая позицию нартоведа Мелитинского о том, что зарождение нартовского эпоса совпадает по времени с образованием аланского военно-племенного союза, что его древнейшие циклы занесены на Кавказ праноязычными племенами, крупнейший кавказовед Крупнов Е.И. отмечает, что «*нартский эпос, причем в наиболее архаичных формах, бытовал у таких кавказских горцев, как ингуши и чеченцы, не говоря уже об абхазах, связь которых с аланскими племенами была наименее возможна*» (153; С.33).

Многие столетия для каждого из поколений *галга* жилища *Кинда Галаш*, возведенные из огромных каменных блоков, были символом богатырского прошлого их далеких предков. Связь их с эпическими *наьртами* издревле была закреплена в народе тем, что они прочно привязаны к именам самых знатных *галгайских наьртов*: *Кинда*, пришедшего на берега р. *Эса* из легендарной страны *Шайма*, и его сына *Шоа*, рожденного от великана *валтала* и питавшегося священным льдом. Как было выше отмечено, богатырские образы *наьртов Кинда* и *Шоа*, отца и сына, по существу неотделимы от мегалитических памятников *Овлартле* и их многочисленных аналогов на территории Центрального Кавказа. Размеры этих древних жилищ соответствуют народным представлениям о силе и могуществе эпических предков. Только такие богатыри, наделенные громадной физической силой, способной складывать жилища из гигантских каменных блоков, могли побеждать по народным представлениям одноглазых великанов-валталов, многоголовых драконов-сармаков или многосильных духов *довидиваж*.

Как видно, архаичность некоторых сюжетов ингушского эпоса сродни возрасту циклопических башен, предварительная датировка которых говорит об их глубокой древности. Установление тесной генетической связи между этими мегалитическими памятниками и наиболее архаичными текстами нартского эпоса *галгайцев* создает уникальную предпосылку для закрепления относительно точных хронологических рамок периода возникновения нартского эпоса. Другими словами, возраст памятников *Кинда Галаш/Кинда Ёмараш* может послужить в определенной степени достоверным ориентиром для датировки общекавказского эпоса.

Научная обоснованность мнения Крупнова Е.И. о том, что возникновение нартского эпоса относится к эпохе позднего бронзового века и непосредственно связано с этнически родственными племенами, создавшими, в частности, знаменитую кобанскую культуру рубежа II-I тысячелетий до н.э., (154; С.71) получает в этом свете и в этих памятниках дополнительные весомые аргументы.

Как было отмечено выше, *галгайские* этногенетические предания неотделимы от сказаний о *наьртах*. *Наьрты*, в том числе и представители рода *орхустой*, являются эпическими предками *галгайцев*. «*Каждая фамилия ингушей, кичась одна перед другой своею древностью и геройством, твердо хранит фамильное предание, и богатая фантазия ингуша к ним прибавляет много фантастического, легендарного, родоначальника же возводит в ореол святости, а себя часто производят прямо от богов и нартов (богатырей)*», - отмечает один из первых исследователей ингушских текстов (155; С.61).

Поэтому происхождение и место обитания *наьртов* полностью совпадает с этнографическими сведениями о происхождении и месте обитания *галгайских* предков.

Мы отмечали, что представление о *Га*, его сыне *Галга* и его внуке *Кинда* сохранилось лишь в названиях глубоко почитаемых храмов, культовых мест, древних построек и могильников, а также в предельно кратких генеалогических преданиях, религиозных гимнах и ритуалах. Содержательных сюжетов о богатырских деяниях этих *наьртов* не зафиксировано. Их потомок же, *наьрт Кинда Шоа*, предстает в памяти

народа уже как крайне деятельный эпический герой, совершающий многочисленные подвиги во имя общественного блага. Сюжеты о его богатырских деяниях со многими подробностями все еще рассказываются *галгайскими* старожилками, как деяния славных предков.

В отличие от первых *наьртов*, сотворенных «всесильным Ткъя», сражавшихся исключительно с мифическими существами, а также в богоборчестве добывавшими для нартского племени культурные блага, *наьрт Кинда Шоа*, помимо того, что сражается с *сармаками*, *вампалами* и *дивами*, вынужден противодействовать и уже «небогатырским» проявлениям характеров представителей нартского племени.

Являясь современником *орхустойца Сеска Солса* и его дружины, представляющих собой позднейший нартский род, *Кинда Шоа* часто соприкасается с ними, демонстрируя при этом образцы идеальной нравственности и морали, оставшейся от предков - ранних *наьртов*.

Кинда Шоа живет в построенном отцом городище из мегалитов со своей семьей: матерью-*вампалом* и женой, дочерью *Сеска Солса*. У него есть вернейший друг – *гила*, вещий богатырский конь, помогающий в поединках с враждебными существами, а также *довт* – меч, которым он рубит головы чудовищам. Еще одним достоянием *наьрта*, вероятно, доставшийся от предков, был чудесный *аьлха* – оселок, которым заживляются раны.

Вместе с тем, сказания о *Кинда Шоа* предельно кратки и лаконичны. Это свойство ингушских текстов, давно отмеченное исследователями, служит свидетельством их арханчности. Не удивительно, что большинство сказаний о нем имеют генеалогический оттенок, поскольку самые разные галгайские фамилии возводят к нему свои корни. Поэтому, при обзоре сюжетов эпических сказаний о сыне *Кинда* сложно обойти этот момент. Он более всего подчеркивает неразрывную связь героя с древнейшими памятниками *Галгая*, а также показывает его место в группе «обожествленных» этнических первопредков. Говоря о его отце *Кинде*, мы привели основные фрагменты из них. Теперь же более подробно остановимся на сказаниях, в которых раскрываются основные черты богатырского характера *Кинда Шоа*, то есть, всего того, за что народ признал в нем одного из главных героев своего эпоса.

«*Аьга кхьаьла гьйна доацаш Кинда Имараш яхаш кашмаш да. Цига моцагIа Кинда а цун воI Шоа а ваьхав. Да а венна Шоа висача хана, цунга сар вайтав йоах, Сеска Солсас: «Хьо волча хьоашалгIа воагIаргвар со, хьо раьза хуларе». «Цу денна, - аьннад, - вола. Лакхе гIолла ва мукъа витац аз хьо. Лохе гIолла, Iарамха йисте гIолла вола», - аьннад Шоас. Сеска Солса шийца Iел-маьлхе уха Боткыйй Ширткъя волаш, шийна мукъ беннача гIолла Кинда Шоа вахача Галийга кхьачав», - сообщает сказание, записанное в начале 30-х годов XX века (156; С.114-115).*

В этом сказании наглядно показано место, которое *Шоа* занял после смерти своего отца в условной иерархии героев эпоса. Когда *Кинда* умер, в гости к *Шоа* напросился *Сеска Солса* – глава сильного нартского рода, живущего по соседству. *Шоа* указал ему день и определил направление, по которому он может навестить его. Несомненно, последнее обстоятельство, идущее в разрез со священными нормами приема гостей, свидетельствует о неких малопривязанных отношениях, сложившихся на тот момент между двумя известными *наьртами*. Причем, тон их общения показывает, что именитый гость предельно сдержан и чувствует себя перед сыном *Кинда* не настолько самоуверенно, насколько это предполагает общение героев равных достоинств. Некомфортно чувствует себя *орхустоец* и в обществе матери *Шоа*. Поступки *Сеска Солса* и сдержанная реакция на них сына *Кинда* демонстрируют приоритет личного статуса последнего, в представлении народа.

Из этого фрагмента также явствует, что *Сеска Солса* и сопровождавший его *Боткыйй Ширткъя* жили на западе от *Кинда Галаш*, поскольку они добирались вдоль р. *Iарм хий*, правого притока р. *Тиирк*.

Другое сказание повествует: «*Хамхана лалла вахаш хиннав Киндий Шоа. Соска Солсай Дала теха хоа йоI я, аьнна, хеза хиннад цуна. Цун йоI йодае дагадеха хиннад Киндий Шоана...*» (157; С.113-114).

Здесь также отмечается, что *Кинда Шоа*, живущий рядом с поселением *Хамхе*, что соответствует расположению *Кинда Галаш* на поляне *ОвлартIе*, надумал похитить дочь *Сеска Солса*.

«*Ша буаши хьакхийна наьрт хиннав Эс-Чюжсах уллача шахьаре вахаш вола Кьиндий Шоа...*», - сообщает о местожительстве героя в ущелье р. *Эса* еще одно сказание, записанное в позднейшее время (158; С.116).

Таким образом, эти короткие фрагменты из текстов нартских сказаний, неотделимые от вышеприведенных генеалогических преданий, свидетельствуют, что в городище *Кинда Галаши*, также как и его отец, жил *наьрт Шоа*. Каких-либо иных вариантов локализации места жительства *наьрта Кинда Шоа* сказания не приводят.

Будучи одним из ключевых фигур ингушского эпоса *Кинда Шоа* не уступает по авторитету и популярности ни одному *наьрту*, в том числе и своему именитому оппоненту *Сеска Солсу*. Хотя, надо признать, что сказаний о нем дошло до нас намного меньше, чем о *Сеска Солсе*.

Физическая мощь *наьрта* невозможно рассматривать в отрыве от характеристики его матери-*валпала*. В сказаниях, фрагменты которых приведены выше, делается акцент на то, что мать *наьрта Шоа*, жена *Кинда*, обладает богатырской силой. Даже от легкого прикосновения ее руки ломаются кости у *наьрта Сеска Солса*. Поэтому, при появлении гостей *Кинда Шоа* вынужден привязывать свою мать цепями, чтобы она не навредила им.

Другая богатырская черта *наьрта* выражена в эпитете «*ша буаши хьалкхийна*», то есть, «*росший, употребляя лед*». Последнее обстоятельство, по народному поверью, также обеспечивало ему здоровье и долголетие.

Шоа, обладая чудодейственным *аьлха* - «оселком», вылечил однажды своего гостя *Сеска Солса*, у которого от прикосновения руки его матери произошел перелом бедра (159; С.372).

Нравственно-психологический портрет же героя подстать народным представлениям о «*благословенных предках*»: отце *Кинда*, деде *Галгла* и прадеде *Га*.

Сказаний, повествующих о богатырских поступках *наьрта Шоа*, записано не так уж и много. Причины здесь, безусловно, не в малораспространенности или скупости таковых. За всю историю ингушского нартведения ни разу не предпринималась попытка организовать экспедицию для сплошной записи сказаний о *наьртах*. Не сделано это было даже в самое плодотворное для исследовательской деятельности десятилетие существования Ингушской автономной области. Не сделано это и в шестидесятые-семидесятые годы XX века, когда нартские исследования в соседних республиках переживали бум.

Наиболее популярные из записанных о *Кинда Шоа* сказаний связаны с изгнанием из пределов родной земли многоголового *сармака* - «дракона», который залег высоко в горах у водного источника. Кроме приведенного выше сказания «*Сармак бизсар*», при сборе топонимической лексики автором записаны фрагменты еще нескольких сказаний, отражающих этот мотив.

Одно из них связано с горным отрогом *Сармако цюг дийтта дукъ* и скалой *Кинтия тур кхийтта берд*, что в окрестностях с. *Галашка* ущелья *Эса Чюж*. Некий всадник на крылатом коне «*ткьамаш дола гила-говра*» по имени *Кинтия* погнал *сармака* с вершин ущелья *Эса Чюж* вниз. Чудовище залегло было на вершине *Меск курт*, однако, *наьрт* своим мечом атаковал его и здесь. Тогда, *сармак*, ударив хвостом по ближайшему хребту и пробив отрог *Матхал дукъ*, уполз на север, в сторону *Гулара атагле*. От следа уползшего дракона, якобы, и появилось русло р. *Эса* (160).

Сказание «*Хьувза Галми*» с аналогичным мотивом связано с народным поверьем об образовании русла реки *Галми*. На этот раз двенадцатиголового *сармака*, захватившего

водный источник у подножия *Башилоам корта* прогнал некий «*Эс чожах вавха цхьаккха кхерам чубосаи воаца наьрт*» («неустрасимый нарт из ущелья р. Эса»), который, восседая на коне, своим мечом *моакхаза тур* рубил чудовищу головы до самого *Аргле наларге*, то есть, района современного Эльхотова. По каналу, проложенному уползавшим от ударов *наьрта сармаком*, с гор потекла река *Галми*, которая за свое извилистое русло получило в народе эпитет *хувза Галми* – «извилистый Галми» (161). Хотя информатор и не помнил имени *наьрта*, но то, что он был из «*Эса чоже*», то есть, ущелья р. Эса, убеждает нас в том, что речь идет о *Кинда Шоа*. Кроме того, сказитель привел здесь еще один эпитет этого героя – «*кхерам чубосаи воаца наьрт*», то есть, «неустрасимый».

Интересным по своему содержанию и этнографическому наполнению является сказание об эпических делах *Кинда Шоа* другого рода. В давние времена, когда горные ущелья были переполнены и *галгайцам* потребовались новые земли, сын *Кинды* во главе 12-ти *наьртов* спустился в *Тарс аре* и в конском состязании в мяч-*тхьемаз*, состоявшемся на поляне *Канта аре*, расположенной в окрестностях *Ангушта*, одолел дружину 63-х *довиж* и, таким способом, завладел этой предгорной равниной (162).

В этом древнем повествовании впервые фиксируется дружина *Кинда Шоа*, в которую кроме него входит еще 12 *наьртов*. Нартский *глар* противостоит *дивам*, которые по представлениям народа были духами. Интересен в этом сказании и мотив конского состязания в мяч-*тхьемаз*, отголоски которого дожили у ингушей до XX века. Это сказание, кроме прочего, призвано объяснить возникновение некоторых топонимических единиц района *Тарс аре*, в частности, полян *Канта аре*, *Галгай аре* и *Инаьха кьамарг*, раскинувшихся вдоль берегов р. *Галми*. Кстати, здесь же, у реки *Галми* стоит высокая антропоморфная стела *Наьртий кхера*, которую по преданию «*поставили нарты после того, как отобрали Галгай аре у вамполаж*» (163).

Наьрт Кинда Шоа, наряду с такими героями ингушского эпоса как *Сеска Солса*, *Села Сата*, *Хамчий Патараж*, *Боткхий Ширткья* и *Наьсар*, популярен почти во всех национальных версиях общекавказского эпоса.

Совпадения нартских имен, обильные примеры сходства сюжетов нартского эпоса у различных народов ученые объясняют однородностью и единством материальной культуры и этнической среды северокавказцев той эпохи.

Варианты же имени героя, также как и имени его отца, у разных народов звучат по-разному: *Шаой* у кабардинцев, *Сауай* у осетин, *Шауай*, *Карашауай* у балкарцев, *Сеуай* у бжедухов, *Шава* у сванов и т.д.

Почти во всех версиях, в частности, у карачай-балкарцев и адыгов, это наделенный силой и доблестью герой, возвращенный в трещине ледника. В некоторых версиях, прототип *наьрта Кинда Шоа* менее популярен, или же вовсе не известен.

Адыгские тексты знают этого героя хорошо. *Шауей*, сын *Канжа* и эмигена *Нарибгея*, был в числе самых храбрых и сильных нартвов, занимавший достойное место на нартском *Хасе*. Он же прославленный среди нартвов наездник и охотник. Особенной чертой его характера сказания отмечают аскетизм. Великанша родила *Канже*, старшему сыну нартского кузнеца *Дабеча*, ребенка, «*игравшего огнем*», которого ведунья *Сатаней* отнесла на ледяную вершину *Ошхамахо* и оставила в ледяной колыбели, где он рос, питаясь вместо материнского молока волшебной водой от ледяных сосуллек. Когда он подрос, *Сатаней* отправила его на поле нартвов. Там *Шауей* из табуна нартвов выбрал для себя «*кауорого коня*» *Джамидеж*, способного говорить по-человечески. Сатаней нарекла его «*именем Шауей, что означает «неустрасимый»*» (164; С.391-400).

Помимо схожих черт, которые роднят его с *Шоа*, кроме того, что он сын *Канжа*, прототипа *Кинда*, и великанши, а также имеет самую непосредственную связь со льдом, у *Шауея* с *Шоа* также похожи и характеры. Они оба наделены бесстрашием, выдержкой и скромностью. Имя *Шауей* не имеет объяснения из адыгского языка.

Наиболее глубоко образ этого героя просматривается в текстах карачаевцев и балкарцев. Здесь он является идеальным героем. Он – самый сильный, мужественный и скромный из нартовских богатырей, о котором даже *Ерюзмек*, прототип *галгайского Сеска Солса*, говорит, что «*победить Караишауая может только Бог*» (165; С.250).

Как мы отмечали, его имя у карачай-балкарцев фиксируется в нескольких лексических вариантах. Вариант *Караишауай*, очевидно, является более поздней адаптацией исконной формы в тюрко-язычной этнокультурной среде с прозрачным компонентом *кара* – «черный», «великий». Вариант *Генджакешауай*, зафиксированный в XIX веке, не получил у исследователей объяснения. В примечании к первой публикации сказания приводится еще более пространственный вариант имени нарта – *Кенд-жоскаев-Кара-Шауай*, из которого компонент *Шауай* объяснено как кабардинское «грозный юноша» (166; С.78).

В этих вариантах отчетливо просматривается составной компонент *Кенд-жос*/*Генд-жа*, в котором не сложно распознать искаженное стяжение имени *наьрта Кинда Шоа*. То есть, очевидно, что в карачай-балкарских текстах имена отца и сына, *Кинда* и *Шоа*, совмещены в имя единого эпического персонажа.

Также как у ингушей, у карачай-балкарцев нарты выступают как этнические предки. При анализе основных элементов эпоса двух народов, также как и многих составляющих их духовного наследия, обнаруживается целый комплекс удивительных сходжений, свидетельствующих, безусловно, о единых корнях их происхождения. На некоторых из них, связанных с предметом настоящего исследования, необходимо заострить внимание.

Подобно тому, как галгайских *наьртов* сотворил и поселил у подножия *Бацлоам корта* «*всесильный Ткъа*», карачаево-балкарских нартов сотворил и поселил у подножия *Минги-тау* «*великий Тейри*» (в текстах дореволюционной публикации – *Тха*).

Так же как *наьрты*, поселенные у *Бацлоам корта* обладали самыми возвышенными нравственными чертами, нарты *Минги-тау* были «*самым честным и воинственным племенем на земле*» (167; С.459).

Тейри/Тха сотворил нартов в числе двадцати - кузнеца *Дауата* и 19 его сыновей. Число двадцать, *ткъо*, как известно, носило у ингушей сакральный характер и, несомненно, связано с культом *Ткъа*. Судя по тому, что у балкарцев, также как у ингушей, применяется двенадцатичный счет, это число имело сакральное значение и для балкарцев.

Также как *галгайские наьрты* в качестве главных противников имели «*нартов-людоедов*» (168; С.264), а также чудовищ *валталаш*, *сармакаш* и *диваж*, карачай-балкарским нартам *Тейри* поручил истребить на земле «*драконов, эмегенов и прочих чудовищ*», а также «*не смешиваться с враждебными племенами, практикующими людоедство*» (169; С.459).

Дед нарта *Караишауая*, карачай-балкарский *Дауат* обучает своих сыновей «*добывать и плавить руду, ковать металлы, делать орудия труда, оружие, изобретает крылатую колесницу и т.д.*» (170; С.459).

Прадед *наьрта Кинда Шоа Га* был *къовда* («кузнец по железу») и имел кузню «*Хьий-на турпал довташ хьадо Гаь пхьоале*», где он изготовлял оружие для *наьртов*.

Кузница *Дауата* стояла у горы *Тырмы-тау*. Здесь же он добывал себе руду для железа. (171; С.14).

По сообщению Албаста Тутаева, в районе *ОвлартIе* находилась легендарная крепость *галгайцев Тараме*, существовавшая еще задолго до возникновения *Аьгий хьаьле*, *Хамхе* и *Таргам*. *Галгайцы* занимались здесь различными ремеслами: кузнечным делом, металлообработкой, изготовлением оружия и пороха, изготовлением кожи и кожаных изделий. А.Тутаев ассоциирует эту крепость с поселением *Кинда Галаш* (172). В «Сказании о кузнеце» сообщается, что *наьрт Кинда*, живший в *ОвлартIе* «*был одаренный Богом мастером, обладавший многими ремеслами, в том числе кузнечным*» (173; С.264).

Матери героев, ингушского и карачай-балкарского, являются великаншами, соответственно, *валталом* и *эмегеном*. Последнее обстоятельство, по народным представлениям ингушей и карачай-балкарцев, есть черта, усиливающая физическую мощь героев.

Не менее существенным моментом, объединяющим ингушского *Клинда Шоа* с карачай-балкарским *Карашауай*, а также со всеми их прототипами из других национальных версий богатырского эпоса, является их устойчивая связь с такой физической субстанцией как лед - *ша*. Эта связь, кроме прочего, позволяет подойти и к разгадке значения имени прославленного *наьрта*, о котором мы поговорим ниже.

Еще одна, определяющая, на наш взгляд, общая черта *Клинда Шоа* и *Карашауая* состоит в том, что у них общий предок. Выше мы упомянули о лексической и фонетической близости двух эпических имен, ингушского *Глалга* и карачай-балкарского *Алаугана*. Если *Карашауай* есть предводитель нартского рода *Аликовых/Алаугановых*, идущего от его отца *Алаугана*, то *Клинда Шоа*, как мы показали, есть родоначальник нартского племени *Глалгай*, идущего от его деда *Глалга*. То есть, генеалогическая цепочка первопредков ингушей фактически накладывается на генеалогическую ветвь первопредков карачаево-балкарских нартов. Эта параллель, обнаруживающаяся при сравнительном анализе ингушских и карачай-балкарских эпических текстов, раскрывает глубину и значение самоназвания ингушей, позволяет говорить об эпониме *Глалга*, как о едином для большинства национальных версий прототипе имени родоначальника главного нартского клана.

В осетинских текстах прототип *Клинда Шоа* *Кандза Сауай* – как бы эпизодический герой. Гаглоев справедливо отмечает, что сказание осетин «О славном сыне Чандза - маленьком Сауай» (174) «близко карачаево-балкарскому «*Шауай*» (у Урусбиева) и «*Генджакешауай*» (у Дьячкова-Таравсова)» (175; С.110).

Его типологическое родство с *Клинда Шоа* просматривается и здесь очень четко. Вопреки мнению об эпизодичности его роли в национальной версии. *Сауай*, сын *Кандза*, в некоторых текстах назван в числе выдающихся нартских воинов (176; С.243).

Мать *Сауая*, также как в карачай-балкарской, адыгской и ингушской версиях, наделена чертами великанши: узнав, что *Урузмаг* выдает дочь *Азуиду* за *Сауая*, ее мать *Сатана* воскликнула: «Отдал ты нашу дочь на погибель тому, у которого мать очень злая женщина. Она съест нашу дочь. У этой женщины один зуб достает до неба, а другой – до конца земли» (177; С. 34).

Кроме того, *Сауай*, также как и его балкарский двойник, вырос в расщелине ледника и вскормлен волчицей своим молоком (178; С.446-464).

То, что в осетинских текстах нарт *Сауай*, сын *Кандза* не назван представителем клана *Алагата*, как бы является препятствием для того, чтобы считать его прототипом *галгайского Клинда Шоа*. Думается, проблема здесь сугубо техническая – отсутствие в сказаниях соответствующего указания об этом. Несомненно, *Сауай* есть полный прототип ингушского *Клинда Шоа*, внука *Глалга*, также как и карачай-балкарского *Генджакешауая*, сына *Алаугана*. «Имя *Сауай* идет, по видимому, из черкесского, где оно известно, как имя родоначальника бжедухского владетельного рода», - писал Абаев В.И., неудачно пытаясь объяснить значение этого имени (179; С. 251).

В абазинском эпосе также существует целый цикл о нарте *Шауае*, сыне *Канджа* (180; С. 298, 303). Хотя в некоторых текстах его отцом указан *Татар*.

У горных рачинцев записано сказание «Алауган», которое повествует о похождениях нарта *Шавая*, сына *Гендже* (181; С.64-69).

Сванам также известен нарт *Шавай* (182; С.84-85).

Здесь важно отметить неожиданный, на первый взгляд, факт того, что *наьрт Шоа*, также как и его отец *Клинда*, вовсе неизвестен чеченскому фольклору. В чеченских текстах отсутствуют и какие-либо сведения о мегалитических памятниках *Клинда Глалаш* и могильниках *Клинда Измараш*. Эти обстоятельства вступают в противоречие с известными этногенетическими преданиями чеченцев о том, что легендарный первопредок их, также как и родоначальники некоторых известных фамилий, возводят свои корни к *галгайцам* (183; С.22).

Это противоречие существенно усугубляется при сравнительном анализе чеченских и ингушских текстов о *наьртах*. Чеченцам не ведомы не только основные герои *галгайского* эпоса, но и многие основополагающие понятия и категории этого древнего фольклорного памятника. Лишь небольшая часть чеченцев, связывающая свои корни с *галгайцами*, сохранила отголоски сказаний о *наьртах*. Основная же часть их воспринимает *наьртов* как крайне враждебное племя, причем, часто ассоциируемое с соседними *галгайцами*.

Остановимся, вкратце, на наиболее существенных различиях, содержащихся в чеченских текстах о *нарт-эрстхойцах* и ингушских текстах о *наьртах*.

В чеченских текстах, первая запись которых принадлежит У.Лаудаеву, наьрты являются врагами чеченцев, их завоевателями и угнетателями (184). Им постоянно противопоставляются различные чеченские народные герои, такие как *Тинавин Вису* и другие (185; С.168-172). Некоторые тексты прямо говорят о том, что эти злые исполины есть предки *галгайцев*. Так, в сказании, записанном Горепекиным в начале XX века от 95-летнего чеченца Д.Кодтоева, сообщается, что «*наьрты были древние предки ингушского народа*», ходившие по свету и «*причинявшие зло повсюду*» (186; С.20).

В то же время *наьрты* ингушских сказаний предстают настоящими *клантами* - «рыцарями» с самыми благородными качествами, от которых *галгайцы* выводят своих предков и с которыми связаны многие древние памятники их материальной культуры (187).

Чеченские тексты вовсе не знают *орхустой*, не имеют представления о дружине *Сеска Солса*, родине *орхустой*, их количестве, именах и т.д. Не знают, в частности, бестрашного *Хамчи Патаража*, *Оаршамар Эрша*, *Орзми* и других *орхустойских* дружинников. *Сеска Солса* же известен лишь среди жителей Аргунского ущелья, где влияние ингушской культуры было определяющим. *Нарт-эрстхой* чеченских текстов не имеют отношения к эпическим *орхустой* и прочно ассоциируются с *арштхой* - представителями ингушского позднесредневекового общества, граничившего с чеченцами (188; С.130-131).

В то же время *орхустой* ингушских сказаний являются дружиной одного из нартских родов, происходящих из *Санибай мохк* - *галгайской* прародины, расположенной в районе северного Приказбечья. Она состоит из 63-х воинов этого рода во главе с *Сеска Солсом*, которая, хотя и вступает часто в противоборство с другими *галгайскими наьртами*, но, в случае опасности, всегда сражается с ними против общих врагов. В конечном итоге, *орхустой*, узнав, что являются причиной исчезновения *фаьрал*, принесли себя в жертву ради благополучия *галгайского* племени (189; С.2).

Чеченским текстам не известен древний *галгайский* культ «*всесильного Ткъя*», сотворившего богатырское племя *наьртов* и поселившего его на склонах *Башлоам корта*. В то же время на ингушской земле этот теоним, которым назван главный храм, обильно отложился и в топонимии: *Ткъяблар хий* - правый приток р. *Эса*; *Ткъяблар члож* - горное ущелье; *Ткъя корт* - параллельное название г. *Башлоам корт*, *Ткъярша* - целительный источник ледяной воды на склоне *Цийле* и т.д. Этот культ широко известен также адыгам в форме *Тха*, и карачай-балкарцам, в форме *Тере* или *Тха*.

Чеченским текстам неведома свирепая *Дардза нанилг/Химиха нана*, жена *Ткъя* и мать *Дардза къонгаиш*, которая своим «*петушиным криком*» отгоняет смельчаков, дерзнувших, вступив на заповедные льды *Башлоам корта*, проникнуть в пещеру, чтобы освободить прикованного к скале *наьрта Куркъя*, сына *Сусуркъя*, добывшего для *наьртов* барашек и тростника; (190; С.198-214).

Этот женский культ и связанные с ним мотивы широко известны другим национальным версиям, в частности, карачай-балкарским текстам; (191; с.103)

- в чеченских текстах отсутствует всякое представление о внутренней организации нартского общества, о ее социальной структуре, об общественных институтах.

В то же время согласно текстам ингушского эпоса, *наьрты* жили в социально однородном обществе, члены которого все вопросы решали на всенаьртском *пхьегламле*. Ин-

гушские тексты различают *наьртов*, *наьртов-людоедов*, а также *вампалов*. Кроме того, *наьрты* делятся на «верхних» и «нижних», обитающих на склонах *Баишоам корта*;

- как уже было отмечено, чеченские тексты не имеют представления об одном из главных героев кавказского богатырского эпоса *Кинда Шоа/Генджакешауай/ Карашауай/Канжа Шауей/Саауая*, сына *Кандза*, известного почти всем национальным версиям. В ингушских же текстах он, первопродок *галгайский*, является основным истребителем *вампалов*, *сармаков* и *дивов*. Он же соперник и зять *Сеска Солса*, унаследовавший физическую мощь от матери-*вампала*, а благородство и отвагу от своих предков: отца *Кинда*, деда *Галга* и прадеда *Га*. Этот герой крайне популярен также у карачай-балкарцев и адыгов. По этногенетическим преданиям ингушей с ним связаны циклопические башни *Кинда Глалаш* и древние могильники *Кинда Эмараши*, которые сохранились повсеместно в ущельях *Галгайиче* и соседних регионов;

- чеченские тексты имеют лишь отрывочные представления о *Сатихе/Сели Сат* – прототипе основной героини ингушского эпоса *Саты*, дочери громовержца *Селы*, матери *наьрта Сеска Солса*;

- чеченским текстам неведом пронырливый «*Эл-Малхе уха Боткбий Ширткъа*» – одна из популярных фигур ингушского эпоса, известный почти всем национальным версиям, даже мингрелам под именем *Мейр Батоко*. Нет у них представления о *Давла Эл* – «обители предков» и ее правителе *Эитар* – *Эл да*.

- чеченцам не ведом могущественный *наьрт Куолой Кант*, сражавшийся с *вампалами*, и однажды наказавший *Сеска Солса*, который дерзнул напасть на него. Этот сугубо ингушский персонаж известен, тем не менее, также осетинским текстам (192; с.160).

- чеченским текстам не известен *наьрт Навсар*, хранитель *галгайской* равнины *Гарма аре*, столь популярный как у ингушей, так и у адыгов, карачай-балкарцев и осетин, а также его соперник на равнине *наьрт Ачамаз*, один из популярных героев эпоса, широко известный адыгам, карачай-балкарцам и осетинам;

- чеченским текстам неведомы *вампалаши* – основные противники *наьртов*, война с которыми является одним из главных их предназначений. *Вампалаши* же *галгайских* сказаний, также как и карачай-балкарские *эмингены*, адыгские *эмигены* или осетинские *уаиги* занимают значительное место в эпосе. В конце концов, *наьрты* сумели известить этих одноглазых великанов из *Галгай мохк*. На топонимической карте довольно ярко отразились народные представления об этих мифических гигантах: *Вампалий корта* и *Вампал ахк* – горная вершина и ущелье в верховьях р. *Ткъаблар хий*; *Вампал хьаст* – водный источник в районе древней овчарни *Маглай джесл*; *Вампал лараши* – цепь гигантских углублений на северном склоне *Цей лоам* над лугами *Бейшии*; *Вамполож кхерий тийсаче* – местность с валунами в окрестностях г. Беслан современной Северной Осетии; *Кхера хьахинна вампал* – скала на вершине *Майт лоам* и т.д;

- чеченским текстам не известно сакральное в ингушском фольклоре эпическое число *кховзткъе кхов* – 63, которым определяется, в том числе, количество *орхустой* в нартской дружине *Сеска Солса*. Оно хорошо знакомо также карачай-балкарской версии эпоса и т.д. и т.п.

Несомненно, истоки значительной удаленности чеченцев от эпоса, крайне негативного восприятия ими богатырского племени лежат в общем негативном фоне взаимоотношений, складывавшихся между ингушами и чеченцами в определенные исторические периоды. По представлениям, бытующим в среде чеченцев, *галгаи* и были останками некогда враждебного им нартского племени. Также как *наьртов*, чеченский фольклор воспринимает их как племя, с которым они находились в непрерывной вражде. Причем, совпадают и некоторые черты, которыми чеченцы характеризуют своих противников *нарт-эрхустой* и *Галгай*: чрезмерная гордость, надменность, пренебрежение к противникам и т.д. Причем, только чеченские тексты ассоциируют *наьртов* с *аритхой-эртхой* – соседним им *галгайским* плоскостным обществом (193; С.130).

Множество самых разнообразных источников, зафиксированных как в XIX веке, так и в течение XX века, свидетельствует, что задолго до начала колонизации Кавказа царской Россией чеченцы и ингуши были настолько разобщены, что для определения состояния их взаимоотношений уместно применить словосочетание «перманентная вражда». А в период колонизации, в результате активной провокационной политики царизма, эти взаимоотношения достигли крайней своей остроты.

Гильденштедт, первый и наиболее осведомленный о народах северо-восточного Кавказа российский агент, перечисляя 46 ингушских сел и округов, которые «*состоят между собой в хороших отношениях*», противопоставляет их «*народам*», которые живут «*возле прочих рек, впадающих в Сунжу, составляющих другую партию, которая настроена против этой, и которую обычно называют чеченской*» (194; С.242).

Штедер, побывавший здесь с разведывательной же целью через десять лет после Гильденштедта, отмечает тяжелую участь карабулаков-*аритхой*, которые в результате постоянных стычек с превосходящими их числом чеченцами и их владельцами оказались в таком бедственном положении, что просят под покровительство России. «*Они горько оплакивали себя из-за чеченцев.... Постоянные тревоги измотали их; их лучшие воины пали в защите их достояния, и почти ничего более не осталось от этого народа, кроме малолетних несмышленных детей. Они умоляли о защите их русскими...*», - пишет он (195; С. 208).

А первый чеченский этнограф уже во второй половине XIX века отмечает, что назрановцы и шатойцы «*были непримиримыми врагами чеченцев на плоскости и на Тереке: они грабили и убивали друг друга*» (196; С.16). Как известно, шатойцы, имеющие ингушское происхождение, были окончательно ассимилированы чеченцами лишь в позднейшее время.

Основную причину этого противостояния исследователи видели в религиозном антагонизме, возникшем, якобы, вследствие того, что чеченцы, живущие на плоскости, раньше начали исповедовать ислам, в то время как ингушские общества обратились к этой вере намного позже.

Надо сказать, что такая точка зрения не представляется достаточно убедительной и аргументированной. По сообщению грузинского царевича, жители крупного плоскостного *галгайского* общества *Ангуит*, контролировавшего стратегически важный Дарьяльский проход, еще в первой половине XVIII века исповедовали ислам сунитского толка (197; С.151). Ислам во второй половине XVIII века исповедовали и выходцы из *Чурча Аритте* - жители восточного плоскостного общества *галгайцев*. Тем не менее, проблема негативных взаимоотношений *ангуитхой* и *аритхой* с соседними народами существовала в ту пору во всей остроте. Чеченцы, в составе дружин своих владельцев, совершали непрерывные вылазки против ингушских обществ, причиняя им беды и страдания.

В свою очередь, ингушские *Глаьры* беспрестанно нападали на владения чеченских феодалов и уводили княжеские табуны. «*... Галгай и Аритхой всегда воевали с соседями чеченцами и кабардинцами, когда же вздумали однажды заключить перемирие, то женщины воспротивились этому, говоря: «Что же будет делать тогда молодежь?»*», - передает старое предание *аритхойцев* Фома Горепекин (198; С.25).

Главная причина таких взаимоотношений, на наш взгляд, заключалась в совершенно разном общественно-политическом и социальном устройстве *галгайских* и чеченских обществ.

Как было выше отмечено, *Галгай* издревле жили по законам, которые строжайше пресекали какие-либо формы социального разобщения. Республиканские традиции здесь были незыблемыми, любая форма порабощения отвергалась.

Чеченцы же, сформировавшиеся в результате смещения выселившихся горцев с разноэтническим населением плоскости, жили во владениях кумыкских, аварских и кабардинских княжеских элит, выплачивая им унижительную подать. Архивный источник 1762 года,

в частности, констатирует, что Мичик и Гихы находились во владении князя Каплана. Топлы – во власти Казбулагова, Алды – во власти Турлова и т.д. (199; С.78-82).

Гильденштедт также отмечает, что «чечены имеют князей. Правящая фамилия Туркан состоит в родстве с Ауар-ханом...» (200; С.36, 243).

Это обстоятельство, несомненно, формировало известное пренебрежительное отношение вольнолюбивых *галгайцев* к своим соседям. «Плативших ясака, горные соплеменники осмеивали и упрекали, называя их *лай*, то есть, *холопами*», - писал Лаудаев об этом явлении (201; С.24).

Известен факт, когда уже после падения Имамата Шамнля потомки бывших кумыкских владельцев чеченских плоскостных поселений добивались от военно-колониальной администрации России восстановления сословных прав над чеченцами. «Кумыкские князья пытались, используя помощь русских властей, вернуть утраченные права» на чеченцев, - сообщает об этом архивный источник (202; С.65).

Перманентная вражда с западными соседями, взаимное пренебрежительное отношение соседей друг к другу нашло отражение и в фольклоре чеченцев. Особенно ярко это проявляется в чеченских текстах о *нарт-эртхой*.

Орхустой – последний нартский клан.

Итак, *наьрты* по представлениям ингушей, есть обобщающее наименование всего богатырского племени, которое было «создано всемогущим Тга после того, как он сотворил лучшее украшение Вселенной – снежного великана Башлоам-корта...» (203; С.264).

Они славились «неслыханным мужеством, храбростью и гордостью». Наиболее славными из них, особенно отличавшимися этими качествами, были предки тех, которых Ткья поселил у Башлоам корта.

Чах Ахриев сообщает, что *наьртов* «народ изображает как людей в высшей степени добрых и нравственных», отчего слово «*наьрт* сделалось между ингушами нарицательным именем» (204).

Наьрт во! санна ва! («Сыну нарта подобен, есть!»), восклицают до сих пор ингушские старожилы, желая отметить тот или иной акт благородного проявления со стороны молодого человека. У этого выражения есть и другая форма, более употребляемая в настоящее время – *Клант ва!* («Рыцарь есть!»). Очевидно, архаичные лексемы *наьрт* и *клант* являются в ингушском языке словами-синонимами, характеризующие носителей лучших человеческих качеств. Многие прославленные *галгайские наьрты* носили эпитет *клант*: *Куолой клант*, *Ахкарой клант*, *Барахой клант*, *Баьркимхой клант* и т.д.

Архаичные ингушские фольклорные тексты повествуют, что после того, как непорочное племя *наьртов*, обитавшее у подножий священных ледовых вершин *Башлоам корта* и *Шатле*, выполнило свое основное земное предназначение, истребив *вамталов*, *сармаков*, *дивов*, а также *нартов-людоедов*, на земле наступила эпоха *фаьрал ха* – «время земной благодати». Земля в эту эпоху была сплошь населена идеальными *наьртами*, «людьми в высшей степени добрыми и нравственными», и она была «до того благодатна, что если сжать ее в кулак, то из нее вытекала капля масла», - пишет Чах Ахриев, имевший преимущество делать наиболее «свежие» записи *галгайских* сказаний о далеких предках (205).

Некоторые сведения, полученные от ингушских старожилков называют это время также эпохой *мингал хий мийна фу*, то есть, время долгожителей, проживавших долгую и счастливую жизнь. (206) *Наьрты* не знали, что такое злость, зависть, обман и жестокость. Ингушские сказания довольно ярко отражают народные представления об этой эпохе (207; С.58-62).

Закат эры «благословенных предков», времени всеобщего благоденствия, ингушский фольклор определяет как *газа мож ага ха* («время, когда шелохнулась борода козы»). Это

время, когда *миха седкъя* («звезда ветров»), выпущенная из сундука *Га/МагIo*, выйдя из повиновения, удалилась на небо и на земле начали дуть злые ветры, когда *фаъра хъазилг* («птица благодати») улетела из страны *наъртов* на чужбину. Эта эпоха, когда смертные, нарушив божественную заповедь, вступили на священные льды *Баилоам корта*, а тропа, ведущая к таинственной «пещере изобилия» *Фаъра хъах*, была окончательно забыта смертными и т.д.

Именно в это время на эпической арене появляются *орхустой* - организованная военнизированная дружина богатырского племени. Их появление символизирует собой наступление эпохи заката нартского духа, утраты значительной части нравственного наследия предков. С дружиной *орхустой* дурные предзнаменования в стране *наъртов* начинают нарастать с неизбежностью. Народ напрямую увязывает с ней свои беды и лишения. Некоторые тексты, например, связывают потерю *фаърал* непосредственно с появлением на свет *наърта Хамчи Патаражса*. «Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло.... Он же, родившись, принес несчастье всему человечеству», - повествует одно из древних сказаний (208; С.402).

Наърты этой эпохи «обмельчали» не только духовно, но и телесно. Лишь отдельные *наъртий клантий* оставались в *галгайской* стране от бывшего племени богатырей. *Кинда Шоа*, *Куолой клант*, *Оахкарой клант* и другие одиночные *наърты* продолжали хранить возвышенные нравственные ценности, оставленные предками, когда появилась санибанская дружина. Их встреча показала, что последние являют собой пример глубокой деградации духовных ценностей *наъртов*. *Орхустой* не гнушаются самых дурных поступков, их богатырские деяния часто сопровождают коварство, вероломство, жестокость и зависть. В сказаниях «Сеска Солса и тазовая кость» или «Сеска Солса и вампал», проявляются такие отрицательные черты предводителя дружины *орхустой*, как изворотливость и подлость. В противоборстве же с *Куолой клантом* он проявляет самое непристойное коварство (209; С.316-317, 328-329, 490-492). То есть, *орхустоец* не гнушается того, чтобы, обманув *вампа-ла*, завладеть его женой, или увернувшись от удара, спасти свою жизнь, или же, подослав к противнику девушку, лишить его сил и т.д. По мнению народных сказателей, они являются людьми «злыми, коварными и завистливыми» и по этой причине истинные *наърты* ведут с ними непрерывную борьбу (210).

Народ считает, что главная причина такого состояния кроется в утрате *орхустойцами* древней мудрости. *Вампал*, оживленный *Даъла* по просьбе *Сеска Солса*, поведал ему о нравах предыдущих *наъртов*: «Люди испортились – мужественный воин должен смело принимать удар, а не прятаться как трусливая старуха.... Люди не знали коварства, зависти и подлости. Старшие заботились о младших, младшие чттили старших. Честь ценнилась превыше всего» (211; С.58-61).

Но, тем не менее, *орхустой* остаются *наъртами*, дух предков продолжает жить в них до конца. В конце своей земной эпопеи они впадают в глубокое раскаяние от своих дурных поступков. Некоторые из них предпринимают активные попытки исправить сложившуюся ситуацию. В частности, они пытаются привлечь мудрость предков, живущих в *Даъла Иэл*, принося от них в *Даъла Маълхе* различные культурные достижения – мельницу и т.д.

Их отчаяние от осознания своей причастности к народному горю доходит до крайностей. *Хамчи Петаражс*, например, предпринимает попытки лишить себя жизни, чтобы вернуть людям *фаърал*. Недобившись своего, он, при посредничестве *Боткбий Ширткъя*, проникает в «мир предков» и добивается у его владыки *Эштар* частичного восстановления утраченной по его вине земной благодати (212; С.402).

В конце концов, осознав тщетность своих усилий, *орхустой* предпринимают отчаянный, в то же время предельно возвышенный шаг самопожертвования – принимают добровольно мученическую смерть, выпив расплавленную медь. Тем самым они поступают как подлинны *наърты*, принося себя в жертву благополучию потомков.

Хотя надо отметить, что сам способ самопожертвования показывает, что даже в момент смерти они не изжили из себя такой порок, как гордыню.

Народ глубоко проникся их подвигом. Место принятия *орхустой* мученической смерти, теснина *Арҕе наIарге*, обрело в преставлениях ингушей статус *деза лаьтта*, «сакральной земли», куда совершались ежегодные полонничества. Глава рода, *Сеска Солса*, стал в народе восприниматься как святой. Его соратника *Хамчи Патаражса* же считали примером высшей доблести, храбрости и самопожертвования. Род *орхустой* погиб не весь. По сообщению Ч.Ахриева, *эбанхой*, выходцы из древнего поселения *Балта* в теснине р. *Тийрк*, обитавшие в XIX веке в непокорном замке *Эбан*, является единственным *галгайским ваьром*, который возводит свои корни непосредственно к *наьртам-орхустой*.

Таким образом, очевидно, что в ингушских сказаниях *наьрты* подразделены на две основные группы.

К первой группе, изначальной, относятся *наьрты* с почти идеальными нравственными характеристиками, происходящие от единой генеалогической цепи первопредков *Гал-Галҕа-Кинда-Шоа*. Эту группу можно условно назвать *галгайской*. Ее позднейшая локализация есть живописная долина р. *Эса*, куда ее ранние представители переселились из легендарной прародины *Шаьме*. *Галҕай* есть племя *наьртов*, распавшееся позже на многие родовые подразделения, образовавшие современных ингушей.

Ко второй группе относятся *орхустой*, представляющие собой организованную дружину *наьртского* рода позднейшей эпической эпохи с сильно деградированными нравственными представлениями. Она появилась в долине р. *Эса* из *Санибай мохк*.

Если *наьртов-галгайцев* было неопределенное количество, то есть, по существу ими охватывалось целое племя, то *орхустой* насчитывается шестьдесят или шестьдесят три воина, и, как сообщает Ч.Ахриев, «все они одного происхождения».

«Местом действия как *орхустойцев*, так и *наьртов* служит *Галгаевское ущелье*. Между тем постоянное жительство этих героев, как уверяет сказание, есть *Осетия*, именно *Санаби...*», - удивляется Чех Ахриев (213).

Между тем, это «странное обстоятельство» находит свое разрешение в другом сообщении ингушского этнографа о том, что корни *галгайских наьртов*, как и корни самих *галгайцев* ведут из этой же *Санаби* (214).

Появление *орхустой* из *Санибай мохк* демонстрирует *наьртскому* племени обитающему на берегах р. *Эса*, что их прародина, земля, откуда пришли первопредки, претерпевает существенную подмену нравственных ценностей.

Эпические *Галҕай* и *орхустой* соотносятся как целое и часть. Более того, народ относится к ним, как к представителям старшего и младшего поколений своих «благословенных предков». Это, по сути, отражение народных представлений об идеальных первопредках и их начавших морально деградировать потомках.

О неразрывной духовной и генетической связи дружины *орхустой* с нартским племенем *Галҕай* свидетельствует, в частности, знаменитый валун *Сеска Солса чхьар*, который лежит на берегу р. *Эса* к северу от нартской заставы *Галҕай коашке*. *Орхустоец Сеска Солса* умер на этом валуне в непрерывной молитве «за грехи своего народа», оставив глубокие выемки от прикосновения колен, рук и лба. Горцы верили, что когда эти выемки сотрутся, «народ избавится от своих недостатков» (215). Примечательно также, что валун этот лежит у подножия вершины *Гайл ерд курт*, где находится главный храм *галгайских* предков *Гайл ерд*.

Могила же *Сеска Солса*, а также храм в его честь, расположены рядом с другим храмом *галгайских* предков - *МагIo ерд*.

Аналогичную картину двойкой природы нартского племени позднейшей эпохи демонстрируют тексты основных национальных версий богатырского эпоса. Проблема падения идеальных нравов в нартском обществе, негативные проявления характеров некоторых ге-

роев эпоса, а также вызванное этим соперничество между представителями двух нартских кланов, актуальны для основных национальных версий эпоса.

Выше мы показали пример фонетической и лексической близости имени ингушского родоначальника *ГалгIа/Галга* с такими нартскими эпонимами, как карачай-балкарский *Алауган*, осетинский *Алага*, адыгский *Алига* и т.д. Во всех национальных версиях *Галга/Алага/Алауган/Алига* выступают древнейшими представителями нартского племени, родоначальниками главных нартских фамилий: *гIалгIай/алагата/алаглары/алиджа*.

Особенно наглядно проявляется близость ингушских текстов в этом вопросе с карачай-балкарскими сказаниями. Также как и ингуши, карачаевцы и балкарцы осмысливают нартов, как своих далеких предков. Также как дед *наьрта КIинда Шоа, ГалгIа*, является общеплеменным предком ингушей, карачаево-балкарский нарт *Алауган*, отец нарта *Генджакешауай*, есть первопредок карачаевцев и балкарцев.

Обозначенной двойкой природе ингушских *наьртов*, состоящих из *галгаевской* и *орхустойской* групп, возглавляемых *КIинда Шоа* и *Сеска Солса*, в карачай-балкарских текстах соответствуют два нартских клана – *алаугановский*, который возглавляет *Алауган*, и *усхуртуковский*, который после гибели *Усхуртука* возглавляет *Ерюзбек*.

У карачай-балкарцев, также как у ингушей, оба этих рода считаются предками. «*Тауду-ланы улу башы эки тукъум болгъандыла – Деуетлары бла Усхуртуклады*» - «*Начатком карачаево-балкарцев были два рода – Дебетовы и Усхуртуковы*» - сообщает балкарское сказание (216; С.3).

Также как сугубо *галгаевским* *КIантам КIинда Шоа, Куолой КIант, Ахкарой КIант* и другим противостоят *орхустоевец* *Сеска Солса* и его дружинники, основным соперником *алаугановского* *Карашауая/Генджакешауая* выступает *усхуртуковский* *Ерюзбек* и его сын *Рачикау*. «*В карачаево-балкарском красной нитью проходит мотив борьбы Аликовых и Суртуковых – «умных» и «смелых»,* - утверждает исследователь (217; С.314).

Также как *галгаевский КIинда Шоа* становится зятем *орхустойца* *Сеска Солса, алаугановский Карашауай* женится на дочери *Ерюзбека* *Агунде* из клана *Усхуртуковых* (218; С.466).

Последнее обстоятельство, породнение главных семей двух кланов, послужило в обеих национальных версиях поводом для окончательного прекращения клановой междуусобицы и установления прочного мира и единства между *галгайцами/алаугановцами* и *орхустойцами/усхуртуковцами*.

Предельно схожи также черты характеров представителей двух кланов, отраженных в текстах обеих версий. Подобно ингушским *орхустой*, *усхуртуковым* по народным представлениям свойственны хитрость, коварство, гордыня, в то время как представители *алаугановых*, в особенности, *Карашауай*, показывают примеры идеальных нравов. «*В отличии от Ерюзбека Алауган совершенно не стремится к власти*», - констатирует один из таких примеров исследователь карачай-балкарских текстов (219; С.465).

Также как *орхустой* ингушами, карачай-балкарцы воспринимают *усхуртуковых* как родовую дружину, состоящую из шестидесяти, или шестидесяти трех нартов. «*Есть род Усхуртуковых. У них шестьдесят молодецев. Старший Ерюзбек, младший – гордец Рачикау*», - сообщает карачай-балкарское сказание (220; С.141). Причем, всех членов дружины *Ерюзбека* некоторые тексты называют «братьями», подчеркивая их клановое родство.

Такое обилие соответствий между эпическими текстами, несомненно, сближает два древних народа, показывает их некогда единую духовную основу. Надо отметить, что, несмотря на пережитые трагические годы репрессий, карачай-балкарские исследователи сумели во многом наверстать упущенное в деле записи эпических сказаний. Занимая ущелья, прилегающие к величайшей нартской вершине, карачай-балкарцы тысячелетия находились в самом эпицентре мифологии и фольклора древнего Кавказа. И поэтому, неудивительно, что записи, сделанные в Балкарии и Карачае, отдают первозданной архаикой, позволяющей проникнуть в самую суть и глубину зарождения эпоса.

Двойственная природа нартского племени отчетливо прослеживается и в осетинских сказаниях. Вопреки доминирующей в осетинском нартоведении позиции иранистов о том, что племя нартов, подобно кастам древних индоиранцев, состояло из трех родов, разделенных по социальным функциям, здесь, также как у ингушей и карачай-балкарцев, выделяются два основных нартских рода – *Алагата* и *Ахсартагата*. Основные сюжеты сказаний завязаны вокруг деяний представителей этих двух родов. Тексты сказаний сообщают, что родоначальники этих двух фамилий, *Алаг* и *Ахсартаг*, «считаются *parti saer* «главами нартов» (221; С.282).

Также как львиная доля ингушских текстов повествуют о богатырских деяниях *орхустой*, в большей части сказаний, записанных в Осетии, восхваляются богатыри из рода *Ахсартагата*, а доблестные поступки богатырей рода *Алагата* менее известны. Осетинские тексты, не в пример ингушским и карачай-балкарским, не знают родословную *Алагата*, но родословная *Ахсартагата* расписана в них подробно. Здесь сохранились сказания о славных делах лишь некоторых представителей *Алагата*. В частности, сюжет о том, как нарт *Тотрадз*, победил в единоборстве *ахсартагатовца* *Сослана* (222; С.14). *Сослан* позже подло убивает *Тотрадза*, что вполне соответствует нравственным критериям поведения нартов рода *ахсартагата*, роднящим их с ингушскими *орхустой*. Их поединок должен возобновиться в Стране мертвых, где снова сойдутся *Тотрадз*, сын *Алымбега* *Алагата* и булатный *Сослан* *Ахсартагата* (223; С.431). Степень аморальности отдельных поступков нартов *Ахсартагата* предельно высока. Здесь «мудрая» *Сатана* с легкостью становится женой собственного брата *Урузмага*, или же вступает в порочную связь со стариком-драконом и т.д. Такие проявления, как подлость, жестокость, унижение, прелободение сопутствуют деяниям лучших героев осетинского эпоса, как ни у одного другого народа. «Взаимная неприязнь и ненависть нартов были беспредельны», - характеризует взаимоотношения в нартском обществе осетинский исследователь (224).

Нартов же рода *Алагата*, подобно тому, как *галгайские набрты* являются хранителями идеальной нравственности и мудрости предков, осетинские сказания определяют как носителей мудрости и учителями для представителей *Ахсартагата*. Здесь известны «большой дом *Алагата*», где нарты устраивали пиры, и хранящаяся в нем волшебная чаша *Уацамонга*. К роду *Алагата* относится *Эльда*, жена *Урузмага* из рода *Ахсартагата* (225; С. 27).

Как было отмечено, осетинские тексты не содержат указаний, позволяющих относить к роду *Алагата* нарта *Сауая*, сына *Кандза*. Однако, многие косвенные данные, приведенные нами выше, свидетельствуют о том, что он является представителем этого славного рода. Также как *галгайский Кинда Шоа* или *алаугановский Карашауай*, *Сауай* женится на девице рода *Ахсартагата*, дочери *Урузмага*, с которым его отец *Кандза* находился во вражде. Также как *Карашауай* и *Кинда Шоа*, сын *Кандза* *Сауай* вскормлен льдом, а мать его является великаншей и т.д. (226; С.446-464).

Таким образом, противоборство двух нартских родов, *Алагата* и *орхустой*, *алауганлары* и *усхуртуклары*, которое красной нитью прослеживается в ингушских и карачай-балкарских текстах, актуально и для *алагата* и *ахсартагата* осетинских текстов.

В адыгских же текстах разделение нартского племени на два рода проявляется не столь четко. Здесь не известен организованный нартский род, соответствующий *орхустой/усхуртуклары/ахсартагата*. Однако, такие его представители как *Сосруко*, *Хамши*, *Петерез* и другие, являются героями основных сюжетов сказаний. Так же как и свои прототипы из других версий, эти нарты, при всех своих возвышенных богатырских качествах, страдают проявлениями таких низменных черт, как хитрость и коварство. Не выделен в адыгских текстах и этноним, соответствующий ингушскому *галгай*. Но они хорошо знают «дом *Алига*», являющийся средоточием мудрости, где нарты часто собираются на *Хаса* (227; С.138). Им хорошо знаком и прототип *Кинда* - нарт *Канжа*, старший из восемнадцати сыновей нартского кузнеца *Дабеча*, который женился на эмитене-великанше *Нарибгее*.

Последняя родила ему сына *Шауея*, соответствующий *Шоа*. *Шауей* же был возвращен на ледяной вершине *Ойхамахо* и знаменит тем, что уничтожил весь род великанов-*иньжей*. Однако, нет прямых указаний о том, что он, также как и его отец *Дебеч*, принадлежат к «дому *Алига*». Его идеальные богатырские черты, соответствующие ингушскому и карачай-балкарскому прототипам, отчетливо отражены в сказаниях. «Он превосходил всех витязей мужеством и отвагой», но ходил в лахмотьях. *Шауей* дает уроки неподдельного благородства и аскетизма самым именитым из адыгских нарттов.

Основные герои этих двух нартских подразделений косвенно обособлены и в сванских записях нартских сказаний. Здесь нарт *Шавай*, потомок *Алаугана*, сватается к дочери *Верзмека*, который соответствует орхустойцу *Урузману* ингушского эпоса. Отдельное сказание посвящено нарту *Сосруко*, прототипу орхустойца *Сеска Солса* (228; С.84-85).

Два рода нарттов выделяется и в рачинских текстах. *Шавай*, сын *Гендже*, один из основных героев, относится к роду *Алаугана*. Герои же другого рода нарттов представлены такими именами как *Оризмег*, *Сосуран* и др. (229; С.63-69).

Таким образом, одним из характерных признаков ингушского эпоса о *наъртах*, является наличие в нем двух основных типов эпических героев, выделяемых своими противоположными характеристиками и относящимися к двум родовым группам *наъртов*, *галгаевской* и *орхустойской*. Это подразделение в разной степени выраженности проявляется почти во всех национальных версиях эпоса.

Боткый Ширткья – посланник из Даьла Иэл.

Уникальной фигурой ингушского национального эпоса является *Боткый Ширткья*. Исследователи с самого начала остаются в неведении относительно того, к какому нартскому роду следует относить этого персонаж. И вообще, непонятно, можно ли его считать *наъртом*. Загадка его функции в эпосе так до конца и не разгадана.

Формула вышеприведенной молитвы, которую ингуши произносили по павшему воину во время ритуала посвящения ему коня, показывает, что *Боткый Ширткья* входит в число *галгайских «благословенных предков»*. Место его в иерархии душ предков, сосредоточенных в *Даьла Иэл*, определено сразу после *Сеска Солса*.

Как мы отметили, между изначальным нартским племенем *ГалгЛай*, поселившимся в эпическое время на берегах р. *Эса*, и дружиной нартского рода *орхустой*, пришедшей из района северных склонов *Башлоам корта*, обнаружилась глубокая нравственная пропасть, которая стала причиной их взаимного недопонимания и частых междоусобиц. *Орхустойцы* допускали проявления, которые резко осуждались в обществе *галгайских наъртов*. Они совершают поступки, которых никогда не было среди первых *наъртов*. Даже *валталы* удивляются их нравам, видя, как они научились хитрить, изворачиваться и т.д. Люди осуждали *орхустой*, и все свои земные беды связывали с их появлением на свет.

Пропасть эта, однако, была не настолько глубокая, чтобы сделать их врагами. Ингушские тексты убедительно показывают, что у *галгайских клантов* и *орхустой* общая судьба, единое понимание родины и близкое чувство ответственности за судьбу своего богатырского племени. Для них священны общие предки, обитающие в *Даьла Иэл*, которым они приносят жертвы и т.д.

Глава племени *ГалгЛай Шоа*, сын *Клунда*, идеализируемый народом, не только не отвергает *орхустой*, но роднится с ними, женившись на дочери их предводителя. Так же поступает и популярнейший *галгайский наърт Куолой клант*; отказавшись от нравственно оправданной мести, он становится зятем своего противника *орхустойца*.

Другой популярный *галгайский наърт Ахкарой клант*, благодаря мудрости жены и матери, нетрализовавших порыв тщеславия предводителя *орхустойцев*, становится его молочным братом.

Еще один *галгайский наьрт*, легендарный мудрец *МагЮ*, был другом *Сеска Солса*, а его сын *Андр* - зятем.

Зятем же *Сеска Солса* стал и *галгайский наьрт Наьсар*, хранитель нартской равнины *Гарма аре*, соперник *Ачама* – одного из членов дружины *орхустой*.

Демонстрируя примеры идеальных нравов, оставленных им первыми *наьртами*, *галгайские наьртий клантий* пытаются спасти *орхустой* от дальнейшего нравственного падения.

Эпоха *орхустой* – это закат эпического времени, период, когда богатырское в племени изживает себя окончательно, а на смену ему приходят люди в современном их понимании, со всеми низменными характеристиками, как духовного, так и телесного свойств.

Мудрость первых *наьртов*, «*Даьла наьртий*», сосредоточена в *Иэл*, где «*священная кобылица «Еса-цена-гила», управляемая святым Эштр, несли службу..., доставляя души умерших праведников в рай...»* (230; С.23).

Для того, чтобы уберечь *орхустой* от дурных земных дел, порочных нравов и обеспечить их достойный приход к предкам на арене появляется *Ширткъя*, сын *Боткъя*. Загадка, которая так интересует исследователей – является ли *Ширткъя наьртом* или нет – разрешается его эпитетом «*Иэл-Маьлхе уха Ширткъя*». То есть, очевидно, что *Ширткъя* – это посланник предков из *Даьла Иэл* в *Даьла Маьлхе* с миссией духовного спасения нартского рода *орхустой*. Он неизменный попутчик и путеводитель их дружины. Сказания называют его то братом *Сеска Солса*, то его другом. Основная цель его перемещений между двумя мирами - указать и показать заблудшим правильный, нравственно чистый путь. Обитатели *Иэл* находились в постоянном беспокойстве за земные дела своих потомков. Им было важно, чтобы обитатели *Маьлхе* хранили отцовскую мораль, чтили предков, устраивали по ним достойные поминки и т.д. Обитатели *Иэл* способны были даже наказывать живущих в *Маьлхе* за грехи и низкие поступки. В осетинском тексте, записанном Дж. Шанаевым, есть сюжет, когда сын *Уазина Дзех*, получив добро от *Барастыра*, явился из *Иэл* и отомстил *Сосрыко* за искалеченную нартскую молодежь (231).

Ширткъя, находясь постоянно в окружении *орхустой*, порой сам совершает поступки, соответствующие характеру и нравам своих попутчиков. Он часто наказывает их за заносчивость, гордыню, ставит в, казалось бы, фатальную ситуацию, но в конце приходит им на выручку и спасает от беды. Иногда, когда нет иного способа направить на правильный путь, *Ширткъя водит* их к предкам в «мире теней». В частности, он привел туда *Хамчий Петаража*, чтобы показать ему *даьй фаьрал* – «отцов благодать».

Ему глубоко чужд аморальный образ жизни членов дружины *Сеска Солса*. Но он обречен быть с ними во всех их предприятиях, в том числе, нравственно неприемлемых для него. Тем не менее, каждый раз показывает им, что он не разбойник и не насильник. Когда *орхустой* зовут его в поход за добычей, он парирует: «*Я не добытчик. Мое дело ходить в Иэл, возвращаться в Маьлхе и посредничать между этими мирами*» (232; С.306-307).

Однажды он привел в *Иэл* глубоко рассказывающегося в своих земных грехах *Хамчий Петаража*. Но *Эштр* не одобрил его преждевременный визит и вернул назад, частично восполнив утраченную по его вине земную благодать (233; С.402).

Боткый Ширткъя, таким образом, пытается спасти этот последний нартский род от окончательного духовного упадка, чтобы потом, в «мире предков» они заняли подобающее им, как представителям богатырского племени, место. Несмотря на пренебрежение, которое они питают к нему, *Ширткъя* не перестает заступаться за них, помогать им в самых безвыходных ситуациях.

В конце концов, сыну *Боткъя* удастся сделать это. Главное свое предназначение - обеспечить достойный приход *орхустой* в *Даьла Иэл*, «мир предков», *Ширткъя* все же выполняет. В конце концов, к *орхустойцам*, благодаря его мудрым наставлениям и философским нравоучениям, приходит нравственное прозрение. Видя, что нет другого выхода, они

решаются на акт самопожертвования ради благополучия потомков. Таким образом, они уходят в «мир предков» настоящими *наьртами*.

Народ чтит богатырей *орхустой* в числе других «благословенных предков» и в молитвах желают своим покойникам оказаться в том мире с *орхустойцами*.

Ингушские сказания знают и отца героя – *Боткъа*. Он так же, как и его сын, обладал чудесным свойством исчезать и неожиданно появляться. Даже место его обитания народ обособил – это изобилующие гротами и подземными пустотами известковые отроги «священного» хребта *Цей лоам*. Жил он, по поверьям ингушей, в башне *Боткъий гала*, что на отвесном склоне культовой вершины *Пане корт*, возвышающейся над древним нартским поселением *Галгаий коашке*.

Кстати сказать, на этой вершине археологами исследован крупный пещерный храм XIV века *Пане ерд хъах*, свидетельствующий о ее былой культовой значимости для жителей этого района (234; С.30-31). С ней связано и архаичное выражение *пана вала* – «обрести блаженство», «обрести рай». По народным представлениям, на эту вершину поднимаются души воинов, павших в сражениях с врагами, а также души умерших *боаккхий нах* – «почтенных старцев». Согласно преданию, записанному автором от старожилов *Эса чЮож*, на вершину *Пане* поднялась душа средневекового предводителя *галгайского* войска *Галгаий Сай*, который пал в бою с иноземцами на хребте *Сай вийна дужь* (235).

Эти этнографические сведения, вероятно, являются отголоском забытых народных представлений о некой особой роли, которая отводилась вершине *Пане*, как обители душ праведников.

Согласно нартскому сказанию, записанному автором в наше время от старожила горной Ингушетии, *Боткъа* исчез в подземном лабиринте после того, как *Хамчий Петираж* ранил его за похищение своей невесты (236).

В имени *Ширткъа* заложено название любимого и крайне популярного в народе зверька – ласки. Оно и раскрывает некоторые черты героя: изворотливость, доброта, податливость на доброе слово и т.д. Ласка, по народным представлениям, крайне осторожный и податливый на доброе слово зверек. При его неожиданном появлении ингуши начинают произносить хвалебную формулу в его честь – *Ширткъа дика-дахка мо*, то есть, «ласка хорошая – мышь плохая». После чего зверек, якобы, становится на задние лапки и начинает веселый круговой танец.

Такие черты *Боткъий Ширткъа*, как изворотливость и хитрость, несвойственные для настоящего богатыря, объясняются тем, что, находясь постоянно в среде коварных и завистливых *орхустой*, герой вынужден был прибегать к ним, чтобы выжить среди них и достичь той цели, ради которой он и был послан из *Даьла Йэл*.

Миссия сына *Боткъи* помимо нравственной составляющей, носила и культурный аспект. Также как и *Кинда Шоа* он обладал *аьлха*, волшебным брусом. Однажды он принес его из *Йэл* и исцелил *Гарскоку* глаза, ноги и руки (237; С.65). А перед окончательным возвращением в *Даьла Йэл* *Боткъий Ширткъа* сильно переживает по поводу того, насколько удачно он выполнил свою миссию посланника в *Даьла Маьлхе*. В частности, он жалеет о том, что не научил людей «*ийол гулаеи санна сиха мангал хъакхеи, маьха боаккхаш санна сиха лаьтта ахеи*», то есть, «косить траву также быстро, как собирать сено» и «пахать землю также быстро, как ее бороновать» (238; С.55).

Идеальный прототип ингушского героя *Ширткъа*, в котором отчетливо проявляются миссионерские качества, известен и адыгской версии – *Шибadyноко*. Здесь он предстает нейтральным героем, не относящимся ни к одному нартскому роду, но показывающий всему нартскому обществу примеры высокой нравственности. В эпосе отражены такие черты его характера, как скромность, аскетизм, честность и благородство. «*Мой удел - защита правды*», говорит он о своей миссии (239; С.6).

То, что он послан с «миссией мудрости», подтверждает, на наш взгляд, и факт того, что он уничтожил среди нартов унизительный обычай убивать стариков. Это позволило нартам опять вернуться к мудрости старших, предков.

Его эпитет «с кинтами враждующий» есть, на наш взгляд, не свидетельство того, что он враг *кинтов/Кантов*, как воспринимают его большинство исследователей. Эпитет показывает, что его носитель находится в постоянном соперничестве в благородстве с лучшими нартами, то есть, *кинтами/Кантами*, страны. Тем самым он дает нартам, страдающим глубокой степенью нравственного падения, уроки высокой морали и благородства. Характерно, что *Бадыноко* по кабардинским сказаниям вырос в подземелье, втайне от всех (240; С.132). Это еще одно свидетельство его типологического родства с *Боткый Ширткъя*.

Осетинский вариант этого героя, *Сирдон*, сын *Гатага*, обладает чертами, которые также во многом роднят его с *Ширткъя*, в частности, хитростью, пронырливостью. Некоторые тексты называют отцом *Сирдона* не *Гатага*, а *Батага*, что ближе ингушскому варианту (241; С.193). Но здесь этот герой наделен крайне отрицательными качествами, которые сближают его со своими постоянными попутчиками - представителями рода *Ахсартагата*: мстительностью, коварством, завистью. Осетинские тексты низвели социальный статус *Сирдона* до уровня кавдасарда *Боравых* – безправного раба, рожденного от прислужницы. По этой причине он предстает часто в роли шута, служашего для нартов потехой. Живет он, по поверьям осетин, в большой подземной келье «со множеством отделений» и потайным входом. Несмотря на определенную завуалированность, функция путевода нартов, их наставника, проявляется во многих сюжетах осетинских текстов о *Сирдоне*. «В увеселениях, в играх и во всех предприятиях нарты не могли обойтись без *Сирдона*», - комментирует его роль среди нартов автор первых записей нартских сказаний в Осетии (242).

В карачай-балкарском эпосе образу *Боткый Ширткъя* соответствуют *Широан*. Его личность, однако, не содержит в себе никаких положительных черт, характерных для героя ингушских сказаний. Он коварен, лжив и творит одно зло. Однако, в виду крайней скудности информации о нем, а также из-за смещения его образа с *Гуляхсыртаном Злоязычным*, исследователи затрудняются делать окончательную оценку его личности и определить его место в эпосе (243; С.468).

Очевидно только то, что в именах обоих отрицательных персонажей карачай-балкарской версии мы можем наблюдать лексическое созвучие с именем ингушского героя.

Шаьме – исток *ГалгЛай* и их *наьртов*.

Как выше отмечалось, этногенетические предания ингушей, а также смежные с ними сказания о *наьртах* сообщают, что до постройки городища *Кинда Галаши* на поляне *Овлартле* и поселения в нем, *галгайские* предки жили в таинственной стране *Шаьме*. *Шаьме* есть первоисток *наьртского* племени *ГалгЛай*, сакральная земля, где жили его «обожествленные» первопредки *Га* и *ГалгЛа*, земля, откуда их потомок *Кинда* со своей семьей переселился на берега р. *Эса*. *Шаьме* – это земля, где *Кинда* женился на *вампаге* и родил от нее сына *Шоа* – непревзойденного *наьрта*, наиболее прославленного из потомков *Га*.

Вопрос о локализации «страны предков», таким образом, представляется одним из самых интересных в ингушском нартоведении. Его решение позволило бы приблизиться к разрешению некоторых других проблем нартоведения, в частности, проблемы определения места зарождения эпоса.

С топонимом *Шаьме*, судя по очевидной лексико-фонетической близости, связано и зарождение имени *наьрта Шоа*.

Предложенные разными исследователями варианты, идентифицирующие это название то с Сирней, то с Аравийским полуостровом, не представляются достаточно убедительны-

ми. Народные представления о *Шаьме* существенно наслоены позднейшими религиозными и политическими пристрастиями. Один дореволюционный автор сопоставлял *Шаьме* даже с владением Шамхала Тарковского (244).

Нет никаких исторических или иных предпосылок искать прародину предков *гIалгIай*, в том числе легендарно-мифическую, за пределами Кавказа, тем более ассоциировать ее с позднесредневековым феодальным владением в Дагестане.

ГIалгIай – древнейшие автохтоны Кавказа и это определение давно принято в научном мире как аксиома. Поэтому, наиболее перспективным представляется искать их легендарную прародину здесь же на Кавказе. Тем более, что для этого имеются богатые этнографические сведения, которые ориентируют в таком поиске.

Наиболее архаичные из них связывают первейшие истоки племени *гIалгIай* с главными вершинами Кавказа – *Баилоам корт* (Казбек) и *Шамле* (Эльбрус). В одном из них, в частности, сообщается, что первоначально первоначально расселились здесь, получив «зачатие от священного льда на *Бешломе* и потому чистых и непорочных» (245). Хотя, надо отметить, что Эльбрус ингушским текстам известен менее своего восточного собрата.

Похожая картина складывается и при анализе карачай-балкарских эпических текстов. Наряду с наиболее популярной вершиной *Минги тау*, у подножия которой поселились первые нарты, здесь популярна и *Казман тау* – вторая нартская вершина. «Между *Минги тау* и *Казман тау* жили-проживали нарты, слуги Великого *Теири*», – повествует одно из сказаний, очерчивая, таким образом, условные пределы страны нартов (246; С. 442).

Здесь следует заметить, что эти высочайшие вершины Кавказа, имеющие сакральное значение для многих народов – носителей эпоса, никак не отмечены в осетинских нартовских текстах (247; С. 80).

Вся эта высокогорная территория, расположенная между двумя ледяными вершинами, протянувшаяся от верхнего течения р. *Тийрк* до верхнего течения р. *Кубань*, вероятно, и есть *Шаьме* ингушских сказаний и преданий.

Лежит в основе этого названия ингушское *ша* – «лед», а также часто встречаемый в архаичной ингушской топонимии формант *ме*. То есть, *шаьме* – «ледяная страна», «ледяная местность». Об особой роли и значении льда в древних представлениях ингушей свидетельствует, помимо фольклорных текстов, обилие географических названий, содержащих в себе лексему *ша*.

Кроме названий вершин *Баилоам корт* («таящей горы вершина») и *Шамле* («ледяная поверхность»), она содержится в названиях значительного числа ледниковых вершин и ущелий Центрального Кавказа.

Только в окрестностях *Баилоам корта* мы можем отметить следующие топонимы: *Шан корт* («ледяная вершина»), *Шоана хий* («ледяного места река»), *Иамиа корт* («озерного ледника вершина»), *Шах никъ* («во льдах дорога»), *Ша Ювда хий* («изо льда выжатая вода»), сосредоточенные в бассейне р. *Иарм хий*; *Къни ша* («зернистый ледник»), *Кибеша* («кормящий ледник»), *Куро-Шино* («рогообразной вершины ледяное место»), *Шачуухаче* («лед куда падает, котловина»), *Шоанче* («ледяное ущелье»), *Шана хий* («ледяная река»), локализованных в бассейне р. *Ахкарой хий* – Кистинка; *Шачуухаче* («лед куда падает, котловина»), *Шахий* («льда вода»), *Шантор* («ледяной поверхности долина»), *Шалале* («льда таяния место») в Девдоракском ущелье; *Кейисул корт* («белого льда вершина»), *Шау* («ледяная»), *КIай ша* («белый лед»), *Иаьржа ша* («черный лед»), *КIайшане* («бело-льдинная»), *Шахнад* (инг.- осет. «во льдах дорога»), фиксируемых в верхней части бассейнов рек Геналдон и Гизельдон.

Такое же, не случайное, обилие ингушской лексемы *ша* мы наблюдаем в топонимической номенклатуре окрестностей вершины *Шамле/Мингитау/Эльбрус*: *Шхельды* – ледниковая вершина ущелья р. *Баксан*, *Шхара* – ледник в Безенгийском ущелье, *Шаурту*, *Шаритау*, *Штулу* – ледники и ледниковые вершины в верховьях Балкарского ущелья, *Шода* – ледниковая вершина в долине р. Риони и т.д.

Составной частью указанной «ледяной страны» *Шаьме* является территория поздне-средневековой *Тагаурии*, раскинувшаяся по долинам рек Гизельдон и Геналдон. Мы, к сожалению, не имеем зафиксированного общего ингушского варианта названия этого района современной Северной Осетии. Сохранились только наименования отдельных составляющих этого общества: *Санибай мохк/Саьнби шахьар* - Санибанское ущелье, *Кхоабане* - Кобанское ущелье, *Дугрой чЮж* - Даргавское ущелье (248).

Есть основание полагать, что название *Тагаурия* имеет самую непосредственную связь с культом *Ткъа*, являясь позднейшей адаптированной формой ингушского *Ткъага аре* – «Ткъа стороны долина», где *Ткъа* – культ, *га* – направительный послелог, *аре* – «долина». Вот как описывает удел «великого нарта *Ткъа*» древнее ингушское сказание о зарождении *наьрто*, зафиксированное у самого подножия *Башлоам корта*: «Над этими полями, выше высоких утесов и гор, выше ходячих туманов царит старый дух, могущественный *Тга*. Его страшным именем названы и горы и долины по всей окрестной местности...» (249; С.198-214).

Очевидно, речь здесь идет о *Тагаурии*, которая раскинулась на северных склонах этой горы (250).

Косвенное свидетельство обоснованности такой версии сокрыто, например, в старом названии бокового ущелья р. *Тийрк*, известное у осетин как *Суаргом*. Эта балка, по которой издревле шло активное сообщение между восточными и западными *галгайскими* обществами, ингушским старожилам известна как *Ткъай бер* – «Ткъа балка» (251).

Эта земля, поздне-средневековая *Тагаурия*, вплоть до конца XVIII века продолжала оставаться для ингушей сакральной землей предков. На ее территории, в частности, сосредоточены два храма, которые были непосредственно связаны с общегалгайским культом предков.

Один из них располагался на склоне горы *Тбау* – одной из культовых вершин хребта *Цей лоам*. На ее вершине, подобно пещере *Занар хьах* вершины *Гаьл* или пещеры *Ерд хьах* вершины *Пане*, находилась известная в округе пещера *Тбау-Ватишша*.

По сообщению специалистов, комплекс включал «до полутора десятков святилищ *Тбау-Уацилла дзуар*, подвергшихся позднейшим переделкам» (252; С.137). Так же как во всех *галгайских* храмах, культовый праздник здесь совершался в *эттингий ха* – день летнего солнцестояния. Тонкости отправления культа, по сообщению Алборова, почти в точь повторяли ритуал, совершаемый жрецами в дни празднования *Гаьл цей*.

Возникновение храмового комплекса местное предание связывает с *галгайской* жреческой фамилией *Гуццовых*, которая много сотен лет назад с берегов р. *Эса* переселилась в аул *Ламардон* и распространила культ предков «по всей Осетии» (253; С.414, 426).

В другом, таком же сакральном для *галгайцев* уголке *Тагаурии*, именуемом *Санибай мохк/Саьнби шахьар/Санаби*, находится древнейший храм предков *Саниба ерд*. В конце XIX века храм был переделан под православную церковь. Постройка сохранила типичные для ингушской средневековой храмовой архитектуры черты. Ее «стены покрыты охристой штукатуркой, кладка из местного известняка на известковом растворе. При всей своей простоте и лаконичности она отличается четкостью и гармонией форм», - сообщает исследователь о нем (254).

Согласно ингушскому преданию «*Саниба-ерд* был младшим братом *Маьт-Села*, *Амага-ерда*, *Хал-ерда* и *Тамаж-ерда*, а также *Тушоли*...». У этого храма, по представлениям народа, было одно чудесное свойство, которое роднит его со святилищем *Сеска Солса ерд* у *МагЮтIе* и могильником *Есмале гув* на поляне *МохтIе*: от «храма ночью поднималось сияние и *Цай-саг* (жрец) знал ночи, когда это происходило...». Несомненно, речь идет об упомянутом выше явлении *даьй лираш* – «отцов сияние», свидетельствующее о связи этого храма с *галгайским* культом «благословенных предков». Предание дальше сообщает, что изначально *Саниба ерд* было «главное святилище ингушей». Именно отсюда «все братья

расселились по местам, где сейчас находятся их святилища», и лишь один из них, «Саниба-ерд, как младший, остался на месте...» (255; С.137).

Последнее и служит свидетельством того, что по представлениям ингушей в Санибай мохк было начало истории галгайцев. Отсюда, «оставив младшего брата на месте», они расселились по окрестным ущельям.

Здесь известен, в частности, культовый семейный источник *Куит-наькъан*, при котором *Куит* держал *дошо кад* («золотую чашу»). Родниковая вода, испитая из этой чаши, считалась целебной. По преданию, *Куит* нажил себе в Саниба семь кровников и перешел жить в долину р. *Иарм хий*, основав замок *Духьаргит* (256; С.319).

Десятки других ингушских фамилий ведут свои корни из Саниба: *Чахк-наькъан*, *Бека-наькъан*, *Къоастой*, *Льян-наькъан*, *Чуора-наькъан* и т.д. «Джейраховские фамилии *Хаматхановы* и *Цуровы* ведут свой род из осетинского села *Тменикау*», - сообщает Семенов (257; С. 205).

Кастуевы, ветвь древнего галгайского *ваьри* из замка *Къест*, имевшая в Саниба свои башни, выселилась в *Берд юрт* (Заманкул) только в первой половине XX века. Кстати сказать, последним Имамом Санибанской мечети был ее представитель *Хаджимусса Кастуев*, который « в первые годы советской власти поневоле прекратил свою деятельность и вернулся в *Заманкул*» (258; С.34).

Помимо древних храмов, культовых пещер, боевых и жилых башен, эта земля богата оригинальными следами древней галгайской погребальной культуры. Если оставленные ингушами боевые башни и храмы в *Тагаурши* подверглись значительным разрушениям, особенно, во время карательной экспедиции царизма в 1830 году, то склепы сохранились намного лучше. Целые «города мертвых», ассоциируемые местным населением то с ингушами, то с нартами, то с *царциатами*, служат достоверным фактом древнейшего и значительного присутствия здесь галгайцев.

Вот что сообщает о могильнике *Царциаты уалмардта*, расположенном у храма Саниба ерд, дореволюционный исследователь: «Нижний Саниба поражает посещающего его в первый раз рядом множества каменных построек резко выдающихся среди весьма затейливых жилищ осетин своею оригинальною архитектурою.... Постройки эти, которые кистины или ингуши называют *Каши*, имеют с восточной стороны на высоте около двух с половиной ариши от земли по одному небольшому четырехугольному отверстию, чрез которое едва может пролезть человек, с деревянною заслонкою... Смелый и ловкий рабочий из *Гвелет*, кистин *Асланко*, отказался войти в эту гробницу, говоря, что этих покойников трогать нельзя, потому что они были свои, т.е. из кистин..., что подтвердили и другие присутствовавшие при осмотре мною этой гробницы осетины, а между ними несколько тагауров, которые, между прочим, сообщили мне, что по народному преданию, их страна, то есть Тагаурская Осетия... находилась во владении Кистин, и что, по всему вероятно, гробницы эти должны быть отнесены к тем временам» (259; С.87-88).

На территории этого могильника, который ингушские старожилы называют *Имаршике*, находился *Зюгал каш* – уникальная по количеству ступенек в пирамидальной кровле наземная коллективная усыпальница, которая принадлежала одной из ингушских фамилий, покинувших Санибай мохк в раннее время. По сообщению выходца из замка *Къест*, со ссылкой на своего сородича из поселения Саниба, с этим склепом своей известностью соперничал только *Зюгал каш*, который стоит на окраине *Къест*, у которого в кровле было также ровно *ткъо лагIа* – «двадцать ступенек» (260).

Кстати сказать, на одном из ингушских склепов указанного Санибанского могильника В.Миллер зафиксировал украшение в виде рогов (261; С.134).

Кроме *Зюгал каш* на территории этого могильника, а также в других окрестностях поселения Саниба, известны наземные коллективные усыпальницы как названных выше, так многих других неизвестных ингушских фамилий.

А на территории Даргавского склепового могильника, расположенного на пригорке *Рамини раг/Имарий раг* известны, в частности, три надземных склепа с пирамидально-ступенчатыми крышами *Морчхой Имараш*, которые принадлежат выходцам их ингушского замка *Морч*, что в долине р. *Иарм хий* (262).

В окрестностях древнего *Кобана* также известны ингушские склеповые могильники, в частности, надземный склеп с пирамидальной кровлей *Эски Имар*, в котором по сообщению старожилов нашел последний приют житель этого поселения, известный *галгайский эбарг* середины XIX века *Эски*, до конца сражавшийся с колонизаторами, используя исключительно оружие предков – лук, стрелы, меч и щит (263).

О сакральности этой земли для ингушей говорят, как мы выше отметили, сказания о *наьртах*. *Санибай мохк* является родиной ингушских *наьртов*. В том числе и родиной *орхустой* - дружины *Сеска Солса* (264).

Примечателен тот факт, что «наиболее ранние записи осетинских вариантов нартских сказаний» в 70-х годах позапрошлого столетия произведены братьями Шанаевыми *Мамсыра Дзусова* и его сына *Рамона*, выходцев из *Саноба*. Через много лет, ставший уже знаменитым сказателем, сын *Мамсыра Рамон Дзусов*, поведал Алборову «наиболее полную генеалогическую таблицу нартов», согласно которой родоначальником их является *Бораев Уархаг* (265; С.95).

По данным этнографов, *санибанские Дзусовы*, к которым относятся *Мамсыр* и *Рамон*, являются ветвью старой ингушской фамилии, в которую кроме *Дзусовых*, входят также *Ахриевы*, *Боровы* и *Льяновы* (266; С.31). Последнее обстоятельство, кстати сказать, во многом объясняет истоки столь удивительной близости многих сюжетов ингушских и осетинских нартских сказаний.

О природной способности осетин легко вбирать в себя элементы культуры и быта своих соседей, давно замечено исследователями. Эту черту этнического менталитета емко передает и народная поговорка осетин: «*Каей уаердоны бадыс, уый зараег каен*» - «на чьей арбе едешь, песню того и пой» (267; С.89).

О причинах, по которым *Галгай* массово покинули *Санобай мохк* и *Тагаурию*, ничего определенного не известно. Живописнейший район, издревле служивший им колыбелью, значительной частью народа был неожиданно оставлен.

Существует осетинское предание, записанное в конце XIX века о том, как из Куртаинского ущелья некий «*Тага бежал в Даргавское ущелье, где в то время жили ингуши. Выгнав ингушей из ущелья, он остался там жить*» (268; С.205).

Однако, это предание в какой-либо части не подтверждается текстами ингушского фольклора, что сводит его историческую достоверность к нулю.

Более того, источник того же периода, но уже со слов ингушского старожила *Казбыка*, сообщает, что «с осетинами ингуши жили прежде не совсем дружно; постоянно обижали их, грабили и относились к ним с предубеждением, считая их по доблести ниже себя... Они не осмеливались вступать для грабежа на территорию ингушей. Ингуши к названию осетин прибавляли унижительный эпитет, говоря – *картабыт-ирон* (в переводе с ингушского – *бьющие челом*).... Что их унижает – это отсутствие всякого самолюбия; никто не считает их храбрыми...» (269; С.72-76).

То есть, версия о том, что ингуши покинули эту территорию под натиском осетин, не может иметь под собой объективной почвы. То, что уход *галгайцев* из этих мест был добровольным актом, а не насильственным, свидетельствуют несколько весомых обстоятельств, а также фольклорных источников.

Значительная часть ингушей оставалась жить здесь вплоть до начала XX века. В частности, последними из тех, кто оставил *Санобай мохк*, были названные выше *Кастыевы* и *Дзусовы*. Если бы ингуши были вытеснены отсюда силой, то, несомненно, они также покинули бы *Саноба*, чтобы не подвергнуться засилью «захватчиков».

По сообщению этнографа Албаста Гутаева, *гIалгIай* покинули эти земли мирно, а тагаурские алдары, высшая знать иронцев, вплоть до середины XIX века вносили плату за пользование их землями в *Саниба* и *Кобани* (270).

В частности, этнограф приводит интересный случай о том, как *Алхаст Кундухов*, отец печально известного царского агента и провокатора Мусы Кундухова, за просрочку ингушам платежа за землю провёл несколько месяцев в заточении в башне-тюрьме *Алхаст ваьлла гIала*, что в обществе *Кхаь кхаьле*.

Думается, уход значительной части *гIалгIай* из-под северных склонов *Башлоам корта* или их гибель могут быть связаны с природной катастрофой, которая произошла здесь в отдалённую эпоху, или же со смертоносной эпидемией, постигшей этот край.

До настоящего времени у ингушских старожилов, в частности, в ущелье *Эса чIоис*, существует устойчивое поверье, что за вершиной *Башлоам корт* находится огромное озеро, воды которой, вылившись однажды, затопят все лежащие внизу горные долины. Это поверье является, безусловно, отголоском большой трагедии, произошедшей некогда в районе Приказбечья. Вероятнее всего, речь идет о действии печально известного ледника *Колка*, который нависает над верховьями Геналдонского ущелья современной Осетии. Чудовищные катастрофы, периодически происходящие в результате его схода, вероятно, и отложились в памяти ингушей - бывших жителей *Санибай мохк* и *Кхоабан чIоис*.

Мы отмечали, что в названии ледника *Колка*, так же как в старом названии ледниковой вершины Джимара - *Калкай*, отражено самоназвание ингушей. Этот факт является еще одним свидетельством того, что ущелье в не столь отдалённую эпоху была заселена племенем *галгай/калкай* (271). Народная память также сохранила воспоминания о страшных эпидемиях *нирий* у и *доккха* у, которые уносили жизни значительной части этноса. В частности, о постигшем ингушей большом несчастье *доккха* у сообщал Б. Далгат в конце XIX века старик *ГIанаж*. По его утверждению, это произошло «200-250 лет тому назад», то есть, около середины XVII века. По мнению этнографа эта была «большая холера», от которого ингуши настолько ослабели, что даже «осетины, у которых не было этой болезни» стали угонять у них скот (272; С.73).

Шоа из *Шаьме*.

Так же как и название полумифической страны *Шаьме*, имя главного *галгайского* *наьрта* *КIинда Шоа*, по нашему мнению, неравзрывно связано с ледяными вершинами Кавказа. Один из зафиксированных нами эпитетов героя - *Ша баум хьалкхийна наьрт* («льдом питаюсь, выросший нарт»), несомненно, подчеркивает эту связь.

Лед, а также ледяная вода, в самом недалеком прошлом были для ингушей священными физическими субстанциями. О глубокой древности традиции культового почитания льда свидетельствуют фольклорные сведения как ингушские, так и соседних с ним народов. Лед, по представлениям ингушей, является важным сопутствующим элементом богатырской силы, обеспечивающий физическую и духовную закалку героя, а также гарантирующий его долголетие. Ледниковая вода, по устойчивым до сих пор народным представлениям, имеет свойство очищать человека от пороков и болезней, делать его помыслы светлее и чище.

В 1865 году исследователь казбекских обвалов записал у старожила с. *Гьялат* и донес до читателя ингушскую легенду, представляющую собой результат смещения древних народных представлений о почитаемой ледяной вершине и отголосков влияния раннего христианства на ингушей. Легенда содержит и ряд оригинальных указаний, которые позволяют увязать библейский Ноев ковчег с вершиной *Башлоам корта*: «Но Господь велел ему употреблять в пищу священный лед с вершины *Бешлама*. Много протекло времени, пока спадала вода, а старик с семейством жил на дивном острове, и лед был его единственной пищей. И родилось у жены его от этой пищи семь сыновей, белых как снег *Бешлама* и ясных как божий день. Было у него после того еще много детей обоего пола,

которых потомки распространились по земле, но семь первенцев, получивших зачатие от священного льда на Бешламе и потому чистых и непорочных, поселились под вечными льдами Казбека в семи кельях и не общались с порочным миром...» (273; С.126). А когда «грешные смертные» все же нарушили заповедную черту вокруг Башшоам корта, Всевышний превратил семерых братьев в небесное созвездие.

Представления ингушей о сакральности льда, ярко выраженные в этой легенде, нашли свое отражение и в топонимической лексике. В частности, источники родниковой воды в горной Ингушетии часто обозначены эпитетами, которые подчеркивают особое отношение народа к ледниковой воде: *лер воаккха молха* («от смерти спасающее лекарство»), *шовда/ша Ювда хий* («из льда выжатая вода»), *мингал хий* («долгожителей вода»), *ткъарша* («ткъа (культы) лед») и т.д. (274; С.16). Интересные сведения по данному вопросу мы зафиксировали в беседе со старожилами. У самого подножия перевала *АрхотIе*, в местечке *Хин корта*, где р. *Эса* вытекает из-под скалы, еще в 20-х годах XX века стояло столпообразное святилище *Хин Селинг*, сооруженное в честь культа воды, вероятно, *Хи-наны*.

Вплоть до своей депортации ингуши привозили оттуда воду для исцеления больных. Примечательно, что вода эта у горцев называлась *аьлбоарздукъахар хий*, то есть, «вода с хребта элборз». Приносили ее даже тогда, когда отношения с местными хевсурами были крайне враждебными. Когда ингуши уходили из этих мест, оставив земли в пользовании хевсур, последних обязали содержать *Хин корте* в совершенной чистоте. Если обнаруживалось, что кто-то допустил нарушение святости этого места, то виновного отыскивали, где бы он не находился, и подвергали наказанию. Сами хевсуры также глубоко почитали *Хин корте* (275).

Приведенное название воды у истоков р. *Эса* позволяет говорить об ингушском варианте названия Главного Кавказского хребта - *Аьлбоарз дукъ*, то есть, «Элборза хребет». Что в свою очередь может свидетельствовать о том, что ингуши некогда знали название и главной его вершины Эльбрус - *Аьл боарз* (букв. «божественный холм»).

Отражением народных традиций почитания льда является сохранившееся и поныне, на первый взгляд ничего не значащее выражение *ша биа бертий*, реже, его синоним - *ша биа кIантий*. Это выражение, переводимое как «льдом питавшиеся волки (молодцы)», обычно звучит из уст старцев, выражая, как правило, похвалу молодым людям, совершившим какой-либо достойный поступок (276).

Несомненно, выражение связано с приведенным нартским эпитетом *КIинда Шоа* и является отголоском древнейших народных представлений о *наьртах*, которых *Везан Давла* за чистоту помыслов и деяний наделил богатырской силой и бессмертием.

По сообщению старожила с. *Ангушт*, «*ша буаши вола саг чIоагIа хул, оалаш хиннад гIалгIай. Ангушта вай Юдигалахъ боаккхийча наха Iагшица дуаши дейнад сона шоад денна лоа оалаш, баьсти йаьлча дIа хьуна йовхашка дисса къаьна лоа, ведарашица хьаадайтIай. Дарбан да оалар из шабаь лоа*» («Человек, который питается льдом, становится крепким, считалось у ингушей. До выселения в Ангуште я часто наблюдал весной, как старикам с лесных опушек приносили в ведрах не успевший растаять «старый» снег - *шоад денна лоа*, которым они питались из ложек, считая его целебным») (277).

Даже в предгорных, далеких от ледниковых вершин поселениях ингушей до недавнего времени были места, где в летнее время брали лед «для исцеления больных» или же родники с ледяной водой, именуемые *шовда*. В частности, к юго-западу от поселения *Галашка*, в верховьях р. *ГIап аьли* на склоне *Сай вийна дукъ* находится местность *Ша боаллаче*, где летом брали лед для тяжелобольных. Лед здесь сохранялся в глубокой лошине среди редких для этих мест сосновых деревьев (278).

Яркие отголоски этих представлений ингушей сохранились в фольклорных текстах карачай-балкарцев, издревле проживающих у подножия *Минги тау-ШамIе*. Здесь эти представления связаны в основном с нартом *Карашауай/Генджакешауай*, прототипом *галгайского КIинда Шоа*.

«Сын Алаугана Карашауай жил на вершине Минги тау. [Он] выкопал в седловине Минги тау [яму], и оттуда забил чистый, прозрачный ключ. Вот это и есть родник, который называют «Родник Минги тау, дающий бессмертие». Карашауай, разломав ледники Минги тау, раскалывал лед на мелкие куски и ел их вместо хлеба, а запивал [этой] родниковой водой. Вот так он жил. И сейчас, когда видят долгожителя, говорят: «Наверное, он пил воду [из родника] Минги тау» (279; С.483).

Несомненно, здесь угадываются параллели с приведенной ингушской легендой о семи сыновьях Старца, живших на вершине *Башлоам корта*. Необходимо отметить еще одну параллель, неожиданно обнаружившаяся между сюжетом этого сказания и ингушскими фольклорными сведениями.

Представителей какого-либо семейства, отличающихся природным долголетием, в народе называют *мингал хий мийна фу*, то есть, «потомство, пившее мингал-воду». А про отдельно взятого долгожителя в народе говорят «*мингал хий менна ва из*» («мингал-воду выпивший, он есть») (280). Очевидно, это слово имеет непосредственное отношение как к карачай-балкарскому названию г. *Минги тау*, так и к приведенному в сказании «источнику бессмертия» на ее вершине.

Таким образом, налицо совпадение представлений ингушей и балкарцев о «священной воде» с ледниковых вершин, которая к тому же имеет одинаковое название.

Определить значение слова *мингал* на доступном ингушском материале не удастся. Очевидно, оно относится к пласту архаичной лексики той древней эпохи, когда ингуши, карачаевцы и балкарцы составляли единую языковую и этническую общность. Отметим только, что на территории современной Ингушетии, в ущелье р. *Ларм хий* у вершины *Цей лоал*, в районе замкового поселения *Морч* фиксируется поляна *Мингалте* и лощина *Мингал клоаг*, вероятно, связанные с названием этой воды (281; С.34).

Не удивительно, что именно здесь, на древней земле Приэльбрусья, у подножья самой популярной «нартской» вершины народ сохранил в первоизданном виде мотив «святости льда» вершин Кавказа и вскармливания его лучшему из нартов.

Балкарский Кара-Шауай «вырос в трещине Эльбрусского ледника», - сообщает древнее сказание (282).

Согласно карачаевскому тексту нарт *Генджакешауай* воспитывался в трещине ледника *Бугый*, что на горе *Минги-тау* (283; С.79).

Однако глубинный смысл и значение этого мотива в текстах карачай-балкарцев все же не раскрыт. Они не сохранили представлений о «священных свойствах» льда, характерные для ингушского фольклора. Тем не менее, мы наблюдаем, что карачай-балкарские и ингушские тексты во многом дополняют друг друга, позволяя восполнить те или иные важные моменты, которые тексты той и другой версии не донесли до нас в силу различных причин. В этом плане сравнительный метод исследования обеспечивает наиболее точное восприятие многих эпических сюжетов о *Кинда Шоа*.

Ни один из зафиксированных ингушских текстов не сообщает о какой-нибудь связи этого богатыря с ледяными вершинами *Бешлоам корта*, Эльбруса или какой-либо иной. Кроме того, что герой уничтожает *сармака*, залегшего у водного источника, находящегося у подножия одной из этих вершин. Карачай-балкарские же тексты идеально разрешают эту нестыковку.

При разрешении важного вопроса определения значения имени героя, на помощь приходит уже ингушский материал. Несмотря на кажущуюся неустойчивость лексического и фонетического облика имени *Шоа/Шауай/Сауай*, очевидно, что в основе его лежит слово *ша* – «лед».

То обстоятельство, что ингушские тексты ничего не помнят о чудесном рождении *Шоа* и вскармливании его льдом, известные в подробностях карачай-балкарским сказаниям, может быть связано с двумя причинами: рождением его вдали от *Кинда Галаш* на р. *Эса* и утратой *галгайцами* связи с вершиной *Шатле-Эльбрус*.

Связывая рождение ингушских *науртов* с ледяной вершиной *Баилоам корт*, мы не должны упускать из виду то важное обстоятельство, что в не столь отдаленную эпоху такое же отношение у ингушей было и к ледяной вершине *Шатле*. Эта былая связь сегодня опосредована кабардинскими и балкаро-карачаевскими текстами, в которых сохранились многие, утраченные в ингушских сказаниях, мотивы и сюжеты богатырского эпоса, связанные с этой сакральной вершиной.

Так, кабардинское предание о «старике, с бородой до ног», прикованном цепями к вершине Эльбруса повторяет во многих тонкостях ингушские древние мотивы о *наурте Куркъе*, прикованного к вершине *Баилоам корт*. Старик наказан «великим Тха» за то, что вздумал «свергнуть его и стать выше». В те моменты, когда он пробуждается, обращаясь к своим сторожам, он вопрошает: «растет ли на земле камыш, и рождаются ли ягнята?». Услышав утвердительный ответ, великан приходит в бешенство, и тогда цепи его производят гром и молнию, тяжелое дыхание – порывы урагана, а слезы – бурную реку, которая «выбивается из-под Эльбруса с неистовством» (284).

Множество совпадений в самых рядовых моментах этого предания показывает его очевидную генетическую связь и единую сюжетную основу с ингушским преданием «Семь сыновей вьюги». Причем, представляется, что кабардинская версия является полузабытым отголоском древнего ингушского предания. «Камыш и ягнята», о которых вопрошает кабардинский великан – это те же «тростник и барашки», которые добыл для людей ингушский *наурт Куркъа*, сын *Сусуркъа*, похитив их у «великого Ткъа» с его вершины, чтобы им, наконец, стало тепло и сытно. И ответ на вопрос этот важен для героя только потому, что он обречен на вечные страдания из-за того, что совершил свой подвиг ради народа. В обоих текстах нарт наказан «великим Ткъа», который обитает на высочайшей вершине Кавказа: здесь - на *Баилоам корте*, там – на *Эльбрусе*. То есть, единственное несоответствие между двумя текстами - разница в вершинах. Однако, эта разница не имеет существенного значения и легко может быть объяснена тем, что ингуши, с некоторых пор потерявшие визуальную связь со своей главной культовой вершиной, перенесли этот мотив на *Баилоам корт*.

То, что ингуши есть племя, часть которого некогда обитала у подножия вершины Эльбрус, подтверждается обильными данными из самых разных областей науки и фольклора. В частности, в ингушском фольклоре хорошо известна местность *Балкхане-Басхане*, где герой-клант имеет постоянный приют: «Укх дунен ийъ миинге ла а дувглаи, Балкхане-Басхане юкъе вижар-Глаьттар а долаи...» («Прислушиваясь ко всему, что происходит в четырех сторонах света, ложась и просыпаясь в Балкхане-Басхане...»), (285; С.448) или, «Дына шод а еттаи, Балкханеце, Басханеце гаргалоя лелаеш вола клант ва ер» («Коня хлестая кнутом, с Балкхане и Басхане поддерживая родство, есть молодец сей!») (286).

В этих фольклорных текстах, речь, несомненно, идет о Балкарском и Баксанском ущельях, прилегающих к *Минги тау*. Можно допустить, что в период средневековья они составляли одно из двенадцати *галгайских* обществ – *шахъаре*.

В фольклоре карачай-балкарцев сохранилось имя и второго, женского, культа, обитающего на этой вершине – *Дардза нана* («вьюги мать»), являющейся женой *Ткъа*. Ее второе имя, *Хи-миха нана* («ветра-воды мать») присутствует в фольклоре карачай-балкарцев в форме *Химикки*, «мать ветра» (287; С.103).

Выше было отмечено, что руссифицированное название г. Эльбрус, известное в письменных источниках еще с начала XVII века – *Шат-гора* – имеет прозрачную ингушскую лексическую основу: *шатле* – «ледяная вершина» (288; С.483-484).

Кстати сказать, у карачаевцев и балкарцев этот сугубо ингушский вариант названия г. Эльбрус, в XIX веке бытовал в форме *Шах-тау*, то есть, «ледяная гора» (инг. *шах* - «из льда»), хотя оно и обрело несколько иное, позднейшее, сюжетное наполнение. Согласно преданию, вершина *Шах-тау* есть олицетворение вождя нартвов («шаха нартвов»), которого Всевышний Аллах погубил за пороки (289).

Интересно отметить еще одно незначительное, но исключительно важное обстоятельство, показывающее общность представлений ингушей и балкарцев о вершине Эльбрус-*Шамле*. Известный альпинист Дуглас Фрешфильд, покоривший в 1868 году эту вершину, был удивлен расспросами жителей с. Урусбиево об огромном петухе, который, по их убеждению, обитает на этой вершине (290).

Эти представления, суть которых, вероятно, была уже забыта у балкарцев, хорошо известны ингушским текстам и связаны, как было сказано, со свирепой *Дарза нанильг*, которая своим «петушиным криком» отпугивает смельчаков, пытающихся пробраться на вершину, чтобы освободить *наьрта* от цепей (291; С.78).

Кстати сказать, устоявшее среди некоторых исследователей мнение о том, что центр средневековой Алании, населенный, якобы, ираноязычными предками осетин, находился в районе верхнего течения р. Кубань, то есть, на территории, непосредственно прилегающей к вершине Эльбруса, опровергается почти полным отсутствием здесь соответствующей топонимической лексики (292; С. 17). Более того, осетины, носители основных сюжетов нартского эпоса, не сохранили никакого представления об этой главной «нартской» вершине Кавказа.

В некоторых осетинских текстах нашло отражение ингушский вариант названия этой вершины в форме *Цатибарзонд* («*Цат вершина*»), что представляет собой искаженное ингушское *Шамле* (293; С.81).

Известен осетинам также его карачай-балкарский вариант – *Менгитау* (294; С.128).

О том, что отдаленная от «Страны галгаев» вершина Эльбрус продолжала в памяти ингушей жить как культовая вершина, связанная с предками-*наьртами*, свидетельствует ингушское сказание, записанное в дореволюционное время неким Гатцук В. под названием «Как погибли нартгы Эрхстуа». В нем повествуется о том, что «там на закате Солнца, где *Минги-тау*, жили в старину нартгы-Эрхстуа... Было их 60. Разведчиком у них был *Ботоко Ширтях...*» (295; С.644-650).

Также как *галгайский наьрт Кинда Шоа* обрел бессмертие, дав жизнь племени, живущему у подножий ледяных вершин в полном согласии с заповедями «благословенных предков», так и карачай-балкарский его прототип *Карашауай* продолжает «жить на склонах Эльбруса со своим верным *Гемудой*, продлевая свою жизнь благодаря источнику бессмертия...» (296).

Таким образом, анализ приведенных этнографических сведений и данные топонимии показывают, что *наьрт Кинда Шоа*, первопредок нартского племени *Галглай*, зародился в «ледяной» стране *Шамле*, территория которой, охватывается горными ущельями Центрального Кавказа, простирающимися от ледяных вершин Приказбечья до ледяных вершин Приэльбрусья. Название этой страны, также как и имя героя непосредственно связаны со «священными льдами» этих вершин.

Заключение

Подводя итоги, мы можем констатировать, что проанализированные здесь разнообразные сведения археологического, этнографического и лингвистического свойств, в том числе, в значительной степени, выявленные в позднейшее время, обнаруживают целый ряд существенных моментов, способных осветить важные вопросы, связанные с эпохой появления мегалитических памятников на территории Центрального Кавказа, их тесной взаимосвязи с зарождением и генезисом северо-кавказского нартского эпоса, а также определением его хронологических рамок.

Первый момент. Мы установили, что известные на территории Ингушетии и всего Центрального Кавказа, мегалитические городища, именуемые *Кинда глаши*, а также

могильники с самыми разнообразными типами захоронений, именуемые *Кинда* *Иэмараши*, неразрывно связаны с наиболее архаичными памятниками духовной культуры ингушей: народным эпосом о *наьртах* и смежными с ним этногенетическими преданиями. В частности, названия этих городищ и могильников народ связывает непосредственно с именами *наьртов* *Кинда* и *Шоа*, входящих в круг «галгайских благословенных перво-предков».

Второй момент. Эпические названия древних поселений, известных в фольклорных текстах народов - носителей нартского эпоса, обнаруживают очевидные параллели с *галгайскими* памятниками *Кинда* *Галаши/Кинда* *Иэмараши*, а также *наьртом* *Кинда* и его сыном *Кинда* *Шоа*: *Тынты калак*, *Царциаты калак*, *Кинтий кау* у осетин, *Кинта* у балкарцев, *Кинт* и *Эллигах яунне* у адыгов и т.д. Если ингуши связывают их со своими предками, то по представлениям других народов, носителей эпоса, памятники оставлены эпическим племенем, которое проживало здесь до появления их предков: *царци*, *нарты*, *тынты*, *кинты*, *чинты* и т.д.

Третий момент. Эпические *наьрты*, по представлениям ингушей, являются их «обожествленными первопредками» и зародились на склонах «священных» ледяных вершин Центрального Кавказа, именуемых ингушами *Шаьме* – «ледяной страной». *Наьрт* *Кинда* *Шоа*, также как и его отец *Кинда*, согласно этногенетическим преданиям и нартским сказаниям, входит в число этнических первопредков нартского племени *Галгай*, которые в эпическое время ушли из *Шаьме* и поселились на берегах р. *Эса*.

Имя *Галга*, деда *наьрта* *Кинда* *Шоа*, ставшего племенным эпонимом, известно в разных вариантах почти всем национальным версиям эпоса как имя главы основного нартского клана, являющегося традиционным хранителем нартской мудрости: *Алага*, *Алауган*, *Элиг*, *Алег* и т.д.

Четвертый момент. Вторым, после нартского племени *Галгай*, составным подразделением ингушских *наьртов* является санибанский род *орхустой* во главе с *Сеска Солсом*, представители которого, наряду с богатырскими качествами настоящих *наьртов*, обнаруживают степень глубокой нравственной деградации, в которой оказалось эпическое племя на закате своей богатырской истории. *Галгай* и *орхустой* по народным представлениям символизируют два типа *наьртов*, две эпохи эпической истории народа: *Галгай* относятся к изначальным *наьртам*, обладающим идеализированными богатырскими характерами; *орхустой* же относятся к последним *наьртам*, во многом утратившим идеальные эпические черты первых, что, в конечном итоге и повлекло за собой утрату *фаьрал* – «земной благодати», вырождение и гибель племени богатырей.

Такая же двойственность характеров, соответствующая двум основным подразделениям нартского племени ингушей, наблюдается и в других национальных версиях богатырского эпоса: *алаглары* и *усхуртуклары* у карачай-балкарцев, *алагата* и *ахсартагата* у осетин и т.д.

Таким образом, прозвучавшее полвека назад авторитетное мнение известного археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова «о глубоких местных истоках основного ядра нартского эпоса», основанное на исследованных им памятниках материальной культуры, в частности, на тех из них, «которые являются наиболее типичными для прославленной кобанской культуры – одной из самобытных археологических культур Северного Кавказа...», (297; С. 38) находит свое весомое подтверждение и на исследованном в настоящей статье материале.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Басилов В.Н., Кобычев В.П. «Галгай – страна башен» // «Советская этнография», №1. Москва, 1971 г.
2. Семенов Л.П. «Нартские памятники» в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ, 1930 г.
3. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т.1. Назрань, 2003 г.
4. Мужухоев М.Б. Ингуши, сб-к статей. Саратов, 1995 г.
5. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. Москва, 1957 г.
6. Чахкиев Д.Ю. Археологические памятники Галгаевского ущелья горной Ингушетии // Вторые «Ахриевские чтения». Назрань, 1996 г.
7. Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал Ингушетии // «Советская археология». Москва, 1970 г.
8. Ростунов В.Л., Хапегульгов Б.М. Датировка куро-аракских погребений Эгикальского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990). Грозный, 1991 г.
9. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Москва, 2004 г.
10. Горепекин Ф.И. Труды. С.-Петербург, 2006 г.
11. Головинский П.И. Чеченцы // «Сборник сведений о Терской области», вып. I. Владикавказ, 1878 г.
12. Там же.
13. Информатор Цечоева-Фаргиева Тлохий Багидат, 1919 г.р., с. Сагопши- Алкун РИ.
14. Карта Норденстамма 1832 г. // РГВИА, ф.846, оп.16, д.20595.
15. Карта штабс-капитана Блюма 1830 г. // РГВИА, ф.846, оп.16, д.19494.
16. У. Лаудаев. Чеченское племя // ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872 г.
17. Валерик // Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986 г.
18. Информатор Беков Элмарзий Висангири, 1930 г.р., аул Лаьжге, РИ.
19. Информатор Мужухоев Махьмадий Хьамзат, 1916 г.р., ст. Ассиновская ЧР.
20. Информатор Гандалоев Хоасботий Уддин, 1924 г.р., с. Бамут ЧР.
21. Горепекин Ф.И. Труды. С.-Петербург, 2006 г.
22. Яковлев Н.Ф. Краткий отчет // ПФА РАН, ф.800, оп.6, д.575, л.1-5.
23. Базоркин М.М. Итоги научной экспедиции в горную Ингушию // НБИ, фонд Базоркина М.М.
24. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н.э. Тбилиси, 1961 г.
25. Дзатиатты Р.Г. Царциатские памятники. Владикавказ, 2006 г.
26. Чурсин Г.Ф. Осетины // Материалы по изучению Грузии, вып.1. Тифлис, 1925 г.
27. Пфаф В.Б. Материалы по древней истории Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии, т.7. Владикавказ, 2014 г.
28. Вахушти. Описание царства Грузинского // История Осетии в документах и материалах. Т.1. Цхинвали, 1962 г.
29. Гумба Г.Д. Нахи. Вопросы этнокультурной истории. Сухум, 2016 г.
30. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии. Москва, 2013 г.
31. Меликсет-Беков Л.М. К археологии и этнологии Туальской Осии // Труды Закавказской научной ассоциации, т.1. Тифлис, 1925 г.
32. Техов Б.В. Археологическое изучение Южной Осетии // Известия ЮОНИИ, вып.15. Цхинвали, 1968 г.
33. Кокиев Г. Склеповые сооружения Горной Осетии // Осетинский НИИ краеведения. Владикавказ, 1928 г.
34. Там же.
35. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии, ч.2. Орджоникидзе, 1975 г.

36. Кокиев Г. Склеповые сооружения Горной Осетии // Осетинский НИИ краеведения. Владикавказ, 1928 г.
37. Там же.
38. Дирр А.М. В Тагаурской и Куртатинской Осетии // Известия КОИРГО, т. XXI, 1911-12 г.г. №3. Тифлис.
39. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии, ч.2. Орджоникидзе, 1975 г.
40. И.С. Легенда о происхождении тагаурских алдар и куртатинских таубиев // газета «Терские ведомости», 1893 г., №37 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. VI. Владикавказ, 2006 г.
41. Алексеев В.П. «Этногенез». Москва, 1986 г.
42. Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение, №3, Москва, 1994 г.
43. Миллер В.Ф. Осетинские этюды, вып.1. М. 1881 г.
44. Там же.
45. АСОНИИ, д.350, с.168 // Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992 г.
46. Нарты таурагта ама хабарта. Цхинвалли. 1973 г.
47. Памятники народного творчества северных осетин, т.2. Владикавказ, 1927 г.
48. Нарты. Адыгский героический эпос. Москва, 1974 г.
49. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966 г.
50. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947 г.
51. Нарты. Кабардинский эпос. Москва, 1957 г.
52. СМОМПК, вып. I, Тифлис, 1882 г.
53. Байрамуков У.З., Байрамуков М.У. Нартиада. Опыт сравнительного анализа. Черкесск, 2012 г.
54. Минаева Т.М. К истории алан верховьев Кубани по археологическим данным. Ставрополь, 1971 г.
55. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1974 г.
56. Тутаев А. «Этнографические тетради» // фонд НБИ, г. Сунжа.
57. Информатор Гандаров Элбердий Махьмат, 1899 г.р., с. Мужичи, РИ.
58. Миллер В.Ф. Материалы по археологии Кавказа, т.1. Москва, 1883 г.
59. Тутаев А. «Этнографические тетради» // фонд НБИ, г. Сунжа.
60. Тутаев А. «Этнографические записки», фонд НБИ, г. Сунжа.
61. Махкина // газета «Кавказ», №98. Тифлис, 1895 г.
62. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Москва, 2004 г.
63. Информатор Костоев Пхьарчой Дауд, 1924 г.р., аул Къест, РИ.
64. Информатор Балаев Исмагалий Або, 1922 г.р., с. Мужичи, РИ.
65. Шотой Арсамаки Махьте Идриси // Галгӕй багахбурцам. Магас, 2002 г.
66. Бывалый. Молитва Соска Солсы // «Терские ведомости», №127, 1911 г.
67. Карта Левого крыла Кавказской линии 1840 г. // РГВИА, ф.846, оп.16, д. 20608.
68. Информатор Баркинхоев Оарцха Исраил, 1917 г.р., аул Оазиг - с.п. Нестеровское, РИ.
69. ССКГ, вып.8, Тифлис, 1875 г.
70. Информаторы Евлоев Хьуний Ахьмад, 1924 г.р., с. Ангушт РСО-А; Илиев Лорса Таббас, 1896 г.р., аул Хьуле, РИ.
71. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Москва, 2004 г.
72. Кокиев Г. Склеповые сооружения Северной Осетии. Владикавказ, 1928 г.
73. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии, ч.2. Орджоникидзе, 1975 г.
74. Цховребова З.Д., Дзицойты Ю.А.. Топонимия Южной Осетии. Москва, 2013 г.
75. Наьртх йола Галгӕй эпос. Магас, 2017 г.
76. Тутаев А. «Этнографические тетради», тетрадь №1 // Фонд НБИ, г.Сунжа.

77. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии, т.2. Нальчик, 2009 г.
78. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч 1. Грозный, 1976 г.
79. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч.3. Грозный, 1978 г.
80. Архив ИЭ, ф.41, ед.хр.119 // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985 г.
81. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-73 гг. С.-Петербург, 2002 г.
82. Грабовский Н.Ф. Ингуши // ССКГ, вып. IX. Тифлис, 1876 г.
83. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Москва, 2004 г.
84. Алборов Б.А. Ингушский Гальерды и осетинский Аларды // Известия Ингушского НИИК, вып.1. Владикавказ, 1928 г.
85. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Москва, 2004 г.
86. Информатор Хаутиев Бексолта Идрис, 1922 г.р., аул Шоане РИ.
87. Горепекин Ф.И. Труды. С.-Петербург, 2006 г.
88. Тутаев А. «Этнографические тетради», тетрадь №1 // Фонд НБИ, г.Сунжа.
89. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 г.г. Назрань, 2010 г.
90. Мага-ерды. Языческий бог-покровитель у ингушей // Труды Горепекина Ф.И. С.-Петербург-Магас, 2006 г.
91. Яковлев Н. Ингуши. Москва-Ленинград, 1925 г.// Ингуши, сб-к статей и очерков. Саратов, 1996 г.
92. Мага-ерды. Языческий бог-покровитель у ингушей // Труды Горепекина Ф.И. С.-Петербург-Магас, 2006 г.
93. Беме Л.Б. Материалы к познанию фауны позвоночных животных Ингушской АО // Известия ИНИИК, вып. II-III. Владикавказ, 1930 г.
94. Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ, 1990 г.
95. Алборов Б.А. Ингушский Гальерды и осетинский Аларды // Известия Ингушского НИИК, вып.1. Владикавказ, 1928 г.
96. Алборов Б.А. Этноним «царциата» осетинских нартских сказаний (рукопись) // Архив СОИГСИ, фонд Алборова Б.А.
97. Хамицаева Т.А. Календарные обряды и обрядовая поэзия осетин весенне-летнего цикла // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1988 г.
98. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994 г.
99. Гарданты М.К. Нарта, с. 67//АСОНИИ, фольклор, №164, папка 51, тетр. 3.
100. Головин П. Осетины. Древнейший их культ и позднейший религиозный их индифферентизм // Терские ведомости, №11, 1868 г.// Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах, кн.3. Цхинвали, 1987 г.
101. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
102. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Москва, 1972 г.
103. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX веков. Нальчик, 1974 г.
104. Информатор Сейнароев Бунхой Баматгири, 1920 г.р., аул Ний коат1е, РИ.
105. Ахриев Ч. Ингуши // ССКГ, вып.8, Тифлис, 1875 г.
106. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Москва, 2008 г.
107. Ахриев Ч. Ингуши // ССКГ, вып.8, Тифлис, 1875 г.
108. Вертепов Г. Ингуши // «Герский сборник», кн.2, Владикавказ, 1892 г.//Ингуши, сб-к статей и очерков. Саратов, 1996 г.
109. Алборов Б.А. Ингушский Гальерд и осетинский Аларды // Известия Ингушского НИИК, вып.1, Владикавказ, 1928.
110. Семь сыновей вьюги. Ингушское предание // Светлов В.Я., сочинения С.-Петербург, 1910 г., т.2, с.198-214 // Наьртех йола г1алг1ай эпос, Магас, 2017 г.

111. Тутаев А. «Этнографические тетради», тетрадь №1// Фонд НБИ, г.Сунжа.
112. Шиллинг Е.М. Култ Тушоли у ингушей // Известия И НИИ, IV, вып.2, Орджоникидзе, 1934, со ссылкой на Н.Яковлев. Ингуши. Москва, 1925 г.
113. Наьртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
114. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1974 г.
115. Яковлев Н. Ингуши. Москва-Ленинград, 1925 г.
116. Грузинские народные предания и легенды, № 66. Зап. В. Габури в 1914 г. в Хевсурети. Москва, 1973 г.
117. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-73 г.г. С.-Петербург, 2002 г.
118. Там же.
119. Паллас П-С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 годах // Европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик, 2010 г.
120. Штедер. Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик, 2010 г.
121. Информатор Томов Iусманий Султан, 1938 г.р., с. Шолхе.
122. Долбежев В.И. Археологические исследования в Терской области // Журнал этнологии, т.19. Берлин, 1887 г.// Газиков Б.Д. Сборник сведений об ингушах, кн.2. Москва, 2018 г.
123. Яковлев Н. Ингуши. Москва-Ленинград, 1925 г.
124. Энгельгардт М. Путешествие в Крым и на Кавказ.../ Ингушетия и ингуши. М.,1999 г.
125. Газиков Б.Д. Сборник сведений об ингушах, кн.2.Москва, 2018 г.
126. Свободомыслие // И.В.Гёте. Собрание сочинений, т.1. Москва, 1975 г.
127. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, Москва, 1960 г.
128. Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904 г.
129. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК, вып. XXXI, 1902, стр. 41, 57; вып. XXXVIII, 1908,стр. 78. //У.Б.Далгат, Героический эпос чеченцев и ингушей. Москва,1972 г.
130. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник, т.2. Тбилиси, 1968 г.
131. Абаев В.И. ИЭСОЯ, т. II. Ленинград, 1973 г.
132. Дзищойты Ю.А. Наргы и их соседи. Владикавказ, 1992 г.
133. Варданянц Л.А. Геотектоника и геосейсмика Дарьяла как основная причина катастрофических обвалов Девдоракского и Геналдонского ледников Казбекского массива // Известия Государственного географического общества, вып.1. Москва, 1932 г.
134. Дешериев Ю.Д.Сравнительно-историческая грамматика нахских языков.... Грозный, 1963 г.
135. Горепекин Ф.И. Труды. С.-Петербург, 2006 г.
136. Сеска Солсеи КIиндий Шоаи // Дега гIоз. Фрунзе, 1957 г.
137. ГIалгIай мехка хьалхарча хIамай // Говзаме йоазош. ГIалгIай литературни юкьаралла гулам. Буро /г.Владикавказ/, 1931 г.
138. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997 г.
139. В долине Мериджи // Журнал этнологии, т.19. Берлин, 1887 г.
140. Журнал «Мах дуг», вып.1. Орджоникидзе, 1988 г.
141. Памятники народного творчества осетин /ПНТО/, т. I. Владикавказ, 1925 г.
142. Там же.
143. Наьртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
144. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948 г.
145. ПНТО, т. I. Владикавказ, 1925 г.
146. Там же.

147. Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института /АСОНИИ/. д. 351, л.297.
148. Дзищойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ. 1992 г.
149. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Москва, 1978 г.
150. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 2013 г.
151. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1974 г.
152. Дзидзигури Ш.В. Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси, 1986 г.
153. Крупнов Е.И. Изучение нартского эпоса и археология // Известия ЧИ НИИ, т. VII, вып. 1. Грозный, 1966 г.
154. Там же.
155. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Москва, 2008 г.
156. Сеска Солсеи Киндий Шоаи // Наъртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
157. КIиндий Шоас йоI йодаярах // Наъртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
158. Сармак бижар // Наъртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
159. Сеска Солса и Кинда Шоа//Наъртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
160. Информатор Сейнароев Бунхой Баматгири, 1920 г.р., аул Ний коатIе, РИ.
161. Информатор Торшхоев Хъажмурадий Сали, 1922 г.р., с. Базоркино - Мочкый юрт, ИАО.
162. Информатор Хамхоев ТIуртIий Махьмад, 1926 г.р., с. Ангуит – Алкун, РИ.
163. Информатор Точиев Солсбикий Бахьаудин, 1925 г.р., с. Ахкий юрт – Галашка, РИ.
164. Детство Шауея // Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик. 2013 г.
165. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
166. Генджакешауай // СМОМПК, вып.25. Тифлис, 1898 г.
167. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
168. Семь сыновей выюги // Наъртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
169. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
170. Там же.
171. Нартла. Нальчик, 1995 г.
172. Тутаев А. «Этнографические тетради», тетрадь №1 // Фонд НБИ, г. Сунжа.
173. Сказание о кузнеце // Наъртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
174. ПНТО, т.1. Владикавказ, 1925 г.
175. Гаглойты Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977 г.
176. Ирон адаемы сфаелдыстад, т.1. Орджоникидзе, 1961 г.
177. ПНТО, т.1. Владикавказ, 1925 г.
178. Саууай // Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948 г.
179. Абаев В.И. Избранные труды. Орджоникидзе. 1990 г.
180. Меремкулов В.М. Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975 г.
181. Дзидзигури Ш.В. Грузинские варианты нартовского эпоса. Тбилиси, 1986 г.
182. Там же.
183. Максимов Е.Чеченцы // Терский сборник, вып.3, кн.2. Владикавказ, 1893 г.
184. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872 г.
185. Мифы и предания чеченского народа. Москва, 2010 г.
186. Как умер последний нарт // Горепекин Ф.И. Рукописный материал, с.20/Фонд НБИ г. Сунжа.
187. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870 г.
188. Эльмурзаев С.Ч. Новые данные о чечено-ингушских нарт-эртхоевских сказаниях // Труды ЧИ НИИ, т. IX. Грозный, 1964 г.

189. Смерть нартов // ССКГ, вып.4. Тифлис, 1870 г.
190. Семь сыновей вьюги // В.Я.Светлов. Сочинения, т.2. СПб, 1910 г.
191. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
192. Дзищойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992 г.
193. Эльмурзаев С.Ч. Новые данные о чечено-ингушских нарт-эртстойских сказаниях // Труды ЧИ НИИ, т.IX. Грозный, 1964 г.
194. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. С.-Петербург, 2002 г.
195. Штедер. Дневник путешествия в 1781 году // Кавказ. Европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик, 2010 г.
196. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872 г.
197. Вахушти. География Грузии // Записки КОИРГО, кн.XXIV, вып. V. Тифлис, 1904 г.
198. Горепекин Ф.И. Труды. С.-Петербург, 2006 г.
199. ЦГА ДАССР, ф.379, оп.1, д.524, лл. 30-41, 44-45 // Г.А.Горчханова, Т.М.Айтберов, Я.З.Ахмадов. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII века // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989 г.
200. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. С.-Петербург, 2002 г.
201. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872 г.
202. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в., с.688-689/Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия ЧИРКМ. Грозный, 1975 г.
203. Семь сыновей вьюги // Наьртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
204. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ, №4. Тифлис, 1870 г., №4
205. Там же.
206. Информатор Беков БаIадалий Къарамсолта, 1929 г.р., с. ТIой юрт/Кантышево, РИ.
207. Сеска Солса и тазовая кость; Хьалха баьхача нахах // Наьртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
208. Хамчи Патриж // Наьртех йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
209. Наьртех йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
210. Ахриев Ч. Несколько слов о героях ингушевских сказаний // ССКГ, №4. Тифлис, 1870 г.
211. Сеска Солса и человеческий череп // Наьртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
212. Солса и Патараз // Наьртех йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
213. Ахриев Ч. Ингуши // ССКГ, вып.8, Тифлис, 1875 г.
214. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ, вып.IV. Тифлис, 1870 г.
215. Бывалый. Молитва Сеска Солса // газ. «Терские ведомости», №127. 1911 г.
216. Нартла. Нальчик, 1995 г.
217. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
218. Там же.
219. Там же.
220. Нартла. Нальчик, 1995 г.
221. Ирон адаемы сфаелдыстад, т.I. Орджоникидзе, 1961 г.
222. Этнография и мифология осетин, краткий словарь. Владикавказ, 1994 г.
223. Тотрадз и Сослан // Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948 г.
224. Шанаев Г. Из осетинских сказаний о нартах// ССКГ, вып. IX. Тифлис, 1876 г.
225. Как Шатана стала женой Урызмага // Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948 г.
226. Саууай // Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948 г.
227. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 2013 г.

228. Дзидзигури Ш.В. Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси. 1971 г.
229. Там же.
230. Горепекин Ф.И. С.-Петербург, 2006 г.
231. Из осетинских народных сказаний // ССКГ, вып. VII. Тифлис. 1873 г.
232. Сеска Солса и Боткый Ширткыа // Наьртах йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
233. Солса и Патараз // Наьртех йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
234. Чахкиев Д.Ю. Археологические памятники Галгайского ущелья горной Ингушетии // Вторые «Ахриевские чтения». Назрань, 1996 г.
235. Информаторы Бисаев Махъмат Къарамсолта, 1926 г.р., с. ДавттагIе РИ и Марзабеков Бейсолгий Берснакъ, 1916 г.р., аул Бархане, РИ.
236. Информатор Марзабекова Бейсолгий Берснакъ, 1916 г.р., аул Бархане, РИ.
237. Гарског // Наьртех йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
238. Боткый Ширткыас аьннар // Наьртех йола гIалгIай эпос. Магас, 2017 г.
239. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 2013 г.
240. Детство Бadyноко // Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 2013 г.
241. Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ. 1990 г.
242. Из осетинских сказаний о нартах // ССКГ, вып. IX. Тифлис, 1876 г.
243. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
244. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник, вып.3, кн. 2. Владикавказ, 1893 г.
245. Висковатов А. С Казбека // «Русский вестник», т. IX. 1865 г.
246. Нартла. Нальчик, 1995 г.
247. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992 г.
248. «Сердало», газета, №18 от 10.09.1924 года.
249. Светлов В.Я. Семь сыновей вьюги // Сочинения, т.2. С.-Петербург, 1910 г.
250. Автор этой догадки лингвист А.С.Курскиев, к сожалению, в виду недоступности публикации, нет возможности сделать на нее ссылку/.
251. Информатор Цуров Исхъакхий Махъмат, 1932 г.р., аул Эзми, РИ.
252. Пищулина В.В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов-на-Дону, 2006 г.
253. Алборов Б.А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» // Известия Ингушского НИИ, г. Владикавказ, 1928 г.
254. Гутнов Ф. Х. Века и люди. Владикавказ, 2004 г.
255. Саниба ерда // Антология ингушского фольклора, т.1. Нальчик. 2003 г.
256. Кушт // Антология ингушского фольклора, т.7. Нальчик, 2010 г.
257. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 г.г. // Известия Ингушского НИИК, вып.1. Владикавказ, 1928 г.
258. Бзаров Р.С. Осетины Дзгоевы. Биография фамилии и история народа. Владикавказ, 2011 г.
259. Отчетная записка Г.Хатисян по результатам экспедиции 1882 года в Тагаурию // Архив ИИМК, г. С.-Петербург, ф.3, 1884 г., №589 // Гилате, сб-к мат-ов. Нальчик, 2015 г.
260. Информатор Костоев Пхъарчой Дауд, 1924 г.р., аул Къест, РИ.
261. Материалы по археологии Кавказа, т.1. Москва. 1888 г.
262. Информатор Ярыжев Хъунсагий Исраил, 1922 г.р., аул Морч, РИ.
263. Информатор Ярыжев Хъунсагий Исраил, 1922 г.р., аул Морч, РИ.
264. Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870 г.
265. Алборов Б.А. Доклад «Термин Нарт (К вопросу о происхождении нартского эпоса)», сделанный в ГПИ 1927 г. // Владикавказ, 2006 г.
266. Магомедов А.Х. Этнические и культурно-исторические связи алан-осетин и ингушей. Орджоникидзе, 1982 г.

267. Бзаров Р.С. Осетины Дзгойта. Владикавказ, 2011 г.
268. И.С. Легенда о происхождении тагаурских алдар и куртатинских таубиев // газ. «Терские ведомости», 1893 г. №37 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. VI. Владикавказ, 2006 г.
269. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Москва, 2008 г.
270. Тутаев А. Этнографические тетради // фонд НБИ г. Сунжа.
271. Варданянц Л.А. Геотектоника и геосейсмика Дарьяла как основная причина катастрофических обвалов Девдоракского и Геналдонского ледников Казбекского массива // Известия Гос.географического общества, вып.1. 1932 г.
272. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Москва, 2008 г.
273. Висковатов А. С Казбека // «Русский вестник». 1865. т.50. с.389-422 // Гилате. Нальчик, 2015 г.
274. Сулейманов А.С.Топонимия Чечено-Ингушетии, II часть. Грозный, 1978 г.
275. Информатор Гандаров Элбердий Махьмат, 1898 г.р., с. Мужичи, РИ.
276. Информатор Богатырев Муртазий Ахьмад, 1918 г.р., с. Мужичи, РИ.
277. Информатор Евлоев Хьуний Ахьмад, 1924 г.р., с. Ангушт РСО-А.
278. Информатор Точиев Солсбека Бахьаудин, 1922 г.р., с. Ахкий юрт-Галашка РИ.
279. Родник Карашауа // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. Москва, 1994 г.
280. Информатор Гандарова (Эльмурзиева) Товсолтий Доулатхан, 1930 г.р., г. Назрань – с. Мужичи. Со слов отца Эльмурзиева Товсолта, сына Г1ойсолта, около 1880 г.р., уроженца Ньсаре, который был известным народным лекарем. Товсолта 14 лет провел в Турции мухажиром, знал турецкий.
281. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии, II часть. Грозный, 1978 г.
282. СМОМПК // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа/, вып.1. Тифлис, 1881 г.
283. Генджакешауа // СМОМПК, вып. 25. Тифлис, 1898 г.
284. Миллер В. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Журнал Министерства просвещения, январь 1883 г. С.-Петербург.
285. Зоахалол // Г1алг1ай багахбувцам. Магас, 2002 г.
286. Информатор Барахоев Османа 1абдул-Хьамид, 1957 г.р., с. Г1алг1ай юрт РСО-А.
287. Джуртубаев М.Ч. Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011 г.
288. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Москва, 1966 г.
289. Хаджиева Т.М. Сказания, легенды и предания балкарцев и карачаевцев об Эльбрусе.
290. Фрешфильд Д. Дневник шестилетнего путешествия по Кавказу // Альпийский журнал, №№ 93-100, 1888 г.
291. В.Я.Светлов. Семь сыновей вьюги. С-П., 1903 г. // Литературная Ингушетия, №27, 2004 г.
292. В.Ф.Миллер. Язык осетин (пер. с немецкого яз.). Москва, 1962 г.
293. Нарты кадджыта, т.1. Орджоникидзе, 1989 г.
294. Ирон адамы сфалдыстад, т. I. Орджоникидзе, 1961 г.
295. Гатцук В. Как погибли нарты-эрстхуа // Журнал «Юная Россия», май 1907 г.
296. Джуртубаев М.Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. Москва, 2003 г.
297. Крупнов Е.И. Изучение нартского эпоса и археология // Известия ЧИ НИИ, т.VII, вып.1. Грозный, 1966 г.

ГалгIаче – легендарная прародина ингушей, ущелье р. Ахк хий, левого притока р. Эса. Тянется несколько километров с запада на восток от культовых вершин массива Габлахой лоам к «поляне предков» ОвлартIе. Долина усеяна памятниками материальной культуры, датированными периодом от III тысячелетия до н.э. до XVIII века н.э., в числе которых древнейшие циклопические городища КIинда Iгалаш и могильники КIинда Iимараш. (Фото автора).

ОвлартIе – «поляна предков» у устья ущелья ГалгIаче на правом берегу р. Ахк хий / ГалгIай хий. В центре поляны руины легендарного мегалитического городища КIинда Iгалаш, в котором, согласно этногенетическим преданиям жил КIинда - сын ГалгIа, отец наьрта КIинда Шоа. Сюда в гости к своему зятю приходил другой прославленный галгайский наьрт Сеска Солса - предводитель дружины 63-х орхустой. (Фото автора).

Остатки мегалитического городища на отроге Кинда Галай дукъ над поселением Аьгий кхал. (Фото автора).

Могильник Кинда Имараш. Бартал каш – полуподземный склеп бронзового века, древнейшее коллективное захоронение на территории Северного Кавказа. Склеп, по народным представлениям связанный с предками-наьртами, является ровесником эпохи зарождения на Кавказе эпоса о наьртах. (Фото автора).

Мегалитическое городище Кинда глалаи в местности ДзIамараш иисте, выше замка Дошхьакхле. Здесь под восточными склонами массива Гаьлахой лоам находятся истоки р. Ахк хий. (Фото автора).

Имар/Эмар – подземный склеп древнего могильника Кинда Имараш у впадения р. ПхорагIа аьли в Ахк хий на западе Аьгий кхала. (Фото автора).

Могильник Киинда Имараши. Руины надземного склепа-Имар. На заднем плане, на отроге Цей лоам, виднеется замок Лейми. (Фото автора.)

Мегалитическое жилище Киинда гГалаиш у замка Кхарт в ущелье ГгалгГаче. (Фото автора).

Мегалитическое строение Кунда Галаш в окрестностях замка Лейми, на южном склоне Цей лоам. Древние поселения всегда соседствуют со своими средневековыми преемниками, подтверждая генетическую связь между их обитателями. Также и средневековые надземные склепы, как правило, сосредоточены на территории древних могильников кунда Имараши. (Фото автора).

Храм Аьлби ерд в центре одноименной поляны посвящен Аьлбиерду – потомку Кунда Шоа, отцу Аьги, Хамхи и Таргама. На заднем плане слева – вершина Пане – обитель душ павших в бою предков. (Фото автора).

Дорхе - южная часть котловины Кхаъ кхале. Храм Ткъабла ерд расположенный в ее центре, прикрывается крепостями Пхъув и Хъайрахъ. Здесь у храма происходили заседания «суда страны» - Мехка кхел, на которых решались все важные вопросы галгайского демократического общества. (Фото автора).

Эгикальская поляна для конских игр КуразтIе с сосновым бором и сторожевым курганом Зувре на переднем плане. На втором плане, между руслами рек Ахк хий и Эса, расположена легендарная поляна АьлбердIе, где сохранились остатки храма Аьлби ерд и святилища Аувш Села. На третьем, заднем, плане, на правом берегу р. Эса – крепость ТIаргам. Вид из замка Бархане. (Фото автора).

Котловина ГалгаЙай наIарге с высот Щей лоама. Там внизу, у северного входа в «Страну Галгаев», над правым берегом р. Эса стоят развалины легендарной нартской заставы ГалгаЙай коаишке, где несли боевую вахту наьрты Пхьагал баьрий, Сеска Солса, Куолой кIант и другие. (Фото автора.)

Горная долина Гаь лоам или Гаьлахь расположена к северу от ГалгаЙай наIарге над правым берегом р. Эса. На плоской вершине Гаьлерд корт /слева/ находятся развалины главного галгайского храма предков – Гаьл ерд, к которому летом и зимой, в дни солнцеворота, совершались всеобщие паломничества мужчин. Над этой долиной начинал свой восход светило, освещая просторы «страны Галгаев». Здесь же находятся легендарная кузня Гаь пхьоале и поляна для выпаса богатырских коней-гила. (Фото автора.)

Закат над ГалгIаче. Хамчий Петараж сердал йижаче – южные склоны вершины Сеска Солса корт массива Габлахой лоам. Наьрт Хамчий Петраж, посетивший предков в Даьла Iэл, вернулся в Даьла Маьлхе перед последними лучами солнца. Здесь же, на вершине Ткъамаите у пещеры ЗIанар хъах галгаи торжественно встречали первые лучи восходящего Солнца. (Фото автора).

Габл ерд – главный «храм предков» гIалгIай, расположен на вершине Габл ерд корт на высоте около 2200 метров над уровнем моря. Каждое лето в день летнего солнцестояния этингий ха сюда для коллективной молитвы поднимались мужчины из всех галгайских обществ во главе с цIан саг. После молебня они оставляли здесь «подношения для предков» в виде наконечников стрел и копий. Окружающая храмовую вершину горная долина Габ лоам овейна сюжетами из сказаний о наьртах, их священных гилах, а также о вампалах – их главных противниках. На заднем плане, на противоположной западной стороне Кхаь кхале высится культовый массив Габлахой лоам, за который светило опять уходило в Даьла Iэл. (Фото автора от 27.10.2019 года).

Гаьл ерд – развалины «храма предков» общества Мецхалой шахьар на южной окраине замка АнготIе/Эгенты. Ниже храма лежит поляна МохтIе на котором находится Есмала гув – «райский курган», где покоятся «благословенные предки». (Фото автора).

Курган Есмале гув на краю поляны МохтIе на южной стороне храма Гаьл ерд. На пригорке слева – руины храма Тушоли. Здесь сосредоточены сотни подземных и полуподземных коллективных захоронений. В вечернее время, по поверью горцев, от кургана поднимается сияние «благословенных предков» дей лираш, которое образует яркую звезду Кейр седкья. (Фото автора).

Мйале – верхняя боевая часть галгайской средневековой боевой башни-вТов замка Лейми. Это 28-метровое творение возведено по преданию знаменитым тЮговзанч-зодчим Хоаной Хингом. ГалгГай мохк – родина этих шедевров. Мастерство галгайских тЮговзанч уходит корнями в глубь тысячелетий, к строителям полумифических кИнда гАлаш. На фасаде башни выложен галгайский знак эздел - символ меры и гармонии. (Фото автора).

Пхьув – галгайский замок, расположенный у южных ворот общества Кхаь кхале. Вход. (Фото автора).

Аьгий кхал. Наиболее архаичная 5-ярусная полубоевая башня-хьокхе в квартале Аьшк БогИтара кур. На заднем плане – культовый массив Габлахой лоам. (Фото автора).

Имар – надземный склеп у замка МужгИоне на правом берегу р. Фортанга. Здесь, в «обители Иэл» покоятся «души предков» местной фамилии. На фасадной стене склепа тИговзанч умелой выборкой камней сотворил оригинальный рисунок, в котором заложен некий скрытый смысл. Этот загадочный символ охристой краской, нанесенной на известковую штукатурку, заключен в солярный круг – гадоахарг, от которого отходят ткььо /«двадцать»/сакральных для галгайцев лучей. Справа от круга начертан стилизованный рисунок человека, стоящего в позе адорации. В этой сложной композиции символов несомненно отражены древние представления галгайцев о тесном взаимодействии обитателей Даьла Маьлхе и Даьла Иэл, потомков и предков. (Фото автора).

Галгайская крепость Таргам, удел младшего сына Аьлбиерда. Крепость расположена на правом берегу р. Эса, напротив культовой поляны, где стоит храм Аьлби ерд. (Фото автора).

Культовая вершина Пана над котловиной Галгай наТарге. Наскальное укрепление ЙиЙий гала, известное также под названием Боткбий гала построено, согласно сказанию, пронырливым Боткъя, отцом Ширткъя, жившим в подземных проходах отрогов Щей лоама. Боткъя похитил в Галгай коашке невесту Хамчий Петаражжа и скрылся от него в этой недоступной башне. Хамчий Петаражжа, имевшего стальную плоть, выстрелили в нее из громадного лука. Раненный Баткъя успел скрыться от наярта в подземелье, а Петаражж освободил свою невесту. (Фото автора).

«Эл-Маьлхе уха Боткбий Ширткъя» в гостях у Куолой кІанта с «посланием от предков». Ласка в развалинах замка Киеле – родины набрта Коулой кІанта. (Фото автора). Этот зверек, являющийся «тезкой» героя ингушского эпоса, часто поселяется среди развалин замковых поселений горной Ингушетии. Если учесть, что сухая каменная кладка, оставляющая в стенах множество щелей, именуется у ингушей баткъя, то напрашивается очевидная параллель между Боткъя, именем отца Ширткъя, и способом сухой кладки баткъя.

Башенное поселение Саниба на северном склоне Башлоам корт, у устья р. Фаьра аьли. Это родина галгайских набртов-предков. На заднем плане, на территории могильника Царциаты уалмардта находится Саниба ерд – один из самых древних галгайских храмов, посвященных культу предков, переделанный в XIX веке под православную церковь. (Фото начала XX века).

*Башлоам корт – главная культовая гора галгайцев, «центр туземной мифологии». На ее вершине обитает «всесильный Ткъя», сотворивший наяртов. Ледяные поля у ее вершины – удел семи сыновей Ткъя, рожденных покровительницей вьюг Дардза нанилг. Наярт Куркъя, сын Сусаркъя, который с их помощью пробрался во владения Ткъя и похитил для людей овец и тростник, навечно прикован к скале в пещере на одном из ее склонов. А семерых сыновей своих Ткъя превратил в созвездие Дардза кьонгаиш – Большая Медведица. Наярта Куркъя стережет свирепая Дардза нанилг, отпугивая петушиным криком смельчаков, пытающихся пробраться к пещере, чтобы освободить его от железных оков. На северном склоне вершины, в верховьях нартского ущелья Санибай чЮож, находится мифическая пещера благодати Фаъра хъах, в которой есть неистожимые хлеб и бараний окорок.
(Фото автора, снятое на перевале Кхо эГарг дагIаче).*

Т.А-Х. Дзаурова

(г. Назрань, научный сотрудник ИГМК им. Т. Мальсагова)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОХРИСТОЙ КРАСКИ В БЫТУ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ У ИНГУШЕЙ. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОХРЫ

Применение охры с древнейших времен разнообразно. Ее применяли в первобытном искусстве, медицине¹, в погребальных обрядах, в оформлении жилищ.

Охра – это природная минеральная краска желтого, красного и др. цветов, состоящая из окиси железа и глины, окрашенных окислами железа, марганца.

В природе существуют охристые сланцы. «Различные пласты сланцев под более или менее интенсивным воздействием солнечных лучей меняют окраску. Нижние, самые защищенные от солнца пласты состоят из темно-красной охры почти шоколадного цвета. Затем световая гамма светлеет: на смену приходит кирпично-красная, светло-красная и желтая охра. Последняя имеет массу оттенков, вплоть до зеленоватого. По-видимому, охра вначале растиралась в порошок, затем смешивалась с каким-то связывающим составом. Состав охры в различные эпохи не был одинаковым»².

Охра встречается во многих местах, но большие залежи ее очень редки, и она большей частью встречается отдельными гнездами. Состав естественной охры весьма изменчив и доброкачественность ее находится в прямой зависимости от количества гидрата окиси железа, а также от количества и состава находящихся в ней примесей. Хорошие сорта естественной охры очень легко истираются между пальцами, оставляя то же впечатление, что и тальк.³

А.К. Вильямс сообщает, что в конце 1924 года во многих местах Джейрахского ущелья обнаружены залежи охры очень высокого качества.

Еще ранее, описывая свое передвижение по берегу Ассы, Л. Штедер пишет: «В этой местности мы нашли много пунктов, где добывается красная краска, что можно сделать здесь обычным способом»⁴.

О месторождении ярко – желтой охры в окрестностях Мецхал данные приводит Г.К. Мартиросиан: «в руках детей нередко можно наблюдать кусок ярко-желтой охры», местные жители используют ее при ремонте помещения, для окраски ставень, подоконников и т.д.⁵

Д.Ю. Чахкиев сообщает о многочисленных залежах охры, где местные жители вплоть до середины XIX и начала XX в. добывали охристую глину для изготовления красок в окрестностях таких поселений как Ляжги, Фалхан, Мецхал, Белхан, Верхний Гули, Галашпи, Бийсар и близ Кязи⁶. Во многих поселениях Д.Ю. Чахкиевым были обнаружены хорошо обработанные, шлифованные каменные ступки для изготовления красок.

Интересный материал со слов жителя Кест записал М. Гандаров: в окрестностях с. Кест находилось место по добыче желтой охры, которое называлось Била - кЮаг.⁷

География и временной промежуток использования охры в погребальных обрядах очень обширны. Со времен позднего палеолита в погребальных обрядах фиксируется использование охры, белого порошка, вулканического пепла. В культурных слоях Мустьерской эпохи на территории Северного Кавказа в местах стоянок человека были найдены куски красной охры⁸. В позднем палеолите в погребениях Восточной Европы засыпка красной охрой могла достигать нескольких сантиметров. Известны случаи, когда погребенные засыпались охрой в несколько слоев.⁹

Эпоха развитой бронзы на Северном Кавказе «представлена в основном курганными и грунтовыми могильниками»¹⁰.

Изучая многочисленные погребальные памятники Северного Кавказа этой эпохи. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин, пришли к выводу, что в различные периоды погребальный обряд племен т.н. «северокавказской общности» был подвержен влиянию майкопской культуры, которой характерны обильная засыпка краской скелетов, преобладание южной ориентировки и сильная скрученность костяков, и степняков с катакомбным видом захоронения. В разные периоды эпохи бронзы окрашенность костяков прослеживается в большей или меньшей степени (от обильного посыпания всей могилы или костяка до посыпания небольшим количеством краски каких-то определенных частей тела умершего: кистей рук, ступней, черепа). Иногда погребения наслаивались друг на друга. К примеру, в селении Аршты в одном из курганов обнаружена могила с вытянутым скелетом, засыпанным охрой, а над ней могилы со скорченным костяком без следов краски.

Захоронения с восточной ориентировкой, как правило, содержит обильную засыпку охрой в районе ног костяка, а с западной ориентировкой – в области черепа. К.Х. Кушнарева и В.И. Марковин выдвинули предположение, что положение умершего и распределение охры зависело от пола покойного.¹¹

В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев считают, что частое использование охры в погребальных памятниках Кавказа означало приписывание этой краске «очистительной силы огня».¹²

М. Цороева пишет, что охру находили в могилах без останков умершего, на этих могилах размещены стелы-кенотафы, которые у ингушей было принято устанавливать в честь погибших и захороненных вдали от родины. «Установление в бронзовый век стелы-кенотафы, – пишет М. Цороева, – сопровождалось специальными ритуалами: почти во всех подобных «могилах» находили кусочки угля и следы красной охры».¹³

Интересное катакомбное погребение описывают С.Л. Дударев и Б.М. Хашагульгов, обнаруженное ими в черте Калиновского могильника. Лицевые кости и кисти рук скелета были посыпаны красной охрой, верхняя часть черепа обмазана слоем белого вещества (мел или известь), глазницы черепа были забиты желтой глиной.¹⁴

Такие случаи не единичны. Известны погребения, в которых наряду с красной охрой присутствуют посыпания углем и известью. Т.н. «цветовую триаду» погребений Восточной Европы, когда в погребении фиксируются красная охра, белый порошок (мел или известь) и черный уголь или сажа анализирует в своем труде В.И. Мельник. Он считает, что такая триада не случайна и имеет символическое значение (белый цвет ассоциируется с очищением, черный – с успокоением, красный – с возрождением).¹⁵ М. Цороева считает, что пепел (зола) ассоциировалось у ингушей с предками, являясь связующим звеном между живыми и умершими.¹⁶

Известно, что эти три цвета присутствовали и во внутреннем убранстве ингушских жилищ: известью белили комнату, по нижнему периметру шла полоса из сажи или желтой охры, по верхнему карнизу наносился орнамент красной охрой, иногда – сплошная полоса. По внешнему периметру дома также наносилась охра.¹⁷

Символом возрождения красный цвет являлся и во многих других древних культурах.¹⁸

В.А. Городцов¹⁹ и В.И. Балабина²⁰ считают охру имитацией огня и крови. И то, и другое – священны.

В.Д. Березуцкий, П.М. Золоторев приводят мнение, что символика такого обряда была намного сложнее, чем просто символ жизни и не один раз изменялась, и дополнялась за

период его существования. По их мнению, в каждом конкретном случае охре придавали определенный смысл. Это подтверждается многочисленными вариантами размещения охры в погребениях и ее различными цветами.²¹

О роли охры в первобытном искусстве человека мы можем судить по древнейшим изображениям на скалах, пещерных стенах. Практически все они выполнены охристой краской.

О предпосылках к первобытному искусству говорят найденные образцы охры возле древнейших шалашей в Терра-Амата (ок. 300 тыс. лет до н.э.).²² В пустыне Сахара, благодаря сухому климату, сохранились несколько тысяч наскальных рисунков, свидетельствующих о ее цветущем периоде в давние времена.²³ В Испании есть пещера Альтамира которую называют «Сикстинской капеллой» первобытного искусства. Т.н. «зал животных» найдены изображения бизонов, быков, оленей, диких лошадей и кабанов, достигающие 2,2 метра и выполненные по большей части коричневой краской. Художники для достижения особого пластичного эффекта, при изображении животных использовали скальные выступы.²⁴

Рисунки высокого мастерства и просто стилизованные и графические изображения людей и животных наносились желтой, красной, лиловой охрой и белой глиной. Использовались также коричневые и черные краски, которые получали путем растирания в порошок различных неорганических материалов. Порошок разбавлялся водой, животным жиром, смолой и др. связующими веществами.

Нужный оттенок охры можно получить также путем накаливания желтой охры, которая чаще всего встречается в природе.

Первобытные художники наносили краску на камень рукой или кисточками из трубчатых костей с пучками волосков диких зверей на кончике. Когда нужно было закрасить все изображение, красящий порошок через трубчатую кость выдувался на влажную поверхность.²⁵ Художники того периода передавали объем и форму изображения с помощью густоты краски и изменения насыщенности тона.²⁶

На Северном Кавказе древних наскальных изображений (в том числе и охрой) выявлено много в горных районах Дагестана.²⁷

На территории Чечни и Ингушетии известен только один рисунок на скале, выполненный белой краской – в Мялхисте. Изображен охотничий сюжет в развернутом плане.²⁸

Встречаются изображения, выполненные красной охристой краской на жилых башнях, чаще- на штукатурке башнеобразных склепов.

Хорошо сохранился рисунок на карнизе, выполненный на штукатурке красно-коричневой краской боевой башни с. Лебаискари в Душетском районе Грузии. На нем отчетливо можно рассмотреть сцену пахоты и многочисленных всадников (рис. 1).²⁹

Рисунки, нанесенные красной охрой на жилых и боевых башнях в с. Эгикал зафиксировал Е.И. Крупнов.³⁰

Расположение рисунков на определенных башнях и склепах, по мнению, Л.А. Перфильевой свидетельствует о привилегии данной фамилии или семьи, на чье жилище или склеп нанесены рисунки, среди своих соплеменников или об особом социальном статусе обитающего в данном жилище (например, жреца). Л.А. Перфильева считает, что эти люди нуждаются в специальных оберегах, а сам знаки - это «мини-святилища».³¹

Как мы отметили выше, некоторые исследователи проводят аналогию между красной охрой, кровью и ритуальной чистотой. В связи с этим очень интересно, на наш взгляд, сообщение Е. Максимова и Г. Вертепова о том, что два раза в год «галгаевцы» совершают

жертвоприношения в храме «Каба-Ерды» «близ аула Хейры»³², опрыскивая кровью жертвенных животных стены и помост храма.³³

Красной и коричневой краской посыпались жертвенные кости и рога животных, которые оставляли в святилищах. Так, на многочисленных турьих рогах у святилища Ткъамыж-Ерды на г. Цей-лам и сегодня можно увидеть остатки красной и красно-коричневой охристой краски.³⁴

Рисунки, нанесенные охрой, на склепы, сохранились лучше, чем на жилых башнях. Судя по всему, это связано с относительно небольшими размерами этих сооружений и сильно выступающими над карнизами сланцевыми плитами кровли, которые замедляют разрушительное воздействие дождя и ветров на штукатурку. Именно в области карнизов только и сохранились фрагменты рисунков.

Многие рисунки мы можем сегодня видеть благодаря публикациям Л.П. Семенова, Е.И. Крупнова (рис. 2,3,4) и др.

К примеру, Л.П. Семенов описывает склеп, на облицовку которого красной краской нанесены различные рисунки: на одной стене - геометрического характера, на другой - несколько сцен, изображающих охоту на оленей «с примитивными фигурами оленей и их детенышами, охотников (пешего и всадника) с копьями и собакой (рис.5,6).³⁵

Е.И. Крупнов зарисовал весьма любопытный рисунок на склепе в с. Лялах, выполненный на штукатурке красной краской. Изображены человек с растопыренными пальцами рук, лошади, лук и концентрические круги (рис.7).³⁶

Из сохранившихся на сегодняшний день рисунков на склепах приведем два.

В с. Барах на стены надземного склепа поверх штукатурки нанесен рисунок в виде геометрического узора (следующих друг за другом, прямоугольников, разбитых прямыми, по диагонали, на четыре части)³⁷ (рис.8).

В 500 метрах ЮВ замкового комплекса Мужган, на берегу р. Мереджи Сунженского района Ингушетии расположена группа склепов. Два из них в хорошем состоянии. Склепы четырехэтажные, с квадратным основанием, башнеобразного типа, перекрытые четырехскатной ступенчатой крышей из сланцевых плит. Высота каждого ок. 7 метров. На каждый этаж, которые перекрываются деревянным настилом (также хорошо сохранившимся) с разных сторон света есть свой отдельный лаз. Стены одного из них украшены геометрическими фигурами, выполненными в кладке путем искусной выборки камней. Фасадная стена 1-го украшена ромбовидными орнаментами и двумя знаками в форме буквы «Т», они также выполнены в кладке стены (рис. 9). Поверх штукатурки красной охрой нанесен другой, сложный, рисунок. По центру расположен овал с отходящими от него лучами, в самом круге изображены крестики, треугольники, кружок. За пределами этого «овала с лучами», с правой стороны, располагается фигура человека. В руках у него холодное оружие или палки (не совсем понятно)³⁸ (рис. 10).

Все эти рисунки выполнены ярко-красной краской.

Красный цвет, по мнению многих исследователей, является главным цветом в ингушском орнаменте. Различные оттенки красного являлись преобладающими в женской одежде (согласно археологическим материалам)³⁹, в ингушских войлочных коврах и т.д.

П.Х. Акиева приводит в своей работе интересное наблюдение З.В. Доде, которая предположила, что причиной популярности красного цвета на Северном Кавказе может быть преобладание зеленого окружения.

П.Х. Акиева называет это явление «механизмом культурной компенсации цветов, не достающих человеку в природе».⁴⁰

Красный цвет ассоциировался с кровью и огнем,- пишет П.Х. Акиева,- он также полисемантичен в ингушской культуре. Это агрессивный, динамичный цвет и в тоже время служил оберегом, защитой от болезней, злых духов, сглаза⁴¹. В индийском обществе бытовал обычай оставлять отпечаток руки⁴² красной краской на стене дома, в знак пожелания счастья семье, которая поселилась в нем⁴³.

Возможно, рисунки охристой краской на стенах склепов также были призваны отпугивать болезни и сглаза и охранять умершего в потустороннем мире. О том, что умерших пытались уберечь от сглаза, свидетельствует тот факт, что близ ворота погребального наряда (натальной рубахи) девушки, похороненной в склепе селения Тери⁴⁴, в ткань с правой стороны были воткнуты две иглы⁴⁵.

Традиция использования охры в оформлении склепов, вероятно, «перешла» в погребальные памятники позднего средневековья из катакомбных захоронений, генетическую преемственность склепов от катакомб отстаивает в своих трудах Л.Г. Нечаева.⁴⁶

Рисунки, в виде узоров и отдельных знаков были найдены на камнях и стенах погребальных камер в Грузии, на стенах триалетских гробниц и дольменов, на камнях кромлехов. Сваны изображали сцены угона животных, «посвященных душам мертвых в потусторонний мир»⁴⁷. О.М. Джапаридзе считает их магическими знаками⁴⁸. По мнению В.И. Марковина, «они призваны охранять спокойствие мертвых»⁴⁹.

Другой цвет, характерный для средневековых погребальных памятников- желтый. По наблюдениям Б.Хайрова, штукатурка на надземных склепах отличалась от той, что была нанесена на жилые и боевые башни, своим ярко выраженным желтым цветом⁵⁰. У Д.Ю. Чахкиева желтый цвет штукатурки надземных склепов делится на три оттенка: желто-белую, светло-желтую и темно- желтую⁵¹. Возможно, в известковый раствор для штукатурки поверхностей средневековых погребальных памятников добавлялась желтая охристая краска.

В культуре народов древнего мира символика желтого цвета имела различное значение. В глубокой древности неандерталец окрашивал свое тело желтой охрой⁵². В более позднее время желтый цвет чаще всего ассоциировался с солнцем и золотом. В Египте он символизировал вечность и нетленность⁵³. В письменных источниках Индии говорится о цветах души человека, от светло-желтого до красного. Согласно поверьям индийцев, чем человек греховнее, тем душа его краснее⁵⁴. В ингушской культуре желтый цвет, по мнению П.Х. Акиевой, являлся оберегом от злых духов, символом неприкосновенности души⁵⁵.

Весьма любопытно, что эти два цвета (красный и желтый), которые использовались для «оформления» семейных усыпальниц, мы обнаружили на многих надмогильных памятниках- чуртах конца XIX-начала XX вв. в плоскостной Ингушетии (рис. 11, 12). На них имеются остатки именно красной и желтой охристой краски, что, возможно, является отголоском этой традиции. Хотя встречаются чурты, окрашенные и в другие цвета.

В горной Ингушетии специально окрашенных раннемусульманских чуртов, мы не обнаружили, но большинство надмогильных памятников горной Ингушетии, сооруженных, как правило, из горного плиточного камня, который содержит до 75-80% железа⁵⁶, под воздействием кислорода и атмосферной влаги со временем окрашиваются в различные оттенки красного и коричневого цветов.

Любопытно еще одно наблюдение: часто встречаются камни в кладке строений, сильно отличающиеся от других камней кладки своим цветом и породой. Чаще всего они плиточные с повышенным содержанием железа и, как правило, на них нанесен пиктографиче-

ский знак, другой вид камней – это арочный или угловой камень с петроглифами, на которых можно заметить остатки красной охры.

Подводя итоги, согласно которым большинство ученых сходятся на символическом, реже - эстетическом значении использования охры в погребальных обрядах и рисунках, следует учесть антисептические свойства как охры, так и других порошковых веществ, которыми посыпались тела умерших, оформлялись жилища живых – извести и пепла. Не исключено, по нашему мнению, что изначально в погребениях она служила своеобразным изолятором больного (умершего) от здорового общества, т.е. оберегом для живых, а не умерших. Вера в силу красной материи и ниток как оберега от эпидемий оспы и кори во многих областях Кавказа, которую отмечает Г.Ф. Чурсин, не случайна (исследователь приводит в пример обычай грузин протягивать красные нити, ограждая свои жилища, в случае вспышки эпидемической болезни)⁵⁷. Назначение и роль охры в погребальных памятниках могли со временем меняться, вместе с тем они менялись и в изображениях, нанесенных охрой на скалы, склепы, башни и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ее антисептические свойства использовали для лечения воспалений, язв, делали из нее компрессы при ожогах, применяли ее для защиты от солнца и холода.
2. Лот Анри В поисках фресок Тассили. М., 1962. С.126.
3. <https://ru.wikisource.org>.
4. Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа. Владикавказ, 2016. С. 206.
5. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия // Известия научно-исследовательского института Краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928 г. С. 27.
6. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Назрань, 2003. С. 36,37,43,66, 67, 67, 94, 96.
7. Записал М. Гандаров со слов информатора Костоева Дауда Парчоевича 1924 г.р. До депортации проживал в с. Кест; слов «Бил (а)», возможно, означает краску. В инг. языке при окраске любого предмета или волос у женщин принято говорить «бил диллад». «К1оаг» - яма.
8. Аутлев П.У. Мустьерская стоянка в Губском навесе 1 // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., Наука, 1973. С 22.
9. Мельник В.И. Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века степей Восточной Европы // Краткие сообщения института Археологии. Вып 241, М., 2013. С. 60.
10. Кушнарёва К.Х., Марковин В.И. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994. С. 261.
11. Там же. С. 260-265.
12. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. М., 2003. С.31.
13. Цароева М. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. Москва-Париж. 2014. С.214.
14. Дударев С.Л., Хашагульгов Б.М. Материалы эпохи бронзы из Калиновских курганов (ЧИАССР) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С.69.
15. Мельник В.И. Указ. Соч. С. 60-66.
16. Цароева М. Пантеон ингушей. Москва-Париж, 2014. С.316.
17. Информаторы: Хайров Б.А. (с. Нестеровская), Кациева Т.Э. (с. Ляжги), Ахильгов Г.М.(с. Гоуст).

18. Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Археологические древности земли Воронежской. Острогожский край. <http://vantit.ru/arheology-ostrogozhsk/999-ohra-v-pogrebalnom-obrjade.htm>.
19. Городцев В.А. Бытовая археология. Курс лекций. 1910. С. 151.
20. Балабина В.И. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983; Балабина В.И., Боросенок Л.А., Яхонтова Л.К. Исследования охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона // СА. №1. С.154-166.
21. Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Указ. Соч.
22. Иванов Вяч. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972. С.105.
23. Анри Лот. Указ. Соч. С. 126-127.
24. Роль искусства в первобытном обществе. М., 2012. <https://revolution.allbest.ru>.
25. Культура первобытного человека М., 2012. <https://revolution.allbest.ru>.
26. Дурнева И.В. Возникновение и ранние формы искусства. М., 2012. <https://revolution.allbest.ru>.
27. Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976. С. 35-78. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. М., 2003. С. 142-154.
28. Смирнова Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 134.
29. Большой каталог петроглифов Грузии. Ред. Екатерине Талахадзе. Тамариони, 2000. С.69.
30. Круинов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С.191.
31. Перфильева Л.А. Об особенностях употребления средневековых петроглифов на Северном Кавказе // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 124-134.
32. Очевидно, что речь идет о храме Тхаба-Ерды близ селения Хайрах.
33. Максимов Е. Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистический очерк. Владикавказ. 1892. С. 90.
34. Информатор сотрудник МЧС по Джейрахскому району РИ Добриев Магомед.
35. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. Владикавказ. 1930. С.377.
36. Круинов Е.И. Средневековая Ингушетия, Москва, 1971. С.193.
37. Из материалов Ингушского Историко-географического общества «Дзурдзуки».
38. Из материалов Ингушского Историко-географического общества «Дзурдзуки». Материалы экспедиции Цеча-Ахка-Мужган-Мержи.
39. Чахкиев Д.Ю. Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 49-60.
40. Акиева П.Х. Цветовое видение ингушей // Вопросы истории Ингушетии. Вып.7, Магас. 2007. С.78-80.
41. Акиева П.Х. Указ. Соч. С.77.
42. Отпечатки рук можно встретить как на штукатурке склепов в горной Ингушетии, так и выполненные на камне в виде рельефных стилизованных изображений. В основном, на склепах и жилых башнях.
43. Мусаев Т.А. Символ руки древнейший идеографический знак // Известия ДГПУ №1, 2001.
44. Скорее всего, здесь имеется ввиду инг. замковый комплекс Тори, расположенный в 1 км СВ от с. Эгикал.

45. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии 1928 и 1929 гг., Владикавказ, 1930. С. 379.
46. Нечаева Л.Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин // Этническая история народов Азии. М, 1972. С. 277.
47. Марковин В.И. Памятники искусства и культуры Древнего Кавказа. М, 1979. С. 89.
48. Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Триалети в 1959-1962 гг.,// Сов. Археология, 1964, №2. С.114-119.
49. Марковин В.И. Указ. Соч. С. 89.
50. Сообщил автору статьи научный сотрудник ИнгНИИ им. Ч. Ахриева Б. У. Хайров.
51. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т.2, Нальчик, 2009. С.10, 12, 14, 17, 18, 20, 27, 34, 48, 60, 61, 65, 66, 67, 72, 77, 79, 81, 89, 39, 67, 58, 59, 62.
52. Иванов Вяч. Об одном типе архаичных знаков искусства // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 105.
53. Солкин В.В. Египет: вселенная фараонов. М., 2001.
54. Бонгард-Левин Г.М. Ильин Г.Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., Наука, 1969. С. 162-169.
55. Акиева П.Х. Указ. Соч. С.81.
56. Сообщил научный сотрудник ИнгНИИ Хайров Б.А.
57. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махач-Кала, 1929. С.38.

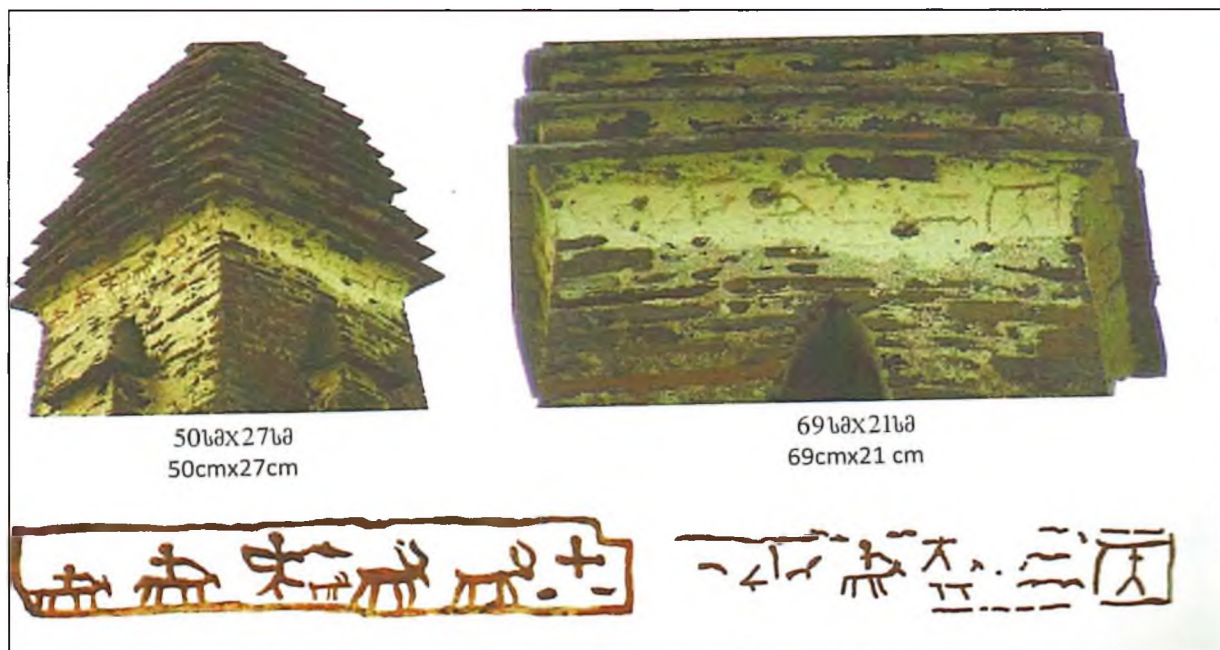

Рис. 1. Боевая башня с. Лебаускари в Душетском районе Грузии.

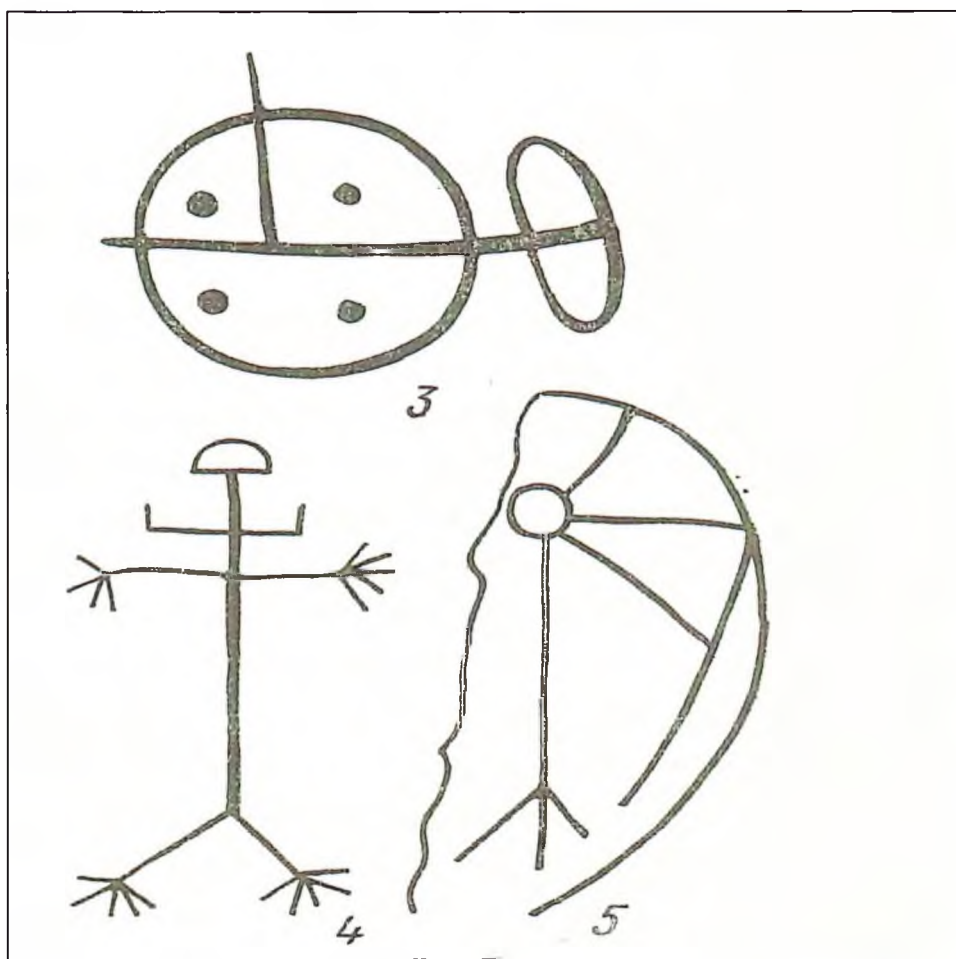

Рис. 2. Рисунки, нанесенные на штукатурку жилых башен в с. Эгикал горной Ингушетии (по Е.И. Крупнову).

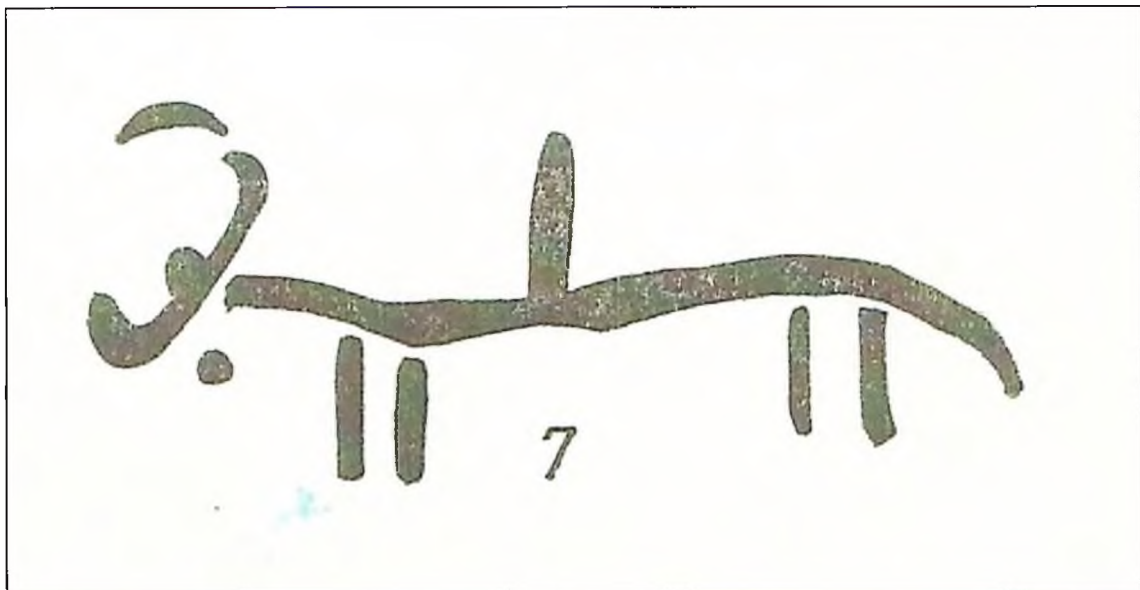

Рис.3 Рисунки, нанесенные на штукатурку жилых башен в с. Эгикал горной Ингушетии (по Е.И. Крупнову).

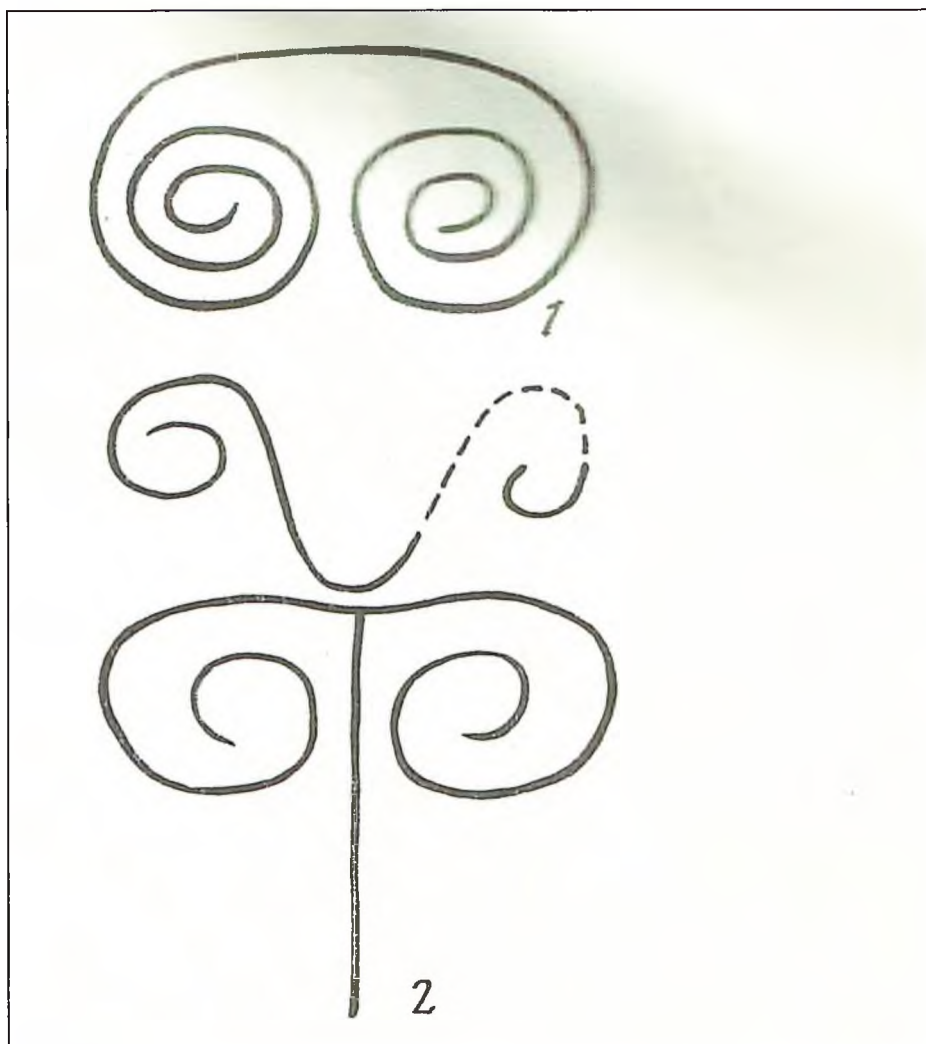

Рис.4. Рисунки, нанесенные на штукатурку жилых башен в с. Эгикал горной Ингушетии (по Е.И. Крупнову).

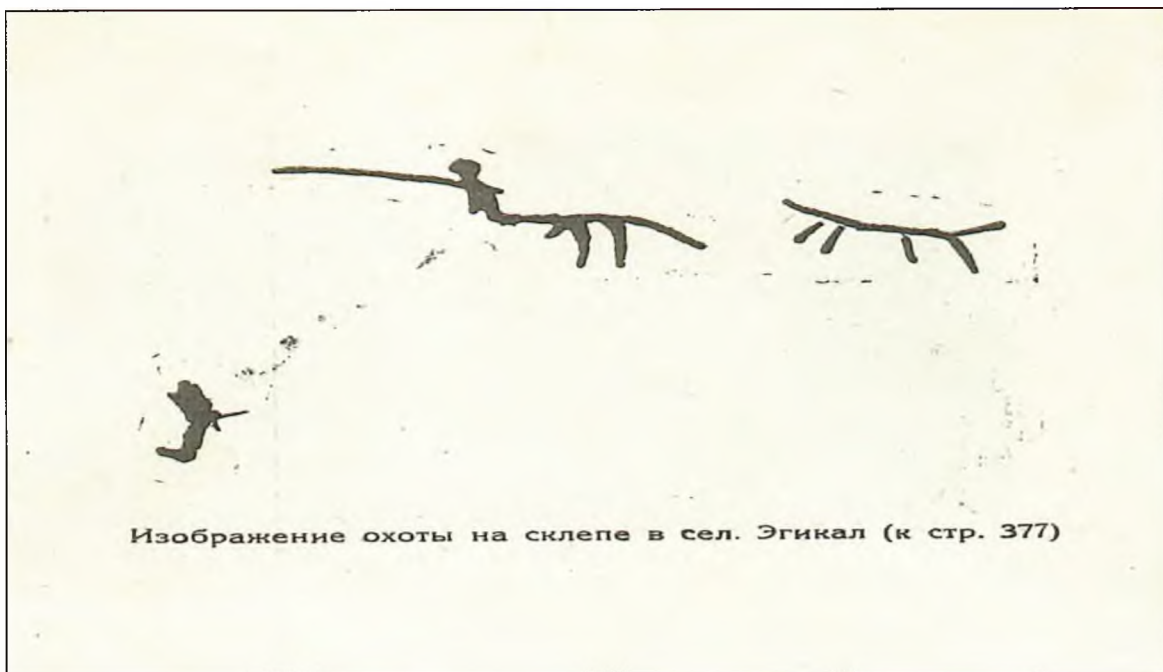

Рис. 5. Сцены охоты на склепе в с. Эгикал горной Ингушетии. Красная охра.

Рис.6. Сцены охоты на склепе в с. Эгикал горной Ингушетии. Красная охра.

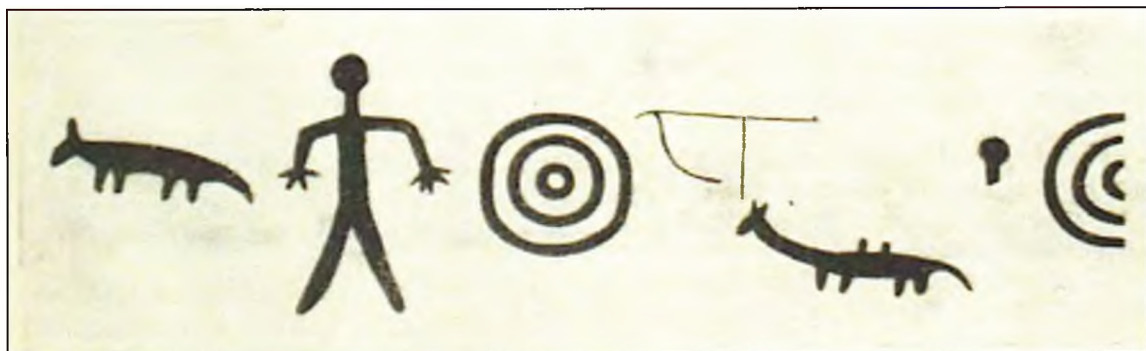

Рис.7.Рисунок на склепе в с. Лялах горной Ингушетии. Красная охра.

Рис.8. Склеп в с. Барах горной Ингушетии. Фрагмент геометрического рисунка. Красная охра.

Рис.9. Рисунок на склепе близ с. Мужган горной Ингушетии. Красная охра.

Рис.10. Рисунок на склепе близ с. Мужган горной Ингушетии. Красная охра.

Рис.11. Надмогильная стела - чурт первой половины XX в. со следами краски из красной охры в с. В. Ачалуки.

Рис.12. Надмогильные стелы со следами желтой и красной красок. С. Кантышево.

Рис.13. Арка дверного проема жилой башни с рельефным пиктографическим рисунком. С. Меллери. Ближний план. Прорисовка.

Рис. 14. Святилище на г. Цей-лам, рога животных выкрашенные красной краской.

Рис.15. Угловой блок жилой башни с. Меллери.

Рис.16. Угловой блок жилой башни в Меллери.

Рис.17. Петроглиф на башне с. Хамхи.

Рис. 18. Камень в кладке башни с. Эгикал.

Рис.19. Месторождение желтой охры на южном склоне Столовой горы. По словам информатора Ахриева Магомеда (с. Джейрах) грузины в годы депортации вывозили охристую краску с этих залежей в Грузию.

Т.А-Х. Дзаурова

(г. Назрань, ИГМК им. Т. Мальсагова)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ГРАФИЧЕСКИХ РИСУНКОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СКЛЕПАХ-СВЯТИЛИЩАХ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

В 20-х гг. XX столетия, в ходе экспедиций в горную Ингушетию, Л.П. Семенов зафиксировал в т.н. «склепах с поминальной камерой» несколько каменных плит прямоугольной формы с изображенными на них прямоугольниками, состоящих из коротких параллельных линий, число которых непременно «22». Всего ими было найдено шесть таких камней в селах Хамхи, Эрзи, Вовнушки, Эгикал [1, с.20-21]. Подобные камни на полу и скамьях склепов с поминальной камерой упоминает и Е. Шиллинг [2, с.36]. Позже В.П. Кобычев в своем труде «Летопись гор» пополнил эту «коллекцию» еще тремя подобными находками из горных селений Ингушетии и Чечни - Верхний Озик, Мэллер и Ами (рис.1) [3, с.145]. Судя по описанию, еще одну находку такого типа отмечает у себя в работе Д.Ю. Чахкиев в т.н. «склепе с поминальной камерой» в с. Эрзи, расположенной на одной из плит П-образной скамьи «.. в виде 6 полос, окаймлявших плиту с 4-мя крестами на углах» [4, с. 52]. Из трех описанных Л.П. Семеновым и зарисованных Е.И. Крупновым камней в Эрзи, нет ни одного с 4-мя крестами (рис. 2) [5, с. 20-21], [6, с. 189].

В результате полевых исследований на территории горной Ингушетии в 2016-2017 гг. Историко-географическим обществом «Дзурдзуки» были найдены еще два таких камня, с короткими штрихами по периметру, в сс. Хяни и Таргим. Камень, обнаруженный в с. Хяни, в отличие от ранее найденных, не имеет правильной прямоугольной формы и штрихи расположены неравномерно. Также отличительной особенностью указанного камня является наличие двух углублений по середине вместо крестиков, как на других камнях. Тем не менее, у нас не возникает сомнений, что этот камень из той же серии камней, число штрихов по периметру также составляет 22. Находка эта случайным образом обнаружена нами на берегу р. Чулхи в Чулхоевском ущелье на южной окраине с. Хяни в развалинах средневековых сооружений. Был ли на этом месте т.к. «склеп с поминальной камерой», нам не известно, но Л.П. Семенов со слов жителя Салги упоминает о святилище «Ханхе-Сели», находившемся в черте поселения Хяни, от которого на тот момент остались одни развалины. Археологическим раскопкам оно не подвергалось [7, с.74], [8, с.79]. Как видно, точное месторасположение святилища, по приведенным исследователем данным, не ясно. Вполне возможно, что именно в руинах святилища Ханхе-Сели мы и обнаружили данную находку (рис. 3).

Второй камень был обнаружен нами также среди руин одной из жилых башен в селении Таргим. Лежала эта каменная плита довольно далеко от таргимского «склепа с поминальной камерой». Она расколота на две части, которые мы нашли в разных местах, но сохранность рисунка отличная. Находка представляет собой каменную плиту неправильной квадратной формы (34×33 см), к правому краю переходящую в трапецию. По периметру с трех сторон расположены по шесть параллельных черточек, а с четвертой – 4. Итого: 22. Два углубления диаметром 3,5 см по центру чуть смещены влево (рис. 4).

Как мы указали выше, чаще всего такие знаки встречаются в сооружениях, которые Л.П. Семенов назвал склепом с поминальной камерой. От других склепов они отличаются высоким цоколем и обширной камерой со скамейками, тянущимися вдоль стен. Л.П. Семенов предполагает, что такой вид сооружений есть переходная форма от склепа к святи-

лицу и долгое время оно совмещало в себе обе эти функции, в подтверждение чего он приводит сведения о перезахоронении тела, извлеченного из склепа-святилища в Хамхи. [9, с.29].

Р.А. Даурова насчитала уцелевших таких сооружений в горной Ингушетии 9 [10, с.55-85].

В.П. Кобычев и В.Н. Басилов считают такую поминальную камеру для склепа слишком «шикарной» и являющейся местом культовых церемоний [11, с.129].

И.М. Саидов считал, что у этих сооружений была также и общественная функция – в нем проходили заседания совета старейшин. Он также дает название этого сооружения на ингушском и чеченском языках – «кашков» [12, с.46].

Подобного рода графические изображения встречаются и на жилых башнях. Например, на стене жилой башни в с. В. Озик. К ней мы еще вернемся.

Пытаясь понять назначение этих каменных плит, разузнав информацию о них у местных жителей, Л.П. Семенов предположил, что они использовались для особой игры. «Участники игры поочередно метали, наподобие костей, небольшие четырехгранные палочки с нарезными знаками», пишет он [13, с.21]. Совершенно верно, назвав эти каменные плиты «системой знаков», Е.И. Крупнов пишет, что назначение их является загадкой [14, с.188].

Исследователь Е. Шиллинг также считает, что в поминальной камере родственниками покойного устраивалась особая ритуальная игра с помощью расчерченных каменных плит и деревянных «на манер костей коротеньких четырехгранных палочек с парезками» [15, с. 16].

В.И. Марковин высказал сомнение по поводу игрового и календарного назначения этих камней. Он предполагает, что они могли служить для гадания о судьбе, и «при этом вопрошали душу умершего жреца-предсказателя, погребенного рядом» [16, с.135].

В.Н. Басилов и В.П. Кобычев видят в этих камнях календарь и высказывают вероятность, что по нему вели отсчет религиозных празднеств и поминальных дат. Появление таких склепов-святилищ они связывают с культом умерших или предков, некоторые из которых позже превратились в божества, а также с захоронениями других очень почитаемых людей, например, жрецов [17, с.130].

С календарем эту знаковую систему связывает и М.Р. Ужахов. Версию о том, что это была игра, он отклоняет, ссылаясь на то, что некоторые из них вмонтированы в стены и располагаются вертикально. Более того, М.Р. Ужахов пытается объяснить число черточек. Он называет цифру «24», а не «22», посчитав дополнительно две перекрестные черточки, образующие крест. Объясняет он это тем, что в определенный момент ингуши перешли в системе календарного счета на 15-дневку. В результате, в году выходит 24 15-дневки. Число черточек символизирует эти 15-дневки, а крест связан с кульминацией солнца, солярным знаком. «Календарный камень» с изображением двойного круга, в котором также расположены такие черточки, найденный в Мэлере В.П. Кобычевым, он относит к более архаичной форме «календарных камней». считая, что оно является переходным от солярного знака, символизирующего солнце, к календарному «графику»: изображение внешнего круга – это солнце в период летнего солнцестояния, а внутреннего круга – зимнего. Автор считает, что далее произошла трансформация круга с графическими знаками в прямоугольник [18, с.52-53]. Мы считаем версию о календарных камнях с 24-мя черточками не состоятельной, т.к. на некоторых камнях вместо крестиков выбиты чашечные углубления (как например, на рис.3,4), а на иных совсем отсутствуют какие-либо знаки, кроме 22 штрихов (рис. 2). Таким образом,

остается не выясненным, что могло означать число «22». Не исключает он и вероятность того, что календарь этот мог быть посвящён умершим [19, с.52-53]. О том, что культ умерших (предков) «во времена язычества и одичавшего христианства» был сильно развит у ингушей, отмечал еще Г.А.Вертепов [20, с.111], Б. Далгат пишет, что со временем мертвые становились посредниками между живыми и божествами [21, с.89-90], а В.П. Кобычев высказывает предположение, что просто из-за почтения к умершим, такие склепы для них не сооружались бы, а, значит, со временем некоторые из них приобретали «божественные черты» [22, с.144]. Е.И. Крупнов, ссылаясь на многочисленные археологические данные по могильному инвентарю, как в семейных склепах, так и задолго до их появления, приходит к выводу, что культ мертвых (предков) существует у автохтонных народов Кавказа еще с периода раннего железа [23, с. 358]. Возможно, по нему высчитывали не время мира живых, а время подземного мира «Эл», где жили своей полноценной, но отчасти зависимой от живых, жизнью. Зависимость их была в своевременных поминках (в том числе и еженедельных приношениях, традиция делать их в честь умерших, перешла у ингушей в новую форму в виде «сагла» - милостыни при принятии Ислама). В свою очередь, живые также были зависимы от мертвых, их недовольство могло сказаться на делах, здоровье и экономическом благополучии живых.

Каков мог быть принцип действия этого календаря? Мы уже писали об упомянутых исследователями способах бросания «костей», но пришли к выводу, что проделать с камнями, расположенными в вертикальном положении в кладке жилых башен, на примере В. Озик, такое не представляется возможным. Можно было бы предположить, что в кладке они оказались повторно и случайно, в качестве расходного материала. Но в этом случае нет объяснения, почему эти камни стоят в кладке «ребрами», лицевой частью наружу, что совершенно не функционально при укреплении стены. А также вызывает вопросы его местоположение – угол жилой башни на высоте 5 метров. Замечено, что чаще всего камни с рисунками – петроглифами расположены по углам жилых башен. Т.е. угол был сакральной частью строения и должен был оберегаться.

Наблюдая за некоторыми т.н. «календарными камнями», мы обратили внимание, что в зависимости от времени года и времени дня, т.е. от светотени в эти периоды, видимость черточек на одном и том же камне может быть совершенно разной. Например, поздней весной видимость «календарного камня» в полдень на жилой башне в В. Озик была очень хорошая, виден он был издалека. А зимой, в это же время дня, зная точное его местонахождение, мы с трудом разглядели с близкого расстояния (рис. 5). На основании этих наблюдений, мы пришли к выводу, что, вероятно, отчет по этим штрихам велся в зависимости от светотени: поочередное «проявление» каждой из черточек могло обозначать наступление того или иного периода. «Проявления» крестика или ямочек по середине могли обозначать дни летнего/зимнего солнцестояния или дни весеннего/осеннего равноденствия. Все это предстоит еще изучить и проверить. Здесь речь идет не об отсчете месяцев, а об отсчете более мелких периодов народного календаря, таких, как, например, «берз 1азал» [24], по другим данным «бердал 1аъзи» [25, с. 201] (сильное весеннее похолодание, которое длилось от 9 до 11 дней), январские морозы, которые длились две недели и входили в период, называемый «1анчилл», «1ай-б1аъстий къаъста» - дни «разделения» зимы и весны – 3 дня и т.д. [26, с.200-201].

Разделение весеннего периода на более мелкие периоды было распространено и у дагестанских народов [27, с.2]. С такого рода короткими периодами можно связать различие

ния у некоторых исследователей в названиях месяцев – в зависимости от рода деятельности человека, названия месяцев у них расходились. Так, например, июль месяц некоторые называли Меа-бутт (по А. Гутаеву «Ма - ы - бутт» [28]), который исследователь Б.А. Хайров связывает с птицей «баьца – меа» - коростель, [29,с.108] и вместе с другими названиями месяцев именами птиц, скорее всего, такое название июля относится к «культовому календарю», так как некоторые другие исследователи называют этот месяц на манер земледельцев - «Климарс» - месяц жатвы [30], [31, с.481]. Крупнов дает другое название месяца – «Мятцели- бутт» [32,с.198]. О названиях месяцев у овцеводов подробно в своем труде рассказывает Б.А. Хайров [33,с.115-116]. Существовали также свои календари у охотников, скотоводов, «собираателей», женщин и детей.

Таким образом, исследуемые нами «календарные камни» могли включать в себя все эти календарные периоды и для каждого члена общества служить сигналом к началу или завершению того или иного занятия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в горной Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963.
2. Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы – религиозные верования народов СССР. Т.2. М.-Л., 1931.
3. Кобычев В.П. Летопись гор // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974, ч. 1.
4. Чаккиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т-1. Назрань 2003.
5. Семенов Л.П. Указ. Соч.
6. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
7. Семенов Л.П. Указ. Соч.
8. Чаккиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии Назрань 2003.
9. Семенов Л.П. Указ. Соч.
10. Даутова Р.А. Об одном типе позднесредневековых памятников Чечено-Ингушетии// Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии, Грозный, 1990.
11. Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галгай – страна башен. Советская этнография. М., 1971, № 1.
12. Саидов И.М. Об использовании одного вида языческих сооружений в общественном быту вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
13. Л.П. Семенов. Указ.Соч.
14. Крупнов Е.И. Указ. Соч.
15. Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы// Религиозные верования народностей СССР. Т. 2. М.-Л., 1932.
- 16.Марковин В.И. Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994.
- 17.Басилов В.Н., Кобычев В.П. Указ. Соч.
- 18.Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.
19. Там же.
20. Вертепов Г.А. В горах Кавказа // Терский сборник, Вып-6. Владикавказ, 1903.

21. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893.
22. Кобычев В.П. Летопись гор // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974, ч. 1.
23. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
24. Информатор Мерешков Султан.
25. Хасиев С.А. Календарный год у вайнахов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974.
26. Там же.
27. Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидов А.Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М., 1964.
28. Тутаев А. Полевые записи.
29. Хайров Б.А. Наименования птиц, зверей и домашних животных в ингушском годовом календаре как проявление культа этих животных // Известия ИнгНИИ им. Ч. Ахриева. Магас, 2015.
30. Мерешков С. Керда шу. Мишта дезадеш хиннад из дIачхача хана вайдаьша? // Газета «Сердало» № 187-188. 10 декабря 2016.
31. Кодзоев И. ГIалгIай. 2001.
32. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия М., 1971.
33. Хайров Б.А. Указ. Соч.

Рис. 1. Зарисовки В.П. Кобычева «календарных камней» из сс. Эрзи, Бирк, В.Озик, Мэллер, Хамхи.

Рис. 2. Зарисовки Е.И. Крупнова из склепа с поминальной камерой в с. Эрзи.

Рис. 3. Т.н. "календарный камень" в с. Хяни.

Рис. 4. Каменная плита в с.Таргим.

Рис. 5. Т.н. "календарный камень" на стене жилой баини в с. В.Озик. Зафиксирован нами в одно и то же время дня, одним и тем же фотоаппаратом и с того же ракурса в разное время года: наверху зимой, внизу - летом.

Рис.6. Склеп - святилище с. Хамхи.

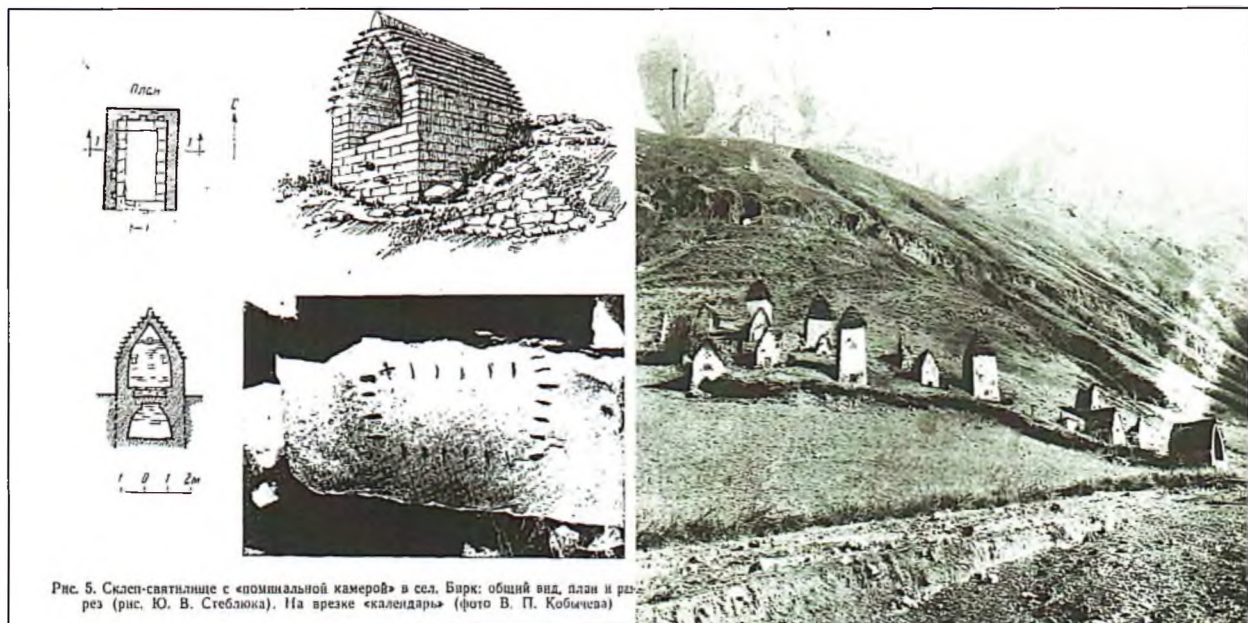

Рис. 5. Склеп-святинище с «поминальной камерой» в сел. Барз: общий вид, план и разрез (рис. Ю. В. Стеблюка). На врезке «календарь» (фото В. П. Кобычева)

Рис. 7. Склепы с поминальной камерой в Оздиче, Таргим и Мецхал.

А.С. Дозариев

Р.М. Мамиллов

(г. Назрань, ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова»)

О НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ДЕКОРАТИВНО-ГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА ИНГУШЕЙ

В отечественной науке памятникам декоративно-графического искусства ингушей средневекового времени уделялось мало внимания. Между тем они выполняют важную роль исторического источника, имеют большую смысловую нагрузку и дают некоторое представление о духовной жизни средневековых горцев-ингушей. Все это актуализирует задачу по организации постоянных исследований в данной области. Предлагаемая на суд читателей работа посвящена материалам по графическому искусству ингушей, зафиксированных на памятниках истории и культуры горной Ингушетии.¹ Сведения о них получены в разное время в ходе полевых научных работ Археологического центра им. Е.И. Крупнова в сезоне 2010-2018 гг. Географические границы проведенных исследований может быть очерчены следующим образом: на севере с. Цеча-Ахк (р. Фортанга), на юге с. Гаппи, на западе с. Хамхи, на востоке с. Гул. Таким образом, изысканиями охвачены бассейны рек Фортанга, Асса и Гулой-хи. Это предгорная и горная зоны Ингушетии. Отметим, что полевые работы не носили сплошной характер. Некоторые районы не были изучены по ряду объективных причин.

Для начала коснемся вопроса семантики исследуемых памятников. По мнению исследователей тамги и петроглифы несут различную смысловую нагрузку. Так, Л.И. Лавров в своей книге «Историко-этнографические очерки Кавказа», упоминает, что знаки (тамги), появились лишь при потребности отличать табуны лошадей и несли узкое предназначение². В распространенном смысле петроглифами называются различные графические изображения на поверхности камня, разнообразные по своему характеру и по сюжетам. У ингушей они использовались при оформлении своих жилищ, погребальных сооружений, что может говорить об их возможном сакральном назначении. К примеру, говоря о сакральном аспекте Л.А. Перфильева пишет: «... культовый комплекс Хамхи интересен именно отсутствием в нем святилища традиционного вида. То есть, оно, безусловно, существует и здесь, но в своеобразном варианте: святилищем следует считать весь жилой комплекс в целом, либо его башни, украшенные петроглифами, либо сами эти петроглифы»³. Таким образом, можно говорить, что ингуши в отличие от кабардинцев, абазинцев и других народов Кавказа, могли вкладывать в эти рисунки и религиозный смысл.

Петроглифы по своей стилистике разделяются на множество типов: это триквестры, солярные знаки, отпечатки рук, одиночные, двойные спирали и т.д. Интересно, что последние нередко встречаются и на изделиях и предметах быта памятников Кобанской культуры Ингушетии⁴, что еще раз подтверждает довольно раннее развитие символики и культуры петрографии у далеких предков ингушей.

На территории бывшей Чечено-Ингушетии петроглифы изучались советскими учеными в 70-80-х гг. прошлого столетия. Но это был скорее поверхностный анализ. Сначала 2010 г. к их детальному изучению подключились и сотрудники Археологического центра им. Е.И.Крупнова. Кроме ранее выявленных, нами были обнаружены и новые памятники декоративно-графического искусства.

По результатам наших исследований удалось выяснить, что памятники графического

искусства ингушей позднесредневекового времени в основной своей массе обнаруживаются на фасадах жилых башен, в меньшей степени на боевых башнях, культовых и погребальных комплексах. Интересны и довольно разнообразны петроглифы, тамгообразные знаки. Встречаются также и рисунки композиционного плана.

Начнем изложение итогов авторских исследований с восточной части горной Ингушетии. Здесь, на жилой башне, расположенной на восточной окраине с. Керби, на уровне второго этажа в кладке фиксируется прямоугольный блок с петроглифом. Он представляет собой два вписанных в друг друга концентрических круга, между которыми заключены радиально отходящие линии. В центре рисунка - равноконечный крест (см. фото. № 1). Ближайшие параллели рисунку обнаруживаются в рельефах жилых строений с. Кубачи, в Дагестане⁵. Встречаются они также в Средней Азии, шире - в исламском мире⁶.

Здесь же, на южной окраине с. Керби расположено раннемусульманское кладбище, состоящее из нескольких могил. На западной грани одной из стел крестообразной формы наблюдается композиция из двух рисунков. Верхний представлен П-образным знаком с дугообразными концами, через горизонтальную перекладину которого по вертикальной оси проходит линия с двумя дугообразными концами верхней и нижней части. Нижний рисунок представляет собой различную комбинацию символов вписанных в условный квадрат. В центре помещена четырехлучевая свастика, концы которой повернуты вправо. На этот солярный знак наложен равносторонний крест с круговыми концами. По углам условного квадрата помещены четыре равносторонних треугольника (см. рис. № 10). Представляется, что данная стела ранее являлась деталью жилищно-оборонительного строения, скорее всего, выполнявшей сакрально-магическую роль. Аналогии петроглифу расположенного в верхней части стелы довольно часто встречаются на Кавказе. Так, они отмечены в работе Л.И. Лаврова «Кавказские тамги»⁷. Четырехлучевая свастика с завернутыми на право концами обнаруживается, в том числе и в сармато-аланской культуре⁸.

На северо-восточной окраине поселка Анкоте нами обнаружена одиночная стела, не связанной с каким-либо могильником. Лицевой гранью данная стела ориентирована на восток. В ее верхней половине отмечается отпечаток правой человеческой руки, в то время как в нижней половине, отпечаток левой. Кроме того, на всей плите фиксируются С-образные и П-образные знаки. Интересной частностью является сюжет в центральной части стелы. Это квадрат разделенный внутри горизонтальными и вертикальными врезными линиями на сорок девять мелких квадратов (по семь в горизонтальной и вертикальной линиях). Верхний обрез плиты представляет собой скол (см. рис. № 11). По-видимому, данная стела ранее имела более крупные размеры и несколько иную форму. Ближайшей аналогией данному памятнику является так называемая Аккинская стела в Орстхой-мохке⁹. Мы полагаем, что анкотинская стела, скорее всего, не выполняла функции погребального объекта. По-видимому, это стела могла быть связана с религиозными верованиями ингушей.

Большое разнообразие петроглифов встречается и на территории Ассинского и Джейрахского ущелий, в частности в черте башенных комплексов Эгикал, Хамхи, Бейни и др.¹⁰ В ряде случаев мотивы и сюжеты изображений на постройках переплетаются с древними преданиями селения, на территории которого они были обнаружены. Но чаще это - различного рода солярные символы - спирали, двойные спирали, как симметричные, так и несимметричные орнаменты, сцены охоты, лабиринты, схематические изображения человека и животных (чаще оленя, лошади, быка, собаки). Не редким явлением являются разнообразные кресты, а также свастика. К сожалению, последние в силу пристрастности и некомпетентности некоторых историков, использовались для нравственной и религиозной

дискредитации ингушского народа. Между тем для научного мира давно не является секретом тот факт, что свастика, как и крест берут свое начало в глубокой древности - еще до того, как один из них стал религиозным символом, а другой олицетворением идеологии фашизма. В ранний период истории человечества четыре луча символизировали как четыре времени года, так и четыре стороны света, четыре стихии.

Свастику, обнаруживаемую на постройках горной Ингушетии можно разделить по стилю на несколько категорий – классическая, стилизованная, криволинейная. Встречается, также, круг с изображенным внутри крестом, символизирующий непрерывность солнечного движения (рис.13,33). Можно предположить, что с петроглифами средневековые ингуши связывали цикл и движение небесных тел, ориентируя на них время проведения сельскохозяйственных работ и основных жизненных занятий, но при несомненной сакрально-магической доминанте этих символов. И это не удивительно, ведь согласно исследованиям ученых задолго до нашей эры у племен Кавказа, и в частности у предков ингушей, существовал культ Солнца.

Иногда на памятниках Ингушетии обнаруживаются петроглифы с перевернутым изображением. Это наталкивает на мысль, что камень из одной постройки в последующем мог использоваться повторно при строительстве нового сооружения (см. фото №4). Это легко подтверждается как особенностями расположения рисунка, так и резко выделяющейся текстурой поверхности и стилем обработки камня.

Примечательным является расположение петроглифов на башенных постройках. Именно здесь прослеживается определенная закономерность. Так, петроглифы в большей степени фиксируются на солнечной, лучше освещаемой стороне башни. Также их расположение обуславливалось наличием большого количества дверных и оконных проемов, возможно, в целях того, чтобы гости при входе в жилище хозяина могли максимально концентрировать свое внимание на сакральные изображения фасадов башен. Но бывает и исключения. В некоторых случаях графические знаки фиксируются и в боковых стенах.

Кресты и свастики, а также, фамильные знаки чаще украшали арочные камни (например, с. Печа-Ахк), тогда как спирали и прочие изображения наносились на отдельные камни в кладке, например: с. Гаппи, Хамхи, Таргим, Балко, Пуй, Евли, Вовнушки, Гянт, Мяшхи, Керби, Цхаралте, Меллер, Анкоте, Оасег, Гул (см.рис.). Аналогии им встречаются в широком географическом ареале¹¹. В прилегающих к горной Ингушетии районах Чечни и Северной Осетии они также известны. Трехлучевая круговая свастика с повернутыми влево концами (Мяшхи, Пуй, Меллер и др.) обнаруживается на памятниках Осетии¹². Она же известна и в Чечне, в частности, на надмогильной стеле в с. Ошни, на фасадах башен селений Терте и Хой¹³. Необходимо отметить, что наиболее многочисленные и более точные параллели памятникам декоративно-графического искусства ингушей в основной своей массе обнаруживаются именно в Чечне. Так, четырехлучевая свастика с завернутыми влево концами в ингушском Печа-Ахк (рис.35) имеет широкие аналогии в чеченских архитектурных комплексах Талкали, Химой, Макажой, Хой, Хакмадой¹⁴. Петроглиф в кладке западной стены жилой башни с. Таргим (рис.2) имеет почти точную копию в селениях Кокадой и Ошни¹⁵. Свастика с завернутыми в право концами на оконном арочном проеме северной стены жилой башни с. Старый Евли (рис.32) находит параллель в чеченском селении Харкарой, где она фиксируется на угловом камне башни¹⁶. Подобных примеров довольно много.

Как показывают исследования, нельзя с точностью говорить о том, с какой целью наносились те или иные петроглифы, хотя культово-магический контекст, здесь, кажется

нам несомненным. При этом с уверенностью можно заявлять о том, что декоративно-графическое искусство ингушей уходит своими корнями в глубокую древность. Так, при детальном изучении этого культурного явления невозможно не заметить, например, сходства ингушских солярных знаков с изображениями на предметах кобанской культуры Кавказа, обнаруженных тут же в Ингушетии (Луговой могильник, I тыс. до н.э). Известные параллели обнаруживаются также в культуре древних шумеров, иранцев, кельтов и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авторы выражают благодарность сотрудникам Археологического центра им. Е.И. Крупнова Гадиеву У.Б (научно-консультативная поддержка) и Баркину И. (перебелка полевых чертежей).
2. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.,1978. С.104.
3. Перфильева Л.А. Об особенностях употребления средневековых петроглифов на Северном Кавказе // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.,1988. С. 127.
4. Марковин В.И. «В стране вайнахов» М. 1969 г.
5. Например, см. аккаунт археолога М.С. Гаджиева в facebook.
6. Там же.
7. Лавров Л.И. Кавказские тамги. Нальчик. 2009 г. С.35, № 1369.
8. Яценко С.А. Знаки-Тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С.179. Рис.29. №111.
9. См. статью Е.И. Нарожного в настоящем сборнике.
10. Перфильева Л.А. Указ. Соч., С.128 рис. 1,2,3., С. 132 рис 5 (а, б), С. 133 рис. 6; Лавров Л.И. Кавказские тамги... С. 22 таблица 1: №133, №143 (б). №151., С.24. таблица 1: №366, №367., С. 26. таблица 1: №527, №528., С. 27. таблица 1: №641, С. 28. таблица 1: №796 (б), №799, №800, №802. С. 32. таблица 1: №1177, №1178.
11. Яценко С.А. Указ. Соч. С. 155 №25., С.167 №4., С.177 №150., С. 179 №53, №100, №104; Лавров Л.И. Кавказские тамги... С. 22 таблица 1 № 142.,С.27. таблица 1 №708., С. 32. таблица 1 № 1184, №1186., С.33 №1254., С. 79. Таблица V; Яхтанигов Х. Северокавказские тамги, Нальчик 1993г. ... С. 22, С. 35, С.52-53, С. 69. С. 172. Рис. 772, 919 . 35.
12. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ,1996. С.428. Рис.2
13. Ильясов Л. Петроглифы Чечни. Грозный, 2014. С. 94, 204, 207.
14. Там же. С. 163,193, 202, 207 и др.
15. Там же. С. 234-235.
16. Там же. С.164.

1

2

Рис. № 1 Каменный блок в кладке Ю - В стены жилой башни с. Керби.

Рис. № 2.Каменный блок в кладке западной стены жилой башни с. Таргим.

3

4

Рис. № 3. Каменный блок в кладке восточной стены жилой башни с. Хамхи.

Рис. № 4. Угловой камень в кладке южной стены жилой башни с. Таргим.

5

6

Рис. № 5. Каменный блок в кладке западной стены жилой башни с. Пуй.

Рис. №6. Каменный блок в кладке южной стены жилой башни с. Балко.

Рис. № 7. Каменные блоки в кладке юго-восточной стены жилой башни с. Меллер.

Рис. № 8. Каменный блок в кладке южной стены жилой башни с. Мяхихи.

Рис. № 9. Оконный арочный проем восточной стены жилой башни с. Меллер.

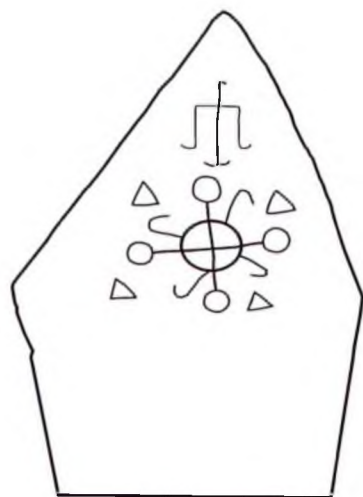

Рис. № 10. Надгробная стела на южной окраине с. Керби.

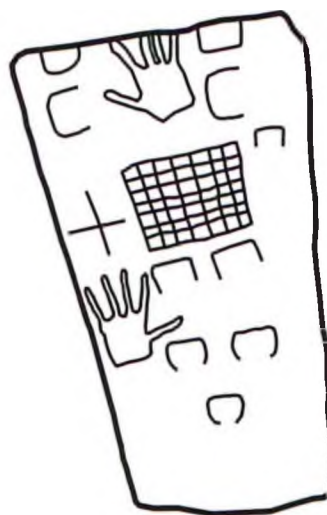

Рис. № 11. Стела на восточной окраине с. Анкоте.

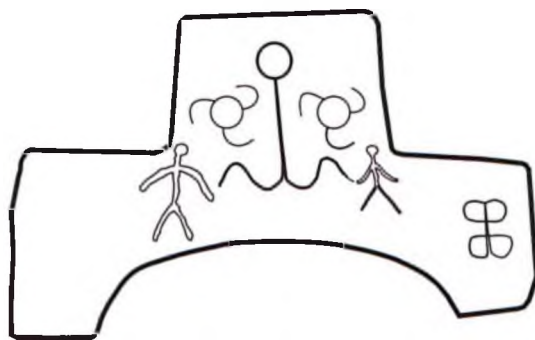

Рис. № 12. Дверной арочный проем северо-восточной заградительной стены с.Меллер.

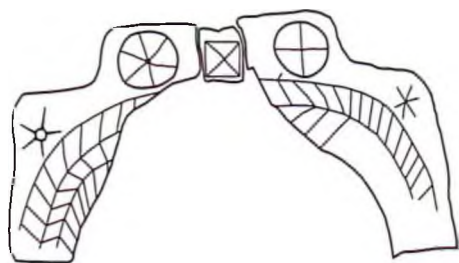

Рис. № 13. Оконный арочный проем восточной стены жилой башни с. Меллер.

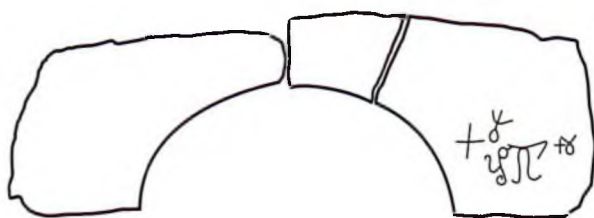

Рис. № 14. Оконный арочный проем восточной стены жилой башни с. Меллер.

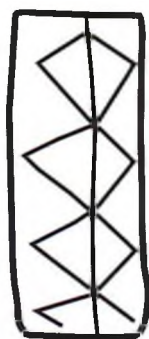

Рис. № 15. Опорный столбик под хозяйственной нишей жилой башни с. Меллер.

Рис. № 16. Камень в кладке западной стены жилой башни с. Меллер.

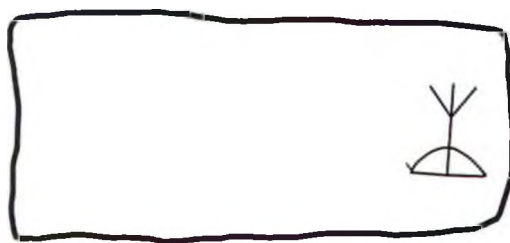

Рис. № 17. Каменный блок в кладке. Ранемусульманское кладбище с. Цхаралте.

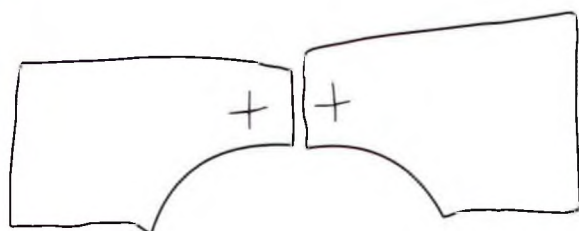

Рис. № 18. Дверной арочный проем восточной стены жилой башни с. Цхаралте.

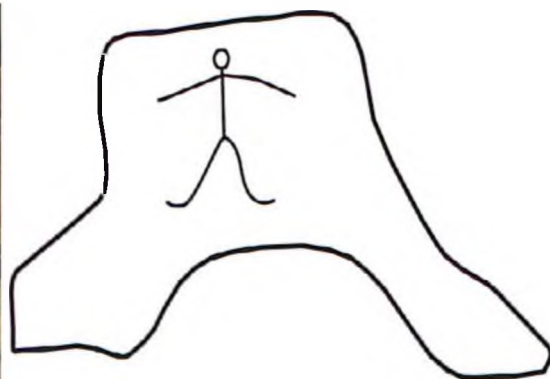

Рис. № 19. Оконный арочный проем восточной стены жилой башни с. Гянт.

Рис. № 20. Дверной арочный проем западной стены жилой башни с. Гвези.

Рис. № 21. Каменный блок в кладке восточной стены жилой башни с. Гул.

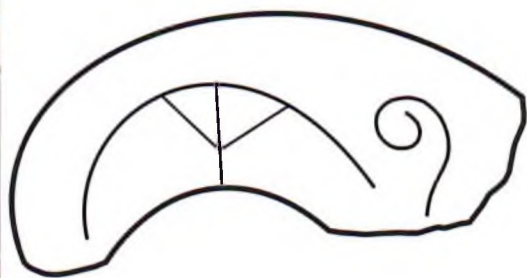

Рис. № 22. Каменный блок в кладке западной стены жилой башни с. Гаппи.

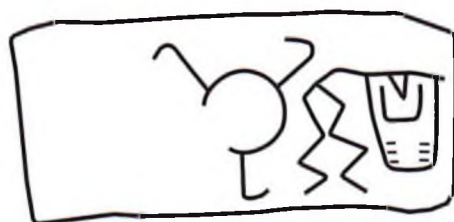

Рис. № 23. Каменный блок в кладке южной стены жилой башни с. Пуй.

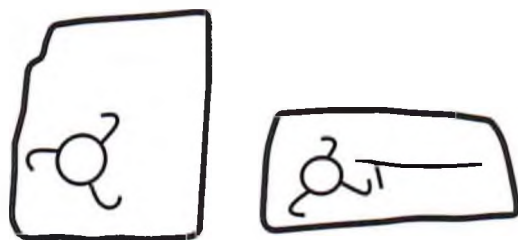

Рис. № 24. Каменные блоки в кладке южной стены жилой башни с. Пуй.

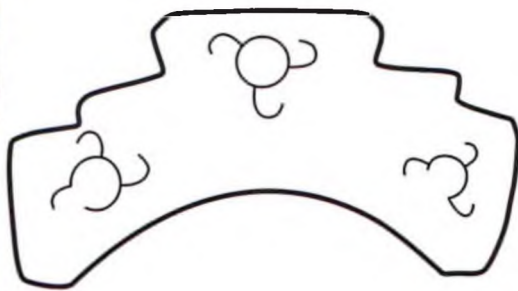

Рис. № 25. Оконный арочный проем южной стены жилой башни с. Пуй.

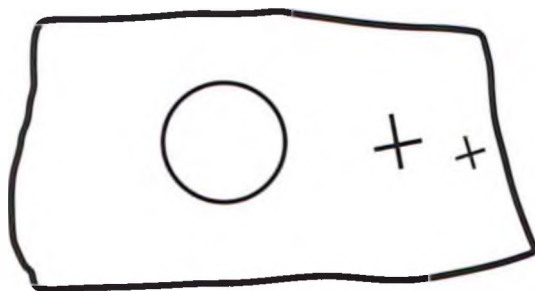

Рис. № 26. Каменный блок в кладке южной стены жилой башни с. Пуй.

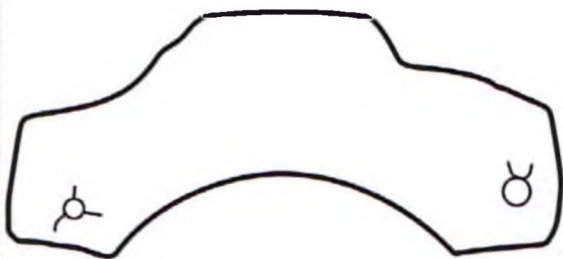

Рис. № 27. Оконный арочный проем южной стены с. Пуй.

Рис. № 28. Оконный арочный проем южной стены жилой башни с. Евли.

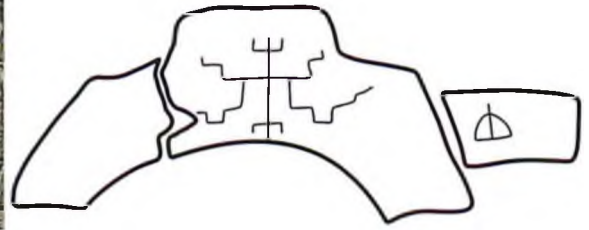

Рис. № 29. Оконный арочный проем южной стены жилой башни с. Оасег.

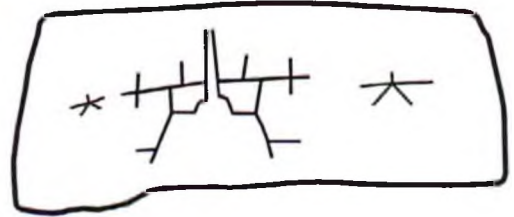

Рис. № 30. Каменный блок в кладке южной стены жилой башни с. Евли.

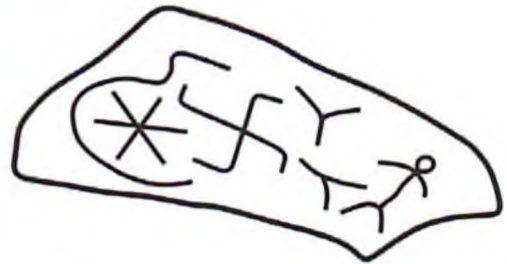

Рис. № 31. Оконный арочный проем северной стены жилой башни с. Старый Евли.

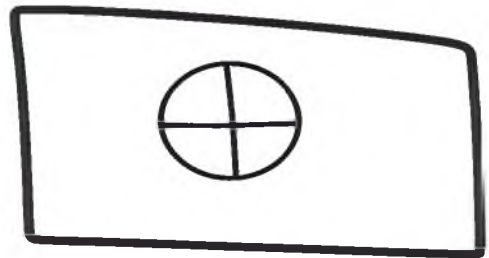

Рис. № 32. Каменный блок в кладке северной стены жилой башни с. Старый Евли.

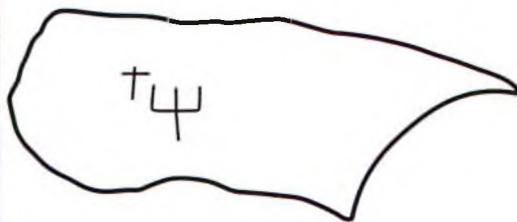
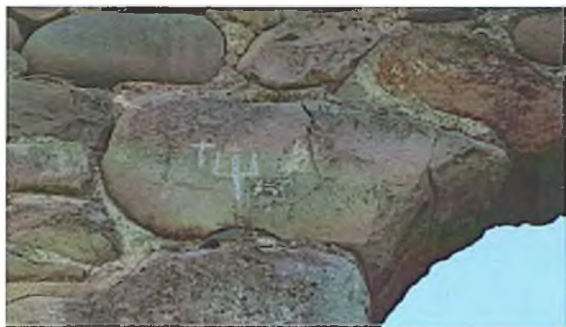

Рис. № 33. Оконный арочный проем восточной стены жилой башни с. Пуй.

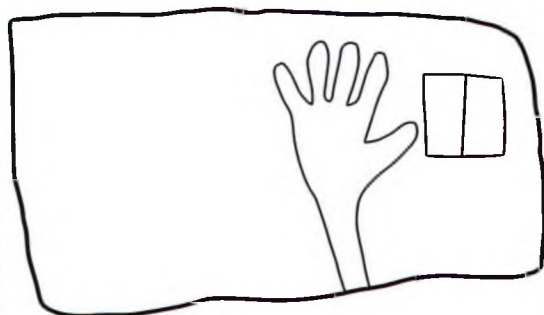

Рис. № 34. Каменный блок в кладке западной стены жилой башни с. Вовнушки.

Рис. №35. Арка оконного проема башни в с. Цеча-Ахк.

Рис. 36. Дверной арочный проем южной стены жилой башни в 200 м восточнее от с. Цизды.

Рис. 37. Надгробная плита ранемусульманского погребения с. Кашети.

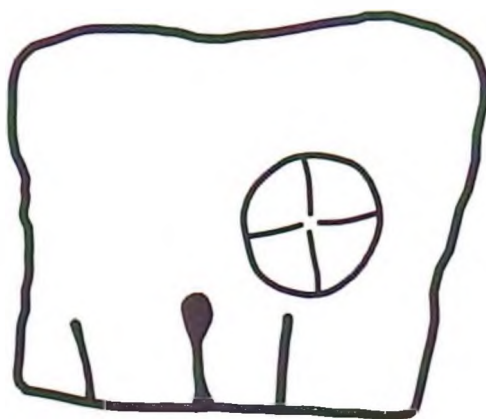

Рис. 38. Каменный блок в юго - западной стене жилой башни с. Кашети.

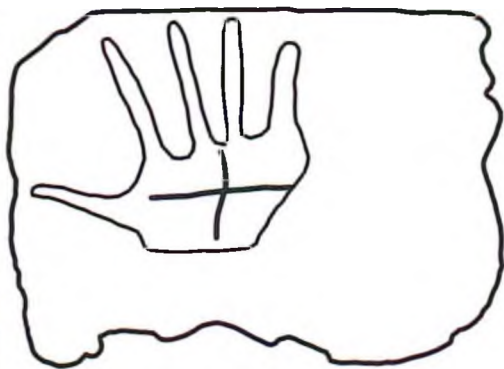

Рис. 39. Каменный блок в юго - западной стене жилой башни с. Керби.

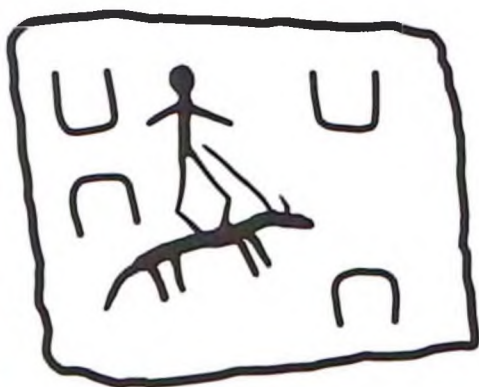

Рис.40. Каменный блок в юго - западном углу жилой башни с. Керби.

Рис.41. Каменный блок в юго - западной стене жилой башни с. Керби.

В.Ю. Малашев*, У.Б. Гадиев**, С.Б. Вальчак*,
С.Ю. Фризен***, К.Б. Шаушев****

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА «ЭКАЖЕВСКИЕ 1-Е КУРГАНЫ»

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова», Назрань*

*** *Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва*

**** *ООО «НПЦ Центр туризма и краеведения», Махачкала*

В ноябре-декабре 2016 г. совместная археологическая экспедиция Института археологии РАН и ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова», на средства ингушских меценатов Г.А. Халухаева и А.А. Харсиева и на основании договора с ООО «Эздий», проводила исследования кургана 6 могильника «Экажевские 1-е курганы», попадающего в зону самозахвата земельных участков на территории сел. Экажево Назрановского района Республики Ингушетия. В составе экспедиции работали В.Ю. Малашев, С.Б. Вальчак, У.Б. Гадиев, К.Б. Шаушев, палеоантрополог С.Ю. Фризен, сотрудники ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» (Назрань) А.С. Дозариев, А.М. Мальсагов, И.Р. Костоев, Р.М. Мамилов, И.М. Баркин, волонтеры Х.М. Мизиев и М.Т. Точиев.

Могильник «Экажевские 1-е курганы» находится на южной и юго-западной окраинах с. Экажево и занимает высокую (вторую) террасу правого берега р. Сунжа (на расстоянии около 900 м от ее русла). Он являлся некрополем городища «Ачим-Боарз» и первоначально занимал значительную площадь (не менее 2 км²), которая в настоящее время почти полностью находится под застройкой с. Экажево; сохранился незначительный участок, на котором фиксируется 23 кургана. Памятник был выявлен в ходе разведок 1985 г. Б.М. Хашегульговым (Хашегульгов, 1986). В 1996 г. Ингушская экспедиция ИА РАН провела охранно-спасательные исследования в зоне строительства г. Магас: были исследованы пять курганов, четыре из которых относились к аланской культуре и датировались концом III – началом IV в. н.э. и один курган эпохи бронзы (Воронин, Малашев, 2006).

В 2016 г. работы на памятнике были возобновлены. В рамках проводимых исследований был раскопан курган № 6, а также произведен осмотр соседних земельных участков и прилегающей территории могильника, которые находятся в зоне активного хозяйственного освоения. В результате были выявлены 23 кургана, в той или иной степени имевшие нарушения, вследствие активного антропогенного воздействия (распашка, строительные работы).

Насыпь исследуемого кургана № 6 ранее подвергалась регулярной распашке; в настоящее время покрыта травянистой растительностью. Она имела повреждение в виде установленного по ее северо-западной поле кирпичного забора частного владения (рис. 1). Через центр кургана проходила грунтовая дорога. Насыпь снималась с использованием землеройной техники. На кургане была оставлена бровка, проходившая через предполагаемый центр насыпи; выбор направления бровки (СВ-ЮЗ, отклонение 58°) был обусловлен возможностью работы техники вдоль забора, срезавшего северо-западную полу кургана. Насыпь округлой в плане формы диаметром 36 м и высотой 0,91 м от уровня современной дневной поверхности. Все нивелировки и привязки осуществлялись от репера – центра кургана.

Описание профиля ЮЗ-СВ, юго-восточный фас (рис. 1)

Протяженность профиля – 36 м. Поверхность насыпи перекрыта пахотным слоем (суглинком темно-коричневого цвета), по краям насыпи переходящим в гумусированный суглинок черно-коричневого или черного цвета, толщиной 20-30 см. Слой насыпи фиксировался на большей части профиля и выклинивался на отметках Ц-ЮЗ – 10,3 м и Ц-СВ – 8,5 м; мощность слоя – до 40 см. Структура насыпи неоднородная, отражает особенности ее

конструкции. В центральной части насыпь была сложена из суглинка серо-коричневого цвета, представлявшего плодородный слой, собранный с окружающей курган территории (слой 4). В ЮЗ части профиля располагался небольшой по протяженности (около 0,5 м) слой мешаного суглинка серо-желтого цвета с частицами желтого материкового суглинка, который относился к частично перемешанному выкиду из погребения (слой 2). К нему примыкал слой желтого суглинка с частицами гумуса (протяженность – 2 м), являвшимся выкидом (слой 3), а к тому, в свою очередь, слой суглинка серо-коричневого цвета (4) протяженностью около 1,5 м. Данные слои маркируют границы древней насыпи, диаметр которой ориентировочно оценивается около 14 м. За пределами описанных слоев фиксируются напластования, являющиеся смывом с поверхности насыпи: в ЮЗ части профиля – мешаный суглинок желто-серого цвета (слой 7а), в СВ части – аналогичный мешаный суглинок желто-серого цвета (слой 7а), сменяющийся мешаным суглинком светло-серого цвета (слой 7б), который переходит в гумусированный суглинок черного цвета (слой 9). Насыпь лежала на слое погребенной почвы – суглинке коричневого цвета с включением карбонатов (слой 5) – толщиной 80 см. В СВ части профиля, под слоем суглинка серо-коричневого цвета (слой 4), на поверхности погребенной почвы (слой 5) прослеживалась тонкая (около 5 см) линза выкида – желтого суглинка с частицами гумуса (слой 3). Материк – суглинок желто-коричневого цвета с включением карбонатов. В центральной части профиля, из-под пахотного слоя, прорезая насыпь и слой погребенной почвы, фиксировалась грабительская воронка над входной ямой катакомбы, заполненная мешаным затечным суглинком грязно-желтого цвета с линзами гумуса и желтого материкового суглинка (слой 6). По обе стороны от грабительской ямы, на погребенной почве, фиксировались остатки выкида – две небольшие линзы (толщиной до 25 см) желтого суглинка с частицами гумуса (слой 3), располагавшиеся с просадкой в нее.

При снятии насыпи, в ЮЗ части на уровне погребенной почвы, обнаружен зуб крупного домашнего животного и фрагмент венчика сосуда (рис. 5, 3; 6, 4).

Курган содержал одно захоронение, находившееся в центральной части кургана (рис. 1). Пятно входной ямы было зачищено на уровне материка. Погребение совершенно в катакомбе. В древности катакомба была ограблена. Входная яма трапецевидной в плане формы с незначительным расширением в СЗ части и хорошо выраженными углами, размерами на уровне зачистки 3,45x1,7-1,85 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ (рис. 2). СЗ часть входной ямы, на глубину до -269 см от репера, частично нарушена грабительской ямой. СЗ стенка – вертикальная, боковые стенки наклонные, сужаются к дну. Вдоль ЮВ стенки были сделаны 13 ступенек, образующих три пролета (рис. 4; 5А). Верхняя ступенька (номер 1) находилась выше уровня зачистки в слое погребенной почвы. Высота ступенек колеблется от 0,3 м до 1,0 м. Поверхность ступенек наклонная, видимо, вследствие их эксплуатации в процессе выкапывания входной ямы. На передней стенке фиксировались 11 ступенек в виде неглубоких выемок с наклонной («сбитой» в процессе использования) опорной поверхностью, оставленных грабителями и расположенных по вертикали со смещением к СВ стенке; одна из ступенек находилась непосредственно над входом в камеру (рис. 4; 5Б). На уровне дна входная яма трапецевидной в плане формы с расширением в СЗ части, размерами 1,95x0,9-1,45 м. Дно наклонное с понижением к СЗ стенке, где находился вход в камеру. У входа в камеру дно было нарушено грабительской ямой и пробито на глубину до 8 см и составляло -875 см от репера (рис. 2-4). Глубина дна у задней (ЮВ) стенки – -839 см от репера, у входа в камеру – -863 см от репера (около 7,9 м от уровня древнего горизонта). На глубине около 2 м от дна изменился характер материка: вместо суглинка желтого цвета он сменился однородным суглинком темно-коричневого цвета (геологическим плейстоценовым погребенным черноземом). В заполнении грабительской ямы были встречены позвонок барана, а также мелкие фрагменты костей человека. В придонной части за-

полнении входной ямы, у входа в камеру, находился закладной камень (ракушечник) размерами 64x56x6 см¹, смещенный грабителями, и часть предметов погребального инвентаря: фрагменты железных предметов (№ 1), фрагмент серебряного щитка пряжки (№ 2), фрагмент серебряного предмета (№ 3), 4 серебряных кольца с зажимами (№№ 4-7) и миска (№ 8). Среди находок встречались мелкие фрагменты костей человека и частицы древесного угля.

Вход в камеру находился в СЗ стенке входной ямы. Вход прямоугольной формы со стрельчатым верхом был частично нарушен при ограблении (рис. 4). Первоначальные размеры входа: высота – 0,45 м, ширина – 0,55 м. Входную яму с камерой соединял дромос длиной 0,5 м. В камеру вела вертикальная ступенька высотой 0,54 м. В нижней части ступеньки фиксировались 5 углублений (до 5 см глубиной) в виде вертикальных пазов с заостренной верхней частью, размерами 20-30x7-10 см, возможно, связанных с установкой деревянных конструкций внутри камеры над ложем погребенного. Камера овальной в плане формы, размерами 2,85x1,55 м, ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ (рис. 2). Длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны. На дне камеры, с отступом от ЮЗ и СВ стенок, была выгорожена углубленная на 8-15 см площадка для размещения погребенного, размерами 1,75x1,55 м. Дно площадки ровное, с понижением к центру. Глубина – 925 см от репера. Стенки камеры частично обрушились. Свод незначительно сглаженной стрельчатой формы вынесен вверх от входа (рис. 3). Высота камеры – 1,4 м. На поверхности свода фиксировались следы орудий с широким и плоским рабочим краем.

На дне выгороженной площадки для размещения погребенного фиксировались мощная (до 8 см) посыпка древесного угля от сжигания веток на стороне (отсутствуют следы воздействия огня на дне), размерами 1,5x0,95 м. Кости человеческого скелета (зрелого мужчины)² в камере практически отсутствовали. In situ сохранились фрагмент нижней челюсти и фрагмент крыла таза в сочленении с головкой бедренной кости (рис. 2). Исходя из этого, можно предположить, что погребенный был положен головой на СВ (направо от входа)³. Сохранившиеся после ограбления предметы погребального инвентаря были сосредоточены в заполнении придонной части (№ 9) и на дне (№№ 10-20, 22) приступки в ЮЗ части камеры за ногами погребенного. Кроме этого, в заполнении придонной части камеры находились плохо сохранившиеся фрагменты железного предмета в деревянной обкладке (№ 21).

Инвентарь

Фрагменты железных предметов: фрагмент железных удил (кольца соединения звеньев) (рис. 6, 1); фрагмент круглого в сечении железного стержня со следами дерева диаметром 0,3-0,4 см; фрагмент железной пластины со следами дерева (фрагмент клинка?); фрагмент железного предмета в деревянных обкладках плохой сохранности (возможно, остатки деревянных ножен с фрагментами окислов от клинка меча).

Фрагмент задней пластины серебряного щитка пряжки с двумя отверстиями под штифты (рис. 7, 13).

Фрагмент серебряного предмета (сбруйная подвеска?) из высококачественного серебра с загнутым краем, имитирующим фасетировку и отверстием под штифт (рис. 7, 14).

Четыре серебряных кольца с зажимами, изготовленными из высококачественного серебра. Зажимы прямоугольной формы, края декорированы фасетками. Для крепления ремня в задней части щитка – серебряный штифт. Круглая в сечении рамка овальной в плане формы с уплощенной задней частью и утолщением в передней части (рис. 7, 1-4).

¹ Еще один камень (окатанная плотная горная порода), размерами 27x18x13 см, по всей видимости, также относившийся к закладу, был встречен в верхней части заполнения грабительской ямы.

² Антропологическое определение С.Ю. Фризена.

³ Судя по размерам выгороженной площадки на дне камеры, он мог быть положен по ее диагонали.

Два фрагмента рамки железной прямоугольной пряжки с остатками петли от язычка на одной из длинных сторон. В сечении рамка уплощенной прямоугольной формы (рис. 6, 1).

Фрагмент рамки железной прямоугольной пряжки, аналогичной №№ 10, 11, со следами древесного тлена; в сечении рамка уплощенной прямоугольной формы (рис. 6, 2).

Четыре полые бронзовые накладки усечено-конической формы с крупными штифтами в центре, прикрытыми снаружи полусферическими бронзовыми декоративными шляпками (рис. 7, 6-9).

Три полые бронзовые бляшки полусферической формы (рис. 7, 10-12).

Пряжка серебряная с прямоугольным щитком, края которого декорированы фасетками. Для крепления ремня в задней части щитка – серебряный штифт. Круглая в сечении рамка овальной в плане формы с уплощенной задней частью и утолщением в передней части. Язычок прогнут в средней части, без уступа у основания; в передней части не доходит до середины сечения рамки (рис. 7, 5).

Круговая сероглиняная миска с загнутым внутрь бортиком, переходящим через «срезанное» ребро в прогнутые стенки, и узким плоским дном. Изготовлена с использованием гончарного круга. Наружная и внутренняя поверхности заглажены. Глина плотная, с примесью кварцевого и черного песка. Обжиг восстановительный, наружная поверхность серого цвета (рис. 5, 1; 6, 6).

Усечено-конический поддон от миски с отбитой емкостью. Поддон низкий, с выраженной, аккуратно оформленной закраиной. Сосуд был изготовлен с использованием гончарного круга. Наружная и внутренняя поверхности тщательно заглажены, со следами лощения. Глина плотная, с примесью кварцевого и черного песка, а также кавернами от выгоревших известковых добавок. Обжиг восстановительный, наружная поверхность бежево-серого цвета (рис. 5, 2; 6, 5).

Исследованное в кургане № 6 погребение относится к аланской культуре Северного Кавказа и содержало мужское захоронение. Оно было совершено в подкурганной катакомбе типа I по К.Ф. Смирнову (длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны), характерной для раннего этапа (II-IV вв. н.э.) аланской культуры (см. Габуев, Малашев, 2009). Ориентировка входной ямы, расположение камеры и наличие ступенек у задней стенки входной ямы также находят аналогии в данном культурном контексте. Достаточно индивидуально выглядит конструкция ступенек, расположенных зигзагообразно в виде трех пролетов (рис. 4) и пока находящих аналогии только в данном некрополе (курганы №№ 1 и 3 – Воронин, Малашев, 2006. Рис. 3; 7). Свообразием выделяется оформление дна камеры, где выгорожена углубленная площадка для размещения погребенного (рис. 2).

Для оценки хронологии комплекса наиболее показательны предметы ременных гарнитур – серебряные пряжка и кольца с зажимами, а также бронзовые усечено-конические накладки.

Серебряная пряжка (рис. 7, 5) соотносится с пряжками П4⁴, которые датируются, в основном, первой половиной – серединой III в. н.э. (Малашев, 2000. С. 196, 209. Рис. 1; 2). Морфологически и хронологически ей близки серебряные кольца с зажимами (рис. 7, 1-4).

Фрагмент задней пластины серебряного щитка (рис. 7, 13), по всей видимости, принадлежал пряжке с округлым щитком П2а или П2б (Малашев, 2000. С. 195-196, 209. Рис. 1; 2). Оценка хронологии осложняется отсутствием информации о язычке. В широком смысле пряжки с округлым щитком у населения Северного Кавказа использовались в рамках большей части III в. н.э.

Бронзовые накладки (рис. 7, 6-9) соотносятся с разновидностью С9 деталей сбруйных ремней и входили в состав уздечных наборов второй половины III – первой четверти/первой трети IV вв. н.э. (Малашев, 2000. С. 198, 209. Рис. 1; 2).

⁴ Здесь и далее, разновидности ременной гарнитуры – пряжек и деталей сбруйных наборов – приводятся по В.Ю. Малашеву (2000).

Показательны такие особенности как отсутствие у пряжки и колец с зажимами декоративных полусферических шляпок на штифты и наличие последних у бронзовых усеченно-конических накладок. Данный способ оформления штифтов распространяется с середины III в. н.э. и используется позднее, в IV в. н.э. (Малашев, 2008. С. 271). Несколько «архаично» выглядит у пряжки и колец с зажимами присутствие фасетировки по краям щитков, заметно чаще распространенной в первой половине III в. н.э., в отличие от второй половины этого столетия (Малашев, 2000. С. 209).

На основании этого датировка комплекса может рассматриваться как середина III в. н.э. (ранняя часть второй половины столетия).

Не противоречат этому заключению особенности морфологии (прямоугольная рамка, уплощенная в сечении) железных пряжек (рис. 6, 1,2), распространяющиеся с начала III в. н.э. (Малашев, 2000. С. 209), а также керамическая посуда. Миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 6, б) охватывают всю территорию аланской культуры и встречены в значительном количестве в комплексах второй половины II – первой половины V вв. н.э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 116-117; Малашев, Мамаев, 2011. С. 247). Миски на поддонах сравнительно редкая находка, в большей степени характерная для памятников аланской культуры восточных районов Северного Кавказа II-IV в. н.э. (Малашев, Мамаев, 2011. С. 247).

Остальные находки существенно менее информативны для оценки хронологии и культурной атрибуции.

Судя по размерам погребального сооружения и составу погребального инвентаря (фрагменты клинкового оружия, детали сбруйного набора и высокое качество серебра ременных гарнитур), данное захоронение можно отнести к достаточно высокой по статусу воинской группе населения. Могильник «Экажевские I-е курганы», на котором производились исследования 1996 и 2016 гг., по всей видимости, является изолированным от городского некрополя городища «Ачим-Боарз» участком, где происходили захоронения воинской элиты.

Как говорилось выше, могильник «Экажевские I-е курганы» находится в зоне активного хозяйственного освоения. Выявленные курганы, вследствие активного антропогенного воздействия, имеют различного характера нарушения. Учитывая угрозу сохранившимся курганам быть уничтоженными в результате хозяйственной деятельности, возникает необходимость неотложных аварийно-спасательных археологических работ на данной территории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронин К.В., Малашев В.Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.
2. Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
3. Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.
4. Малашев В.Ю., 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М.
5. Малашев В.Ю., Мамаев Х.М., 2011. Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937-1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный. Москва.
6. Хашегульгов Б.М., 1986. Отчет о разведках 2-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского Госуниверситета им. Л.Н. Толстого и Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии в сезоне 1985 г. в Назрановском и Шалинском районах Чечено-Ингушской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 11240.

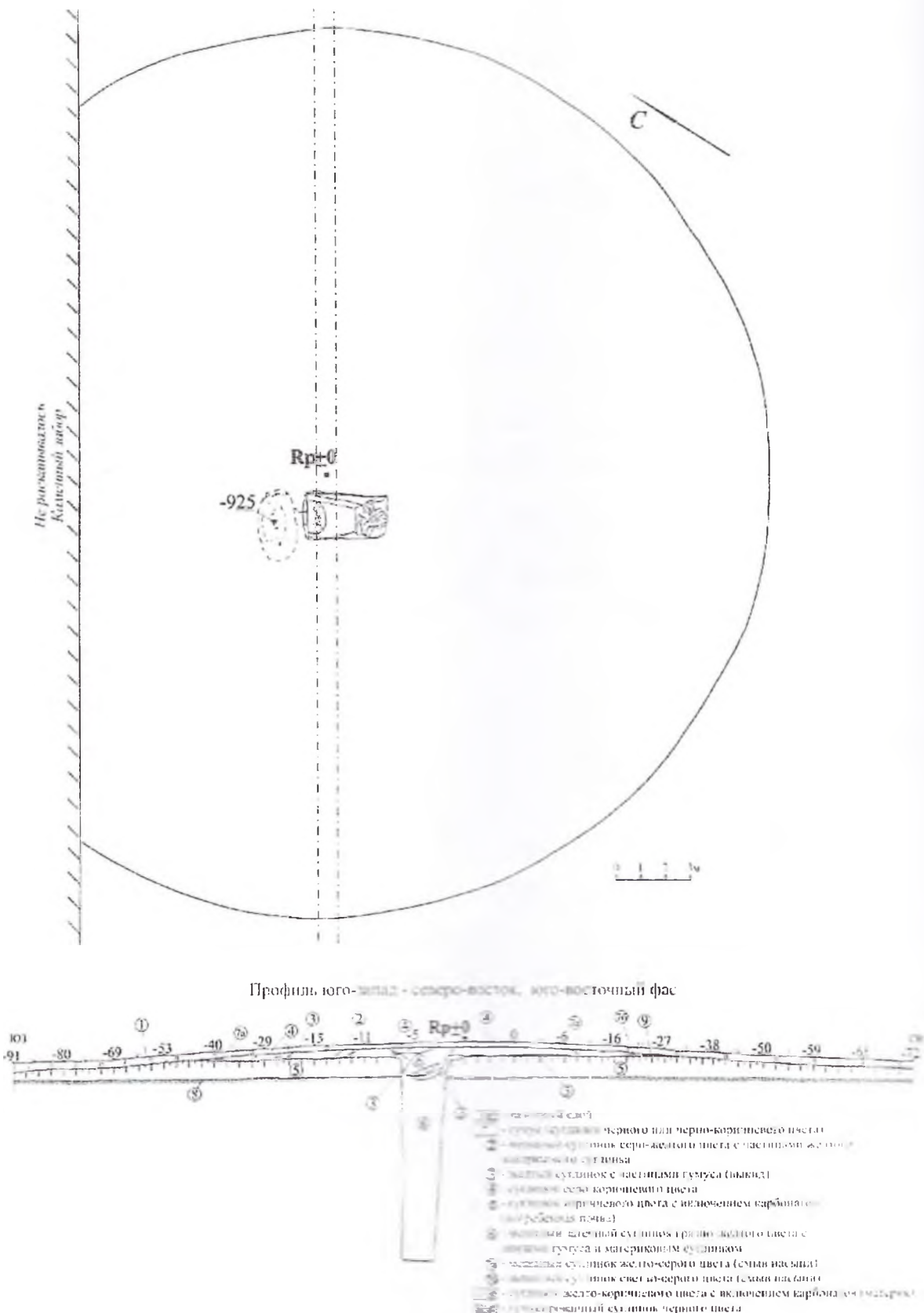

Рис. 1. Могильник «Экажевские 1-е курганы». Курган № 6. Общий план кургана и профиль бровки.

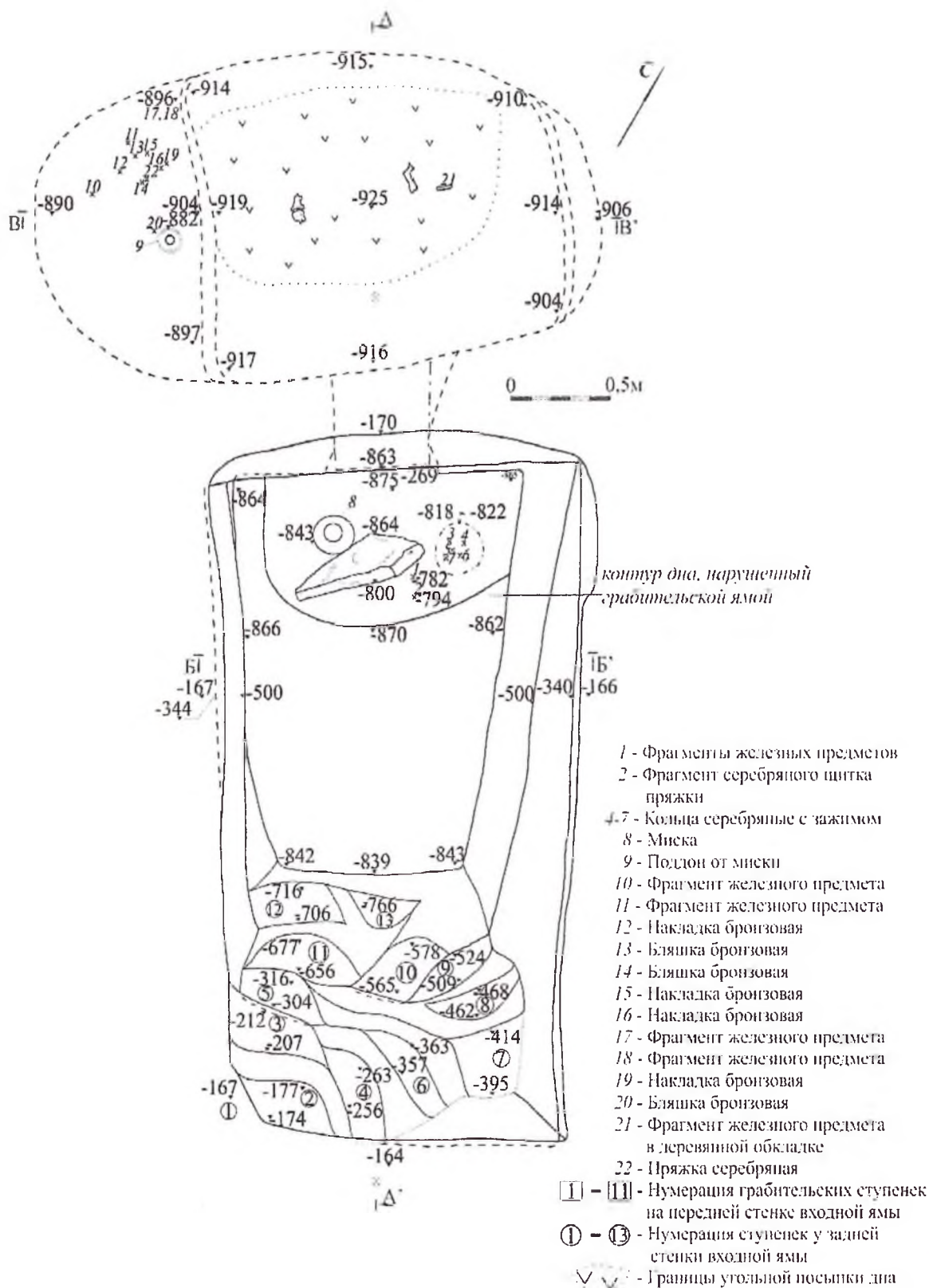

Рис. 2. Могильник «Экажевские 1-е курганы». Курган № 6. План погребального сооружения.

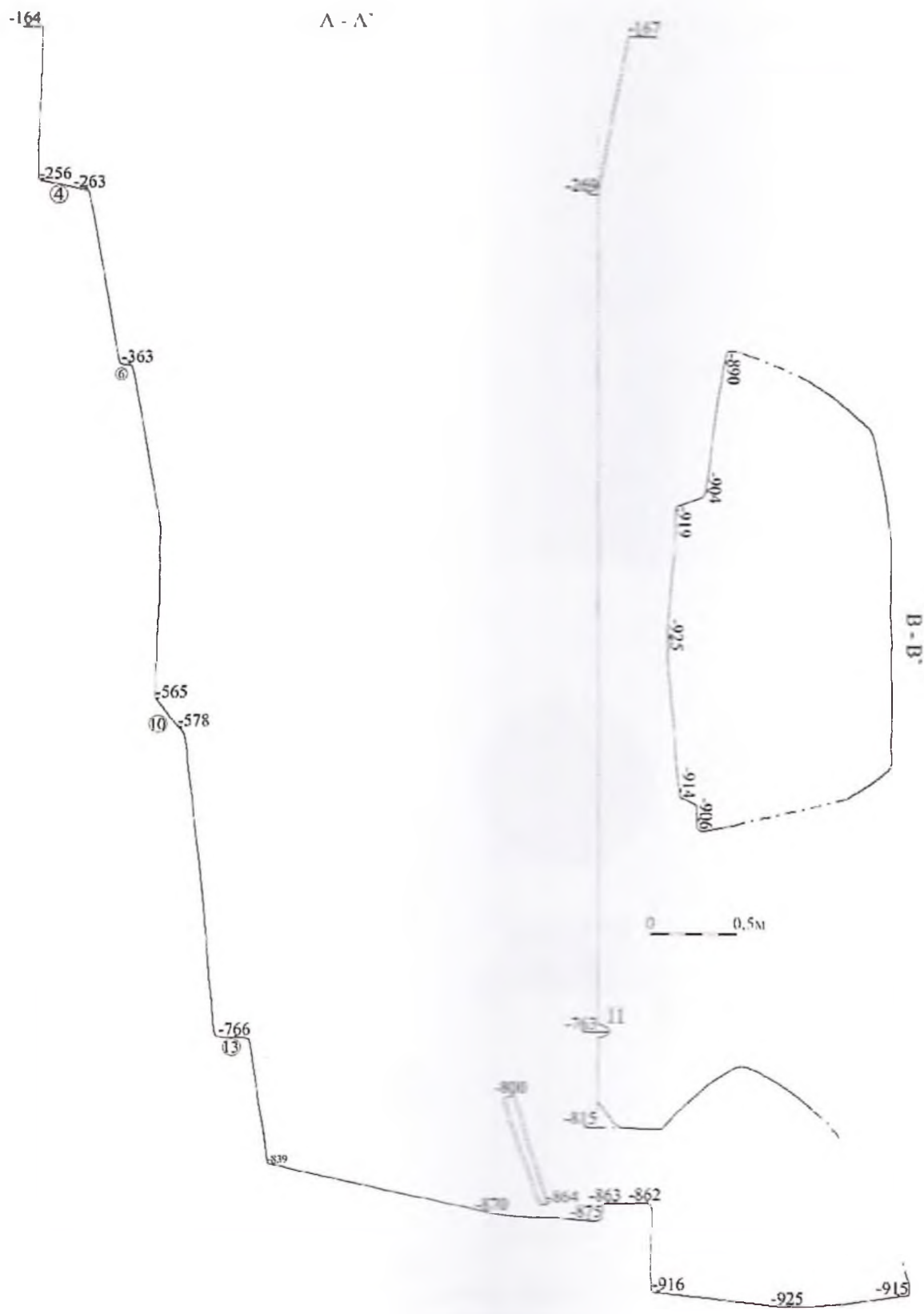

Рис. 3. Могильник «Эльванские 1-е курганы». Курган № 6. Разрезы подрубального сооружения.

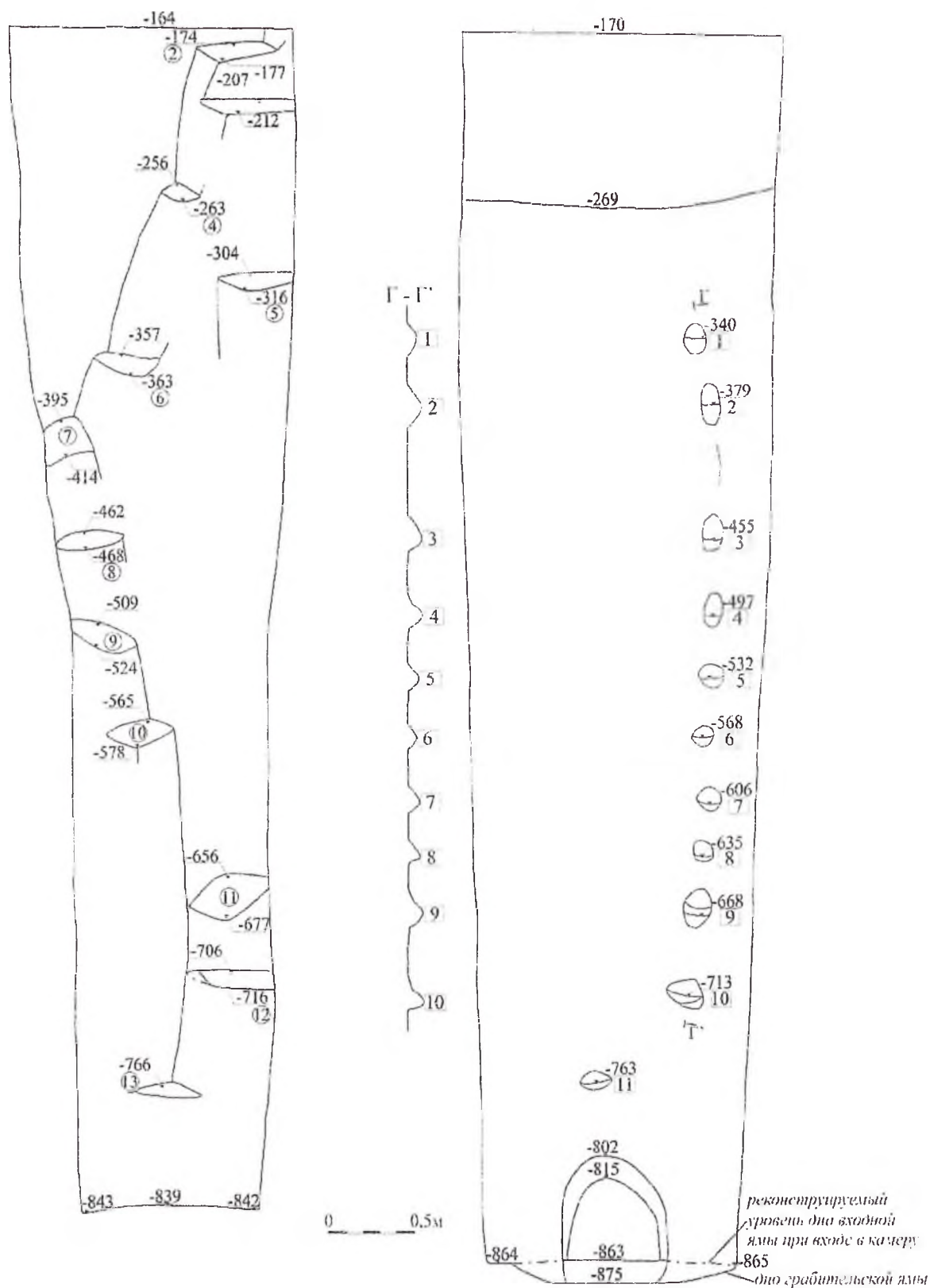

Рис. 4. Могильник «Экажевские I-е курганы». Курган № 6. Виды на переднюю и заднюю стенки входной ямы и ступеньки.

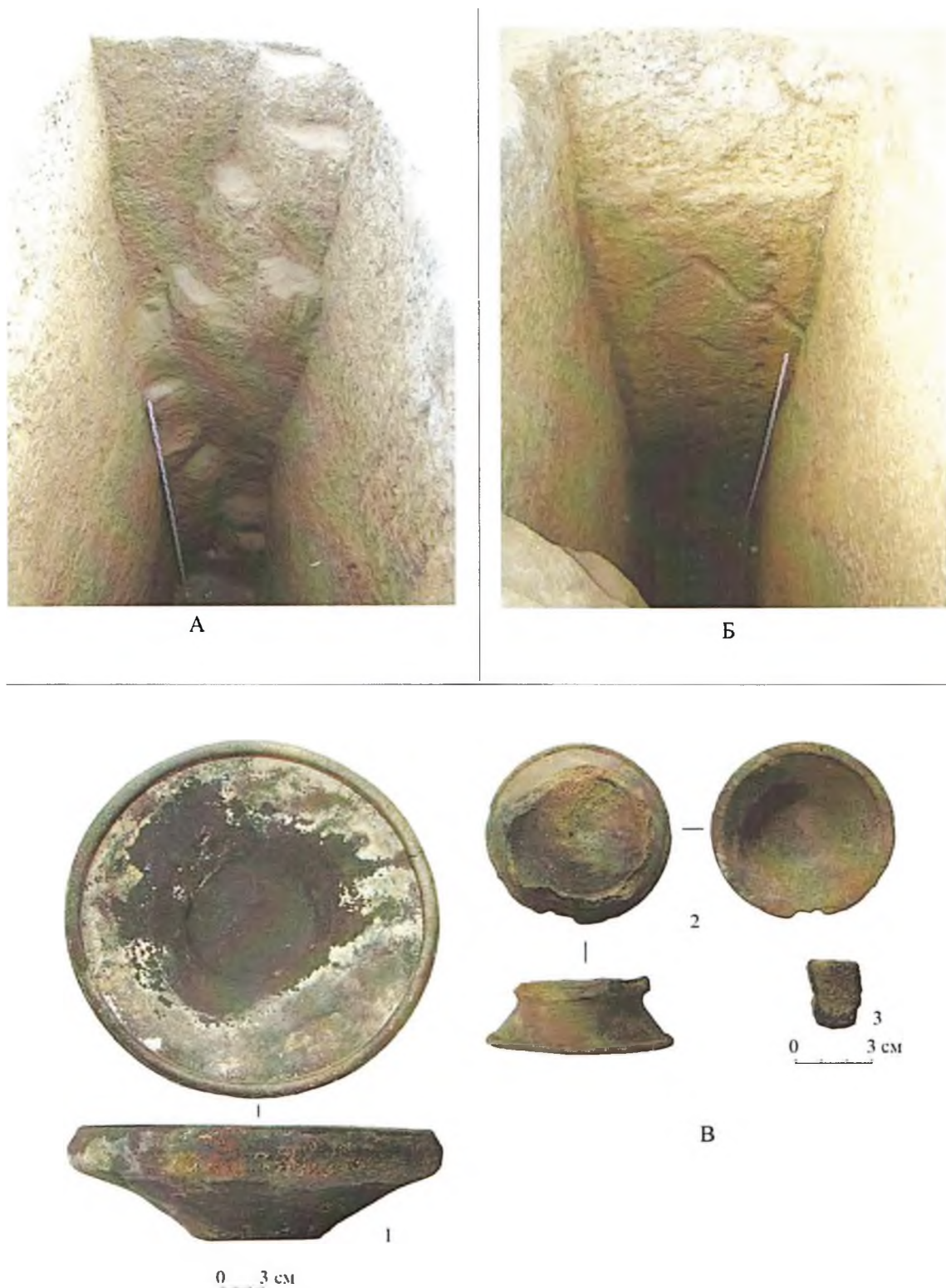

Рис. 5. Могильник «Экажевские 1-е курганы». Курган № 6. А - вид на заднюю стенку входной ямы и ступеньки. Б - вид на переднюю стенку входной ямы и грабительские ступеньки. В - погребальный инвентарь: 1 - керамическая миска (№ 8); 2 - керамический поддон от миски (№ 9); 3 - фрагмент венчика сосуда из насыпи.

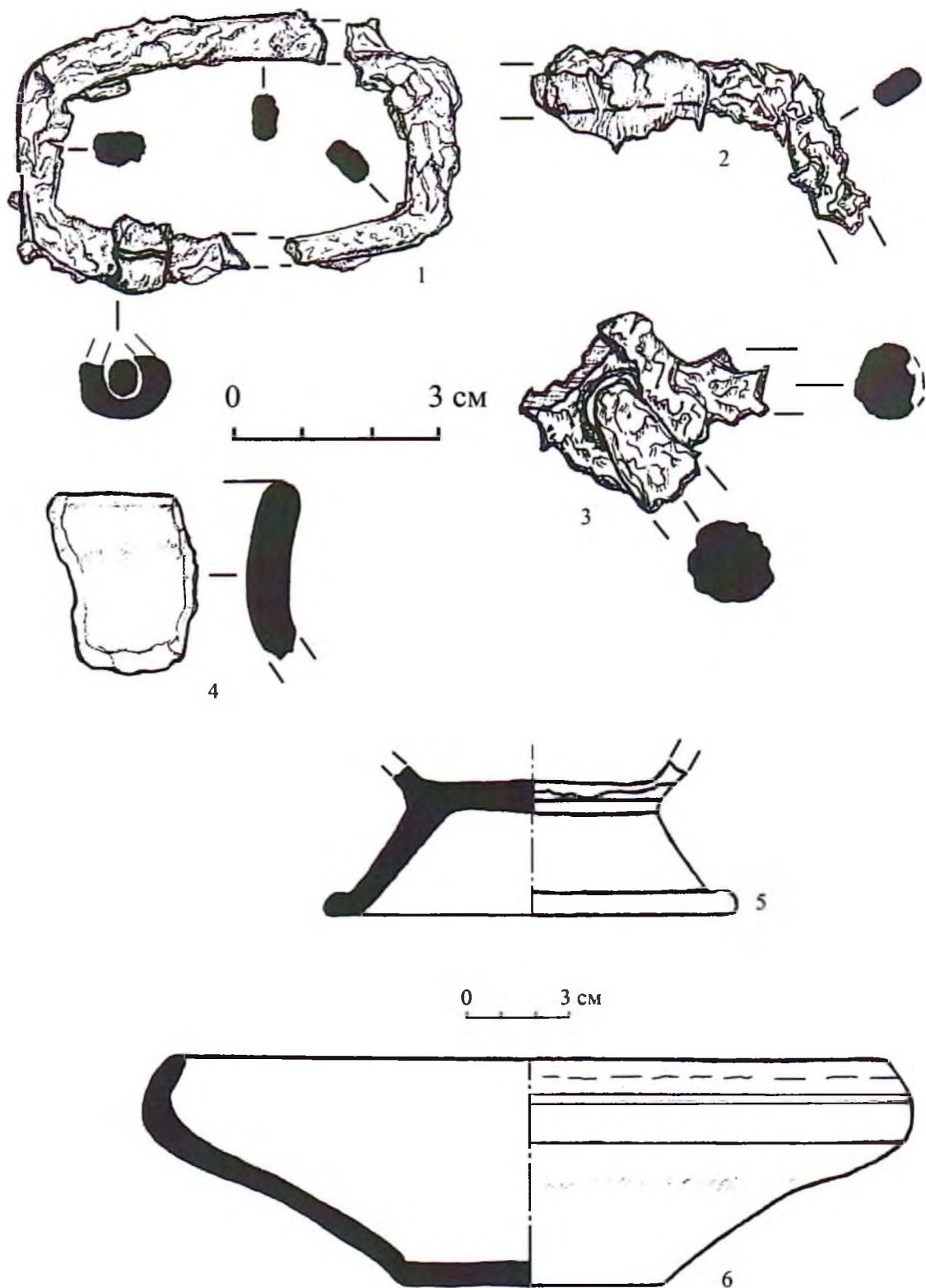

Рис. 6. Могильник «Экажевские I-е курганы». Курган № 6.
 Погребальный инвентарь: 1 - фрагменты рамки железной пряжки (№№ 10, 11);
 2 - фрагмент рамки железной пряжки (№ 17); 3 - фрагмент железных удил (№ 1);
 4 - фрагмент венчика сосуда из насыпи; 5 - керамический
 поддон от миски (№ 9); 6 - керамическая миска (№ 8).

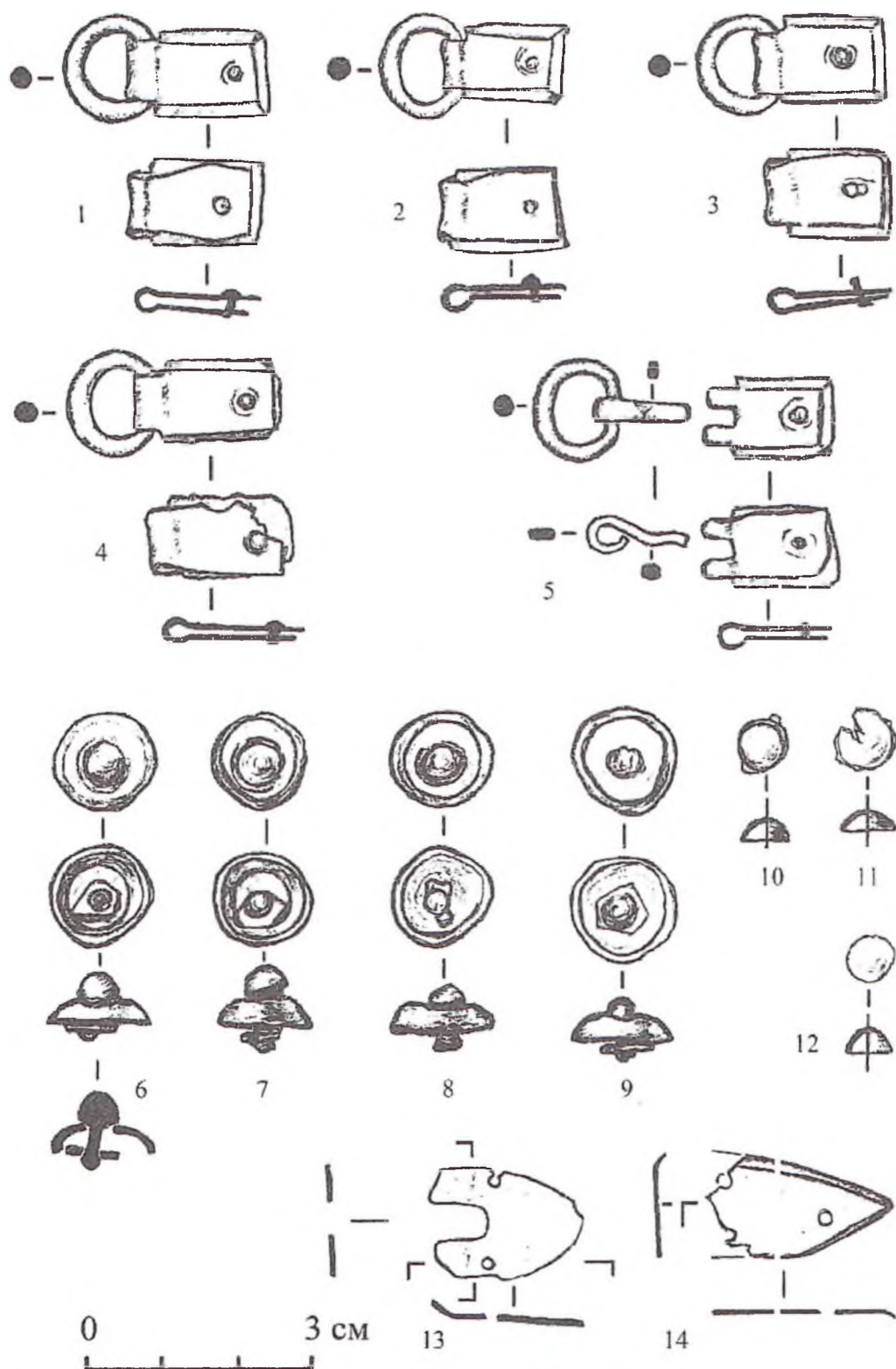

Рис. 7. Могильник «Экажевские 1-е курганы». Курган № 6. Погребальный инвентарь: 1-4 - серебряные кольца с зажимами (№№ 4-7); 5 - серебряная пряжка (№ 22); 6-9 - бронзовые накладки (№№ 12,15,16,19); 10-12 - бронзовые бляшки (№№ 13,14,20); 13 - фрагмент задней пластины серебряного щитка пряжки (№ 2); 14 - фрагмент серебряного предмета (№ 3).

Н.Д. Кодзоев

(г. Магас, ИнгНИИ ГН им. Ч. Ахриева)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБЩЕСТВА ТЕРЛОЙ

Общество Терлой располагалось в верхней части Аргунского ущелья, на левом берегу Аргуна, граничило с юга с обществом Кей, с севера – с Дишни, с запада – с Пешхой.

Исследователи предполагают, что жители общества Терлой – это недавние переселенцы с другой территории, так как в Терлое зафиксированы наиболее развитые формы башенной архитектуры (боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей и сводчатым потолком на уровне второго этажа, пятиэтажные полубоевые башни, арочные проемы с замковым камнем, культовые памятники и т.д.), в то время, как отсутствуют архаичные постройки, которые свидетельствовали бы о преимуществах местных архитектурных традиций [20, с.162]. Вероятно, что поселения Терлой строились не ранее второй половины XVI-XVII в. Л.П. Семенов и В.И. Марковин датировали боевые башни общества Терлой XV-XVII вв. [18]. М.Х. Ошаев датировал их XV-XVI вв. [20, с.161-162].

Вполне вероятно, что терлойцы являются переселенцами с запада – с территории Двалетии (совр. Осетия) в конце XVI-XVII в. «Период XVI-XVIII вв. можно охарактеризовать как эпоху миграционных процессов на Северном Кавказе. В полной мере такая характеристика подходит для ингушской истории этого времени. Миграции ингушских территориальных групп носили перманентный характер и были вызваны целым рядом причин, как внешнего свойства, так и внутренними этническими процессами» [15, с.15].

В XV – первой половине XVI в. в предгорно-плоскостной зоне части современных Осетии (Двалетии) и Ингушетии существовали многочисленные ингушские поселения. Сохранились записи ингушских преданий, свидетельствующих о том, что до прихода кабардинцев в район рек Терек, Камбилеевка, Сунжа и Назранка, в этой зоне проживало ингушское население.

Так, например, в песне-легенде «Махкинан», записанной В. Козьминым и опубликованной в газете «Кавказ» в 1895 г., говорится, что «лет триста назад» ингуши жили в долине Сунжи «до гор Ачалукских» [19].

О причинах ухода ингушей в горы, связанных с кабардинскими миграциями, имеется и другая запись В. Козьмина: «Сакля примыкала к старому прадедовскому жилищу Джантемира – высокой трехэтажной башне, возвышавшейся пред группою низеньких одноэтажных построек, как гигант перед пигмеями. Она имела 65 футов высоты и по тридцати футов длины и ширины в четырехугольном основании. Нижний этаж ее служил конюшней и хлевом, для загона лошадей и другого скота, а средний и верхний предназначались для жилья всей семьи. Башне этой, выстроенной из крупных шиферных плит, насчитывалось около полутора столетия. Она выстроена прапрадедом теперешнего хозяина, неким Янди, пришедшим сюда с Назрановской плоскости. Как рассказывают, он был вынужден покинуть тамошнюю привольную жизнь вследствие притеснения кабардинских князей, властвовавших тогда на равнине» [6].

Интересно предание, записанное в конце XIX в. собирателем фольклора Албастом Тутаевым о Бексултане Бораганове. По преданию, Бексултан Бораганов, проходивший со своими мюридами через территорию Назрани на восток, встретил на берегу реки Наьсар, у

впадения ее в Сунжу, большую группу ингушей. «Бексултану Бораганову понравилось место это, т.е. назрановское. И он спросил у ингушей: «Чьи это места?» Ингуши ответили: «Место это принадлежит нам» – и указали границей далекое место. Указывали, что с этого места прямо идет наша граница дальше того места, где вы видели галгаев и еще дальше до границы грузинского царя». Ингуши, как они объяснили Бексултану, собрались здесь, чтобы не допустить переселения на эту землю кабардинцев. Ингуши заявили Бексултану, что это их «отцовская земля» и никому они ее не уступят [23].

Ингуши вынуждены были покинуть плоскость после того, как в декабре 1562 г. на Центральный Кавказ был совершен объединенный ногайско-кабардино-русский поход во главе с кабардинским князем Темрюком Идаровичем, организованный русским царем Иваном IV Грозным [10, с.60], [16, с.3-13].

Этот поход вызвал исход ингушей с равнинной территории современной Ингушетии и Двалетии. Оставшиеся на местах ингуши-двалы были ассимилированы позже грузинами и, поселившись на этой территории под покровительством кабардинцев ираноязычными осетинами. Несколькими потоками беженцы с этой территории переселились на восток – в Арамхинское ущелье (ближние кисты; часть которых в XVII в. переселилась в Тушетию – бацбийцы) [9, с.161], в Аргунское ущелье (дальние кисты) и далее, через Аргун, на территорию проживания дагестанских племен. В конце XVI в. переселенцы, получившие название акпнды (от инг. «аьккхий» - «изгнанники, беженцы») появляются в Терско-Сулакском междуречье [1, с.11-12].

В XVI-XIX вв. в горах территория проживания ингушского этноса доходила на востоке до р. Аргун. «Область распространения ингушей и ингушской культуры простиралась по всему нагорью Ингушии и Чечни, исключая лишь крайний восток (Чаберлой). В указанный период эта культура, можно думать, еще не имела постоянных центров на плоскости. Поэтому до сих пор нагорное население Чечни говорит на наречиях, более близких к ингушскому, чем к плоскостному чеченскому» [23, с.197].

Исследования ученых говорят о том, что в древности юго-восточную Чечню и горный Дагестан населяло родственное население. «На основе археологических, антропологических источников мы пришли к выводу о том, что в зональном поясе, включающем в себя горную Чечню и горный Дагестан..., с древнейших времен, по крайней мере с III тыс. до н. э., жили народы со сходными чертами материальной и духовной культуры, выраженные в единых формах хозяйства (в земледелии, скотоводстве, металлообработке), схожей структуры бытовых памятников, архитектуры жилищ, единых погребальных обрядах. Приведенный выше материал со всей очевидностью свидетельствует об этнокультурной общности древних племен, населявших горный Дагестан и Чечню» [23].

Миграцию ингушей на восток за р. Аргун и на плоскость по Аргунскому ущелью – на территорию проживания дагестанских племен, привело к складыванию в последующие столетия нового этноса – чеченского. «Со второй половины XVI века начинается эмиграция ингушских племен из нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Эта эмиграция вытеснила гребенских казаков с места их первоначального поселения по реке Сунже – за Терек. Многочисленные нагорные племена из Нашаха, с верховьев Аргуна и из Чаберлоя вновь перемешались на плоскости, подпали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыкской и калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировались новая культура и новый язык – чеченский» [23, с.197].

Плоскость, прилегающая с севера к Аргунскому ущелью, находилась в то время под властью аварских князей Турловых, создавших на части территории современных Дагестана и Чечни довольно крупное для своего времени государственное объединение. «Следует здесь особо отметить то обстоятельство, что сложение на Северо-восточном Кавказе не маленького по своей площади и достаточно многолюдного государства-княжества во главе с Турловыми сыграло важную роль в образовании крупнейшего коренного северокавказского народа – чеченцев, что произошло на базе вейнахских племенных групп, а также этнических дагестанцев и небольшого, думается, числа представителей других народов Евразии. Он, кстати, получил свое этническое наименование, принятое ныне к употреблению в среде различных народов Кавказа и великих русских равнин, от традиционно подвластного Турловым равнинного округа «Чечень» (с центром в с. Чеченаул, который аварцы называли *Чачан*). Последний расположен, как уже говорилось выше, в Приаргунье» [2].

Н.Г. Волкова отметила, «что факты передвижения ингушей на восток, некогда живших значительно западнее современных районов их обитания, отразились в осетинских преданиях... Эти предания рассказывают, что ингуши в прошлом обитали в Куртатинском и Даргавском ущельях» [8].

По мнению В.Х. Тменов, «время завершения иранизации ущелий восточной части Северной Осетии определяется упоминанием в предании о Тага и Курта кабардинцев, которые действовали с ними против ингушей» [21, с.125].

В преданиях терлойцев, записанных М.Х. Ошаевым, их происхождение связывается с территорией Осетии и ингушами. М.Х. Ошаевым записано у терлойцев два предания, приведенные ниже.

«В очень давнее время в район Терлой из Осетии пришел человек по имени Талат, сын Элды. Ему понравилось место Эль-пхъа и он решил поселиться здесь. На возвышении посреди поймы реки Терлой-Ахк он построил три боевые башни... и стал здесь жить. Другой человек по имени Берк-Бич (БеригаБыч – Быч, сын Берига. – Авт.) построил боевые башни в Кирд-Бавнаш. Вначале они жили мирно, но потом поссорились. Ссора произошла из-за того, что Талат увел жену сына Берк-Бича. Между сыном Берк-Бича и Талатом произошла стычка, во время которой Талат ранил противника шашкой. Боясь мести со стороны Берк-Бича, Талат, отправляясь по делам в Итум-Кали или другое место, набивал подковы лошади навыворот, чтобы на дороге оставались подковы в обратную сторону. Так он оберегал себя. Однажды Талат встретил жену Берк-Бича. Она не знала Талата в лицо. Талат спросил ее, как здоровье сына. Мать ответила, что он в очень тяжелом состоянии. Талат посоветовал ей приложить к ране свежий помет жеребца. Жена сообщила об этом мужу. Берк-Бич догадался, что совет этот дал Талат, выбежал из башни с луком и стрелой. Догнав противника, Берк-Бич пустил стрелу, но Талат подпрыгнул в седле. Стрела пробилась две луки седла и ударилась в камень, находившийся впереди. В камне стрела пробилась отверстие. Талат спасся» [20, с.157].

По этногенетическим преданиям терлойцев Талат, сын Элды считается родоначальником одной части терлойцев, живших в поселениях Эль-пхъа, Сени, Джелашки, Утий и поселения Шунди, находящегося в другом ущелье. «Родоначальником другой части терлойцев считается Берк-Бич, и аулами их являлись Кирд-Бавнаш, Басхо, Гезихо, Коричу, Кхенах, Бушни, Никарой» [20, с.157].

Во втором предании, записанном М.Х. Ошаевым, говорится, что люди пришедшие из Осетии в Ингушетию, перемешались с ингушами, а потом один из них пошел искать пропавших коров и дошел до местности Эль-пхъа и решил остановиться здесь. «На холме по-

строил две башни. Родилось у них пятеро сыновей. Сыновья подросли и разошлись в разные стороны. Один поселился в Джелашках, второй – в Сени, третий – в Барой, четвертый – в Ути, а пятый остался в Эль-пхьа с отцом» [20, с.157-158].

Терлойцы помнят о своей первоначальной родине – территории современной Осетии. Но на этой территории в средневековье жили ингуши-двалы. Грузинский исследователь В.Н. Гамрекели отмечал, что двалы – это не осетины, не из осетинского племени, что это те же дзурдуки [11].

Так, как в наше время эту территорию населяют осетины (ираноязычный народ), то терлойцы и считают себя потомками осетин, перемещавшихся с ингушами. На самом же деле, это были ингуши, которые под давлением кабардинцев, под началом которых были и осетины, ушли на восток.

Ингушские общества, располагавшиеся в верховьях Аргуна, были позже – в XIX в. известны под именем «дальние кистины».

В «Военно-топографическом и статистическом описании областей Кавказа, составленном поручиком Бларамбергом» в 1826 г., область проживания ингушей называется «Кистинией». Чеченцев поручик Бларамберг называет народом, граничащим с «кистинами» [14, с.445]. Среди кистинских округов, наряду с округами Цхораго (Цори), Галга, Джерахи, Ангушты, Насари, Нашах, Майсты и другими, называется и округ Терлой (в тексте – «Терело»), который включал в себя 13 деревень и 200 дворов [14, с.445].

В изданном Генеральным штабом в 1851 г. Военно-статистическом обозрении Ставропольской губернии – наиболее авторитетном источнике по этнополитической истории Северного Кавказа указанного периода, в котором обобщены данные многолетнего изучения региона – указывается, что «к племени ингушей, занимающих плоскость и котловины кавказских гор с правой стороны Терека до верхних частей Аргуна и до течения Фартанги, принадлежат: 1) назрановцы с Комбулейским обществом, 2) джераховцы, 3) карабулаки, 4) цоринцы, 5) ближние кистины с небольшим обществом малхинцев вновь покорившимся, 6) галгай, 7) галашевцы и 8) дальние кисты» [7]. Лишь во второй половине XIX в. ингушей, живших в Аргунском ущелье, постепенно начинают относить к чеченцам. «Разрыв близкородственных ингушам ингушеязычных обществ («дальние кисты») с западными собственно ингушскими обществами и их постепенная ориентация на Чечню, наметится с завершением строительства Сунженской линии и административно-территориальными реформами на Северном Кавказе во второй половине XIX в.» [15, с.21].

Известный кавказовед А.П. Берже в перечень ингушских племен включил кистов и отметил, что «они разделяются на ближних и дальних. Первые живут по ущельям Макалдона (р. Арамхи. – Авт.), а последние по ущельям р. Аргуна. Общество дальних кистин заключало в себе в 1851 году 21 аул, 402 двора, 1620 душ мужского пола, 1647 женщин, а всего 3267 душ» [3, с.81].

Г.А. Вертепов в конце XIX в., отмечал, что ранее «дальние кистины» относились к ингушам, а в настоящее время их «относят собственно к чеченцам» [8, с.75-76].

А.Н. Генко приводит данные языка, подтверждающие, что ингушский язык был распространен в прошлом на всей нагорной полосе Чечни вплоть до Андийского хребта [12].

Исследователь В.И. Долбежев, посетивший в 1883 г. Аргунское ущелье, записал со слов одного из местных старшин рассказ об основании башенного поселения Итум-кали: «В том же маленьком ауле Мулхой находится старинная четырехугольная башня с пристройками, очень разрушенная, но заселенная. Вокруг нее возведены в последнее время легкие постройки в азиатском стиле, с плоскими крышами, в которых живут семьи род-

ственников старшины. О своем происхождении он сообщил мне, что он происходит от Галгаев (восточнее Ассы...). Дань они никогда не платили и не взимали. Отец старшины Махаш был убит еще до рождения теперешнего старшины. Деда звали Ирбахи, который считается строителем башни, прадеда – Элхи, потомка Утке II и Утке I. Но родоначальником, который поселился здесь, был отец Утке I и его звали Итун; его именем названы руины у выхода этого ущелья в горную долину Аргуна» [13, с.110].

В 1860 г. военное управление Кавказом было ликвидировано, и на Северном Кавказе были созданы Кубанская и Терская области. Ингушетия была разделена на два округа: Ингушский и Аргунский, которые входили в состав Терской области. Общество Терлой оказалось в составе Аргунского округа. В 1866 г. территория акинцев и мереджинцев была выделена из Горского участка Ингушского округа и подчинена управлению Аргунского округа. В дальнейшем – в 1883 г. Аргунский округ был объединен с другими чеченскими округами и создан Чеченский округ. Со временем жители Аргунского округа были ассимилированы чеченцами, но до последнего времени жители бывшего Аргунского округа не признавали себя чеченцами, а называли себя «лоамарой» (исследователи не раз отмечали, что ингуши-горцы называют себя «ламур» [«лоамарой»]) [4, с.161], [17, с.82 и др.].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI-XVIII веках. – Грозный, 1992.
2. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в истории Северо-восточного Кавказа). – Махачкала, 2006.
3. Берже А.П. Чечня и чеченцы. – Тифлис, 1859.
4. Броневский С. Кавказцы. – М., 1823.
5. Вертепов Г.А. Ингуши. Историко-статистический очерк // ТС. – Вып. 2. – Кн. 2. – Владикавказ, 1892.
6. Вл. К-н. Под Казбеком // Кавказский вестник. – Тифлис, 1900. – № 10.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. – Т. XVI. – Ч. 1: Ставропольская губерния. – СПб., 1851.
8. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1972.
9. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.
10. Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Статьи по истории Ингушетии. – Назрань, 2002.
11. Гамрекели В.Н. О племени двалов // Труды для этнографии Грузии. – Т. IX. – Тбилиси, 1957.
12. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – Т. V. – Л., 1930.
13. Долбежев В.И. «Археологические исследования в районе Терека (Северный Кавказ)» // «Журнал этнология» (на нем. яз.). – Т. 19. – Берлин, 1887.
14. Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век. Сб. документов и материалов. (Сост. М.М. Картоев). – Магас, 2014.
15. История Ингушетии. (Отв. ред. Н.Д. Кодзоев) – 4-е изд. – Ростов-на-Дону, 2013.
16. Кодзоев Н.Д. К вопросу о завоевательном походе кабардинского князя Темрюка Идаровича в район Центрального Кавказа в XVI в. // Вопросы истории Ингушетии. – Вып. 5. – Магас, 2006.

17. Крупнов Е.И. К истории Ингушии // Вестник древней истории. – № 2. – 1939.
18. Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. – М., 1963.
19. Махкинан. (Фея гор). (Ингушевская песня-легенда) // Газ. «Кавказ». – № 98. – 1895.
20. Ошаев М.Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой Ахк (горная Чечня) // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Т. VII. – Вып. 1. – Грозный, 1966.
21. Тменов В.Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. – Орджоникидзе, 1989.
22. Тутаев А. Бексултан Бораганов // Институт рукописей им. К. Кекелидзе Академии наук Республики Грузия. Rossika, док. № 379.
23. Хаджимурадова М.А. Археолого-антропологические данные как свидетельства этнокультурной общности народов горного Дагестана и Чечни // Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (20 мая 2013 г.). – Новосибирск, 2013.
24. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши // Записки Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ. – Ростов-на-Дону, 1928.

Н.Д. Кодзоев

(г. Магас, ИнгНИИ ГН им. Ч. Ахриева)

БАШЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-ЗАМОК ИСМАИЛОВО (ИСМЕЙЛА-ЦЕНЬГЕ)

Ключевые слова: башенное поселение, Хамхоевы, Исмаилово, Таргим, Гасарово.

Аннотация: башенное поселение Исмаилово расположено на правом берегу р. Ассы. Является родовым гнездом фамилии Исмаиловых из рода Хамхоевых. Согласно записям краеведа XIX в. А.Ц. Тутаева в Исмаилово жили представители рода Таргимхоевых – Гасаровы. Исследователем это поселение названо Гасарово. Рядом с ним отмечено еще одно поселение – подлинное Исмаилово, которое в 1920-х гг. обрушилось в Ассу, а его название перешло на Гасарово.

Keywords: tower settlement, Hamhoev, Izmailovo, Targim, Gasarovo.

Annotation: tower Izmailovo settlement is located on the right Bank of the river Assa. Is still the ancestral seat of the Ismailov surname of the genus Hamhoev. According to the records of the historian of the XIX century A. Tutaev in Ismailovo lived members of the genus Targimhoev – Gasarov. The researcher is a settlement named Gasarovo. Next to him, noted another settlement – genuine Ismailovo, which in the 1920s collapsed in the Assa and its name moved to Gasarovo.

Родовым гнездом Хамхоевых является башенное поселение Хамхи. Вблизи него располагаются еще несколько башенных поселений, принадлежащие роду Хамхоевых – Хайрах, Нижний Хайрах, Балкой-Ценге, Исмаилово. Также до 20-х гг. XX в. на месте расположения школы-интернета у пос. Хамхи располагалось поселение Каза-Ценге.

Башенное поселение замкового типа Исмаилово (Исмейла-Ценьге, Исмейла кьоньгий хьокхаш, Исймела ков) располагается на оконечности горного кряжа у правого берега р. Ассы. Оно состоит «из уже полуруинированных или сильно поврежденных боевой, полубоевой и 5 жилых башен, которые вместе с оборонительной каменной стеной составляли довольно мощный единый замковый комплекс позднего средневековья» [4,с.17-18]. Из этого поселения вышли Измайловы, мужчины которых занимались деревообделочным ремеслом, а женщины славились искусством обработки шерсти.

На северо-западной окраине Исмаилово, на скальном валуне расположен одиночный двухэтажный надземный склеп, отнесенный Д.Ю. Чахкиевым к XVII-XVIII вв. [4,с.18].

Ингушский краевед и этнограф Албаст Цехарович Тутаев (1855-1941) называет Исмаилово Верхним или Малым Таргимом. Согласно его записям, произведенным с 1882 г. до 1920-х гг., в этой крепости жили представители рода Горбаковых из Таргима – Гасаровы, Озиевы, Тутаевы [3].

Исследователь Ингушетии XIX в. Н.Ф. Грабовский в описании Горной Ингушетии в 1865 г., называет это поселение Гасарово и отмечает, что оно необитаемо. Но рядом с ним он называет и Исмаилово, в котором проживало 4 семейства [1,с.157].

Между этими двумя поселениями находилась каменная заградительная стена, разделяющая территории Таргимхоевых и Хамхоевых, остатки которой в виде линии камней сохранились до наших дней.

Исследователь топонимии А.С. Сулейманов в своей «Топонимии Чечено-Ингушетии» рядом с топонимом «Исмейла-Ценге» называет топоним «Гасар-Ценге». Он отмечает, что в этих урочищах «сохранились руины бывших поселений» [2,с.46].

Согласно А.Ц. Тутаеву, в 1861 г. Гасаровы переселились на плоскость в селение Кантышево, а все поселение (движимое и недвижимое имущество), все свои покосные и па-

хотные участки передали своему зятю Аламурзе Кациеву [3]. (Кациевы – представители рода Хамхоевых).

Поселение Измайловых – подлинное Исмаилово, называемое ингушами «Исмейла кьоньгий хьокхаш», в 20-х гг. XX в. обрушилось в р. Ассу. Название «Исмаилово» перешло на поселение Гасарово (Малый Таргим), в котором к тому времени уже жили представители рода Хамхоевых.

По родовым преданиям предок Измайловых Исмаил (Исмейл) выселился из Хамхи из-за кровной мести и поселился в башенном поселении, расположенном ниже по течению Ассы, в XVIII в. Сын Исмаила – Баса жил в конце XVIII – начале XIX в. Сын Баса – Цогал поселился в долине реки Кен (Лохара Кен) у родника близ сел. Сурхахи. Сыновья сына Цогала – Муссы (пять семей) в 1858 г., когда по указу российского императора уничтожались хутора и ингуши селились в крупные села, были переселены в сел. Сурхахи. За отказ переселиться в Сурхахи в 1858 г. сын Муссы – Мочко был сослан в Прикаспийские степи. В настоящее время Измайловы (из рода Хамхоевых) компактно проживают в сел. Сурхахи Назрановского района РИ.

ЛИТЕРАТУРА:

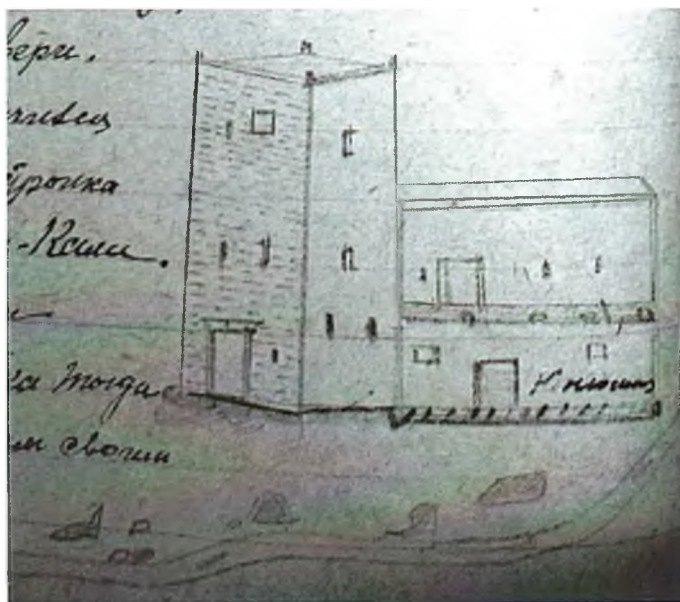
1. Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // Об Ингушетии и ингушах. Терские ведомости. 1868-1878. – Вып. 2. СПб., 2003.
2. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. – Ч. 2. – Грозный, 1978.
3. Тутаев А. Галгаевский календарь // Архив ЧГОМ. – Оп. 3. – Д. 44.
4. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. – Т. 2. – Нальчик, 2009.

Башенное поселение Исмейла-Ценге (Исмаилово). Фото 2012 г.

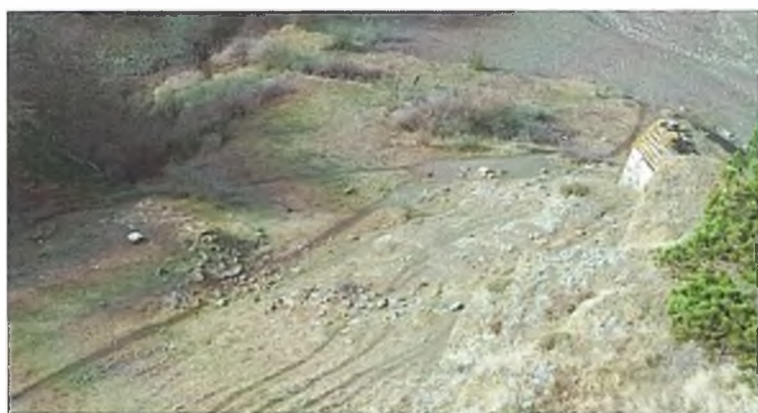
Одиночный двухэтажный надземный склеп у пос. Исмаилово. Фото 2012 г.

Башенное поселение Исмаилово (Малый Таргим). Рисунок А.Ц. Тутаева.

На переднем плане – башни Таргима, на заднем плане видны силуэты башен поселения Исмейла-Ценге. Фото 1980 г.

В левом углу находятся руины склена. Между этим скленом и башенным поселением Исмаилово видна линия камней – остатки прежней заградительной стены между владениями Таргима и Хамхи. Фото 2012 г.

Поселение Измайловых, называемое «Исмейла к'оньгий х'окхаш» (настоящее Исмаилово). Фото 1912 г.

Е.И. Нарожный

(г. Краснодар, ОАО «Наследие Кубани»)

ИСТОРИК, АРХЕОЛОГ И ЭТНОГРАФ Д.Ю. ЧАХКИЕВ⁵

(в связи с 60 –летним юбилеем ученого)

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ингушетия, кавказоведение, археология, история, этнография, юбилей ученого.

Key words: The Northern Caucasus, Ingushetia, caucasialogy, archeology, history, ethnography, the anniversary of scientist.

Аннотация: В статье приводятся некоторые сведения об известном ученом- кавказоведе – историке, археологе и этнографе Д.Ю. Чахкиеве. Построенные на мемуарных воспоминаниях автора статьи, участвовавшего во многих научных экспедициях Д.Ю. Чахкиева, раскрывают малоизвестные свидетельства об этом ученом, только что отметившем свой 60-летний юбилей.

Annotation: In the article are provided some information about the famous scientist – caucasologist – the historian, archeologist and ethnographer D.J. Chahkiev. Based on the memoirs of the author of article who participated in the many scientific expeditions of D.J. Chahkiev and open some little-known information about this scientist, just celebrated his 60-anniversary.

21 мая 2015 года исполнилось 60 лет Джабраилу Юрьевичу Чахкиеву – кандидату исторических наук, известному археологу, этнографу и историку-кавказоведу из Республики Ингушетия. Окончив исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого, Д.Ю. Чахкиев работал в разных государственных структурах – референтом республиканского общества «Знание», сотрудничал с краеведческими музеями в г. Грозном и Назрани, совмещал деятельность с работой в Чеченском и Ингушском музеях и университетах. Длительное время занимал должности заместителя и начальника Государственной архивной службы Республики Ингушетия. Но наряду с этим, за все время он так не изменил еще одной своей специальности – работе археологом, этнографом и историком.

* * *

Писать о друзьях и близких людях, а Джабраил Юрьевич - не исключение, всегда не просто. Подобная сложность возникает всегда от нахлынувших воспоминаний и положительных эмоций, всегда, хоть и немного, но «путающих» мысли, подталкивающих указать на что-то особое, самое главное и важное. Но такого, «наиболее главного», всплывает в памяти столько, что однозначно отобрать что-то из всех других, не менее «самых главных», бывает трудно.

С Джабраилом Юрьевичем судьба меня свела еще в далеких 1978-1979 годах. В те годы я поступил учиться на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого (ЧИГУ). После первого года учебы, как и было предусмотрено учебной программой, наш курс, разделенный на две группы, направили для прохождения учебно-полевой археологической практики. Первая группа под руководством в то время к.и.н., доцента (ныне - д.и.н. и профессор) М.Х. Багаева отправилась в чеченское сел. Элистанжи. Наша, вторая группа, во главе с д.и.н., проф. В.Б. Виноградовым и его помощником, к.и.н., доцентом В.А. Петренко была отправлена в далекое сел. Джейрах

⁵ Данная статья является доработанным докладом, прочитанным на международной научной конференции в г. Бахчисарае 26 сентября 2015 г.(1, с.29).

Назрановского (ныне - Джейраховского) района республики, находившееся в долине р. Армхи, впадающей в р. Терек, у самого входа в Дарьяльское ущелье. В Джейрахе нас поселили в местной школе, директором которой тогда был М. Точиев (2). В стенах этой школы практика прожила целый месяц.

В нашу задачу входили регулярные земляные работы на хорошо известном кавказоведам Паметском могильнике, окраина которого буквально нависала над левым обрывистым берегом р. Армхи, близ моста через эту реку, в самом начале селения. В свое время этот раннесредневековый некрополь, состоявший из каменных ящиков, частично исследовали проф. Л.П. Семенов и проф. Е.И. Крупнов, что привело к появлению длительных споров вокруг датировки данного памятника (обзор мнений на этот счет см.: 3). Наша же практика работала по Открытому листу, выданному Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР однокурснице Д.Ю. Чахкиева Н.Н. Бараниченко (ныне – д.и.н., проф. Н.Н.Великая). Материалы тех раскопок впоследствии были полностью опубликованы (4) и, казалось бы, должны были внести определенную ясность и конкретность не только в датировку, но и в общеисторическую атрибуцию каменнаящичных могил Паметского могильника. Однако, забегая вперед, замечу: пройдет еще несколько лет, и уже Д.Ю. Чахкиев на том же археологическом объекте доисследует несколько грунтовых аланских катакомб (5), ставших тогда некоторой неожиданностью, но сразу же оказавшихся востребованными наукой. Именно они вызвали к жизни различные рассуждения на этот счет, вновь актуализировав проблему определения роли и места средневековых аланов в сложной и неоднозначной системе местных и взаимопродуктивных этногенетических процессов эпохи средневековья, приистекавших в пределах не только Джейраховского ущелья, но и во всей Горно-Ассинской котловине и Восточном Придарьялье. Сегодня эти явления надежно документируются исследованиями отечественных специалистов – не только археологов, но и антропологов (6). Еще несколько лет спустя, на том же самом некрополе, Джабраил Юрьевич изучит еще несколько каменных ящиков, предотвратив их полное обрушение в Армхи. На этот раз исследованные им погребальные комплексы содержали в себе останки нескольких горских воинов золотоордынского времени (7).

Д.Ю. Чахкиев сыграл далеко не последнюю роль в жизни той незабываемой археологической практики 1979 года в Джейрахе. Ежедневно ранним утром мы уходили из ворот Джейраховской школы и направлялись в сторону раскопа. Приходилось несколько км идти пешком через весь Джейрах, затем возвращались на обед и уже после обеда вновь шли на раскоп. Да и грунт в раскопе был такой, что копать нам приходилось, целиком полагаясь только на тяжелый железный лом и кирку. Но эти трудности уходили как бы на второй план: чистый и бодрящий воздух, дружная команда, живописные ландшафты и пейзажи с видами на высокие башни разной степени сохранности или даже их целые поселки затмевали все преодолеваемые трудности. Приезд Д.Ю. Чахкиева в Джейрах, ближе к концу нашей практики, ознаменовался целой серией увлекательных и познавательных экскурсий, в основном, к тем самым башенным поселкам, которые мы каждый день видели в отдалении от школы. Благодаря Д.Ю. Чахкиеву мы в первый раз оказались среди развалин почти полностью разрушенного в XIX веке башенного поселка Эбин, часами пробираясь по узким и хорошо просматриваемым улочкам этого поселка. С вождением пробовали ломать зубы от холода воду из родника, до сих пор берущего свое начало прямо изнутри одной из башен в сел. Бейни. На всю оставшуюся жизнь запомнились и «путешествия» по улочкам великолепного, но совершенно безлюдного аула Эрзи с его многочисленными боевыми и жилыми башнями. Эта часть наших экскурсий совпадала с трассой активно ис-

пользовавшегося тогда 102-го всесоюзного туристского маршрута. По приставной лестнице поднимались внутрь отлично сохранившейся «башни Цуровых» (во всех таких башнях входной проем располагался с уровня 2-го этажа), находящейся и по сей день в одном из дворов современных потомков этой ингушской фамилии. Затем, сквозь узкие проемы в сохранившихся деревянных межэтажных перекрытиях, добирались до самого верха башни, по пути заглядывая в узкие бойницы для огнестрельного оружия и через своды оконных проемов вглядываясь в окружающие ландшафты, живо представляя себе все преимущества обороны из такой башни. Навсегда запомнились и те ощущения, которые возникают при посещении и т.н. «каменных мешков», устроенных в глухом (цокольном) первом этаже башни. Все это - под мерный и не прекращающийся рассказ Джабраила Юрьевича, по памяти пересказывавшего старинную легенду, повествующую о том, что такие башни строили ровно 365 дней в году. Как строители использовали тяговую силу быков, размеренно везших на себе уже обработанные каменные блоки, доставляя их от места добычи камней и до места строительства.

Особенно запомнилось самое первое посещение т.н. «города мертвых» - склепового могильника, состоявшего из нескольких десятков возвышавшихся рядом с башенными поселками Фалхан погребальных сооружений. Осторожно, с нескрываемой опаской, переплетающейся с любопытством, заглядывая через небольшой дверной проем вовнутрь, видели груды перемешанных, нередко разграбленных еще в древности, коллективных захоронений. Они в специфических условиях высокогорья высохли и, практически, мумифицировались, с остатками одежды, целыми и разломанными предметами погребального инвентаря. И на этом фоне – тихое объяснение Джабраилом Юрьевичем ситуации строками из Ф.Шиллера: «Несмотря на то, что классик эти строки посвящал рассказу о погребениях индейцев, тем не менее, ситуация достаточно близкая, и, может быть, аналогичная по смыслу». Прочитанные им далее строки, что называется, врезались в память:

«Сложим здесь у изголовья, -
 Путь его далек-
 Мы топор, облитый кровью,
 И медвежий бок.
 Острый нож положим с краю,
 Он сверкал не раз,
 С головы врага сдирая
 Скальп в возмездья час.
 Горстку краски в руку вложим,
 С нею погребен.
 Пусть предстанет краснокожим
 В мире духов он ...».

Тогда мы еще не понимали очевидного факта – подобные «погружения в эпоху» - навсегда. Приведу еще один эпизод.

В 1983 году, после прочтения спецкурса в ЧИГУ им. Л.Н. Толстого, здесь, в Джейрахе, оказался проф. МГУ Г.А. Федоров-Давыдов. Как рассказывают очевидцы (я в тот момент уже проходил срочную службу в рядах СА), Г.А. Федоров-Давыдов, осмотрев те же самые достопримечательности Джейраховского ущелья, долго стоял на краю обрыва, напротив развалин того самого аула Эбин, молча вглядываясь в открывавшуюся панораму. А затем,

резко повернувшись к окружающим, сказал: «Теперь я точно понимаю то, почему Л.Н. Толстой или М.Ю. Лермонтов так воспевали Кавказ. Наверное, если бы я родился в этих местах, я бы тоже, скорее всего, стал бы писателем или поэтом».

Именно тогда, в уже далеком 1979 году, уже после окончания учебной практики, вместе с несколькими моими однокурсниками, я получил приглашение от Д.Ю. Чахкиева участвовать в его археологическом отряде. Отряд этот специализировался в большей степени не на археологических раскопках, а в систематическом обследовании высокогорных архитектурно-археологических памятников с последующей постановкой их на государственный учет и охрану. Следует заметить, что в то время Д.Ю. Чахкиев, как и большинство молодых археологов республики, вплоть до перехода в ЧИНИИЯЛ, не имел возможности работать в качестве археолога – все немногочисленные «места» археологов – в университете, музее и республиканском обществе охраны памятников – были заняты. Большинство молодых специалистов-археологов, в т.ч. и практиковавших, после окончания вуза работали в школах. Д.Ю. Чахкиев нашел работу в качестве референта республиканского общества «Знание»; имея месячный профсоюзный отпуск, использовал его для обследования высокогорья Чечни и Ингушетии (Фото 1).

Его небольшой отряд, на содержание которого уходили все его отпускные, в зависимости от задач, состоял из 4-6 человек. Палатка, тяжелые рюкзаки, костер, отсутствие дорог, узкие тропы в совершенно безлюдных районах Чечни и Ингушетии только со стороны казалась «романтикой». Вместе с И. Щербаковым мы оказались «долгожителями» его отряда. Джабраил, или, как мы его называли, Жора, в горах раскопки проводил только в тех случаях, когда археологическому объекту грозила какая-то опасность, например, обрушение. Тем не менее, среди таких, исследованных им, позднесредневековых склепов и мавзолеев, оказалось и несколько объектов, воспетых в устном народном творчестве и, что крайне редко удается, сведения героического эпоса получили археологические подтверждения.

Участник десятков научных конференций различного статуса – от студенческо-аспирантских, до всесоюзных, всероссийских и международных, автор нескольких десятков научных статей и публикаций, автор и автор-составитель нескольких монографий и альбомов (8); целый ряд его статей увидел свет в академических изданиях не только нашей страны, но и соседних стран ближнего зарубежья (Грузия, Азербайджан, Армения). Свою кандидатскую диссертацию Д.Ю. Чахкиев посвятил изучению военного искусства позднесредневековых чеченцев и ингушей (9). Многие из его работ, включая и монографии, давно получили позитивную оценку у специалистов и коллег (10).

Да, как будто все было только вчера: переходы вброд горных речек или переправа через них по старым-старым висячим мостам, непроходимые заросли крапивы, беспощадно «жалившие» лицо и руки; вынужденные проходы по осыпям. А сколько было экспедиционных розыгрышей и откровенных казусов? Среди них, например, был один из многодневных переходов по высокогорью Чечни, который, помнится, пытались мы осуществить, целиком опираясь на генштабовскую карту XIX в. Ее Джабраил Юрьевич с большим трудом откопировал (ксероксов в то время еще мы не знали). Предвкушая предстоявшую работу, заранее проложили по карте наиболее оптимальный маршрут, тем более, что на той карте была отмечена достаточно удобная дорога. Она действительно нашлась: ровная, полого поднимающаяся в гору, рассчитанная, скорее всего, даже на всадника, продолжала нас радовать ровно три дня. На четвертый день, вместо ожидаемого невысокого перевала, как следовало из карты, за поворотом перед нами открылась глубокая пропасть, на дне кото-

рой клокотала речка. Вариантов обхода каньона не было. Пришлось нам еще три или четыре дня возвращаться назад. Джабраил всю обратную дорогу молчал, что-то обдумывал. Наконец, когда мы уже вышли к намеченной цели через обход, многозначительно обвел всех взглядом и заключил: «Нам просто не повезло. Наверное, эта карта была подготовлена специально для английских шпионов». Мы вынуждены были согласиться с предположением, затем добавили «Вот и доверяй после этого архивным картам!»...

Листая старые фотографии экспедиционной поры, а их сохранилось не так уж и мало, наткнулся и на групповой снимок, сделанный в высокогорье Чечни. В тот раз мы вышли на каменную стелу, в последний раз осмотренную и описанную в литературе еще в конце 1920 годов (Бруно Плечке). Разбив поблизости лагерь, начали осторожно счищать с верхней части заостренного верха стелы наросший мох, чтобы «открылся» геометрический орнамент на лицевой стороне этого памятника (под фотографию). Учитывая высоту памятника (под 3 м), пришлось по очереди подставлять свои плечи, на которые взгромоздился кто-либо из соотрядников и, не торопясь, счищал эту растительность с внешней поверхности камня. Когда очередь дошла до Джабраила Юрьевича, и на его плечи влез кто-то из ребят, И. Щербаков запечатлел эту картину на фото, тут же придумали мы и ее название: «на шее у начальника!», такой вот юмор бытовал в экспедиции. Идея понравилась всем, хотя начальник нашего отряда отнесся к ней как-то нейтрально. Наутро же, по инициативе Д.Ю. Чахкиева, «из-за вчерашнего слабого освещения, надо перефотографировать стелу», все вернулись к ней. На этот раз Джабраил сам вскарабкался на уже мои плечи, долго что-то там счищал и «сдувал пылинки», никак не среагировав на новую попытку И. Щербакова «запечатлеть» и эту сцену. Вернувшись уже домой после экспедиции, естественно, забыв про шутки с фотографиями на фоне стелы, мы были немного удивлены тем, что Джабраил, заранее распечатавший для каждого из нас по фотографии, пояснил: фото «на шее у начальника» я сделал всего в одном экземпляре для себя, дескать, на память. А вам, тоже на память ее второй вариант. Но этой фотографии я название не придумал». Зато это сделали мы, причем, единогласно, назвав фотографию: «Под тяжестью авторитета» (Фото 2).

Вспоминать можно долго и многое, причем разное – экспедиции других лет, первые и последующие, но обязательно совместные научные публикации, поездки и выступления на конференциях в Махачкале, Майкопе, Краснодаре, Ростов-на-Дону, в Москве, Тбилиси и т.д. Но в них, лично для меня, своего рода «красной нитью» проходит одно – осознание той безграничной благодарности Джабраилу за то, что он, причем в самом прямом смысле, подарил ощущение той неповторимой красоты и исторического богатства, которыми обладают высокогорные части Чечни и Ингушетии. Именно он «заразил» и интересом к истории военного дела средневекового населения не только горцев региона, но и кочевых обитателей Северного Кавказа: во многом ему обязан, причем, не только я, и интересом к материальной культуре населения высокогорья. Мало кто вспоминает, например, о тех коллекциях позднесредневековой одежды из раскопок в высокогорной зоне попали в краеведческий музей Грозного (тогда – столицы Чечено-Ингушетии) и, отреставрированные, предстали перед исследователями в виде прекрасных образцов, к тому же, ставших и основой для кандидатской диссертации Б.Б.-А. Абдулвахабовой по «Одежде вайнахов».

Ощущение безграничной благодарности Д.Ю. Чахкиеву не проходит и вряд ли пройдет когда-нибудь. В этом наглядно убедила меня и последняя поездка в Ингушетию, где в 2010 году, в сел. Армхи, впервые в истории Ингушетии прошли очередные, международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа, ставшие XXVI-ми по счету. Здесь я не был почти два десятка лет, но, столкнувшись с теми масштабными и позитив-

ными изменениями, происшедшими в районе сел. Армхи, Ольгеты и в других уголках высокогорья, я чувствовал себя отсутствующим здесь как будто всего лишь короткое время. И как вновь не вспомнить, уже в какой раз, слова В. Высоцкого о том. «что лучше гор могут быть только горы...» с их неописуемыми красотами и разновременными историческими и архитектурными объектами, и людьми, бережно сохраняющими их.

К сожалению, все это, увы, уже воспоминания о прошедшем времени, и все это не только поймет, но и прочувствует только тот, кто хотя бы раз оказывался в тех горах. И совсем не важно, будешь ли ты в тесной палатке у костра или под низким, открытым августовским небом с непрекращающимся звездопадом, сопровождающимся тихим гулом находящейся где-то рядом горной реки, периодически, с гулким грохотом сталкивающей в воде между собой валуны. Это горы, с прохладой ночей, утренней дымкой и дневной жарой. А кругом душистые луга, непроходимые леса, устремленные ввысь боевые и более приземистые жилые башни у подножия которых петляет единственная в этих местах пешеходная тропа и недавно проложенная автодорога с близко расположенными террасами, вместе с стоящими на отшибе целыми «городками мертвых» (склеповых могильников) и иными следами былой, многовековой, или даже, многотысячелетней, перманентной жизнедеятельности тысяч поколений человека. Такое не забывается. И еще раз спасибо тебе, Джабраил Юрьевич, за приобщение ко всему этому в том далеком и таком близком 1979 году. Еще раз, хотя и уже с прошедшим юбилеем, здоровья и долгих-долгих лет, творческого вдохновения и успехов, и жизненных сил!

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Нарожный Е.И.* Историк, археолог и этнограф Д.Ю. Чахкиев (к 60-летию юбилею ученого) // Тезисы докладов международной конференции «VI научные чтения памяти Усейна Боданинского» (Бахчисарай, 26 сентября 2015 г.). Бахчисарай. 2015. С.29.
2. *Виноградов В.Б.* Время, горы, люди. Книга очерков и краеведческих репортажей. Грозный. 1980. С. 146-147 и сл.
3. *Мамаев Х.М. Л.П. Семенов* и проблема интерпретации каменных ящиков Джейраховского ущелья (горная Ингушетия) // Научное наследие Л.П. Семенов и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. – Орджоникидзе. 1988. С. 142-146.
4. *Бараниченко Н.Н.* Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный 1983. С.9-19.
5. *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Назрань.2003. С.25
6. *Чахкиев Д.Ю.* Древности. Указ. раб. С. 25; *Гадиев У.* Раннесредневековые погребальные памятники горной Ингушетии и вопросы их изучения // Вестник археологического центра. Вып.3. Назрань.2009. С.112-127; *Гадиев У.* Раннесредневековые катакомбные могильники горной Ингушетии. Гоустский могильник // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы всероссийской конференции с международным участием (24-26 июня 2010 г.). Карачаевск. 2010. С.82-87; *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е.* Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII-XIV вв. (Горная Ингушетия) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик. 2006. С.142-143. То же см. *Нарожный Е.И., Нарожный В.Е.* Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII-XIV вв. (Горная Ингушетия) (XXIV «Крупновские чтения». Нальчик, 2006.)

// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971-2006 гг. М. Памятники исторической мысли. 2008. С. 942.; *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении ингушей // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик. 2006. С. 53-55. То же см. *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении ингушей // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971-2006 гг. М. Памятники исторической мысли. 2008.; *Нарожный В.Е.* Население Горно-Ассинской котловины в XIII-XV веках. Автореф. дис. ...к.и.н. 07.00.02- Отечественная история.- Владикавказ. 2014.

7. *Чахкиев Д.Ю.* Военское погребение золотоордынского времени Паметского некрополя горной Ингушетии // Археология и этнография Северного Кавказа. Сборник научных трудов к 90-летию проф. Л.И. Лаврова. - Краснодар. 1998. С. 92-104; *Чахкиев Д.Ю.* Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новые в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик. 1998.

8. Древности горной Ингушетии Т.1 / Автор-составитель Д.Ю. Чахкиев. Назрань. 2003.; *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т.2. Нальчик. 2009; Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии» / Составители – М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев. Автор текста -- В.И. Марковин. - М. «Русская книга». 1994 и др.

9. *Чахкиев Д.Ю.* Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов XIII-XVIII вв. (Археолого-этнографическое исследование). Автореф. дис. М. МГУ. 1982.

10. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* [Рецензия]. Первый том «Материалов к археологической карте Ингушетии» - Древности горной Ингушетии. Т. 1. Автор-составитель – Д.Ю. Чахкиев. Назрань. 2003. 144 с. + 10 иллюстраций // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир. 2004. С. 369-375; *Нарожный В.Е.* Второй том «Древностей горной Ингушетии»: (Д.Ю. Чахкиев. Древности горной Ингушетии. Т.2. Нальчик. 2009. 100 с.) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар. 2011. № 2. С100.

Фото 1. У подножия скалистого хребта Цей-Лоам, Ассинская котловина горной Ингушетии. 1982 год. (Слева направо – Д.Ю. Чахкиев и Е.И. Нарожный).

Фото 2. «Под тяжестью авторитета». Фото у стелы при подготовке ее к фотографированию. (Горная Чечня). 1980-е годы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Афанасьев Геннадий Евгеньевич - профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН (г. Москва).

Бурков Сергей Борисович - старший научный сотрудник отдела систематизации археологических материалов ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А» (г. Владикавказ).

Вальчак Сергей Борисович - кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (г. Москва).

Гадиев Умалат Бесланович - заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, заместитель директора ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» (г. Назрань).

Гандаур-Эги Магомет Хасанович – старший научный сотрудник отдела научных и лабораторных исследований ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» (г. Назрань).

Дзаурова Танзила Абдул-Хамидовна - научный сотрудник Ингушского государственного музея-краеведения им. Т. Мальсагова (г. Назрань).

Дозариев Алихан Салманович – заведующий отделом мониторинга ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» (г. Назрань).

Кодзоев Нурдин Даутович - заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, заведующий отделом древней истории Ингушетии ГБУ «Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева» (г. Магас).

Малашев Владимир Юрьевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (г. Москва).

Мамиллов Руслан Магометович - сотрудник отдела мониторинга ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» (г. Назрань).

Мацковский Владимир Владимирович - кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела гляциологии Института географии РАН (г. Москва).

Нарожный Евгений Иванович - доктор исторических наук. Заслуженный работник культуры Кубани. Главный специалист, заместитель начальника отдела археологии и заведующий сектором системного изучения историко-археологических древностей Северного Кавказа ОАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар).

Шаушев Кыдырали Байрамгазыевич - научный сотрудник ООО «НПЦ Туризма и краеведения» (г. Махачкала).

Фризен Сергей Юрьевич - кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

Г.Е. Афанасьев. О территории хазарского каганата и хазарского «Домена» в IX веке	3
С.Б. Бурков. Погребальный комплекс эпохи бронзы из зоны строительства I очереди столицы Республики Ингушетия г. Магас	32
У.Б. Гадиев, В.В. Мацковский. Дендрохронологические исследования в Ингушетии в 2014 г.	52
У.Б. Гадиев. О датировке таргимского храма.....	92
У.Б. Гадиев. Петроглифы башен Цори.....	96
У.Б. Гадиев, А.С. Дозариев, Р.М. Мамплов. Архитектурный ансамбль Мешт – памятник предгорной зоны Ингушетии	98
М.Х. Гандаур-Эги. Кинда Шоа из ОвлартIе. Отражение этногенетических преданий и нартских сказаний в топонимии и в древнейших памятниках материальной культуры ингушей.....	105
Т.А-Х. Дзаурова. Использование охристой краски в быту и погребальных обрядах у ингушей. Символическое значение охры	180
Т.А-Х. Дзаурова. Об одном типе графических рисунков, встречающихся в склепах-святилищах горной Ингушетии	198
А.С. Дозариев, Р.М. Мамплов. О некоторых памятниках декоративно-графического искусства ингушей.....	207
В.Ю. Малашев, У.Б. Гадиев, С.Б. Вальчак, С.Ю. Фризен, К.Б. Шаушев. Исследования могильника «Экажевские 1-е Курганы»	222
Н.Д. Кодзоев. К вопросу о происхождении общества терлой	234
Н.Д. Кодзоев. Башенное поселение-замок Исмаилово (Исмейла-цIенге).....	240
Е.И. Нарожный. Историк, археолог и этнограф Д.Ю. Чакхийев (в связи с 60-летним юбилеем ученого)	244
Сведения об авторах	252

Научное издание

Редактор
ГАДИЕВ Умалат Бесланович

ВЕСТНИК Археологического центра

Выпуск VI

Технический корректор
Гадиев У.Б.

Компьютерная верстка
Кодзоев М.Я.

Сдано в набор 10.08.2018 г.
Подписано в печать 30.08.2018 г.
Формат 30x42/2. Бумага офсетная – 80 г/м².
Гарнитура «Times». Печать ризографическая
Физ. печ. л. 31,75. Усл.- печ. л. 15,9.
Тираж – 500 экз.

Издательство ООО «КЕП»
386120, Республика Ингушетия, Назрановский район,
с. Кангышево, ул. Джабагпева, д. 97

Отпечатано в типографии ООО «КЕП»
386102, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Чеченская, 5.
E-mail: pilgrim-K@list.ru